Дениза Робинс

Запретная любовь

Запретная любовь. Колечко с бирюзой

Дениза Робинс

Аннотация
Дениза Робинс. Запретная любовь
ЗАПРЕТНАЯ ЛЮБОВЬ. РОМАН
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
1
2
3
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13

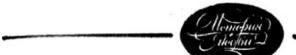
14
15
16
ДНЕВНИК КРИСТИНЫ. 17
18
КОЛЕЧКО С БИРЮЗОЙ. РОМАН
ГЛАВА 1
ГЛАВА 2
ГЛАВА 3
ГЛАВА 4
ГЛАВА 5
ГЛАВА 6
ГЛАВА 7
ГЛАВА 8
ГЛАВА 9
ГЛАВА 10
ГЛАВА 11
ГЛАВА 12
ГЛАВА 13
ГЛАВА 14
ГЛАВА 15
ГЛАВА 16

Аннотация

Главная героиня романа «Запретная любовь» юная Кристи, полная романтических идеалов, выходит замуж за молодого Чарльза Аллена и чувствует себя на вершине блаженства. Однако проходит медовый месяц, и Кристи начинает понимать, что Чарльз — далеко не тот мужчина, о котором она мечтала. Кристи жаждет настоящей любви, но мимолетные увлечения несут горечь и разочарование. И когда, казалось, улетучилась последняя надежда, Кристи встречает мужчину своей мечты.

В книгу английской писательницы Денизы Робинс вошел также роман «Колечко с бирюзой».

Дениза Робинс
Запретная любовь



Дениза Робинс

ЗАПРЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

РОМАН

КОЛЕЧКО С БИРЮЗОЙ

РОМАН

КВЕСТ

ЗАПРЕТНАЯ ЛЮБОВЬ
РОМАН

Моему мужу

О роза, ты больна!
Ведь червячок незримый,
Летающий в ночи,
Для бурь неуязвимый,
Сумел тебя найти,
Нектар пурпурный пьет…
Своею темною и тайною любовью
Он медленно тебя убьет…

Уильям Блейк. «Больная роза»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Чарльз вел «ягуар» с привычной легкостью. Его широкие плечи были стянуты привязными ремнями. Рядом с ним сидел Джеймс, маленькая копия отца. Кристина знала: глаза его прикованы к спидометру. Она почувствовала, как начинают потеть ладони. Ее взор тоже невольно обратился к приборной доске, и сознание зафиксировало медленное движение иглы вверх: семьдесят, восемьдесят, девяносто.

— Чарльз, ну *пожалуйста!*

Девятилетний сын резко обернулся к ней и сердито сказал презрительным тоном:

— Девяносто — это совсем не быстро. Отец Беннетта на своем «астон-мартине» разгоняется до ста двадцати. — Он снова повернулся к отцу. — Давай, папа! Путь совершенно свободен.

Дилли, маленькая дочка Кристины, сидевшая рядом с ней, встревожилась. Не то чтобы она боялась, но, слыша, каким тоном говорила с отцом мать, уловила в ее голосе страх.

Мысленно Кристина приказала себе: «Не смотри! Если закрыть глаза, не чувствуешь, с какой скоростью едешь. Чарльз — хороший водитель.

Нечего паниковать...»

Но страх не покидал ее. Как бы хорошо Чарльз ни управлял машиной, на дороге всегда мог появиться автомобиль, водитель которого окажется менее искусным. Разве Чарльз не помнит о несчастном случае в прошлом году? Произошло это не по его вине. Кристина отделалась ушибами и порезами, но перенесенный шок не прошел бесследно: она начала страдать от внезапных приступов головной боли, частенько мучилась бессонницей.

— Чарльз, прошу тебя, не гони!

Он по-прежнему ничего не ответил и не сбавил скорости. Игла спидометра подбиралась к стомильной отметке. Лицо Джеймса пылало от восторга и возбуждения.

— Чарльз! — На этот раз в голосе Кристины слышалась откровенная паника, скрыть которую она была не в силах.

— Бога ради, Крис, ты мешаешь мне сосредоточиться, то и дело бормоча за моей спиной. Будешь продолжать в том же духе — скоро и Дилли с Джеймсом превратятся в комок нервов.

— Я боюсь, — сказала Дилли. Ее руки ухватились за край водительского кресла.

— Не глупи! Девчонки — просто зануды! Верно,

папа? — спросил Джеймс.

Чарльз рассмеялся и еще сильнее нажал на газ. Они находились почти в самом конце двухрядной дороги. Кристина хорошо знала этот путь. Примерно через полмили будет опасный поворот, и каким-то внутренним чутьем она предвидела: из-за поворота появится грузовик. Чувствовала она и то, что они с ним столкнутся.

— Ах нет, Чарльз, пожалуйста, прекрати! Не надо, не надо, не надо!..

Она уже не просто говорила, она кричала, но из горла не вырывалось ни звука. Стрелка спидометра достигла цифры сто десять. Когда она коснется ста двадцати, они увидят грузовик. Машина приближалась к повороту. Чарльз и не думал сбавлять скорость. И вот он — грузовик! Кристина закрыла лицо руками. Оглушительно ударили звуки клаксона.

Она открыла глаза. Кругом было темно. Сигналы время от времени еще слышались, но как будто где-то вдали. Она поняла, что заснула и во сне пережила старый кошмар. Испытанный тогда ужас все еще не оставил ее, и Кристина заметила, что у нее дрожат руки. Тело покрылось испариной. Прошло несколько минут, прежде чем она нашла в себе силы встать с постели и

сменить ночную рубашку. Вернувшись в постель и откинувшись на подушки, она все еще продолжала дрожать, совершенно обессиленная.

Со всем этим покончено.

Больше не будет ужасающих поездок с Чарльзом, Джеймс не станет дразнить ее за слабонервность. Все это теперь в прошлом, как в прошлом и ее замужество. Бракоразводный процесс назначен на тридцать первое июля — последний день перед роспуском суда на каникулы.

Вздохнув, Кристина потянулась за сигаретой, чиркнула спичкой. Понемногу она начала успокаиваться.

Вчера вечером, когда Джордж Вулхэм, ее друг и юрисконсульт, назвал по телефону дату, она упала духом. На какое-то время Кристина потеряла контроль над собой, со всей ясностью осознав, *что* именно она делает. Ведь она разрушает семью, оставляет мужа и детей.

Тридцать первое июля — день рождения Чарльза.

— Джордж, ну неужели судебное разбирательство должно обязательно состояться именно в этот день? — спросила она своего поверенного.

— Бога ради, Крис, на этой стадии уже поздно сентиментальничать. Вы ведь, я думаю, не изме-

нили свое решение уйти от него?

— Нет! Простите, что я так глупо себя веду. Наверное, после одиннадцати лет совместной жизни трудно избавиться от старых привычек.

Но сейчас, после вновь пережитой в кошмарном сне автомобильной катастрофы, к ней вернулась уверенность в правильности совершаемого шага. Чарльз решительно не способен дать ей ничего — ни любви, ни дружбы, ни понимания. Когда-то она была веселой молодой женщиной, относившейся к жизни спокойно и разумно. Теперь же стала невропаткой — прямотаки клубком всевозможных комплексов. Она чувствовала себя чуть ли не душевнобольной. К такому состоянию привело Кристину замужество, и чем скорее она с ним покончит и начнет новую жизнь, тем лучше.

Насколько более легким был бы этот период ожидания, если бы она могла уже сейчас переехать к Филиппу. Ее нынешнее уединенное существование было тяжелым испытанием после жизни, всегда полной дел и забот, к которой она привыкла у себя дома. Сколько энергии приходилось тратить на одни только приемы гостей Чарльза, на уход за детьми! Здесь, в этой квартире, у нее слишком много времени для раз-

мышлений. Когда человек на распутье, копание в собственной душе становится опасным.

Ах, если бы она могла решиться поднять телефонную трубку и набрать номер Фила! Но ее маленькие часы в синем кожаном футляре показывали четыре утра. Фил находился на поздней репетиции одной из своих пьес для телевидения. Вряд ли в столь неурочный час он будет рад услышать ее голос и истерический рассказ о страшном сне. А кроме того, ей, похоже, и поведать нечего, разве что повторить извечные бессмысленные женские заклинания: «Я люблю тебя, ты мне нужен, мне просто хотелось услышать твой голос».

Она достала из флакончика таблетку снотворного и снова улеглась в ожидании, когда подействует лекарство. Только сон мог избавить ее на время от тяжких дум и воспоминаний, которые и так отняли у нее столько сил.

Долгие недели Кристина колебалась, разрываясь между долгом и острым желанием всего того, что мог дать ей Филипп. Быть может, прояви Чарльз или дети подлинный интерес к ней, у нее никогда не хватило бы мужества оставить их. Видит бог, она стойко противилась искушению. Быть может, сама судьба устроила их встречу в такой психологический момент, когда она

оказалась на грани нервного срыва и отчетливо поняла: ни одного дня в роли жены Чарльза Аллена она больше не выдержит.

Крис увидела Филиппа на вечеринке у своей приятельницы Фрэнсис Графтон. Фрэн была права, предрекая, что они с Филом сразу же почувствуют неодолимое влечение друг к другу. Филипп был писателем, человеком романтического склада, настоящим художником и даже немного актером. Полная противоположность Чарльзу! Фрэн могла предугадать, что между ними вспыхнет огонь страсти, который разгорится в бурный роман.

Такая раздельная жизнь — Филипп жил в своей лондонской квартире, она — в маленькой квартирке, которую снимала у одной из приятельниц Фрэн, — была крайне тягостной для обоих. Но Чарльз выставил условие: либо она будет жить одна, пока не выйдет замуж за Филиппа, либо он не позволит ей видеться с детьми.

Она вынуждена была подчиниться требованию Чарльза и даже признать его справедливым и обоснованным. Кристина понимала, что такое дети. Вряд ли можно объяснить десятилетнему мальчику и восьмилетней девочке, что их мама, видите ли, живет со своим любовником, в то вре-

мя как папа остался дома совсем один. Слишком сложная ситуация! Кристине хотелось бы думать, что Чарльз попросту мстит, стремясь отдалить ее от любовника. Наверное, было бы легче, если бы она смогла возненавидеть Чарльза.

Но, пожалуй, по-настоящему она ненавидела его лишь один раз: во время поездки в Брайтон — той самой, которую только что вновь пережила во сне. Вообще-то, Чарльз никогда не был сознательно жесток. В глазах большинства он наверняка выглядел прекрасным мужем и преданным отцом. Он и в самом деле был предан своему сыну. Забавно, что Крис даже в мыслях всегда называла Джеймса сыном Чарльза. Дело в том, что они были до невероятного похожи друг на друга — оба самодовольные, свободные от всяких эмоций, никак не зависящие от нее. Оба страшно упрямые и начисто лишенные чувства юмора.

Она сознавала: в тот день, когда они обсуждали предстоящий развод, Чарльз был прав, заявив, что Джеймс предпочтет жить с ним. Мальчик обожал отца. Что касается ее маленькой дочки, Дилли, Кристина считала несправедливым разлучить ее с отцом, братом и родным домом. Дети проводили восемь месяцев в году в школе-интернате.

Чарльз согласился с тем, что часть школьных каникул они должны жить у нее. Дилли не была сентиментальным ребенком, и в сложившейся ситуации это было очень кстати. Она никогда не цеплялась за мать, как некоторые дети. Похоже, что и Джеймс, и Дилли унаследовали от Чарльза дух независимости. Они чувствовали себя абсолютно счастливыми и благополучными в своих школах.

Конечно, уйдя от них, Крис словно отрывала кусочек от собственного сердца. Но когда она станет женой Филиппа, у детей не будет уютного нормального дома, куда они могли бы возвращаться из школы. Лондонская квартира Фила могла служить в лучшем случае временным пристанищем. Он так часто бывал в отъезде, месяцами работая над своими сценариями где-нибудь в Европе или в Америке. Вот и сейчас у него крупный контракт с влиятельной компанией в Риме. В ближайшем будущем предстоит поездка в Голливуд. Крис спрашивала себя: есть ли какое-нибудь место для двух маленьких детей в той новой жизни, которую она будет делить с Филиппом? Ответ был очевиден: нет.

Эта мысль испугала ее. Пусть Джеймс и Дилли в ней не нуждаются, но все-таки они ее дети, часть

ее самой, и она не могла полностью отрицать, что сама нуждается в них. Фил, тот вообще не питал особой любви к детям. Они его попросту не интересовали, хотя, когда ему приходилось иметь с ними дело, он относился к ребятишкам доброжелательно. Фил был из тех мужчин, которые готовы похлопать ребенка по плечу, подарить ему монетку и тут же забыть о его присутствии. Правда, он уверял Крис, что к ее детям будет относиться иначе. Внезапно она подумала: интересно, а понравится ли Фил Джеймсу и Дилли? До сих пор они еще не встречались, и она знала, что будет сильно нервничать, когда придет час первого знакомства. Они были по натуре истинными детьми Чарльза — очень критически относились к людям и нелегко шли на сближение. Если Филипп им не понравится, они могут быть просто беспощадными. Если они станут держаться натянуто и неприветливо, ему, естественно, это не понравится.

Признаться, когда Крис окончательно решила оставить Чарльза, будущее представлялось ей вполне устроенным и казалось куда менее сложным, нежели это получилось в действительности.

Она уверила себя, что будет счастлива с Фи-

липпом. Он замечательный любовник. Острое влечение к нему и пылкость реакции на его ласки иногда даже вызывали у нее некоторое смущение. И вот теперь она вдруг теряет уверенность в себе. А что, если дети осудят ее за то, что она оставила их отца? Они, конечно, не поймут, что жить с ним она не может. Да и как они могут это понять? Что знают малыши о такой вещи, как брак? Они-то замечательно ладят с отцом. Да и какой ребенок способен проявить терпимость в отношении своих родителей, признать за ними право на какие-то особые пристрастия и антипатии? Они считали само собой разумеющимся, что отец и мать должны друг другу нравиться и жить вместе. Чарльз в их глазах был героем. К сожалению, они уже прониклись некоторым предубеждением по отношению к матери. Об этом позаботилась Уинифрид, мачеха Чарльза. Она ненавидела Кристину и всегда баловала детей, в какой-то степени передавая им собственное презрительное и осуждающее мнение о Кристине.

Надо сказать, Уинифрид была отчасти виновна в крушении их брака с Чарльзом. В этом Кристина не сомневалась. Всякий раз, когда она вспоминала о ней, в памяти возникал какой-нибудь из

самых неприятных моментов их прошлой жизни. В будущем Уинифрид способна самым беззастенчивым образом настроить детей против нее. Так она может попытаться отомстить Кристине за обиду, причиненную ею Чарльзу. Уинифрид всегда горячо любила Чарльза, словно он был ее родным сыном.

«Но я не причинила ему никакой боли, — в отчаянии думала Крис. — Ведь уязвлена всего лишь его гордость. Будь он способен испытывать душевную боль или обиду, я бы от него не ушла. Если какой-либо муж и заслуживает того, чтобы его оставила жена, то это именно Чарльз».

Сколько раз Кристина пыталась наладить с ним отношения и заставить понять ее. Надеялась, что Чарльз заметит: она уже теряла терпение. Однако муж был либо слишком слеп, либо слишком безразличен, чтобы пойти навстречу. Джордж Вулхэм прав — глупо впадать в сентиментальность и испытывать угрызения совести из-за человека, не проявлявшего к ней ни малейшего интереса. Чарльз отверг не только ее тело, но и душу. Она неизбежно оставила бы его. Правда, конец мог наступить не так скоро, если бы не Филипп. Она глубоко благодарна судьбе за то, что именно в тот момент Филипп вошел в ее

жизнь. Он избавил ее от страданий, которые уже давным-давно были не столько физическими, сколько духовными.

Как долго, живя с Чарльзом, Кристина вынуждена была подавлять свои вполне естественные инстинкты — тягу к теплу, любви. Кристина потеряла всякую надежду когда-нибудь стать женой человека, которому она требовалась не только в кухне или восседающей в качестве хозяйки за обеденным столом, но и в постели. Да, такова была суровая правда. Ей хотелось принадлежать мужчине, который желал бы ее, Кристину. А так — что же? Чарльз отстранялся и заявлял, что эти вещи хороши для медового месяца или по какому-нибудь особому поводу, а затем не подходил к ней неделями, а то и месяцами. «И чего ради, — спрашивала она себя, — я наряжаюсь в новое платье, меняю прическу, выбираю новые духи?» Чарльз не раз заставлял ее даже сомневаться в том, действительно ли она женщина, хотя она и знала, что другие мужчины находят ее привлекательной. Чарльз хотел видеть в ней хозяйку дома, умеющую принять гостей, мать своих детей. И только… Фил был совершенно иным! С ним она ощущала себя настоящей женщиной! И дело тут не только в сексе. Для Кристины любовные утехи

в чисто сексуальном смысле большого значения не имели. Ей нужны были романтические чувства, нежность, все те нежные мелочи влюбленных, на которые иные мужчины смотрят как на трату времени. Так вот, Филипп давал ей все — и страсть, и нежность.

Испытывала ли она что-нибудь подобное к Чарльзу, когда впервые встретилась с ним? В то время Кристина была молода и романтична. Может, просто она не вовремя родилась и ей следовало бы жить в викторианскую эпоху, когда любящие покрывали любовную пилюлю такой толстой сахарной оболочкой, что теперь их называют лицемерами? Уж не обманывает ли она себя? Неужели весь этот хаос — прямое порождение секса, безобразного, эгоистичного и в конечном итоге неизбежно убивающего красоту, как червяк, забравшийся в бутон цветка?

А вдруг жизнь со вторым мужем закончится так же скверно, как и первое замужество?..

...Снотворное понемногу начало действовать. Дыхание ее стало более спокойным, страхи рассеялись. Но, погружаясь в сон. Кристина почувствовала, как по щекам скатились слезинки, и ощутила на губах их соленый вкус.

2

Кристине припомнилась ночь, когда они с Филиппом стали любовниками. Хоть ей было уже за тридцать, она чувствовала себя так, словно была юной новобрачной, девственницей, не тронутой и сберегшей себя — свое тело, ум и душу — для этого мужчины. Чарльза она стеснялась. С Филиппом напускная скромность была ни к чему — существовало лишь откровенное, честное желание. Он научил ее любви, показал, что физическая близость между мужчиной и женщиной может быть всепоглощающей, свободной от какого-либо стыда, причем ее страсть могла — и это естественно — быть столь же сильна, как и его. Нет необходимости что-то в себе подавлять, что-то с трудом сдерживать, обуздывая порывы, — как это всегда было с Чарльзом. Ночь любви с Филиппом совершенно не походила на те, что она когда-либо пережила с мужем. Все было словно впервые — незнакомо, ново, волнующе.

Когда они лежали, тесно прижавшись друг к другу, она призналась, что никогда раньше не изменяла мужу.

Губы Фила замерли на ее груди. Он уже гово-

рил, что у нее очаровательные маленькие груди, совсем как у молоденькой девушки: округлые и упругие. И только розовые соски потемнели после родов.

Его пальцы играли ее густыми каштановыми локонами. Филу нравились длинные волосы, и Кристина обещала никогда их не подстригать. Его прикосновения отозвались возбуждением во всем теле; она страстно притянула его к себе.

— Ты не жалеешь? — спросил он.

— Нет! Какие там сожаления! Ничего более восхитительного я в жизни не испытывала. Скажу больше: я люблю тебя, Фил!

— У меня, кажется, возникла одна мысль: я сильно в тебя влюблен.

Крис заглянула в его зеленые глаза. Она уже укоряла его за слишком длинные и темные ресницы — к чему такая роскошь мужчине? Волосы Фила, которые она ласково перебирала рукой, казались совсем темными. Какая у него бледная кожа — есть мужчины, кожа у которых после бритья приобретает синеватый оттенок. До чего же человеческие существа не похожи друг на друга, размышляла Кристина. Разумеется, сравнения неуместны, и все-таки она не могла не сравнивать это стройное крепкое тело — удивительно

моложавое для сорокалетнего мужчины, — с телом своего мужа. Чарльз был моложе Фила, но допустил, чтобы тело его стало дряблым. Если Фил был брюнетом, то Чарльз — ярко выраженным блондином. Его светлые голубые глаза не умели заглядывать в душу так глубоко и излучать столько чувства, как глаза Фила. Трудно поверить и в то, как по-разному могут вести себя двое мужчин в минуты физической близости. С тех пор как Чарльз в последний раз проявил хоть какой-то чувственный интерес к ней, прошло так много времени, что он превратился для нее скорее в брата, да и то не слишком любящего. Даже в самом начале их брака его страсть вспыхивала как-то мгновенно и столь же быстро угасала. С ним она никогда не испытала того, что с Филом: продолжительного возбуждения, сознательно затягиваемого вплоть до мига высшего удовлетворения; длительные лихорадочные исследовательские ласки; восторг и упоение телом партнера; сигареты, выкуриваемые в темноте, когда двое лежат рядом, шепча друг другу ласковые слова; сладкая истома, овладевающая телом, когда минуты наивысшего напряжения остались позади; вопросы друг другу сонным голосом:

— Для меня все было просто восхитительно. А

для тебя?

— А с кем-нибудь еще ты такое испытывал?

— Таким восхитительным никто никогда не был.

Филипп зажег свет. Он смотрел на нее не только с нескрываемым желанием любовника, но и с восхищением художника. Кристина прикрыла глаза рукой. Чарльз обычно выключал свет. Она иной раз спрашивала себя, знает ли муж, как она выглядит. К примеру, известно ли ему, что у нее родинка под левой грудью? Фил же не только сразу ее обнаружил и поцеловал, но и назвал одним из самых совершенных несовершенств, когда-либо созданных природой. Эта родинка, сказал он, подчеркивает кремовый оттенок ее кожи.

Она могла ради Чарльза хоть каждый вечер покрывать лаком ногти на ногах — он никогда на них даже не взглянул. Она убедилась, что ему просто не дано быть любовником. А Фил перецеловал каждый пальчик и сказал, что у нее очень красивые ноги. Он вновь вернул ей уверенность в себе, которую она потеряла за последние годы жизни с Чарльзом.

Когда она давала понять Чарльзу, что ей хотелось бы не ограничиваться одним актом любви за ночь, он обычно разражался смущенным смехом,

начинал ее поддразнивать или же заявлял, что чрезмерно предаваться любовным ласкам вредно для здоровья, или находил какой-нибудь другой предлог, чтобы уклониться. Пока она лежала рядом с ним, испытывая глубокое разочарование, он преспокойно спал. Кристина долгое время спрашивала себя: «Может, я слишком сексуальна?» Она даже пошла к доктору, но он объяснил, что для молодой женщины двадцати или тридцати с лишним лет, а в ряде случаев и для женщин постарше потребность в физической любви — совершенно естественна и ей не следует из-за этого огорчаться или воображать себя ненормальной.

Каким милым был тот доктор. В эту ночь, которую она проводила с Филом, Крис вспоминала его, хотя никогда больше к нему не обращалась. Он был сед, он вел себя как отец, но у него были глаза мужчины, который в свое время наверняка умел смотреть на женщину с нескрываемым желанием. Ворчливым голосом врач сказал: «Да ваш супруг просто глупец! Некоторые люди не сознают своего счастья. Вы такая прелесть! Разумеется, есть на свете мужчины, в половом отношении явно обделенные. Как профессионалу, мне доводилось с ними встречаться. Он бы мог пройти курс гормональной…»

Однако Кристина тут же перебила его, чувствуя, как всю ее охватил жар смущения и стыда: «Нет, благодарю вас. Во-первых, я никогда не стану просить его что-либо принимать, а кроме того, по-моему, это просто ужасно, если твой муж нуждается в каких-то возбуждающих средствах!»

Она припомнила, как симпатичный доктор сочувственно кивнул головой, говоря, что он все понимает, и что, возможно, у Чарльза это пройдет. Он много работает, а мужчинам свойственно в такие периоды уделять больше внимания делу, нежели женщинам. Потом он коснулся указательным пальцем ее щеки и, улыбаясь, спросил:

— Так мы все знаем про возбуждающие средства, а?

Он был настолько мил и доброжелателен, что она сочла возможным рассмеяться в ответ и объяснить, что узнала об этом от своего брата Джерими, который иной раз откровенно беседовал с ней о сексе. Они всегда были большими друзьями, а когда выросли, он стал поверять сестре свои тайны. Так, он рассказал об одной женщине, с которой познакомился вскоре после вступления в военно-воздушные силы, та была француженкой. Это она впервые просветила его относительно препаратов, которые можно при-

нимать для усиления потенции, и хотела, чтобы он воспользовался таким средством. Но, охваченный отвращением, Джерими ее выгнал. Брат был хорошим, непорочным юношей. Кристина также всегда ощущала себя чистой и порядочной женщиной, ни при каких обстоятельствах не способной проявить интерес к каким-то там пилюлям или извращениям.

Спать с таким мужчиной, как Филипп, было истинным блаженством. Он дарил безграничную страсть, ничем не омрачаемую, не вызывавшую у нее какой бы то ни было неловкости. В постели он был необыкновенно искусным партнером. «Это именно то, что требуется каждой женщине, — решила она, — мужчина, умеющий себя проявить не только за карточным столом или в офисе, но и в постели…»

В этот момент Филипп встал с кровати и закутался в шелковый халат. Они находились в его квартире. Спальня не отличалась роскошью. Она была незатейливо обставлена старомодной мебелью: высокий комод красного дерева, туалетный столик, стены окрашены зеленой краской, на окнах — льняные занавеси с коричневым цветочным узором по зеленому полю, на полу — коричневый ковер. Как он и предупреждал,

комната отнюдь не походила на роскошное любовное гнездышко. Зато, к счастью, здесь оказался двуспальный диван. Фил не любил узкие кровати и был немножко сибаритом, любившим отличные полотняные простыни, мягкие подушки и хорошо оборудованную ванну. Он пользовался после бритья прекрасным лосьоном, придававшим коже запах, который очень нравился Кристине. И само дыхание его было чистым. Это тоже одна из деталей, так огорчавших ее в Чарльзе. Выкурил ли он трубку, наелся ли за ужином лука — ему было совершенно все равно, и предполагалось, что для Крис это тоже не имеет значения. В отношениях между мужем и женой все должно быть естественно. Мужчина, употреблявший лосьон после бритья, носивший, как Фил, например, чуть более длинные волосы, чем принято, или умеющий хорошо танцевать, неизменно зачислялся Чарльзом в альфонсы.

Вглядываясь в ту ночь сонными глазами в лицо Филиппа, Кристина была уверена, что его-то уж никак нельзя назвать альфонсом. Просто это мужчина, наделенный восприимчивостью и художественным чутьем, отчего ему удавалось делать все красиво и ловко. Он, например, умел жить со вкусом, прекрасно разбирался в тонко-

стях гастрономии, знал толк в винах. Его хобби — коллекционирование картин. По натуре он, конечно, прежде всего художник, но регулярно играл в сквош — теннис с мягким резиновым мячом, плавал и старался поддерживать себя в хорошей физической форме. Он был даже несколько суетен в том, как не позволял себе толстеть и заботился о внешней привлекательности.

Это он-то может стать непривлекательным?! От волнения и переполнявшего ее чувства Кристина даже слегка вздрогнула. Для нее этот высокий стройный брюнет, что покуривает сейчас в сторонке сигарету и с улыбкой поглядывает на нее, на Кристину, привлекателен почти до боли. Уговорить ее провести ночь у него на квартире было не так просто, но теперь, когда она это сделала, Кристина поняла, что жизнь дома уже никогда не будет прежней. Ее браку с Чарльзом пришел конец.

— Беда в том, — сказал Филипп, — что для меня невыносима сама мысль о твоем возвращении к мужу. Я не в состоянии смириться с тем, что он может прикоснуться к тебе.

Ей вдруг стало зябко. Она прикрыла голые плечи простыней, хотя в комнате было тепло: электрический камин делал свое дело. Фил, слава

тебе господи, не кидался, как Чарльз, немедленно открывать все окна, впуская в комнату шквал холодного ветра и уверяя в том, что это полезно для здоровья.

— У тебя нет оснований для беспокойства, — ответила Кристина. — Мой брак только называется браком. Мы с Чарльзом уже два года спим отдельно. И хотя все еще пребываем в одной комнате, потому что он отказывается подчиниться моим просьбам уйти и оставить меня одну, в постель ко мне он теперь вряд ли пожалует. Я пыталась выпросить для себя отдельную комнату, но он говорит, что это будет равносильно преданию широкой огласке самого факта нашего отчуждения друг от друга. У него какое-то странное отношение к тому, что могут подумать о нем другие люди!

Филипп сел на край кровати и, глядя на нее, покачал головой:

— Я не понимаю этого человека. Просто не понимаю.

— Я и сама не понимаю.

— Он делает все, чтобы потерять тебя. Что с ним такое?

У нее пересохло в горле. Губы все еще болели от неистовых поцелуев Филиппа. Она провела

руками по волосам и заставила себя немного встряхнуться.

— Ох, до чего же пить хочется!

Он тут же отправился на кухню и спустя минуту вернулся с бокалами ледяного оранжа для нее и для себя. Усевшись снова на край дивана, он произнес:

— Расскажи мне все, детка.

Кристина заколебалась. Всякая нетерпимость претила ее натуре. Все то, что совершил Чарльз, все разочарования и неудачи, пережитые в браке, изменили ее, разрушили так свойственные ей откровенность и честность. Она хотела остаться верной Чарльзу — Бог тому свидетель! Крис никогда не хотела бы превратиться в одну из тех женщин, которые предлагают свое тело первому встреченному привлекательному мужчине, стоит только мужу отвернуться. То, что она когда-нибудь станет такой, казалось попросту немыслимым.

Крайне важно, чтобы Филипп понял характер отношений между Чарльзом и ею.

Ей хотелось, чтобы Фил поверил, что Чарльз хороший человек, порядочный и у него много положительных качеств. Он никогда не проявлял по отношению к ней скупости и порой, когда

возникало соответствующее настроение, мог быть добрым и весьма приятным товарищем, собеседником. Вся беда в том, что такое настроение бывало у него теперь редко — не хватало времени. Он всегда давал ей почувствовать, что она для него на втором месте.

— Я думаю, — сказала она, — некоторые жены становятся лишь вечно поддакивающими господину и повелителю рабынями, они ничего не требуют для себя и отдают всю свою любовь и внимание детям. После рождения Джеймса и Диллиан я и сама пыталась стать такой, но не смогла. Я по-другому устроена.

Филипп поднес к губам ее руку и поцеловал:

— Да, мое солнышко, по-другому.

Она подняла на него глаза, чувствуя, что краснеет:

— Это ужасно? Ты считаешь меня порочной?

— О боже, не будь же такой фантастически глупой! — вскричал он. — Никогда не встречал менее порочной женщины, а я их немало повидал на своем веку. Ты просто естественна. Самое чудесное из живущих на земле созданий! Во всем, от начала до конца, виноват твой муж. Видит Бог, я вполне сознаю, что как последний негодяй проделываю весьма грязную шутку — сплю с его

женой и все такое прочее. Но он сам во всем виноват. Если бы он обращался с тобой как следует, ты никогда бы не пришла вот так ко мне, я это понимаю. Не забудь, детка, что я писатель, а значит, разбираюсь в людях. Ты очень красивая молодая женщина, с волнующей внешностью. Поверь, ты взволновала бы любого мужчину, сидя вот так, как сейчас, в моей постели, с этими роскошными каштановыми волосами, ниспадающими на твои прохладные белые плечи. Ты возбуждаешь желание, но это не делает тебя порочной или скверной. Сегодня я понял, насколько ты наивна и невинна. Да, это просто поразительно, если учесть, что речь идет о женщине, которая уже одиннадцать лет замужем и родила двоих детей.

На глаза ее навернулись слезы. Она сказала:

— Спасибо тебе, Филипп. У меня на душе стало легче.

— Но это отсутствие потребности в женщине и поглощенность работой — к чему они приведут Чарльза? — спросил, нахмурившись, Филипп.

— Не знаю.

— А почему ты вообще вышла за него?

Она отложила в сторону сигарету и закрыла лицо руками:

— Не знаю.

Внезапно Кристина почувствовала себя потерянной и испуганной. Как же все это случилось? Она была уверена, что влюблена в Чарльза. У нынешнего поколения, без сомнения, больше опыта, чем было у нее в свое время. Ясно, что Чарльз был первым подходящим для роли мужа молодым человеком, и в тот день, когда они поженились, она и в самом деле находила его замечательным и верила, что будет счастлива с ним. Быть может, это она изменилась? Или все дело в Чарльзе? А может, они вообще никогда не любили друг друга по-настоящему?

— Не знаю, — беспомощно повторила она.

— Бедняжка ты моя, — сказал Филипп, загасив в пепельнице сигарету. Подойдя к окну, он распахнул его и глубоко вдохнул свежий ночной воздух — был уже конец весны, — затем закрыл окно, вернулся к Кристине и лег рядом. Вновь вспыхнувшее желание вытеснило из их сознания все мысли о Чарльзе.

Однако Кристину не могла удовлетворить такая вот ночь. Поначалу казалось, что ей хватает тайных дневных или вечерних свиданий с Филиппом у него на квартире. Но между встречами проходило так много времени, которое надо было как-то прожить! Она выполняла повседневные

обязанности словно в полусне; тело и руки были заняты привычными делами, но сознание было поглощено Филиппом и их страстью.

Фрэнсис принимала живое участие в их сближении. Она была редактором женского журнала, а муж ее журналистом. В их необыкновенно уютном доме в стиле эпохи Регентства на Сент-Джон Вуд-стрит Крис и Филипп могли встречаться. Фил и Фрэн были большими друзьями. Филипп сотрудничал в ее журнале. Там они и познакомились. Фрэн всегда давала им ключ от своей квартиры, если нельзя было встретиться у Филиппа; его секретарь часто проводил в квартире весь день. Чарльз никогда не нравился Фрэн. Он не был мужчиной в ее вкусе. Филиппа же она обожала и без обиняков заявила Кристине, что, если у той осталось сколько-нибудь здравого смысла, она должна уйти от Чарльза и положить конец браку, который с самого начала оказался неудачным.

Вначале Кристина горячо возражала против подобных высказываний. Как она может разрушить родной дом Джеймса и Дилли?! Она не способна бросить человека, который, при всех его недостатках, был по мере своих сил хорошим мужем. А кроме того, уверяла она Фрэн, Фил ни-

когда не заговаривал о женитьбе.

— Но он влюблен в тебя! — твердила свое Фрэнсис. — Он сам на днях мне в этом признался. Ты единственная женщина, которая по-настоящему задела его за живое. Ты только подумай о том, что он может тебе дать! Как автор, пишущий для телевидения, он живет замечательно интересной жизнью, зарабатывает кучу денег и, помимо этого, имеет собственные средства. Веселый, красивый, занятный, он обладает всеми качествами, которые ты так ценишь. Ведь ты его любишь, не правда ли?

Да, Кристина его любила. В нем сосредоточился для нее весь смысл существования, конечно, если не считать Джеймса и Дилли. Вся ее жизнь превратилась в серию сложных уловок, направленных на то, чтобы они могли больше времени проводить вместе. И всякий раз, когда они встречались, физическая близость доставляла обоим все большее наслаждение. Сила желания не уступала силе любви. Быть с ним стало для Кристины непреодолимой потребностью.

Иногда Филипп из-за работы вынужден был пропустить назначенное свидание, или та же работа не позволяла ему встретиться с Крис даже тогда, когда ей с трудом удавалось вырваться из

дому. Кристине в таких случаях казалось, что мир вокруг нее рухнул, и только его голос, заверявший по телефону, что он горячо ее любит и отчаянно жаждет быть с ней, способен был снова наполнить душу счастьем.

Отношения с мужем ухудшились. Теперь дело уже не сводилось к ежедневным раздражающим мелочам, с которыми приходилось мириться. Вся ее семейная жизнь стала сплошным раздражением. Именно семья удерживала ее вдали от Филиппа. И вот в один из уик-эндов они с Филом отбросили в сторону привычную осмотрительность. Кристине следовало появиться дома в воскресенье утром, так как Чарльз пригласил нескольких своих деловых партнеров на ленч в загородный дом.

Они еще лежали в постели, когда Филипп начал умолять ее не уходить:

— Неужели ты не можешь придумать какой-нибудь благовидный предлог? День такой изумительный! Мы могли бы вместе пойти куда-нибудь перекусить, а потом поехать на побережье. Дай я позвоню Фрэн и попрошу ее связаться по телефону с Чарльзом и сказать ему, что ты плохо себя чувствуешь. Ну пожалуйста, родная!

Она позволила ему позвонить и осталась. В

воскресенье вечером, когда они ужинали в одном из отелей Брайтона на берегу моря, Филипп во второй раз стал просить ее уйти от Чарльза и выйти за него замуж.

Когда впервые зашла речь о разводе, Кристина содрогнулась. Самый обыкновенный страх несколько охладил ее любовь к Филу. Уже само слово «развод» было пугающим. Она не могла даже представить себе, как встретится лицом к лицу с Чарльзом и заявит, что полюбила другого и хочет уйти к нему. В мыслях она ясно видела выражение лица Чарльза — этакую смесь недоверия и досады по поводу очередной эмоциональной сцены. Разумеется, известие отнюдь не сломит его и он не будет умолять ее остаться. Дорогой Чарльз никогда не скажет, что он, мол, любит ее и жить без нее не может. Нет, он будет холоден, саркастичен и убийственно логичен. Крис сознавала, что слегка побаивается мужа.

А дети?.. Как она сможет преподнести им эту новость? Неужели мать способна заявить сыну и дочери, что уходит из дома и никогда больше не вернется?

Филипп, всегда чувствующий, что творится у нее на душе, обнял Крис и стал уговаривать не расстраиваться. Торопиться с принятием оконча-

тельного решения нет никакой необходимости. Пока они могут довольно часто видеться и быть вместе вот так, как сейчас, ситуацию можно считать сносной.

«Для меня она несносна, — подумала Кристина, — я не могу продолжать жить, разрываясь между всеми».

Она чувствовала себя прямо-таки физически больной, так или иначе, но вопрос необходимо решить. Она должна либо отказаться от Филиппа и вернуться к прежнему образу жизни, либо набраться мужества, чтобы уйти из дома.

В свое время она говорила Фрэн, что всегда придерживалась одного мнения: мужественные и сильные люди сохраняют верность клятвам, данным во время венчания, и остаются со своей семьей, какие бы соблазны ни возникали на их пути. Теперь, сама переживая подобную ситуацию, она пришла к иному выводу: надо обладать исключительным мужеством и силой, чтобы решиться покинуть дом. Остаться, возможно, было бы легче: ограничиться стонами по поводу утраченной любви, примириться со своей не слишком счастливой участью и найти утешение в традиционной верности и в уважении родных и друзей.

Беда заключалась еще и в том, что она любила свой дом. Кронфилд представлял собой очень красивое здание, расположенное в сельской местности в нескольких милях от Арунделя. Чарльз купил Кронфилд лишь после того, как достиг крупного успеха на деловом поприще и стал старшим партнером в фирме. До этого у них были другие дома, два из которых находились в Лондоне, но их она оставила бы без сожаления. Корнфилд же из тех домов, которые завладевают сердцем. В свое время это был фермерский дом в Суссексе с черепичной, поросшей мхом крышей. К нему были сделаны пристройки, так что теперь он принял форму латинской буквы «L». Дом стоял посреди красивого парка, при нем имелся замечательный старый мощенный камнем двор.

Чарльз был не прочь заняться иногда садоводством. Когда наступал уик-энд, он уделял много времени розам. Кристина помогала ему в саду, так как у них был лишь один работник, приходивший каждое утро. Вместе с Чарльзом они соорудили искусственный горный ландшафт с маленьким прудом, благо дети уже достаточно подросли, чтобы не свалиться ненароком в воду. Когда они были совсем крошками, Кристина вечно с ужасом рисовала себе картину, как дети

тонут в таком вот пруду. Особенно красив Корнфилд был весной. Прежние владельцы посадили здесь массу великолепных азалий, розовых и желтых, и теперь вокруг цвели буквально тысячи этих цветов. Как раз сейчас Корнфилд был поистине идеальном местечком, и Кристина с болью думала о расставании с ним, особенно потому, что дети очень любили Корнфилд и он ассоциировался у нее с радостными часами, которые они проводили там вместе в хорошую погоду. В данный момент сын и дочь находились в пансионе. Они захотели пойти в школу, когда были еще совсем маленькими. В первый семестр, проведенный вдали от дома, не они, а Кристина горевала и чувствовала себя страшно одинокой.

Как только она уйдет, Чарльз, без сомнения, попросит мачеху занять ее место в доме. Всем станет заправлять Уинифрид. Джеймс и Дилли будут, как обычно, приезжать на каникулы домой. Чарльз продолжит принимать у себя деловых партнеров, и роль хозяйки, конечно, будет исполнять Уинифрид. Никто по-настоящему даже не почувствует ее отсутствия.

На деле все получилось почти так, как она себе это мысленно представляла. После первого шока недоверия и терзаний уязвленной гор-

дости Чарльз быстро согласился на развод. Не последовало никаких сцен, никаких слез, даже упреков было на удивление мало. Дети тоже отнеслись к новости с полным спокойствием, когда со страшной тяжестью на душе мать сообщила им, что больше не будет жить в Корнфилде и станет видеться с ними только в Лондоне во время каникул.

Джеймс высказался даже в том смысле, что будет совсем неплохо иметь одного из родителей в Лондоне, а другого за городом. Для себя он видел в этом несомненные преимущества. Дилли же беспокоилась только об одном: позволят ли ее любимой подруге гостить у них.

Все должно было пройти на редкость легко, если бы Чарльз не выдвинул условие, по которому до оформления нового брака она должна жить одна. Это требование создало большие трудности для нее и Филиппа.

Фрэнсис находилась в Америке, наслаждаясь давно заслуженным отдыхом. Часы, протекавшие между встречами Крис и Филиппа, казались бесконечными.

Фил понимал, как отчаянно она в нем нуждается, и был всегда к ней внимателен, а накал их страсти в минуты близости ничуть не уба-

вился. У него была очаровательная привычка писать ей коротенькие письма, часть которых он пересылал по почте, а остальные либо совал ей в саквояж, либо во время свиданий оставлял на видном месте на туалетном столике, с тем чтобы она неожиданно обнаруживала их. Одно письмо, которым она особенно дорожила, Кристина хранила в коробочке с драгоценностями. Он написал его в ту ночь, когда она ушла из дома и нашла конверт на квартире у Фила, — оно как бы поджидало ее.

«В моей жизни были другие женщины, но сердце мое было закрыто. Теперь там живешь ты. Чувствуй себя в полной безопасности и знай: это навеки».

Ах, если бы она встретила его до Чарльза! Если бы Джеймс и Дилли были его детьми! Впрочем, тогда все было бы по-иному, и в двадцать один год она, возможно, не сумела бы должным образом оценить любовь Фила. Кто знает… Оглядываться на свое прошлое — совершенно бесполезное и никчемное занятие. Хотя Фил не был по натуре семьянином и не желал иметь собственного ребенка, он был, по крайней мере, честен. Как-то ночью, когда она лежала в его объятиях в сладком изнеможении после страстных ласк, он сказал:

«Я очень ревнив и не мог бы делить тебя ни с кем. Думаю, мне будет нелегко делиться даже с твоими детьми. Тебя это огорчает, детка? Ты так необходима мне самому! Боюсь, что буду раздражительным, если при твоих детях придется обуздывать желание прикоснуться к тебе или заключить в объятия. Наверное, когда они будут жить у нас, я не смогу направиться к тебе через комнату и поцеловать вот так… и вот так…»

Его теплые губы целовали ее затылок и голое плечо. Материнская часть ее натуры молча заявляла свой протест, но чисто женское начало ликовало от сознания постоянной потребности Фила быть с нею. Она живо вспомнила один случай в первый период жизни с мужем, когда сын вбежал в спальню посреди ночи как раз в тот момент, когда Чарльз, в столь редкий для него миг желания, начал целовать и ласкать ее.

Джеймсу было, наверное, годика три. Он с плачем принялся жаловаться, что у него болит зуб. Чарльз, полностью владея собой, встал, надел халат и посадил малыша в постель. Потом подогрел для сынишки молоко, а позднее, когда мальчик уснул, оставил его в постели матери, а сам ушел в комнату Джеймса и провел остаток ночи на неудобной узенькой кроватке. Чарльз всегда

был хорошим отцом, но Кристину несколько разочаровало, что он не отнес Джеймса назад в детскую и не остался, как обычно, с ней. Незавершенные ласки, по всей видимости, ничуть его не беспокоили. Она почувствовала себя тогда просто кошмарно!

Отдать детей Чарльзу после развода было, конечно, справедливо. С этим она в состоянии смириться. Единственной невыносимой мыслью было то, что детей могут настроить против нее.

3

Кристина вернулась в сегодняшний день и в свою квартиру. Зазвонил телефон. Апатично она сняла трубку. Приятный мужской голос произнес:

— Здравствуй, ангел мой!

Напряжение, владевшее Кристиной, сразу ушло, щеки снова порозовели, а глаза засветились.

— Фил!

— Ну как ты?

— Все в порядке.

— Это правда?

— Да, да, я чувствую себя прекрасно, прекрасно!.. — Жаловаться влюбленному в тебя мужчине на свое здоровье, бессонницу или еще на что-нибудь в этом роде не следует, решила она. Слышать о чужих бедах никто не любит. Каждому хочется рассказать о своих, и это в полной мере относится даже к вашему возлюбленному.

— Я, можно сказать, в прекрасной форме, — заявила Кристина. — А ты как?

— Немного нервничаю.

— Почему?

— Детка, — произнес он слегка укоряющим тоном. — Ты ведь знаешь, что сегодня днем генеральная репетиция «Предостерегающего урагана», а завтра премьера.

— Конечно, я помню, — сказала она и почувствовала себя виноватой: хотя этот факт и запечатлелся где-то в глубине памяти, личные осложнения и проблемы оттеснили его на задний план и представлялись ей куда более важными.

В самом начале их романа Фил сказал, что ничто на свете не может иметь для него большего значения, нежели она и ее желания. Странно, что нынешним утром премьера пьесы представлялась ему более важной, чем ее настроения. В конечном итоге, когда дело касалось работы, все мужчины оказывались одинаковыми.

— Ах, Филипп, дорогой мой, я желаю тебе всяческого успеха, — с чувством произнесла она.

— Спасибо, ангел мой. Ты ведь пойдешь со мной ужинать сегодня вечером, не правда ли?

— Конечно.

— А завтра вечером?

— Да.

— Спектакль начинается в десять часов. Мы поужинаем у меня на квартире в восемь и отправимся на студию вместе.

— Ты меня простишь, Фил, если я не приду на репетицию?

— Разумеется.

— Между прочим, сегодня утром мне звонил Джордж и сообщил, что дело о разводе будет слушаться в суде тридцать первого июля. Так что, я полагаю, с нашей свадьбой придется подождать еще с полгода.

— Это слишком долго. Послушай, красавица моя, я хочу сейчас же купить тебе обручальное кольцо. Я ненавижу то, которое ты носишь сейчас.

— Да, я тоже… — сказала Кристина.

Дело в том, что она все еще носила кольцо, купленное для нее Чарльзом. На следующий день после того, как она рассталась с мужем, Крис попыталась стащить кольцо с пальца, но не смогла — как видно, мешал слегка опухший сустав. У нее были длинные красивые пальцы, которыми она, в свое время, очень гордилась, но вечная стирка в первые годы замужества и тяжелая работа по дому, вероятно, привели к тому, что сустав раздался. Возможно, ей придется обратиться к ювелиру, чтобы он распилил кольцо и хоть таким образом снял его с пальца. А к концу лета оно будет заменено другим. Миссис Чарльз Аллен перестанет

существовать. Она будет миссис Филипп Кранли.

— Кстати, — продолжал Филипп, — я хочу, чтобы ты ничем не занималась в следующую субботу и воскресенье. Представитель американского телевидения ван Хеффл будет в Лондоне, и я хочу, чтобы ты помогла мне принять его и развлечь. Это очень важный для меня человек.

Кристина уже приготовилась было сказать, что разумеется, но осеклась. После ухода от Чарльза она не виделась с детьми: те были в школе. Из письма, полученного от Дилли, она узнала, что дочка и сын приезжали домой на каникулы между семестрами. Их папа попросил тетю Уинифрид пожить в Корнфилде и приглядеть за ними. При сложившейся ситуации Кристина вряд ли была вправе просить его изменить это решение. Она собиралась на следующий уик-энд забрать детей к себе, и Чарльз согласился. Теперь она потребовалась Филиппу. Как же быть?

— Ты тут? — услышала она нетерпеливый голос Филиппа.

— Да…

— Ну ладно, обсудим все сегодня вечером, когда увидимся, ангел мой. Мне надо бежать, но я рассчитываю на тебя — помоги мне принять ван Хеффла…

Сердце Кристины сжалось: неожиданно на горизонте появился новый предостерегающий сигнал. После того как она выйдет замуж за Филиппа, подобная ситуация, возможно, будет повторяться нередко. Его желания — с одной стороны, желания детей — с другой.

Наверное, любая женщина, оставившая мужа и детей, испытывает некоторые угрызения совести и сомнения. Все так сложно… У нее было такое чувство, что ей уже трудно отличить правильную линию поведения от неправильной. Очевидно было одно: независимо от любви к Филиппу необходимо навсегда распрощаться с прежней жизнью.

Нынешним утром она пыталась чувствовать себя счастливой в настоящем и перестать слишком оглядываться на то, что осталось в прошлом. Фил никаких угрызений совести в том, что касалось Чарльза, не испытывал. Он видел в нем несносного дурака, который не сумел воспользоваться выпавшим ему счастливым жребием. Филиппа сейчас интересовало исключительно счастье Кристины и его собственное.

Она пыталась настроиться на такой же лад.

— А почему бы тебе, детка, не отменить намеченные дела и не пойти со мной на генеральную

репетицию? — спросил Фил.

— Родной мой, я бы с радостью, но это невозможно.

— Свидание с другим мужчиной?

Она рассмеялась:

— Да, чисто деловое. Вообще-то даже с двумя мужчинами — моим юристом и управляющим моего банка.

Когда Филипп снова заговорил, голос его звучал далеко не так тепло, как вначале:

— Почему, черт побери, все эти деловые проблемы так уж тебя волнуют? Я ведь с самого начала твержу, что после ухода от Чарльза ты не должна останавливаться на полумерах — нам надо жить вместе, с тем чтобы я мог о тебе заботиться. Не надо тебе жить одной.

— Ах, Фил, если бы ты знал, как я хочу переехать к тебе. Но ты же помнишь, почему…

— Да, помню, — резко оборвал он ее.

Из-за детей. В этом вопросе Чарльз неумолим. Если она решится до развода жить во грехе, как он это называл, он не позволит ей видеться с Джеймсом и Диллиан и не допустит, чтобы они жили у нее и у «этого ее писателя, Филиппа Кранли». Если же она согласится жить одна, именоваться миссис Чарльз Аллен и сохранит таким образом

респектабельность, все будет иначе. Фрэнсис доказывала, что Кристине следует игнорировать этот шантаж, упрекала Крис в том, что даже сейчас, после разрыва с Чарльзом, она слишком считается с его мнением.

— Ты меня любишь по-прежнему? — услышала Крис в трубке вновь потеплевший голос Филиппа.

— Гораздо, гораздо больше, — ответила она.

Поговорив еще немного, он повесил трубку.

Усевшись перед зеркалом у туалетного столика, Кристина начала расчесывать волосы.

Как ей хотелось, чтобы новая жизнь была по-настоящему прекрасной. Почему же сейчас, когда сделан решающий шаг и развод уже близок, она чувствует себя такой подавленной? Что с ней творится? Куда подевалась ее прежняя нравственная стойкость, надежность?

«О Боже…» — потерянно размышляла Кристина, входя в крошечную ванную и поворачивая кран с горячей водой.

Как было бы хорошо, если бы она походила на Филиппа. Его совесть не терзала; у него не было ни жены, ни детей. Он никого не бросал. Кристина же ради него бросила все. И хотя он ее обожал, но не вполне понимал сейчас ее внут-

реннее состояние. Фил и мысли не допускал, что она неизбежно должна столкнуться с какими-то трудностями. До сегодняшнего утра она себе в этом не признавалась. Но когда Джордж назвал ей дату судебного разбирательства… когда она осознала, что разрыв в ближайшее время станет окончательным и непоправимым и что она вскоре выйдет замуж вторично, произошло что-то странное. Она чувствовала себя подобно часам, у которых вдруг лопнула и раскрутилась пружина.

Быть может, она боялась еще одной ошибки? Пока что ее отношения с Филиппом были прямо-таки идеальными. Между ними никогда не возникало чего-либо, похожего на взаимное непонимание. Она по-прежнему испытывала страстную, всепоглощающую любовь к нему, чего никогда не чувствовала к Чарльзу.

Были и у Филиппа свои недостатки. У какого мужчины их нет? Так, например, Кристина знала, что у него не такой мирный нрав, как у Чарльза. Подобно ей, он острее реагировал на происходящее и был более эмоционален. Жить с ним будет не так-то легко. Как это ни странно, совместная жизнь с Филом может оказаться менее легкой, чем жизнь с Чарльзом.

Зато Крис твердо знала, что может не сомневаться в любви Филиппа. В ту ночь, когда она покинула Корнфилд, он прислал ей записку. Ее доставили вместе с громадным букетом желтых роз.

«С той минуты, когда ты переедешь ко мне, я не дам пролиться ни одной твоей слезинке. Весь остаток жизни я посвящу тому, чтобы сделать тебя счастливой».

Вспоминая ее, Кристина и сейчас готова была заплакать. Она верила в искренность его слов.

Ах, если бы дети были от него! Впрочем, тогда они и не походили бы на Джеймса и Дилли, а были бы иными — мягкосердечными, добрыми, ласковыми — словом, такими, как Филипп.

Бедный Джеймс! Бедная Дилли! Разве они виноваты в том, что их отец — Чарльз?!

«Я не хочу, чтобы они росли в ненависти ко мне», — подумала Кристина с внезапно нахлынувшим отчаянием. Как можно допустить, чтобы в будущем они хладнокровно осуждали ее? Мачеха Чарльза станет теперь беспощадно настраивать их против нее, ведь она всегда ненавидела Крис.

Она научит детей жалеть отца. Если Чарльз женится снова, у них тоже появится мачеха,

которую Уинифрид соответствующим образом проинформирует, чтобы и она прониклась ненавистью к Кристине и стала бы в присутствии детей дурно о ней отзываться. Подрастая, Джеймс и Дилли будут испытывать презрение к Филиппу. Они никогда не поймут, почему мать оставила отца, и их сочувствие будет целиком на стороне Чарльза.

— Это несправедливо! — воскликнула Кристина.

Все ее существо охватили страдание и страх перед будущим. «Почему, ну почему, — спрашивала она себя, — Чарльз так резко изменился к худшему?» Когда она выходила за него замуж, он был совсем другим. Если бы только он приложил хоть какие-то усилия ради того, чтобы сохранить ее любовь! Если бы только он, пусть редко, становился на ее сторону, а не позволял своей мачехе вечно вмешиваться в их дела!

У Кристины разболелась голова. Приняв ванну, она проглотила пару таблеток аспирина. Сегодня она чувствовала себя больной, совершенно задыхающейся в этой квартире. Она не любила Лондон в июне. В это время года ей всегда было здесь не по себе. Крис мысленно представила себе Корнфилд и сад, который сейчас полон ранних

роз. А еще ей вспомнился Чарльз, подстригающий газон.

Интересно, что скажет обо всем этом ее брат, Джерими?

Крис была нежно привязана к брату. Сейчас его нет в Англии. Офицер военно-воздушных сил, он уже несколько лет служил где-то за границей. Джерими ничего не знал о том, сколь неудачным оказался их брак, и у Кристины все не хватало мужества написать ему и рассказать об истинном положении дел, учитывая то, что брат был одним из самых пылких почитателей Чарльза и с юных лет видел в нем героя. Именно Джерими познакомил с ней Чарльза. Что он подумает и почувствует, узнав о разводе?

Кристину пробрала дрожь.

«Надо и в самом деле положить этому конец, — сказала она себе. — Депрессия, нарастающее чувство тревоги — все это в конце концов превратит меня в настоящую психопатку».

И вдруг ей в голову пришла некая мысль: почему бы не написать историю своей жизни — во всех подробностях, какие только припомнятся? Если Джерими сможет ее понять и увидит, что побудило ее оставить Чарльза, он со временем все объяснит Джеймсу и Дилли и, быть может,

даже даст им прочитать кое-какие места из рукописи. Идея эта уже казалась ей вполне реальной и захватила ее, так что в конце концов Кристина ощутила нечто похожее на возрождение духовных и физических сил, а вместе с ними и надежды в душе.

Все неприятные воспоминания обязательно надо извлекать на поверхность, очищать от них память. Да, это именно то, что необходимо. Нельзя держать подобные вещи внутри и позволять, чтобы они, словно ядовитые крысы, грызли ваше сознание. Вытаскивать их наружу и убивать — только так!

Лучше всего вести записи в форме дневника. Там будет, как говорят в суде, вся правда, ничего кроме правды. Она не допустит, чтобы в рассказе как-либо отразились личные предубеждения и пристрастия. Она будет столь же справедлива к Чарльзу, как и к себе самой, насколько бы неприятным это для нее ни оказалось!

«Я воспользуюсь пишущей машинкой, которую подарил мне Филипп, — подумала она. — Можно будет писать по несколько страничек в день и закончить все до вынесения окончательного вердикта суда. В моем распоряжении по меньшей мере полгода для работы. А потом Я передам гото-

вую рукопись Джорджу на хранение и попрошу вручить ее Джерими, как только суд вынесет решение о разводе».

Она снова легла на кровать и некоторое время лежала, не двигаясь, с закрытыми глазами. План будущей книги уже довольно ясно вырисовывался. Наконец Кристина поднялась, отыскала машинку и решила по дороге к парикмахеру купить пачку бумаги и блокнот для стенографических записей. Пока она будет сидеть под сушкой, можно набросать кое-какие заметки в блокноте.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОВЕСТЬ КРИСТИНЫ

1

Я знаю, что с этической точки зрения развод — скверная штука. Знаю, что, выходя замуж за Чарльза, я дала в церкви во время венчания всевозможные клятвы, включая и знаменитую, повергающую в трепет торжественную формулу: «Пока нас не разлучит смерть…» Я эти клятвы нарушила. Разумеется, гордиться этим нельзя.

Я вспоминаю время, когда мне было около двадцати одного года. Это произошло в Шерборне, в графстве Дорсетшир, где протекала большая часть моего детства. Отец имел там хорошую практику. Мы знали всех в округе, и хотя не были богаты — папа все годы войны прослужил в медицинском корпусе сухопутных войск, — семья наша была, можно сказать, достаточно состоятельной. Моя мать заболела страшным недугом — лейкемией, которая в конечном итоге свела ее в могилу. Она умерла, когда я была еще в школе. Иногда я вспоминаю ее с такой нежностью, словно она все еще жива. Мама отличалась повышенной эмоциональностью и темпераментом — совсем как я!

Я училась в маленькой, не слишком дорогой школе, которую посещала ежедневно. Мне было уже почти семнадцать лет. После похорон я оставила школу и стала вести хозяйство. Мой брат Джерими на год моложе меня. У папы не было достаточно средств, чтобы послать сына учиться в тот университет, который окончил он сам. Брат поступил в классическую гимназию в Уэймауте. Джерими всегда мечтал стать летчиком. Когда он был еще совсем маленьким, наш дом буквально ломился от моделей самолетов — либо уже собранных, либо тех, над которыми он трудился в данный момент, либо полученных в подарок. У него, как и у нашего отца, была скорее склонность к науке, нежели к искусству.

Мне хочется начать рассказ с описания своего дня рождения, когда мне исполнился двадцать один год, потому что именно в этот день я впервые встретилась с Чарльзом и у меня сложилось первое впечатление о нем.

Джерими в то время был дома, в отпуске. Он приехал из Крануэлла, где обучался в летном училище. Даже во время каникул я редко с ним виделась, так как у него было множество друзей-ровесников и его почти не было дома, или же кто-нибудь из дружков сидел у него в комнате, и

они без конца слушали патефон. Это была неизменно танцевальная музыка, от которой бедный папа чуть не лез на стенку.

Брат очень интересовался техникой и механикой. Именно это увлечение впервые свело его с Чарльзом. Они встретились на рождественской вечеринке в Шерборне. Вечер был устроен кем-то из наших соседей, чей сын был одним из закадычных приятелей Джерими.

Я на вечеринку не пошла. Папа работал сверх всяких сил и чувствовал себя неважно, а оставить его в Сочельник одного я не хотела. Конечно, если бы на тот вечер пошел Тони, я, возможно, и не проявила бы такой самоотверженности. Он был моим первым кавалером, но тогда уехал куда-то. Папа иногда поддразнивал меня по поводу Гони, потому что тот постоянно околачивался возле меня, когда был в Шерборне. Большую часть года он жил в Лондоне, где проходил курс в медицинском училище при больнице Гая.

Я не думаю, чтобы папа особенно симпатизировал Тони. Со временем даже я начала находить его слишком самодовольным. Он считал, что любая девушка для него — легкая добыча. И все-таки мы с Тони пережили кое-какие счастливые моменты. Говорят, всякая женщина помнит свою

первую любовь, а он и был моей первой любовью. Именно с ним я испытала первые волнующие неловкие поцелуи.

Я находила его весьма привлекательным в каком-то особом смысле, не совсем понятном и мне самой. Вообще-то он не слишком нравился мне, но всякий раз, когда он был рядом, я ощущала странное волнение, начинала слишком много говорить, слишком громко смеяться и сама ловила себя на том, что всячески рисуюсь, — словом, всеми силами добивалась, чтобы он обратил на меня внимание.

Как-то раз днем Тони отвез меня в своем маленьком спортивном автомобиле на побережье. Помню, я впервые тогда порадовалась тому, что я хорошенькая. Я знала, что у меня хорошая фигура — длинные ноги, красивой формы лодыжки и на редкость густые волосы — их, наверное, можно назвать каштановыми, почти рыжими. Я носила их толстым пучком за спиной — эта прическа называлась тогда «конский хвост». Кожа у меня была гладкая, а глаза — большие, синие, с темными ресницами. В тот день я подкрасилась, губы накрасила ярче, чем обычно, и нарядилась в короткую синюю юбку и белый джемпер, обтягивавший мои небольшие груди.

Был жаркий августовский день. Первый час мы провели плавая в море — подныривали друг под друга и вообще вели себя как парочка шаловливых ребятишек. Однако позднее, когда отдыхали на песчаных дюнах, обсыхая под лучами солнца, оба вдруг примолкли, лежа лицом друг к другу. Тела наши были все еще мокрыми и блестели от соленой воды. Я чувствовала горячее солнце на своей обнаженной коже. Лицо у меня горело, а в крови что-то пело.

Вдруг Тони протянул руку и со спокойной твердостью положил ее мне на плечо. Я думаю, что не столько его прикосновение, сколько выражение глаз заставило мое сердце вдруг учащенно забиться. Помню, я даже спрашивала себя, уж не слышит ли Тони эти неистовые удары сердца. Я чувствовала, как кровь бросилась мне в лицо. Страшно хотелось отвести взгляд в сторону, но это было выше моих сил.

Он улыбнулся медленной, самоуверенной улыбкой и начал водить пальцами по моей руке, а потом по шее. Теперь я понимаю, что это были чувственные ласки. Они, конечно, вызвали у меня совершенно новые и весьма опасные эмоции. Я была не в состоянии двинуться и неподвижно лежала под его ласками, каждым нервом начиная

понемногу мучительно ощущать, что рядом со мной молодой самец. Я уже не могла вглядеться в глаза Тони — там виднелось лишь отражение моего лица в тайной глубине зрачков. Я, кажется, сказала что-то вроде: «О Тони!» Он же не произнес ни слова. Вспоминая этот довольно трогательный и ребяческий инцидент, я понимаю: Тони совершенно ясно сознавал, что делает. Он-то был не ребенком, а студентом-медиком. Я же была слишком неопытна и не поняла, что меня пытаются соблазнить.

Когда он убрал руку, я сама инстинктивно потянулась к нему и попыталась заставить Тони снова прикоснуться к моему телу. Он наверняка этого ждал, улыбнулся и дыхание его стало учащенным. В конце концов мы оба уже дышали, словно бегуны на дальнюю дистанцию. Мы все больше приближались друг к другу, и в конечном итоге я очутилась в его объятиях. Я ощущала его напрягшееся тело, вплотную прижавшееся к моему, и дрожь во всех моих членах. Между тем он припал к моим губам — это был первый страстный поцелуй, испытанный мною в жизни. Я ощущала на губах соленый вкус его языка.

Не знаю, почему он в тот раз не овладел мной, что вполне мог сделать. У меня уже не было ни

собственной воли, ни какой-либо осознанной мысли — ничего, кроме бурного кипения в крови и какой-то истомы, которую пробуждала его чувственность. Быть может, дело заключалось в том, что в этот жаркий день на пляже вокруг нас были другие люди, а он заботился о соблюдении приличий и не желал, чтобы его застигли во время бесстыдного совершения полового акта. Не помню, видел ли нас кто-либо. Для меня в мире существовал только Тони да еще незнакомая новая женщина, в которую превратилась неопытная девица. Позднее, когда я вспоминала об этой девчонке, она представлялась мне испуганным созданием, брошенным и совершенно не похожим на себя самое.

Тони, без сомнения, понимал, что достаточно подчинил меня в тот день и в будущем я стану для него легкой добычей, так что окончательное завоевание можно и отложить. Вряд ли он принимал во внимание ту строгость, в которой я была воспитана, или же застенчивость школьницы, скрывающуюся в пылающем теле юной женщины.

Вернувшись домой, вдали от него, я пришла в ужас от самой себя. Большую часть ночи я проплакала — не потому, что хотела, чтобы Тони

лишил меня невинности, а потому, что мне захотелось вступить в половую связь в самом полном значении этого слова с мужчиной, который даже не слишком мне нравился. Я знала, что если снова увижу его, то буду слабой и, стоит ему попытаться что-либо предпринять, я скорее всего уступлю. В результате я написала в училище, где он учился, и сообщила, что встретила и полюбила другого. В следующий свой приезд в Шерборн он мне позвонил. Посредником между нами был Джерими, и, конечно, я снова увиделась с Тони, ибо сочла глупым уклониться от встречи. Однако после того дня на берегу я начала бояться себя самой. Я открыла в своей натуре слабость и чувственность — другую сторону романтической любви. Я страшно боялась снова встретиться с Тони и испытала некоторое облегчение, когда он даже не упомянул о случившемся между нами на пляже. Постепенно воспоминание о нем и связанный с этим страх улетучились. Что же касается Тони, вряд ли он когда-либо осознал, что его горячие поцелуи открыли мне глаза на жизнь.

Оглядываясь назад, я радуюсь тому, что не зашла с Тони слишком далеко. Между нами не было ничего общего, кроме юношеского физического влечения друг к другу. Впоследствии я узнала, что

он женился на какой-то американской вдове с большим состоянием и занимается медицинской практикой в Нью-Йорке. Тони это наверняка вполне устраивало.

Да, я начала рассказывать о том, как в тот Сочельник мы с отцом сидели одни. Я довязывала свитер для Джерими, а он ушел на вечер, где и встретил Чарльза, моего будущего мужа.

Об этом знакомстве я узнала на следующий день за завтраком. Папа рано ушел к больному. Как только мы остались одни, Джерими немедленно завел восторженный рассказ о Чарльзе. Я слушала, хотя, по правде сказать, сам Джерими интересовал меня больше, чем то, что он говорил. Он был очаровательным юношей: стройным, худощавым, с каштановыми волосами — такими же, как мои, — и светлокожим веснушчатым лицом. Когда брат бывал дома, я всегда чувствовала себя счастливой. Мы были необыкновенно дружны. По всей видимости, Чарльз произвел на него большое впечатление.

— Он двоюродный брат Питера и, конечно, старше его. Ему года двадцать два — двадцать три. Он гостит на Рождество у родных Питера. По профессии — инженер, окончил Кембриджский университет. Сейчас работает в фирме

«Роудаллен» — они производят радиоприемники и телевизоры. Фирму основал его отец, мистер Аллен. Чарльз полагает, что в будущем году его сделают младшим партнером. Кристина, он совершенно неотразим, как раз в твоем вкусе. Я пригласил его сегодня вечером заглянуть с Питером к нам — выпьем по бокальчику. Мы можем угостить их шерри, и ты таким образом познакомишься с Чарльзом.

Я была довольна. Судя по тому, что говорил брат, Чарльз был славным малым. У Джерими, как видно, имелась о нем обширная информация: они много разговаривали с Чарльзом, и тот рассказал, что работает в Лондоне, а живет со своей мачехой в Саут-Норвуде.

В тот вечер, когда Чарльз впервые переступил порог нашего дома, шел сильный снег.

Впоследствии он всегда говорил, что влюбился в меня с первого взгляда. Я же отнюдь не сразу прониклась к нему какими-либо чувствами. С Филиппом все было иначе. Он буквально загипнотизировал меня с первого же момента встречи. От Чарльза же не исходило никакой магии. Он вызвал у меня всего лишь умеренный интерес. Он был очень мил, с открытым взглядом голубых глаз и медлительной улыбкой. Кроме того, он

казался очень находчивым и весьма зрелым для своего возраста. В те дни мне вообще-то больше нравились мужчины постарше. На юношей, вроде моего брата, я смотрела с благожелательной снисходительностью.

Но Чарльз — высокий, широкоплечий, умеющий держаться с большим достоинством — внушал уважение и вызывал у меня смутное желание узнать его получше. Он же явно был мной восхищен. Впоследствии я узнала, что мой дорогой братец сообщил ему, что я прекрасно управляюсь с домом и хорошая повариха, а эти качества импонируют всем мужчинам. Чарльз сказал, что его удивляет моя любовь к хозяйству, к готовке. Помню, я спросила, какой образ жизни он хотел бы избрать для себя, и он заметил, что для него на первом месте всегда работа. Он уже тогда был честолюбив.

Я как зачарованная слушала его рассказы об их заводе, выпускавшем телевизоры и новые стереофонические проигрыватели. Компания тогда только что приступила к усовершенствованию нового карманного радиоприемника. Им требовалось для него название, и я тут же предложила:

— Назовите его «Крошка Роудаллен».

Крепко вылепленное угловатое лицо Чарльза

загорелось.

— Потрясающе! Я предложу это название старшему партнеру на завтрашнем заседании правления. «Крошка Роудаллен». Мы можем на уголке приемника выточить начальные буквы: «К. Р.» У вас в голове полным полно превосходных идей, не правда ли, Кристина?

Мы оба преодолели первоначальную робость и к концу вечера стали близкими друзьями.

Я пригласила его на свой день рождения в следующий уик-энд. Пусть придет и пробудет у нас до понедельника. Мне исполнялся двадцать один год — иными словами, я достигла совершеннолетия. Папа преподнес мне в подарок чек, на котором была обозначена крупная сумма. Я собиралась устроить танцы. Должен был прийти также двоюродный брат Чарльза, Питер.

— Это очень мило с вашей стороны. Вы на самом деле хотите, чтобы я пришел? — спросил Чарльз, и лицо его порозовело от удовольствия.

Я спросила, любит ли он танцевать, и он несколько неопределенно ответил:

— О! Пожалуй, да…

Теперь, припоминая эти мелкие эпизоды, я прихожу к выводу, что люди склонны быть весьма и весьма нечестными, когда впервые влюбляются.

Они редко позволяют видеть себя такими, каковы они в действительности. Подобно павлину, распускающему хвост, чтобы привлечь самку, Чарльз красовался передо мной. На самом деле он вовсе не любил танцевать. Это я любила. Что же до меня, то я не питала ни малейшего интереса к телевизорам, радиоприемникам и вообще к технике в какой бы то ни было форме, но ему казалось, будто все это страшно меня интересует. Ослепленные и сбитые с толку, мы тянулись друг к другу, запутываясь в тенетах мелкой и вроде бы безобидной, а на самом деле очень опасной лжи, которая всегда с легкостью слетает с уст влюбленных.

Позднее, когда мы с Чарльзом лучше узнали друг друга, он признался, что поначалу его привлекла чисто практическая, домашняя сторона моей натуры и прямой подход к жизни. Вряд ли он когда-либо подозревал о существовании безумной Кристины и о тех глубоких страстях и трудно подавляемых чувствах, которые скрывались под холодно-спокойной внешностью.

Мой день рождения прошел удачно. Оглядываясь назад, я не без грусти припоминаю тогдашнюю сияющую Кристину в дурно сшитом бальном туалете из зеленого бархата — выкройку

местная портниха вырезала из какого-то модного журнала. У меня всегда была великолепная фигура, я хорошо двигалась, имела длинную стройную шею, узкие руки и ноги — немалые достоинства для девушки. Моя мать никогда не носила нарядной одежды, и я уверена, что зеленый бархат был далеко не шикарной материей, а покрой платья — слишком старомодным. Наверное, в этом туалете мне можно было дать лет сорок. Но Чарльза платье привело в восторг, и он сказал, что я самая красивая девушка на всем свете. Он принес две розовые гвоздики и был очень обрадован, увидев, что я приколола их к плечу. Фу, гадость какая! Розовые гвоздики на зеленом бархате! Но в какое восхищение они меня привели! К концу вечера цветы совсем увяли — их смяли мои партнеры, сменявшие друг друга во время танцев.

Когда я сидела с Чарльзом на лестнице, головка одной из гвоздик оторвалась и упала к его ногам. Он поднял цветок, положил к себе в бумажник и торжественно заявил, что заберет с собой и засушит. Я хихикнула и спросила:

— В ящике, где хранятся галстуки, или же между страницами какого-нибудь руководства по инженерному делу?

Но Чарльз сохранял полнейшую серьезность.

Вид его стал каким-то смущенным, дыхание участилось. Я пришла к заключению, что он и в самом деле влюбился в меня.

Танцевал он скверно — я очень скоро в этом убедилась, но, по всей видимости, меня столь незначительная деталь не огорчила. Я тоже начала понемногу в него влюбляться. Комплименты, которыми он меня осыпал, находили отклик в моей душе. Если мужчина привлекателен для вас, что стоит сказать: «Пустяки!» — когда он наступит вам на ногу во время танцев! Но после того как он стал вашим мужем, этот же мелкий факт может послужить поводом для горьких упреков.

Чарльз следовал своему курсу нечестности, беседуя со мной о музыке и книгах, потому что мне этого хотелось. Он даже согласился с моим утверждением, что поэзия, мол, чудесная вещь. Только после нашей свадьбы я узнала, что он терпеть не может поэзию и не читает ничего, кроме детективов. Обнаружив это, я почувствовала себя обманутой.

Сейчас, печатая странички своего дневника, я вынуждена признаться, что знаю Филиппа всего полгода. В течение этого времени мы испытывали и продолжаем испытывать безумную обоюдную любовь и предаемся страстным ласкам. Может, и

мы тоже стараемся представить себя друг другу в наиболее выгодном свете? И в один прекрасный день я, быть может, проснусь и обнаружу, что Фил обманывал меня точно так же, как и Чарльз. Когда его неистовая страсть поостынет, он может превратиться в суетного и эгоистичного супруга, у которого тоже не найдется времени для жены. Снова будет описан полный круг, и я вернусь к исходной точке.

От такой мысли я просто каменею!

2

После дня рождения я довольно часто виделась с Чарльзом. Он приезжал к нам на уик-энд несколько раз подряд. Иногда я ездила в город, останавливалась у Фрэнсис, и Чарльз куда-нибудь водил меня. Мне нравился муж Фрэн, Стив. Он высокопрофессиональный, что называется тертый, журналист, и в его обществе всегда чувствуешь себя замечательно. Я и сейчас еще завидую обоюдному удовлетворению, которое связывает Фрэн и Стива. Они прекрасно подходят друг другу физически. Фрэн — красивая, пылкая, в профессиональном плане тоже довольно бывалая. Он чутко отзывается на любые ее желания. Раздумывая впоследствии о них, я пришла к выводу: именно это и необходимо любой женщине. Обычно люди сочувствуют мужьям, у которых холодные, фригидные жены. А почему никто не подумает о бедных женщинах, награжденных Богом холодными мужьями?

Став друзьями, мы с Чарльзом начали часто ходить в театр и кино, танцевали, ужинали в интимной обстановке в маленьких ресторанах

в Челси, фешенебельном районе Лондона. В ту пору Чарльз не был человеком состоятельным, но делал все с размахом. Для меня он ничего не жалел. Щедрость была одним из тех его качеств, которые с самого начала произвели на меня благоприятное впечатление. Он никогда не бывал скуп. Я тут же получала все, что хотела, стоило только попросить. Моя беда в том, что я ненавижу просить. Мне нравится, когда мне что-то дарят по собственной инициативе. И еще я ненавижу чеки. Чарльз не умеет, то есть не умел выбирать подарки. По прошествии нескольких лет совместной жизни он стал выписывать мне при всякой возможности щедрые чеки, говоря при этом: «Купи сама то, что тебе хочется». Но было в этом что-то безличное. Мне всегда такое не нравилось.

С мачехой Чарльза я не встречалась до того дня, как он сделал мне предложение. Ее не было в Лондоне — она совершала кругосветное путешествие. Я видела ее фотографию, но, кроме того, что она играет в гольф, ничего из этого снимка не узнала. Она была изображена с клюшкой для гольфа в одной руке и с одним из выигранных призов — в другой. С фотографии на меня смотрела некрасивая женщина с крупным лицом

и широким оскалом. Они с Чарльзом жили в одном из больших, повергающих в глубокую тоску викторианских домов на тихой улочке в Саут-Норвуде.

От Чарльза я узнала, что он многим обязан Уинифрид, которая заменила ему мать. После кончины отца она продолжала вести хозяйство в доме, экономила, посвятила себя целиком заботам о благополучии пасынка. Покойный мистер Аллен оставил Уинифрид крупную страховку, а также акции в фирме «Роудаллен». Однако компания начала получать прибыль лишь через десять лет после окончания войны. Долгое время Чарльз должен был ограничивать себя в расходах. Мачеха была всегда добра к нему, она заботилась о нем еще когда он был совсем юным. Если он возвращался домой на каникулы из Истборнского колледжа, это всегда означало, что он возвращался к ней. Она копила деньги, чтобы сделать его каникулы как можно более приятными. Этого он никогда не забудет, хотя, как он сам мне сказал, характер у нее стал малоприятным.

— Она мыслит слишком уж прямолинейно, бедняжка Уин. Я думаю, вся беда в этом. Маниакально увлечена гольфом. Из категории физически закаленных людей: сама никогда в

жизни ни одного дня не болела и не испытывает никакого сочувствия к слабым. Впрочем, свой долг в отношении моего отца она исполняла до дня его кончины. Я ей очень благодарен и останусь благодарным навсегда. Несколько месяцев назад, получив небольшое наследство от одной из старых тетушек, она вздумала было истратить все деньги на меня. Я заставил ее отправиться в круиз и для разнообразия хоть что-нибудь потратить на себя.

Эти слова должны были бы послужить мне предостережением. Мне надо бы догадаться, что у Чарльза сложился настоящий комплекс благодарности по отношению к Уинифрид. Но в то время, одержимая любовью, я нашла просто великолепным, что он так предан своей старой мачехе. Мне предстояло открыть для себя, что его бескорыстная любовь к старине Уин делала его на редкость слепым к чувствам других людей, в том числе и моим.

Но вернемся к тому дню, когда Чарльз сделал мне предложение.

В то мартовское утро Чарльз пообещал встретить мой поезд в Паддингтоне — для этого он должен был уйти из офиса. С тех пор он на подобные уступки не шел никогда.

Когда я прибыла на вокзал, Чарльза там не оказалось. Я разыскивала его в толпе людей на платформе, не в силах поверить, что он попросту забыл о договоренности. Ведь он был таким пунктуальным молодым человеком! Это также было одним из тех качеств, которые привлекали меня в Чарльзе. Он внушал мне чувство уверенности, защищенности. Однако на паддингтонский вокзал он все-таки не явился. Я позвонила в офис. Мне сказали, что он ушел домой, так как неважно себя почувствовал. Я начала тревожиться. Мне удалось дозвониться до его квартиры. Подавленным голосом он проговорил:

— О, Кристина, дорогая моя! Слава богу, что вы позвонили.

— Чарльз Аллен, вы сказали, что встретите меня! — негодующе воскликнула я.

— Да, я звонил вам в Шерборн, но вы, к сожалению, успели уйти.

— А в чем дело? Что случилось?

Потерянный, смущенный голос произнес:

— У меня ветрянка.

— Ветрянка?! — повторила я в ужасе, но не смогла удержаться и хмыкнула.

Тогда он сообщил мне, что накануне вечером очень плохо себя почувствовал, но все же

поплелся на работу, а оттуда вернулся домой. Встревоженный появившейся кое-где сыпью, а также повысившейся температурой, он вызвал врача.

— В моем возрасте, — простонал Чарльз, — проклятая глупая детская болезнь. И, конечно же, из всех возможных дней я заболеваю именно сегодня, когда мы договорились вместе провести вечер. Кристина, я абсолютно не в силах этого выдержать!

Мне тоже было трудно с этим смириться, о чем я ему и сказала, испытывая искреннее сочувствие к страдальцу.

— Когда выяснилось, что вы ушли, мне просто ничего не оставалось делать, — сказал он. — Напрасно я так поздно спохватился, но я все надеялся, что мне станет лучше.

— Мой бедный пятнистый Чарльз, — захихикала я.

— А вам не жалко меня?

— Жалко, но, кроме всего прочего, я ужасно разочарована.

— И я тоже, — простонал он. — Мы даже не можем повидаться, потому что я заразный.

— Ну что поделаешь, мне придется остановиться у Фрэн, а завтра утром отправиться домой.

— Я пришлю билеты в театр вашей подруге. Вы тогда сможете ими воспользоваться. Слава богу, наша приходящая прислуга еще тут.

К этому времени я почувствовала себя окончательно подавленной и впала в глубочайшую тоску из-за того, что не смогу провести вечер со своим кавалером. Я так ждала этого свидания!

— О Крисси, — донесся до меня грустный голос Чарльза.

— О Чарльз, милый, вам очень плохо? — спросила я.

«Милый» сорвалось с языка нечаянно. Наверное, это слово и придало ему мужества. Он вдруг сказал:

— Кристина, я так вас люблю! Вы это знаете, верно ведь?

Мне стало жарко. Стоя в телефонной будке, я начала дрожать от волнения и не желала замечать, что снаружи ждут очереди несколько рассерженных людей, нетерпеливо расхаживающих взад-вперед и поглядывающих на меня, как на преступницу. Я способна была ощущать только одно: сегодня великий день в моей жизни!

Я ответила:

— Нет, я не знала, что вы меня любите, но теперь знаю.

— Вы согласны выйти за меня замуж, Кристина?

— Да. Само собой разумеется.

— О Кристина, вы ангел! — Голос Чарльза уже не был несчастным. Он был столь же взволнованным, как и мой.

— Я вас люблю!

— Я тоже вас люблю!

— Я понял, что люблю, с первой минуты, как увидел вас.

— И я тоже.

В моем случае это было не совсем так.

— Вы воплощение всего, чего я когда-либо желал.

— А вы — для меня.

— О, как я вас люблю!

— Я люблю вас!

— Я, бывало, мечтал о чем-то подобном, но никогда не думал, что это может произойти в моей жизни.

— То же самое и со мной.

— Это просто кошмар — так долго вас не видеть.

— Я знаю. А сколько времени это продлится?

— Всего пару недель, но и это слишком долго.

— Да, действительно, слишком, слишком дол-

го.

— Я буду вам писать каждый день.

— И я тоже.

— Кристина, я люблю вас!

— Чарльз, я вас люблю…

А затем все начиналось сначала и длилось до тех пор, пока несколько взбешенных человек не начали колотить в дверь будки, заставив меня наконец убраться.

Так я обручилась со своим женихом.

Папа принял Чарльза, хотя, пожалуй, с меньшим энтузиазмом, чем пытался изобразить. Он знал свою дочь и не был вполне уверен, что Чарльз сделает меня счастливой. Но Джерими, когда приехал домой на уик-энд, пришел в восторг. Дорогой мой папа — он совсем не думал о себе и о том, что будет означать для него мой уход из дома, — сказал, что мы должны пожениться тогда, когда захотим. Он, вероятно, уйдет на покой и займет маленький коттедж, где будет жить вместе с прислугой, обожающей нас и служащей в семье уже много лет. Затем он напомнил, что имеется некая сумма — около тысячи фунтов стерлингов, — оставленная мне бабушкой по отцовской линии, чьей любимицей я всегда была. Эти деньги вложены в какое-то предприятие. Те-

перь они мои и окажутся не лишними в первый период семейной жизни.

Как только Чарльзу стало лучше, он приехал в Шерборн на уик-энд. Было куплено кольцо, а затем устроен вечер по случаю нашей помолвки.

Кстати, до моего ухода от Чарльза я не расставалась с этим маленьким колечком, а в тот день попросила передать его Диллиан, когда подрастет. Оно было не слишком дорогим — всего лишь маленький квадратной формы сапфир, обрамленный крохотными бриллиантиками. В те времена оно обошлось Чарльзу в самую крупную сумму, какую он только мог себе позволить, и я обожала это кольцо. Когда вспоминаю ту наивную радость неведения, с какой эта вещица была приобретена и с какой я ее носила, мне больно от сознания, до чего все это было трогательно.

Чарльз с папой обсудили финансовые проблемы, кстати, в наш век это уже не принято. Чарльз сообщил, что летом его ждет повышение, а со временем он станет в фирме младшим партнером. Он получал тысячу пятьсот фунтов стерлингов в год. У него были, кроме того, кое-какие сбережения. Именно в ту минуту, когда он упомянул о них, я поняла, что Чарльзу чужда расточительность. Впрочем, он обладал способностью не

упустить свой шанс, и уже тогда в его характере были задатки тщеславного карьериста, каким он впоследствии стал. Они-то и испортили вконец этого очень когда-то славного человека. Мы обсуждали также, как лучше всего использовать тысячу фунтов, которую я получила от бабушки. Чарльз говорил, что надо оставить эти деньги вложенными в какое-нибудь дело, а я настаивала на том, чтобы забрать половину и потратить на покупку кое-каких предметов роскоши, которые понадобятся для нашего дома.

Об этом будущем доме мы говорили без конца. И тогда на горизонте, конечно же, появилось выписанное крупными буквами имя: УИНИФРИД. Она все еще была за границей. Чарльз не имел о ней никаких сведений и послал авиапочтой письмо, извещавшее о помолвке. Это письмо ожидало ее прибытия в Сингапуре.

— Она будет довольна? — спросила я.

Чарльз отвечал как-то неопределенно. Вряд ли он и в самом деле знал, как она отнесется к новости, или подозревал гнусную ревность и злобу, кроющиеся в тайниках ее души.

Мы решили поискать для себя квартиру в Ричмонде. Нам обоим нравился этот район. Кроме того, центральное управление компании «Ро-

удаллен», руководившее заводом по производству телевизоров и радиоприемников, помещалось в Чизике (впоследствии они построили еще один центр на юге Англии). Чарльзу было бы гораздо ближе добираться до него из Ричмонда, чем из Саут-Норвуда. Во всяком случае, даже он не предлагал, чтобы мы жили вместе с его мачехой.

Мы нашли маленькую квартирку в здании, перестроенном под жилье, в двух шагах от реки. Дом был запущенный, но при нем имелся небольшой сад, и Чарльз подписал контракт об аренде. Я была совершенно счастлива (сейчас нахожу в этом что-то жалкое).

Я потратила триста фунтов на действительно прелестные занавеси и ковры, которые мне очень хотелось иметь, но на которые у Чарльза не было денег. Папа позволил забрать из нашего дома кое-что из мебели, а также часть старинного георгианского серебра, принадлежавшего еще моим дедушке и бабушке. До этого мне никогда не представлялся случай заняться украшением интерьера, но оказалось, что я обладаю природным даром дизайнера. С тех пор меня часто хвалили за убранство квартир, где нам с Чарльзом доводилось жить. Чарльз не обращал внимания, на каком стуле сидит, лишь бы он был удобным;

для него не имели значения ни цвет стен, ни качество занавесей. У него отсутствовал всякий вкус. Обставить дом мебелью и позаботиться о его внутреннем убранстве он предоставил мне.

Если бы так продолжалось и дальше, все было бы прекрасно. Но дело в том, что из поездки возвратилась его мачеха.

За неделю до свадьбы Чарльз позвонил мне:

— Я получил телеграмму от Уинифрид. Она вылетает из Сингапура, чтобы прибыть сюда вовремя.

— О, это очень мило с ее стороны! — воскликнула я. — Представляю, как вы довольны!

— Что ж, жаль, конечно, что она сократила свой отдых, но мне действительно радостно знать, что она будет с нами. Ведь у меня мало родных, которые могли бы представлять мою семью на церемонии венчания.

Теперь, когда я вспоминаю, как тоже прямотаки обрадовалась, узнав, что миссис Аллен прервала отдых и вылетает на родину, чтобы успеть к нашей свадьбе, то вижу, какая ирония судьбы была заключена во всем этом. Мне грустно вспоминать, с каким нетерпением я ждала нашей встречи. Я была молодой влюбленной девушкой, стремившейся ради своего жениха

понравиться его мачехе.

Однако мы с первой же минуты не поладили с ней. Чарльз этого не заметил. Он и понятия не имел о том, что мачеха и невеста постоянно кружат одна вокруг другой, наподобие двух ощетинившихся кошек, готовых пустить в ход свои коготки.

3

Мы встретились с Уинифрид в большом сумрачном доме в Саут-Норвуде. Вообще-то я уже видела его раньше. Чарльз как-то привез меня туда, чтобы показать семейные альбомы с фотографиями родителей и его самого в детском возрасте. Тогда дом был заперт, занавеси задернуты. До чего же угнетающая атмосфера — таково было первое впечатление от этого дома. Мне все там не понравилось: стереотипные ковры с цветочным узором, коричневый линолеум на полу в темной старомодной кухне, холл с безобразной лестницей и витражами на каждой площадке. Длинная полоска сада позади дома, с пригнувшимися и покрытыми копотью кустами, зарослями сорняка и одиноким полумертвым тополем, представляла собой невыразимо грустное зрелище.

Для занавесей использовался довольно дорогой материал, но те, что висели внизу, были ядовито-зеленого цвета, а вверху — того ужасного синего, который так быстро выцветает по краям. Что касается мебели, тут не было ни одной красивой вещи.

В то воскресенье мы все сидели в уютном гнездышке Уинифрид, как она именовала свою комнату.

Она говорила добросердечным тоном. Впоследствии я убедилась, что под показным громким и веселым благодушием скрывалась недобрая агрессивная натура, о которой Чарльз не подозревал. С ним мачеха была всегда оживленно мила.

Я слишком скоро убедилась и в том, что если и существовала в мире женщина, заслуживающая именоваться стервой, так это Уинифрид. По отношению ко мне она отнюдь не собиралась долго проявлять радушие и доброту.

Уинифрид угостила нас чаем. Хозяйка явно предпринимала кое-какие попытки придать своему гнездышку современный вид. Она была большой специалисткой по части бессмысленной экономии. Занавеси из искусственного шелка, репродукции общеизвестных шедевров, вставленные в плохонькие рамы и крайне неумело повешенные. Повсюду произведения так называемых художественных ремесел — преимущественно керамика. Стены горчичного цвета — у меня на этот тон всегда была аллергия — и того же омерзительного цвета диванные подушки и обивка. Все стены увешаны окантованными

фотографиями игроков в гольф — чемпионов, держащих в руках клюшки и призы. Причем всюду на видном месте красуется Уинифрид. На каминной полке — целая шеренга серебряных кубков, трофеи Уинифрид.

Гольф — гольф — гольф.

В комнате не было ни одного предмета, отличающегося изяществом, красотой или женственностью, а сама хозяйка имела мужеподобную внешность: крупная, крепко сбитая фигура, лицо красное, с легким пушком на коже, маленькие хитрые глазки, прячущиеся за стеклами очков в роговой оправе. Коротко остриженные волосы песочного цвета, кустистые брови — тоже песочные. Никакой косметики на лице, даже губы не накрашены. Однако в ее огромных красных ушах красовались сережки с настоящими, а не искусственными бриллиантами. Эти сверкающие камни, столь неуместные на ее голове, еще больше подчеркивали бесполость своей хозяйки.

Ее внешность произвела на меня удручающее впечатление. Уинифрид одарила меня одним-единственным пронизывающим взглядом, и я почувствовала, что не понравилась ей, хотя, перед тем как отправиться сюда, я потрудилась над своим обликом, стараясь стать как можно

более привлекательной. День был прекрасный, и я надела легкое трикотажное платье, а сверху короткую синюю жакетку. Я была без шляпы. Чарльзу нравилось видеть мои блестящие каштановые волосы, которые были в то время почти до плеч.

Уинифрид сжала мою руку с такой силой, что стало больно. Нетрудно себе представить, как эти большие костистые ручищи управляются с клюшкой! Она спросила:

— Значит, вы и есть та девушка, на которой мой Чарл собирается жениться?

Я пробормотала:

— Да.

А про себя подумала: «Ее Чарл! Мачеха явно отличается собственническими инстинктами. Для меня она наверняка станет настоящей свекровью — в этом можно не сомневаться!»

Чарльз обнял меня и невнятно произнес:

— Хороший у меня вкус, правда, Уин?

Уинифрид расхохоталась. Даже ее смех вызвал у меня тревогу: какой-то жесткий, лишенный настоящей веселости.

— В детстве ты едва ли обладал вкусом, мой дорогой Чарл.

Он рассмеялся вместе с ней. Мне стало ясно: он

прекрасно ее понимает. Любое качество характера, которое могло раздражать его в других, ей прощалось. Мне ужасно не понравилось придуманное ею уменьшительное от его имени — что еще за Чарл?! Впрочем, это мелочь. Что я ощутила с большой остротой, так это прискорбный факт: взглянув на меня всего один раз, Уинифрид ясно дала понять, что с детских лет вкус Чарльза не улучшился. Я была молодой и слишком хорошенькой, а они питала неискоренимую неприязнь к привлекательным женщинам.

Уин промямлила несколько поздравительных слов, затем осмотрела кольцо, подаренное мне Чарльзом по случаю помолвки.

— Гм! — воскликнула она, повернувшись к пасынку. — Дорогой мой, ты должен был подождать, пока я вернусь. Я могла тебе дать бриллиантовую гроздь, которую подарил мне твой отец.

Тут я вмешалась в разговор:

— А я считаю, что со стороны Чарльза было очень мило позволить мне самой выбрать кольцо.

Мои слова ее раздосадовали, и она заговорила раздраженным тоном. Уинифрид была вообще очень обидчива.

— Я думаю, моя дорогая, вам бы очень по-

везло, — сердито произнесла она, — коли вам досталась бы моя гроздь. Она стоит гораздо дороже, чем ваш сапфир.

Вот уж вопиющий образец дурного вкуса!

Я негодующе повернулась к Чарльзу, ожидая, что он накинется на нее. Но, к моему удивлению, он продолжал спокойно улыбаться и даже пробормотал какие-то слова благодарности за предложенные бриллианты. Позднее, когда я заговорила с ним на эту тему и высказалась в том смысле, что ей не следовало пренебрежительно отзываться о моем сапфире, он сказал:

— О, вы научитесь не обращать слишком много внимания на то, что говорит Уин. Она не всегда достаточно дипломатична, но у нее доброе сердце, и предложение было продиктовано самыми лучшими намерениями.

Мне постоянно твердили, что у Уинифрид самые лучшие намерения. Надо сказать, это относилось только к Чарльзу, а позднее к нашим детям. Я же никогда ей не нравилась.

Во время нашей первой встречи она разговаривала с Чарльзом больше, чем со мной, но то и дело поглядывала на меня поверх очков, словно пытаясь поточнее определить, что я за птица. Она задала мне несколько наводящих вопросов.

Хорошо ли я готовлю? Умею ли шить? Люблю ли детей? Иными словами, выйдет ли из меня хорошая жена? На каждый вопрос я, внутренне негодуя, отвечала утвердительно. Но, по-моему, Уинифрид вовсе не была этим довольна. Она надеялась, что мне придется ответить «нет» и таким образом я покажусь Чарльзу никчемной девицей. Я похвасталась даже, что платье, которое на мне надето, сшито моими собственными руками, а также подчеркнула, что люблю детей.

— Ну вот видишь! — воскликнул Чарльз с гордостью, согревшей мое сердце. — Мне здорово повезло.

У миссис Аллен был явно разочарованный вид. Она улыбнулась:

— А как насчет спорта? В гольф играете?

— Нет, — тут же ответила я.

— Ага! — торжествующе воскликнула Уинифрид. — А я придаю спортивным играм очень большое значение. Это в полной мере относится и к женщинам. Очень полезно для здоровья, для сохранения фигуры и для поддержания интеллектуальных способностей. По-моему, мы, люди спортивного склада, отличаемся здоровым взглядом на жизнь.

— Ах ты, моя добрая старая Уин! — пробормо-

тал Чарльз.

Ощетинившись, я повернулась к нему:

— А я и не знала, Чарльз, что вы так любите спорт.

В некотором смущении он потянул себя за ухо.

— Моя мачеха много лет ругала меня по этому поводу.

— Так ведь тебе действительно нужен кто-то, кто вытаскивал бы тебя на свежий воздух. Ты слишком склонен к сидячему образу жизни, — заявила Уинифрид, зажигая сигарету. У нее была препротивная манера разговаривать, держа во рту прилипшую к нижней губе сигарету.

— Как же так, ведь я плаваю на яхте, — запротестовал Чарльз.

— Это ты можешь делать только в соответствующий сезон и если найдутся друзья, у которых есть яхта. Купить себе собственную ты никогда не сможешь.

— О! Со временем куплю обязательно, — возразил Чарльз.

— А вы любите плавать на парусных судах? — обратилась ко мне Уинифрид.

— Никогда не плавала, — призналась я. — Но боюсь, что буду страдать от морской болезни. Со мной уже был однажды такой случай, когда мы

пересекали Ла-Манш.

Уинифрид разразилась своим неприятным смехом:

— Придется ей это превозмочь, если она станет участвовать в твоих плаваниях, а, Чарльз?

— Да как только она привыкнет, ее не будет укачивать, — миролюбиво заявил Чарльз.

Впоследствии, когда Чарльз смог позволить себе купить собственную яхту, я иной раз на уик-энд отправлялась с ним в плавание и пыталась заставить себя получать удовольствие от этого занятия. Дети были просто в восторге. Я же так и не избавилась от мучительной тошноты, портившей все удовольствие. В конце концов мне пришлось сдаться. Это был один из камней преткновения в отношениях с Чарльзом. Я отчетливо сознаю: если женщина не одобряет хобби своего мужа или не может участвовать вместе с ним в его любимом занятии в свободное время, это является весьма серьезной помехой счастливому браку, создавая опасную брешь между супругами.

Поскольку я любила Чарльза, то пыталась поладить с его мачехой в ту нашу первую встречу. Она задала мне еще кучу всевозможных вопросов — о моем доме и моих родных. Я рассказала ей о папе

и о Джерими. Но Уинифрид явно хотела поскорее перейти к сугубо личной беседе с Чарльзом. Всю остальную часть дня она обращалась почти исключительно к нему.

Он, естественно, интересовался ее поездкой. Она подробно описала ему визит к их общим друзьям, ныне живущим на Цейлоне, рассказала, как выиграла состязание по гольфу в Австралии. Вообще, она была очень довольна собой. Чарльз, по всей видимости, снисходительно относился к ее чрезмерному увлечению спортом, да и к ее нескрываемому самодовольству тоже. Эта громадная безобразная женщина поистине фантастически тщеславна, думала я про себя.

Я сидела тихонько, слушая их и понимая, что им нет до меня решительно никакого дела, пока Чарльз не начал время от времени поворачиваться в мою сторону, пытаясь втянуть в разговор. Это означало, что я должна говорить миссис Аллен комплименты по поводу ее успехов и осыпать лестью, которая была ей явно необходима. Надо сказать, в свой адрес я ничего лестного так и не услышала.

Она зажгла сигарету и бросила пачку своему пасынку.

— Возьми сигарету. Вы оба должны почаще

приходить ко мне, как ты всегда это делал в прежние времена, Чарл! Каждое воскресенье на ужин и в любой другой вечер, когда выберете время. Я всегда буду рада вас видеть. Вас обоих, — добавила она не без некоторого насилия над собой.

— Крис живет в Дорсете, Уин.

— Ах да, я забыла. — Далее речь зашла о нашей свадьбе. — Вы не так давно познакомились. Не слишком ли торопитесь, а?

Она стала омерзительно жеманничать. Я понимала, на самом деле она хотела сказать, что период, предшествующий венчанию, нам следовало бы значительно продлить.

Но Чарльз ответил именно так, как мне хотелось:

— Мы с Кристиной очень любим друг друга и не видим никаких причин откладывать свадьбу, особенно теперь, когда нашли для себя подходящий дом.

Тут я почувствовала, как сердце мое вновь переполняется радостью. Какое значение имеет антипатия к мачехе Чарльза, с которой я никогда не найду общего языка? Главное — я люблю Чарльза. Он был моей первой настоящей любовью, и я хотела принадлежать ему. Сидя с ним рядом в его прежнем доме, я готова была

отодвинуть Уинифрид в сторону, забыть о ее существовании. Единственное, чего я горячо желала, — это обвенчаться с Чарльзом, сразу же уехать с ним куда-нибудь, а затем обосноваться в собственном доме. Про себя я отметила, что воскресные ужины у Уинифрид могут превратиться в нечто угрожающее, однако вскоре забыла об этом.

Я сидела на диване рядом с Чарльзом. Моя рука потихоньку пододвинулась к его руке. Орлиный взгляд Уинифрид тут же это приметил, и она разразилась неблагозвучным гоготом:

— Подумать только — мой Чарл влюблен, держит девицу за ручку, как застенчивый мальчик. Дай Бог ему здоровья!

— Вовсе я не застенчивый! — возразил Чарльз и, наклонившись, поцеловал мою руку. Мне это понравилось, но Уинифрид — вряд ли. Для меня было очевидно, что она не только крайне недовольна нашей помолвкой и не одобряет любовь Чарльза ко мне, но ее возмущает и тот факт, что Чарльз уже упаковал свои вещи и перевез их в наш дом в Ричмонде. Впрочем, она прекрасно понимала, что, если хочет ладить со своим Чарлом, ей придется смирить собственные чувства.

— Послушайте-ка меня, вы оба, вместо того

чтобы флиртовать, может, пройдемся со мной по дому? Чарл, возьми листок бумаги и карандаш, и мы запишем, что из вещей я хотела бы преподнести вам, детки, в качестве свадебного подарка. У меня масса хорошей посуды и других вещей в этом роде, а кроме того — столовое серебро твоей матери, которым я никогда не пользуюсь. Ты можешь его забрать, Чарл. К чему тратить деньги, когда я могу дать многие необходимые вещи. Гостей я принимаю редко: часто бываю в отлучке, уезжаю на всевозможные соревнования. Есть масса предметов, которые вообще никогда мне не понадобятся.

Чарльз встал, протянул мне руку и заставил подняться.

— Я нахожу, что это страшно мило с твоей стороны, Уин, — с восторгом воскликнул он и обратился ко мне: — Не правда ли?

— Чрезвычайно любезно, — заикаясь от ужаса, произнесла я, поскольку уже осматривала как-то раз прежнее жилище Чарльза. Мне решительно ничего не хотелось отсюда брать. Меблировка дома совершенно никуда не годилась.

Столько лет прошло после того кошмарного дня, а я все еще содрогаюсь, вспоминая как мы ходили следом за Уинифрид и наблюдали, как она

откладывает для Чарльза гору вещей, которые он беспрекословно принимал, не спрашивая моего согласия и лишь изредка коротко говоря:

— Это нам приятно будет иметь…

Время от времени я думала: сейчас соберусь с силами и скажу «нет», но все-таки продолжала отмалчиваться. Уинифрид лишала меня возможности сказать то, что я думаю. Ведь она выступала в роли щедрой благодетельницы, готовой расстаться со своими сокровищами, и, если бы я сказала, что они мне не нужны, она, без сомнения, была бы глубоко оскорблена.

Так что я с самого начала решила: пусть уж эта жуткая экспедиция продолжается. Позднее, когда мы останемся наедине с Чарльзом, я смогу выразить все свои протесты.

Я до сих пор помню дары Уинифрид. Среди них я могла смириться разве что с одной-двумя вещами. Например, она преподнесла нам спальный гарнитур из светлого дуба, который я терпеть не могу, и два небольших ковра, из тех, что я уже видела раньше, и они тоже вызывали у меня отвращение.

— Спасибо, Уин. Как раз то, что нужно, — каждый раз повторял Чарльз.

В то время я надеялась, что с его стороны это

всего лишь проявление вежливости по отношению к мачехе. Однако впоследствии выяснилось, что он просто не в состоянии понять разницу между ужасающим барахлом и очаровательными вещами, которые окружали меня в родном доме. Он принял от Уинифрид даже совершенно чудовищные занавески из искусственного шелка, не подходящие по цвету ни к одной из комнат нашего нового дома.

Наконец очередь дошла до фарфора и стекла. Тут я потерпела еще большее поражение. Уинифрид преподнесла нам совершенно безобразный столовый сервиз. Ничего худшего я никогда не видала. Я слабым голосом произнесла, что у нас, мол, нет места даже для половины всех этих предметов.

Уинифрид тут же резко спросила:

— Вам что, не нравится?

— Нравится… но… то есть я хочу сказать, — начала было я, спотыкаясь на каждом слове, но сразу же замолчала, бросив умоляющий взгляд на Чарльза.

Кажется, он впервые тогда понял, что все эти дары не вызывают у меня такого же восторга, как у него. Но он знал свою мачеху, а потому поспешно сказал:

— Да, конечно же, Уин, ей нравится. Ты, пожалуйста, распорядись об отправке всех этих вещей по железной дороге в Ричмонд, я заплачу. Право, ты проявила неслыханную щедрость, и это наверняка позволит нам сэкономить кучу денег. Помню, я ел с тарелок из этого сервиза, когда был еще ребенком. Для меня он представляет ценность, можно сказать, и в чисто сентиментальном плане.

— Я так и думала! — воскликнула торжествующе Уинифрид.

Все мои собственные планы и мечты, отступили на второй план. Я не произнесла ни слова.

Позднее, когда мы ехали к себе, вопрос, конечно, снова всплыл.

— Думаю, вряд ли все эти вещи полностью в твоем вкусе, — смущенно произнес Чарльз. — Я знаю, что ты достаточно тверда в отстаивании своих взглядов, но ведь не можем же мы швырнуть подарки в лицо Уин.

— Но неужели мы будем всем этим пользоваться? — в отчаянии спросила я. — Ох, Чарльз, я с таким нетерпением ждала того дня, когда мы сможем сами выбрать все, что нам нужно. Я просто не в состоянии смириться с этим чудовищным гарнитуром из мореного дуба, состоящим из трех

предметов.

— Мне кажется, он принадлежал моей матери, — несколько натянутым тоном заметил он.

Я почувствовала, как лицо мое залилось краской. Ужас какой! Ну и ляпсус я допустила! Мне не хотелось обижать Чарльза, и я торопливо произнесла:

— Да что ты, я совершенно убеждена, что твоей матери он принадлежать не мог. Для этого он слишком нов. Наверняка это собственность Уинифрид.

— Ну что ж, я не хочу ее огорчать… — начал он.

— Ну понятно, я тоже не хочу, — сказала я.

На самом же деле мне не хотелось огорчить Чарльза. Я видела, что ситуация для него создалась слишком трудная, так что простила его.

Пожалуй, тот день должен был ясно показать, сколь велика разница между вкусами Чарльза и моими собственными, а также послужить предостережением насчет полнейшего отсутствия у него чувства юмора. Ведь он мог рассмеяться, и с проблемой было бы разом покончено.

Так или иначе, стало ясно, что меня ждет нелегкая задача — обставить дом так, как хочется мне.

Впрочем, со временем я настояла на своем.

Конечно, все вещи из Саут-Норвуда, которые я находила такими отвратительными, были отправлены в Ричмонд. В те дни мне не оставалось ничего иного, как принять их. Однако вскоре наступило время, когда Чарльз настолько глубоко ушел в свои дела, что перестал замечать сокровища Уинифрид или придавать их судьбе какое-либо значение. Когда я сообщила ему, что пристроила ужасающую спальню в подвале и отправила туда же большую часть посуды, он ограничился лишь тем, что пробормотал что-то невнятное. Более того, в конечном итоге он стал восхищаться антикварными вещами, которые я приобретала в результате азартных поисков.

Чарльз в сущности не был мелочным, но Уинифрид не простила мне того, что я не воспользовалась в полной мере ее подношениями, и то и дело спрашивала, куда подевались вещи, которые она послала нам.

В день нашего венчания я забыла даже про свою антипатию к Уинифрид. Я была счастлива, так невыразимо счастлива, что выхожу за него замуж. Церемония проходила в приходской церкви в Шерборне.

Свадьба прошла очень хорошо, и в моем родительском доме — Вайн-хаусе — был устроен

чудесный прием. Папа приложил все старания, чтобы выдать меня замуж как положено. Джерими получил отпуск и был у нас шафером. Из города приехали Джордж Вулхэм, Фрэнсис и Стив, Разумеется, пришли и все друзья, жившие в нашей округе.

Чарльз был очень красив и обаятелен. Должна признать, что женихом он был прямо-таки идеальным. У него были чистые сияющие глаза, часто встречающиеся у блондинов. Уинифрид сделала все, чтобы казаться как можно более доброжелательной. Никогда не забуду ее наряд, который она называла своим подвенечным одеянием. Платье цвета сомон со множеством рюшек — и громадная соломенная шляпа, плохо сочетавшаяся с цветом лица. Она была слишком румяной и слишком мужеподобной для всех этих оборок. Джерими, хихикая, сказал мне, что она похожа на гигантскую порцию мороженого «Кокосовый орех». Я не могла удержаться от смеха — лучшее сравнение трудно было придумать.

Мы с Чарльзом собирались провести свой медовый месяц на юге Франции. Первую остановку предполагалось сделать в Канне. Когда мы сидели в «моррисе» — первую брачную ночь мы провели в Лондоне, — к машине подошла Уинифрид.

— Как только вы вернетесь, тут же дайте мне знать, — сказала она, обращаясь к нам обоим. — Я настаиваю, что должна быть первой, у кого вы отобедаете по возвращении. Теперь, дорогая моя Крис, вы стали миссис Чарльз Аллен. Я надеюсь, вы немножко пополнеете и заставите Чарла научить вас держать в руках клюшку для гольфа, а? Что вы на это скажете?!

Видно, она пыталась шутить, но пронзительный смех, слышавшийся и после того, как машина тронулась, долгое время неприятно звучал у меня в ушах — да, даже этот смех, которым она разразилась в день моей свадьбы!..

4

Мой медовый месяц

Мне грустно писать об этом. У меня в то время не было критериев, по которым я могла бы оценить Чарльза как любовника. Это было не то, чего я ожидала, но говорить о полном разочаровании не приходится. Он был со мной откровенен и еще до нашей женитьбы рассказал, что в бытность его студентом в Кембридже была одна молодая девушка, посвятившая его в волнующие тайны секса. Однако, сказал он, взволновать его душу ей не удалось. Я его истинная любовь, и меня он любит и телом, и душой. Со мной все будет по-другому. Это он тогда так говорил!

Если бы дружеское общение, существовавшее между нами на протяжении двух недель во Франции, сохранилось и дальше, мне в последующие годы фактически не на что было бы жаловаться. Думаю, что, даже если я встретила бы тогда Филиппа, вряд ли у меня возникло бы искушение тайно бежать к нему из дома или вообще когда-либо изменить мужу. Мне хотелось и впредь любить Чарльза. Я по натуре не склонна к беспо-

рядочным половым связям и согласна с теми, кто говорит, что нормальные мужчины и женщины, получающие достаточное удовлетворение в интимной жизни, редко думают о сексе. Ко для тех, кто испытывает в любовной сфере глубокое разочарование, секс приобретает непомерно важное значение.

Однако вернемся к моему медовому месяцу. Я, конечно, понимала, что это будет своего рода испытание, поэтому в нашу первую ночь в лондонском отеле «Савой» не обошлось без некоторых осложнений.

Чарльз проявил подобающую случаю щедрость и снял восхитительный номер, выходивший окнами на реку. На юную девушку из Дорсетшира, привыкшую к простой жизни, роскошь обстановки произвела должное впечатление. Она испытала даже некий благоговейный трепет, а если учитывать, что этой провинциальной девушкой была я, заказанный Чарльзом колоссальный букет гвоздик, стоявший на туалетном столике, произвел на меня еще большее впечатление. От чувства благодарности у меня затуманились глаза, и я без конца твердила ему:

— Спасибо! Спасибо!..

Как всякая невеста, я немножко робела и нерв-

ничала, втайне спрашивала себя, что я буду испытывать, впервые полностью принадлежа мужу. Оглядываясь назад, я думаю: до чего же трогательно глупой была, возлагая надежды на то, что Чарльз прекрасно понимает, как следует вести себя, и сделает все, что требуется, чтобы я почувствовала, что не разочаровываю его, да и он сам в свою очередь не разочарует меня.

Так вот, по правде говоря, из нас двоих более робким оказался он. Когда Чарльз вошел в комнату, я была уже в постели. Он сбросил халат и лег рядом. Затем выключил настольную лампу. Летняя ночь была очень теплой. В открытые окна вливался лунный свет. После продолжительной поездки на автомобиле, а также от усталости, связанной со свадебными хлопотами, голова у меня слегка кружилась. Если не считать приглушенного шума уличного движения на Стрэнде и набережной, тишина была полной. Я почувствовала, как его рука прикоснулась к моим волосам, щеке, а затем спустилась к моей груди. Во время нашей помолвки мы не позволяли себе каких-либо страстных ласк. Чарльз был мужчиной иного типа, и я уважала его за это. Но сегодня я вся — с головы до ног — была женщиной, целиком принадлежавшей ему, и мне хотелось, чтобы меня

любили безумно и без оглядки.

В тот раз я впервые поняла, что Чарльз отнюдь не любовник. Конечно, никакого личного опыта в этой области у меня не было, так что по-настоящему никаких сравнений делать не могла, но мне приходилось обуздывать кипевшие во мне страсти и уверять себя, что я просто чудовище. Чарльз явно не ждал какой-либо инициативы с моей стороны и был убежден, что она должна исходить исключительно от него.

Я удивилась, когда он в ту ночь выключил свет. У меня была очень хорошая фигура, и мне хотелось, чтобы он ею полюбовался. Но Чарльз предпочитал заниматься любовью в темноте. Тогда я не понимала, какая печальная символика содержится в этом факте.

В конце концов он заключил меня в объятия и дал себе волю, отбросив чисто британскую сдержанность и напускную стыдливость, каковые — клянусь Богом — есть прямой результат суровой дисциплины и самоконтроля, которым обучают мальчиков в наших школах. И тут я перестала о чем-либо думать. Однако все кончилось очень быстро, и я пришла к убеждению, что в физической близости нет ничего такого уж восхитительного, как это обычно расписывают.

Единственным человеком, с которым я когда-либо откровенно говорила о сексе, была Фрэнсис Графтон, если не считать моего брата, который не мог сообщить своей юной сестре ничего сколько-нибудь поучительного. Папа этой темы никогда не касался, а матери, с которой я могла бы поговорить накануне свадьбы, у меня не было. Впрочем, вряд ли, даже будь она, бедняжка, жива, я много узнала бы от нее. Вся фактическая сторона дела была мне известна, как она известна всем современным девушкам. Но откуда им знать о тех психологических проблемах, которые может породить замужество и которые, без сомнения, начали омрачать мою жизнь с первых дней брака с беднягой Чарльзом?

В ту ночь он был прямо-таки пылок, как и позднее, когда мы прибыли в Канн. Но как быстро иссякал его пыл! Когда он однажды увидел мое обнаженное тело, я заметила явное смущение в его глазах.

Фрэн как-то сказала мне, что они со Стивом часто расхаживают по квартире совершенно голые и оба чувствуют себя отлично, не испытывая ни малейшего стеснения. Людей старшего поколения этот факт мог бы неприятно поразить, я же совсем не была шокирована. Однако после того

случая с Чарльзом я уже никогда не появлялась перед ним неодетой, а если бы появилась, он, вероятно, кинулся бы ко мне с халатом и сказал, что я могу простудиться или еще что-нибудь в этом роде. Разумеется, он преподал мне урок. Больше я уже никогда не отдавалась ему с такой невероятной, всепоглощающей любовью, переполнявшей мое сердце и будоражившей воображение в нашу брачную ночь.

И все-таки нам было хорошо в Канне. Мы провели там очень приятные две недели. Отношения у нас были поистине дружеские. Нам очень нравилась французская кухня и роскошь, окружавшая нас в отеле «Карлтон». Оба мы обожали купаться. Чарльз был прекрасным пловцом и обучил меня стилям плавания, которых я раньше не знала. Кроме того, мы совершали прогулки вдоль побережья через Ези, и Вильфранш, и Ниццу до Ла-Напуль. Оба загорели и окрепли. Я была совершенно счастлива. Впрочем, «совершенно» — не вполне точное слово. Просто счастлива, если не считать тех моментов, когда мне приходилось стыдиться своей страстности.

Никогда не забуду вторую неделю нашего медового месяца. Прежде чем заснуть, Чарльз каждую ночь целовал и ласкал меня. Однако этим все и

ограничивалось. По всей видимости, он меня не хотел. Я ничего не понимала. Он был не из тех людей, с которыми можно пускаться в обсуждение всевозможных подробностей, касающихся интимных отношений. Как правило, он говорил лишь, как все было превосходно, и выражал надежду, что я испытывала то же самое. Когда я набралась мужества сказать ему, что дела обстоят не совсем нормально, он, как видно, огорчился и чуть ли не рассердился. Белое лицо его налилось яркой краской, и он пробормотал что-то вроде «очень сожалею». Видно было, что он крайне смущен и обижен, потому что я дала почувствовать, что он оказался не на высоте. Так как я любила его, то тут же заявила, что для меня это не так уж важно, что все, мол, в порядке, просто дело в том, что до него я никогда ни с кем не спала, и, наверное, если кто и виноват, так это я. Лицо его прояснилось, он рассмеялся и начал подтрунивать надо мной, говоря, что он-де чертовски рад как раз тому, что я ни с кем прежде не спала.

В ту ночь он пытался вести себя со мной получше. Ничего из этого не вышло. Каждый раз повторялось одно и то же: Чарльзом овладевало внезапное желание, он быстро достигал вершины экстаза, а за этим неизменно следовала

сигарета. В последнюю ночь нашего пребывания во Франции мы говорили о чем угодно, кроме любовной страсти. Мне кажется, он заметил на моем лице выражение, вызвавшее у него тревогу, и поэтому попытался еще раз мной овладеть. Он был преисполнен самых лучших намерений — страстно меня ласкал, говорил, что я необыкновенно красива, что он без ума от моих длинных каштановых волос и бархатистой кожи и что мои большие глаза — синие, как Средиземное море. Он стал выражаться прямо-таки поэтично. Слушая его — у Чарльза был очень красивый голос, — я пригрелась в его объятиях и начала чувствовать себя совсем счастливой. Однако акт любви он все-таки не повторил. В ту ночь я поняла раз и навсегда, что ничего другого никогда и не будет. Его вины в том не было. Это я была не такой, как он, и мне надо привыкнуть к этой мысли.

Моя любовь к Чарльзу приобрела привкус горечи. В последующие годы нашей совместной жизни я перестала тревожиться насчет того, огорчаю я Чарльза или нет. Он сам слишком часто меня огорчал. Помню, он как-то сказал, что, по его мнению, сексу должно быть отведено в жизни определенное место и ни к чему вечно толковать на эту тему. Наверное, все дело в том, что сам он

в сексуальном отношении недоразвит. Кроме того, он заявил — хотя я с этим решительно не была согласна, — что, на его взгляд, интимная близость между мужем и женой уместна лишь по особым случаям и должна рассматриваться как своего рода праздничная церемония. Мне эта теория показалась довольно противной. Ведь не могла же я внезапно воспылать страстью лишь потому, что Чарльз преподнес мне какой-нибудь подарок, или потому что мы находились где-то на отдыхе, или же оттого, что дело происходит в Сочельник или в субботнюю ночь. Именно это я и сказала ему.

— Мужья и жены должны тянуться друг к другу инстинктивно и находить удовлетворение во взаимной близости. Причина для этого требуется только одна: они должны любить и желать друг друга, — заявила я.

В тот момент он был занят — отвечал на какое-то письмо от страховой компании. Он лишь посмотрел на меня через плечо своим невозмутимым взглядом — до того невозмутимым и хладнокровным, что порой это меня просто бесило. Неожиданно Чарльз расплылся в улыбке, и от этого ситуация стала еще хуже. У меня подобная реакция не вызывала желания отнестись к этой

проблеме юмористически.

— Дорогая моя, Крис, — произнес он нараспев, — ну и странные же порой тебя посещают идеи.

— Ну и ладно, пусть я странная, а ты зато просто кусок льда. Не будем больше это обсуждать.

Он и не стал. К тому времени мы были женаты около года и у меня уже родился Джеймс. После появления на свет сына Чарльз фактически не прикасался ко мне. Как видно, он считал, что пока я кормлю ребенка, меня надо вообще оградить от всяческих интимностей. Я думала про себя: если у кого-то и есть странные идеи, так это у него. Однако Чарльз по-прежнему был совершенно уверен во мне, и я думаю, что именно это удручало меня больше всего. В начальный период нашего брака я не сомневалась в глубокой любви к нему и желании всегда оставаться хорошей и верной женой. О каких-либо других мужчинах я даже не помышляла. Но, поскольку мне шел всего лишь двадцать третий год, перспектива прожить еще лет тридцать с лишенным темперамента, холодным мужем, по правде сказать, меня очень пугала.

Что-то я слишком забегаю вперед. Надо вернуться к последним дням нашего медового

месяца...

Мы возвратились на родину не самолетом, а поездом и затем на пароме. Сделано это было, чтобы доставить удовольствие Чарльзу, которому нравилось пересекать Ла-Манш. Вероятно, Чарльз ничего уже переменить не мог, так как успел сообщить Уин о дне нашего возвращения. Она тут же откликнулась письмом, в котором известила, что приготовит ужин у себя дома в Саут-Норвуде, чтобы мне, дескать, не пришлось сразу же браться за стряпню.

— Как это мило со стороны старушки Уин, — заметил Чарльз.

Впоследствии мне приходилось частенько слышать эту фразу, приводившую меня в бешенство.

Как странно все-таки, думала я. Он не понимает, что она пригласила нас вовсе не потому, что хочет избавить меня от утомительной готовки, а единственно потому, что ей хочется увидеть его. Я-то ничуть в этом не сомневалась. Когда я сказала Чарльзу, что предпочла бы провести наш первый вечер вдвоем в собственном домике, он поцеловал кончик моего носа и сказал:

— Ты прелестная сентиментальная малышка, но я думаю, что, если мы не примем приглашение Уин, она будет страшно разочарована. Ехать

совсем недалеко. Давай побываем у нее, детка.

Я была замужем всего две недели, обожала Чарльза и гордилась своим новым статусом его жены. Сообщая папе и Джерими, что испытываю полнейшее блаженство, я отнюдь не кривила душой. Без дальнейших споров я предоставила мужу действовать так, как он находит нужным.

Ужин, однако, прошел в очень дружелюбной атмосфере. Как всегда, Уин постаралась угостить Чарльза его любимыми кушаньями — лососиной под майонезом и меренгами. Говорили преимущественно они двое, обмениваясь впечатлениями о Канне. Оказалось, что несколько лет назад Чарльз ездил на Лазурный берег с мачехой и двумя приятелями. Я почувствовала себя лишней. Сидела и молчала. Что-то мне было не очень весело. Великолепное побережье казалось теперь очень далеким, как и моя фантастически прекрасная спальня в «Карлтоне». Купание в синем-синем море, отдых на пляже под горячим солнцем, эти романтичные и волнующие ночи — все отошло в прошлое. Снова мы в Лондоне, в гнездышке Уин. Июньская погода повергла в уныние. В Саут-Норвуде все было серым и холодным. Чарльз заметил, что я вздрагиваю, и что-то сказал по этому поводу. Уин тотчас же громко

расхохоталась:

— Ну, ну! После столь долгого пребывания на свежем воздухе и физических упражнений кровообращение у нее должно было бы улучшиться!

Чарльз обнял меня одной рукой, что наверняка раздосадовало Уин, так как взгляд, брошенный на меня, был темнее тучи. Он пробормотал, что, мол, у меня, бедняжки, кровообращение не слишком хорошее. Я довольно резко отняла у него свою руку, опасаясь, что это замечание может вызвать целую лекцию со стороны Уинифрид. Так оно и случилось. Она снова начала грозиться научить меня игре в гольф и заявила, что достаточно пару раз помахать металлической дубинкой, чтобы кровь так и заиграла в теле.

Когда мы с Чарльзом прибыли домой, я была не в настроении.

Отделку нашей квартиры к этому времени в основном завершили. Гостиная выглядела очень симпатично. Фрэн со Стивом прислали по поводу нашего возвращения два десятка белых и розовых роз и охапку белой сирени. На каминной полочке лежала телеграмма от моего отца, гласившая: «Добро пожаловать домой». А также письмо от Джерими. Так все было уютно, и вообще намного теплее, чем в доме Уинифрид! Но меня все еще би-

ла дрожь. Я направилась в спальню и включила электрический камин. Чарльз пошел принимать ванну. Я сидела одна на краю кровати и глядела на безобразное покрывало из искусственного шелка — одну из тех вещей, которые навязала мне Уинифрид. Я собиралась при первой же возможности заменить его другим, постаравшись никого не обидеть, однако сегодня безобразие этой штуки по-настоящему вывело меня из себя.

Я вдруг почувствовала себя несчастной. И не потому, что перестала любить Чарльза, а потому, что сознавала — что-то у нас с ним не так. В то время точно определить, в чем дело, я не могла, но подсознательно чувствовала: что-то не в порядке. Я понимала, что была тогда эмоциональной и сентиментальной девушкой. Даже сейчас, когда мне за тридцать, меня иной раз обвиняют в чрезмерной мягкости, но в ту ночь я отчаянно нуждалась в том, чтобы мне дали ощутить, сколь велика наша близость с мужем. Я хотела почувствовать, что мы так же, если не еще более, близки, как во время медового месяца. Возможно, это была реакция на то, что я вдруг очутилась тут, в Ричмонде, впервые так далеко от моего прежнего дома и обожаемого отца. А может, меня страшило то, что Чарльзу надо завтра на работу

и я целый день его не увижу. Во всяком случае, когда муж в халате и пижаме вошел наконец в комнату, он с удивлением увидел, что я еще не разделась и продолжаю сидеть.

— А ну-ка, детка, поторопись, — сказал он. — Я что-то устал сегодня, а ты?

— Да, я тоже, — кивнула я в ответ. Вид у меня был угрюмый, и я знала об этом.

Тут он увидел электрический камин, тихонько свистнул сквозь зубы, наклонился и выключил его:

— Мне показалось, что здесь жарко, как в печке. Право, детка, ну какой может быть камин в июне?

Я вскочила. Меня охватила ярость, которую я и не подумала скрыть.

— А почему мне нельзя зажечь камин? Какая разница, какой сейчас месяц — июнь или декабрь, — если человеку холодно? Ты ничуть не лучше своей мачехи! Наверное, все дело в том, что это слишком дорого? Ну что ж, оплачу счет за электричество из собственных средств, но я терпеть не могу мерзнуть. В Канне было так жарко. Ах, как было бы хорошо, если бы мы остались там. Как было бы замечательно, если бы нам вообще не надо было возвращаться домой. Как было бы

хорошо…

Голос мой надломился. Сквозь завесу слез я видела лицо Чарльза, ставшее от удивления и ужаса просто комичным. Я еще подумала про себя: он похож на рыбу, вытащенную из воды и то открывающую, то закрывающую рот в попытке глотнуть кислород.

Я разрыдалась. Голос Чарльза был столь же удивленным, как и выражение его лица:

— Послушай, детка, объясни мне, бога ради, что стряслось?..

Я бросилась на кровать. Он лег рядом и обнял меня за талию, будучи не в силах понять, почему инцидент с камином мог так меня расстроить. Что-либо логически объяснить ему я не могла, а сам он был вполне всем доволен. Он прекрасно провел медовый месяц и готовился столь же замечательно провести первую ночь в собственном доме — замечательно, конечно, в том смысле, как он это понимал. Не будучи сентиментальным, он не мог даже представить, что для меня все испортил вынужденный визит к Уинифрид; не понимал он и причины моей чрезмерной взвинченности. Может, я просто глупышка? Он уже завел было об этом речь, но я почувствовала себя только еще хуже.

— Дурашка моя маленькая, о чем ты плачешь? Да зажги, пожалуйста, камин, если тебе хочется. Я вовсе не хотел тебя огорчить. Ведь я же люблю тебя, глупенькая ты моя…

Глупенькая… Как видно, это я глупенькая. И, хотя Чарльз вовсе того не хотел, эти слова еще больше отдалили меня от него. Однако плакать я перестала и попыталась как-то исправить допущенную мною слабость. Отчаянно прильнув к мужу, я целовала его и просила, чтобы он целовал меня.

Однако для моего супруга медовый месяц кончился. Он никак не отвечал на поцелуи и прикосновения… Он устал, а завтра ему надо рано встать и отправиться на завод… Он искренне сожалел о том, что расстроил меня… Он впервые увидел такой поток слез, извергнувшийся из моих глаз, и огорчился, но причину понять не смог… Чарльз обнял меня, похлопывая рукой по моей мокрой щеке, целовал кончик моего носа — была у него такая привычка проявлять свою нежность. А мне требовалась нежность иного рода. Наконец он отодвинулся от меня и громко, отнюдь не романтично, зевнул:

— Крис, у нас был очень длинный день. Ты посмотри, который час! Скоро двенадцать. Я думаю,

нам надо поспать.

Быть может, все это мелочь. Кому-то так и покажется, но только не мне.

Так меня отвергли в первый, но не в последний раз. Я уже начинала жалеть, что не принадлежу к категории холодных жен, и пришла к заключению: лучше, когда из двух супругов сильнее любит и отличается более страстным темпераментом мужчина.

Чарльз, возможно, воображал, что в скором времени у нас будет еще один медовый месяц. Однако ничего из этого не вышло. Спустя три месяца я убедилась в том, что беременна. Чувствовала себя скверно, меня все время тошнило. Вскоре я утратила стройность фигуры. Вид у меня стал крайне неромантичным. Я начала носить просторные платья, специально предназначенные для беременных женщин, и внезапно почувствовала полное охлаждение к Чарльзу.

В марте следующего года родился Джеймс.

Я не могу отрицать, что в период беременности отношение Уинифрид ко мне заметно улучшилось. Однако, когда Чарльз впервые сообщил ей в моем присутствии о будущем ребенке, она встретила известие не слишком радостно.

— Что-то больно скоро, — рявкнула Уин. — Ре-

бенок — тяжкое бремя для молодого человека, делающего лишь первые шаги в деловой карьере.

Я, как всегда, промолчала, но почувствовала, что лицо мое залилось краской. Чарльз начал меня — а также и себя — защищать.

— Нельзя же обвинять Кристину в том, что она нарочно забеременела, дабы помешать моей карьере, — рассмеялся он.

— Не говори глупости, Чарл, — оборвала его Уинифрид. — И кроме того, мне не нравится слово «беременна».

Теперь, пытаясь все беспристрастно проанализировать, я вижу, что такой, какой она была, ее сделала чисто женская зависть. Она, конечно, ни за что бы не призналась, но истина заключалась в том, что в свое время Уинифрид сама хотела иметь ребенка. Однако вскоре после того, как она вышла замуж за отца Чарльза, мистера Аллена, ей пришлось перенести операцию, которая положила конец всем надеждам на этот счет. Окружающие считали ее одной из тех женщин, которых такое не слишком огорчит, поскольку теперь она сможет посвятить свою жизнь спорту. Но, я уверена, она испытала глубокое разочарование. В женщине такое крушение надежд может

породить злобу, мелкую зависть и неприязнь к любой другой женщине, способной осуществить свое естественное стремление к материнству. Изголодавшееся сердце Уинифрид целиком излилось на пасынка. Однако неприязненное отношение к таким, как я, наделенным истинной женственностью, успело глубоко укорениться в ее душе. Для нее непереносима была мысль, что я способна дать Чарльзу решительно все.

Впрочем, свыкнувшись с мыслью о моей беременности, она стала относиться ко мне внимательнее. В свободное от игры в гольф время, бывало, наведывалась в Ричмонд с какими-нибудь маленькими подарочками. Во всем касающемся детской одежды вкус у нее был лучше, чем в выборе мебели.

Помню, однажды она преподнесла мне очаровательное платьице для годовалого ребенка. Оно было сделано во Франции, все в складочках и оборочках, совершенно прелестное. С каким-то стыдливым выражением на лице Уинифрид наблюдала за тем, как я разворачиваю сверток. Когда я громко выразила свое восхищение, она заявила ворчливым голосом:

— Кроха сможет в него обрядиться, вероятно, самое раннее через год, но я его увидела и не усто-

яла. Похоже, оно подходит скорее для девочки, чем для мальчика, так что будем надеяться на рождение дочки.

— Это очень мило с вашей стороны, Уинифрид, — сказала я.

Она начала расхаживать по нашей гостиной — как всегда с сигаретой, прилипшей к нижней губе, засунув руки в карманы вязаного жакета. На меня она старалась не смотреть. Я говорила Чарльзу, что моя все более раздававшаяся фигура, как видно, приводит ее в смущение. Тем не менее у нее бывали такие вот минуты доброты и щедрости. Впрочем, боюсь, я быстро прониклась крайне скептическим отношением к Уинифрид и уже пришла к заключению, что она проявляет интерес к малышу только по одной причине: это ребенок Чарльза. Что он наполовину принадлежит мне, ее ничуть не трогало.

— Если родится мальчик, — заявила Уин, — надеюсь, вы назовете его Джеймсом в честь моего покойного мужа.

Это поставило меня в затруднительное положение — я уже решила назвать своего будущего сына Эриком, как моего отца. Когда я заикнулась об этом, Уинифрид устремила на меня негодующий взгляд:

— Мне кажется, вы могли бы предоставить Чарльзу по крайней мере выбор имени. Дело не только в том, чтобы угодить мне. Я знаю, он будет рад, если ребенок получит имя его отца.

Маленькое платьице для годовалой девочки, совсем забытое, лежало между нами на столе.

Нас снова разделил привычный барьер взаимного предубеждения и неприязни. Мы начали препираться по поводу имени. В это время вошел Чарльз. Повернувшись к нему, я сказала:

— Чарльз, скажи, пожалуйста, Уинифрид, что мы решили назвать ребенка Эриком в честь моего отца.

Не успел он произнести и слова, как в разговор вмешалась Уинифрид:

— А я считаю, Чарльз, что его надо назвать Джеймсом, в память о твоем отце. Ты сам говорил мне об этом.

На сей раз в неудобном положении очутился Чарльз. Я заметила обозначившуюся на его лбу морщинку. Мягкие голубые глаза посмотрели в мою сторону, но он тут же отвел взгляд:

— Ох, ну и парочка же вы! Никогда ни о чем не можете договориться.

— Позволь, разве ты не говорил мне, что хотел бы, если родится мальчик, назвать его Джейм-

сом? — вопросила Уинифрид.

Он потянул себя за мочку уха и пробормотал в ответ что-то невнятное:

— Да, наверное, говорил, но если Крис предпочитает имя Эрик в честь своего отца…

Уинифрид резко оборвала его:

— Если Крис предпочитает… Ты на все готов, лишь бы угодить Крис. Мне кажется, ей следовало бы стремиться угодить тебе. — С этими словами Уинифрид нахлобучила на голову фетровую шляпу и удалилась.

Меня затошнило. Во время беременности приступы тошноты бывали у меня очень часто.

— Иду в ванную, — сдавленным голосом произнесла я.

Чарльз последовал за мной. Невзирая на неоднократные просьбы уйти и оставить меня в покое, он не уходил, держал меня за руку и смачивал мне виски одеколоном, пока приступ не проходил. Он был очень добр и заботлив. Заверил, что нашего сына назовут любым именем, какое я выберу. Если же родится девочка, ее в любом случае надо назвать Кристиной. Я уже совсем готова была удариться в слезы, но, услышав его слова, невольно рассмеялась:

— Нет уж, пожалуйста, зачем нам в семье две

Кристины? Мне всегда нравилось имя Диллиан.

На этот раз засмеялся он:

— Даффодил — Дилл — Дилли-ан! Иными словами, желтый нарцисс. Красиво звучит, но уж больно книжно.

Он обнял меня, и мы спустились по лестнице. Между нами опять все было в полном порядке. Уинифрид ушла. Мы расположились, готовясь провести вечер в семейной атмосфере, хотя после ужина с Чарльзом невозможно поддерживать дружескую беседу. Он всегда приносил домой полный портфель документов, требовавших неотложного внимания. Нет чтобы оставить деловые проблемы в офисе… Наверное, он считал, что для меня самое лучшее место — постель, так как заметил, что мне-де надо рано вставать. Я ушла нехотя. В те дни я вообще не любила лежать — у меня было сильнейшее несварение желудка, и в сидячем положении я себя чувствовала лучше. Мой бедный живот стал просто необъятным, и ребенок толкался в чреве, что есть силы.

Так шли месяц за месяцем. Роды прошли легко, и Чарльз был в полном восторге.

Родился мальчик, его окрестили и назвали Джеймсом. Уинифрид с торжествующим видом держала ребенка у купели. Она настояла на том,

что будет крестной, а также нареченной бабушкой. Я пригласила на крестины и представителей своей семьи. Одним из крестных стал мой брат, а другим — старший партнер Чарльза по фирме Норман Холландер. Церемония прошла очень удачно.

Во время приема, который мы устроили после крестин, Джерими шутливо заметил, что Уинифрид более чем когда-либо походит на розовое мороженое «Кокосовый орех». Впрочем, она пребывала в прекрасном настроении и то и дело разражалась громким смехом. Она явно была просто очарована ребенком. Мне самой сын казался очень непривлекательным — безволосый, морщинистый. Мое небрежное отношение к младенцу вызвало резкую критику со стороны нашей дражайшей Уинифрид.

— По-моему, то, что Уинифрид так полюбила малютку, просто замечательно, — заметил Чарльз. Тогда он был довольным и гордым отцом.

Я сухо сказала в ответ:

— Это только потому, милый, что по ее мнению, ребенок весь в тебя. Если бы это была девочка, похожая на меня, она такого интереса не проявила бы.

— Не будь такой злоязычной, детка, — ответил

муж.

Нельзя сказать, что тон его при этом был недобрым, но в глазах мелькнуло предостерегающее выражение. Чарльз неизменно огорчался всякий раз, когда я скверно отзывалась об Уинифрид. Однако как ни старалась, мне не всегда удавалось скрыть свою неприязнь. С этим я ничего не могла поделать, Чарльз был очень односторонен. Ему, как видно, никогда даже в голову не приходило, что в наших разногласиях могла быть виновата она. Он не замечал ее вечной язвительности и манеры самоутверждаться и довольно бесцеремонно вторгаться в нашу жизнь, вызывая крупные недоразумения. Воскресные ужины в Саут-Норвуде совершенно выводили меня из себя. Так как мы не могли найти для ребенка няньку, приходилось укладывать его в плетеную кроватку и брать с собой. В первые минуты Чарльз вел себя весьма дружелюбно, но, после того, как мы покидали дом мачехи, настроение его резко менялось.

По дороге домой он осыпал меня упреками:

— Ты никогда даже не пытаешься понять милую старушку Уин. Я без конца твержу: просто у нее такая манера — резко выражаться. А сердце — золотое.

— Золото свое она искусно прячет. Что же касается манеры рубить с плеча правду, мне кажется, Уин несколько перебирает, — негодующе возразила я.

Нередко случалось, что после вечера, проведенного у мачехи, Чарльз отвергал все мои попытки вновь сблизиться с ним. Сейчас, размышляя об этом, я вижу: всю вину за раздоры между мной и Уинифрид он возлагал на меня. И, как видно, именно из-за этого я ему опостылела. Чем нетерпеливее он вел себя со мной, тем сильнее я ненавидела Уинифрид. Получался прямо-таки порочный круг, и в конце концов наступил день, когда я уже не могла больше закрывать глаза на то, что брак мой оказался неудачным и мы с Чарльзом несчастливы. Особенно страдала я, поскольку для Чарльза деловые проблемы всегда значили больше, чем любовь.

Я пошла со своими горестями к Фрэн. Она всегда была женщиной практичной и имела наготове добрый совет. Хоть она и любила, а подчас, думаю, и жалела меня, но оказывала поддержку лишь в тех случаях, когда действительно считала Уинифрид виноватой. Фрэн — человек очень искренний, и ей удавалось быть беспристрастной.

— А не проявляешь ли ты некоторую нетерпи-

мость к этой несчастной тетке? — спросила она меня как-то. — Не становится ли это чем-то вроде навязчивой идеи? Она всецело одержима своей завистью и ревностью к тебе, но тут дело не в ней одной, милочка. Что же касается Чарльза, я знаю: тебе с ним тоскливо. Для меня было бы сущим адом жить с таким человеком. Но ведь, радость моя, ты сама его выбрала. А я тебя предостерегала еще тогда, когда ты в первый раз пришла сообщить о своей помолвке. Ты считала его очень даже подходящим женихом для себя. Может, мне поговорить с ним? Хочешь, я намекну ему кое на что?

Я поспешила ответить:

— Нет, не надо!

Подобное вмешательство имело бы роковые последствия. Моей дорогой Фрэн, я, конечно, ничего сказать не могла, но Чарльзу не слишком нравились ни она сама, ни ее симпатичный муж. На его взгляд, это были слишком артистичные натуры и вели они себя чересчур раскованно. Я также думаю: он немножко побаивался проницательности Фрэн, ее искушенности и утонченности, быть может внутренне сознавая, что он ей не ровня. С течением времени он начал пытаться обвинять беднягу Фрэн во влиянии на мои взгля-

ды на жизнь.

— Когда мы впервые встретились, ты была мягкой, нежной, несколько даже незрелой для своего возраста. Но всякий раз после того, как ты увидишься с Фрэн, в тебе появляется жесткость и какой-то командирский тон — точь-в-точь как у нее. Не завидую я Стивену.

Я с возмущением начинала защищать Фрэн, но Чарльз и слушать ничего не хотел:

— Она на тебя плохо влияет. И, по-моему, ко мне она относится не лучше, чем я к ней.

Пожав плечами, я выходила из комнаты. Спорить все равно было бесполезно.

Меня удручало также то, что в первый же год нашей семейной жизни мы с Чарльзом стали совсем чужими: сидели по разные стороны стола и не глядели друг на друга. Это казалось мне просто ужасным. Неужели многие супружеские пары похожи на нас — испытывают неприязнь, подозрительность, какое-то чувство неуверенности друг в друге?

Даже Джеймс, чудный малыш, — он был в то время не только отцовским, но и моим любимцем, — не мог полностью предотвратить все возраставшее между нами отчуждение, хотя мы оба обожали его, очень им гордились и любили

с ним играть. Постоянно возникали споры по поводу его воспитания. «Нельзя допустить, чтобы он стал маменькиным сынком и неженкой», — заявлял, бывало, Чарльз. Он не позволит мне избаловать мальчика.

В дело вмешалась и Уинифрид. Для нее самым главным было сделать из Джеймса хорошего спортсмена. Для мальчика, утверждала она, не так важны книги, музыка и искусство. Его надо побольше держать на игровой площадке, чтобы научить гонять мяч.

Чарльз полностью с этим соглашался.

— Уж не заказать ли для нашего Джимми миниатюрную клюшку для гольфа — пусть сосет в своей колыбельке?! — с истерическим смехом спросила я как-то Чарльза.

— Это, конечно же, выпад против Уин, — холодно сказал он и вышел из детской.

Мы помирились. Мы всегда мирились, но взаимные обиды и пререкания возникали снова и снова. Для меня подобная атмосфера была просто гибельной. Она убивала романтическую любовь. Иллюзии, которые я питала насчет того, что мужде может остаться любовником, рассеялись. Я начала чувствовать себя обманутой, очень одинокой и пыталась найти утешение в материнстве,

но понимала, что нуждаюсь в супружеской любви — такой, какую проявлял (или мне казалось, что проявлял) в прошлом Чарльз. Любви, а не этого ужасного чувства спокойного расположения, сопровождавшегося время от времени возней в двуспальной кровати — разумеется, в тех случаях, когда он не слишком уставал, чтобы услужить мне! Я очень скоро убедилась, что иметь ребенка — еще не все. Я из тех женщин, которым нужен, кроме того, и любовник.

Джеймсу было пять месяцев, когда мы впервые захватили его с собой в Вайн-хаус, дом моего отца. Когда-то я надеялась, что дом в Ричмонде станет своего года оазисом, где мы с Чарльзом, одни, изолированные от всего и всех, будем крепко держаться друг за друга, чувствуя себя неуязвимыми и для любых бед внешнего мира, не сомневаясь в обоюдной любви и безоговорочно доверяя друг другу.

Грустно вспоминать, но в тот день я уезжала из Ричмонда в Шерборн с чувством облегчения. Мне просто не терпелось вернуться в отчий дом.

Мы ехали с Джеймсом, лежавшим в плетеной кроватке на заднем сиденье. Я была в прекрасном настроении и всю дорогу болтала без умолку. Вдруг Чарльз посмотрел на меня восхищенным

взглядом и сказал:

— Ты сегодня очень веселая. И очень хорошенькая. Фигура у тебя стала совсем как прежде. Я это заметил ночью, детка.

Я была радостно взволнована. За последнее время комплименты из уст мужа стали для меня редкостью.

— Ах, милый мой! — воскликнула я и устроилась поуютнее, взяв его под руку. — Давай поскорее устроим второй медовый месяц. Помнишь, ты мне обещал в тот день, когда мы вернулись из Канна?

— Я думаю, детка, это было бы замечательно, но не знаю, как мы сможем теперь уехать, когда у нас на руках Джеймс?

Я тут же нетерпеливо возразила:

— Можно оставить его в Вайн-хаусе с миссис Лэйк. Она вырастила несколько собственных детей и великолепно справится. С ней малыш будет в полной безопасности. Ах, Чарльз, ну давай уедем недельки на две за границу, совсем одни!

Чарльз остановил машину, чтобы закурить сигарету. Было видно, что он удивлен. Он заговорил смущенно, избегая моего взгляда:

— Боже праведный! Никогда бы не подумал, что ты захочешь оставить своего ребенка, когда

он еще такой крошка.

— Но это как раз наиболее подходящее время, чтобы его оставить, — доказывала я. — Он и не заметит моего отсутствия. Миссис Лэйк подходит как нельзя лучше. Она обожает маленьких. Пятимесячному младенцу безразлично, кто около него, лишь бы он был в тепле и хорошо накормлен. Они начинают понимать, что такое мать, и скучать по ней только когда становятся чуточку постарше. Если мы прождем еще полгода, то уже никогда не уедем.

Молчание.

Чарльз открыл коробок и сунул туда сгоревшую спичку. Он такой аккуратный, такой педантичный! Ему бы никогда и в голову не пришло швырнуть обгорелую спичку на дорогу. Когда он снова заговорил, его ответ буквально сокрушил меня:

— Дорогая моя Крис, это очень мило с твоей стороны — так желать повторения медового месяца, но, честно говоря, я просто потрясен, что ты способна подумать о том, чтобы оставить Джеймса с этой деревенской женщиной. Кроме того…

— Кроме того — что? — спросила я, чувствуя, что сердце у меня оборвалось.

— Ведь ты же знаешь, мы говорили с тобой: в

сентябре повезем Джеймса в Корнуолл. Уин знает один коттедж в Роче, где нас примут с ребенком и помогут тебе с ним управляться. Нас там будут хорошо кормить и…

— Уин тоже поедет, да? — прервала я.

— Пожалуйста, не заводись! — Добродушие Чарльза вмиг испарилось. Красивая белокожая физиономия покраснела и перекосилась от гнева. — Ты знаешь, что она участвует в соревновании по гольфу, которое там проводится. Роче славится своим полем для гольфа, и…

— Я вовсе не рассчитывала провести второй медовый месяц на знаменитом поле для гольфа вместе с Уин и Джеймсом, который будет орать во все горло в своей кроватке рядом с нашей постелью, — взорвалась я, преисполнившись не меньшей яростью, чем Чарльз.

Припоминая этот инцидент, я теперь совершенно уверена: Чарльз и в самом деле не в состоянии был меня понять, но упоминание об Уин — предел бестактности с его стороны. Должен же он помнить, что это имя действует на меня как красный цвет на быка.

— Ты позволяешь себе совершенно излишние колкости, Крис, — надувшись, произнес он.

— Ладно, — сказала я, — в таком случае, к черту

наш второй медовый месяц.

Он уставился на меня, раскрыв рот от удивления:

— Крис!

— Давай больше не будем об этом! Поехали дальше! — воскликнула я.

— Ты ведешь себя так, словно тебе совершенно ничего не стоит бросить грудного ребенка! — воскликнул Чарльз.

Мое терпение лопнуло. Раньше со мной такого не бывало. Вероятно, раздражительность стала мне свойственна после того, как я вышла замуж. Не знаю, может, я и в самом деле была не слишком хорошей матерью. Должна признаться, что никогда не испытывала перед младенцами такого восторга, как некоторые женщины. Я обожала Джеймса, но мне было непонятно, почему появление ребенка должно сделать женщину исключительно домашней хозяйкой, которая обязана полностью прекратить какие бы то ни было романтические отношения с мужем. Я дала волю своим чувствам, заговорив резким голосом:

— Ты попросту не понимаешь, Чарльз. Мне сдается, ты вообще никогда ничего не понимаешь. Я сыта всем этим по горло. Единственный человек, с которым ты находишь общий язык, — твоя

ненаглядная мачеха. Уин натравливает тебя на меня во время каждой встречи. Она просто язвительная стерва. Я ее ненавижу. Я очень сильно люблю Джеймса, но любовь к тебе всегда была сильнее. Во всяком случае, она иная. Я всегда хотела, чтобы ты оставался для меня на первом месте. Ты мне нужен как любовник, а не только как человек, который оплачивает счета и управляет домом. Именно этого ты никак не можешь понять.

Теперь вид у него стал смущенным. Он покраснел. Наверное, он был огорчен, так как половина из того, что я наговорила, была тягостной правдой, но предпочел уклониться от неприятной темы и обнял меня.

— Это так мило с твоей стороны — сказать, что ты меня любишь… — начал он.

— Ах, да поезжай, пожалуйста, и оставь меня в покое! — яростно оборвала я его. Слезы слепили; роскошную зелень вокруг я видела словно через какую-то завесу. Мы подъехали к самой границе графства Дорсентшир. День был прекрасный, солнечный, но я чувствовала себя кошмарно. И, к своему ужасу, поняла, что мне совершенно безразлично, состоится наш второй медовый месяц с Чарльзом или нет.

Он повел машину дальше. Перед тем как подъехать к Вайн-хаусу, я напудрила нос, причесалась и взяла на руки Джеймса, который уже начал хныкать.

— Ладно, — со вздохом сказала я. — Теперь, дитя мое, я перенесу все свои чувства на тебя одного. Отца твоего я больше любить не стану, во всяком случае так, как любила прежде. Слишком много боли это причиняет.

Думаю, для Чарльза и меня этот эпизод знаменовал собой начало конца, хотя нам предстояло еще пройти долгий путь и прожить вместе много лет, прежде чем мы расстались.

Вскоре после приезда мы поцеловались и помирились. Мой отец, который был страшно рад меня видеть, наверное, подумал, что мы с Чарльзом идеальная пара. Он сказал, что ему очень радостно видеть свою дочурку столь счастливой в браке. Я просияла. Мы все только и делали, что сияли. Джеймс вел себя как сущий ангел. Миссис Лэйк, как я и предсказывала, полностью освободила меня от всяких забот о нем, и большую часть уик-энда я провела бездельничая в обществе папы и Чарльза.

На этот раз мой супруг был ко мне внимательнее, чем обычно. Более того, когда ночью мы

остались наедине в спальне, он, впервые после появления на свет Джеймса, по-настоящему овладел мною. Наверное, он вообразил, что теперь все в порядке и ему больше не о чем беспокоиться. Именно тут он допустил самую серьезную из всех своих ошибок. У него было множество оснований для беспокойства. Приятно, конечно, когда тебя нежно ласкают, но я просто уже не была в него влюблена.

5

Мне хочется оглянуться на последующие годы нашей совместной жизни и без предубеждения рассказать о них. Чарльз был виноват не во всем. Я слишком многого от него ожидала, а он слишком мало давал.

Через неделю после нашего визита в Вайн-хаус мой отец умер. Тромбоз коронарных сосудов. Я радовалась при мысли, что он успел повидать Джеймса, но долго не могла оправиться от потери человека, которого так горячо любила. Для моего брата смерть отца тоже была тяжелым ударом. Он прилетел на похороны из Гонконга и некоторое время провел у нас. В такие минуты Чарльз умел оказывать людям моральную поддержку. Он помог Джерими в тягостных хлопотах, связанных с продажей Вайн-хауса. Все вещи, которые мы захотели сохранить, были поделены между братом и мной. Джерими оставил свое имущество где-то на хранение, так как все еще был холост и еще не имел своего дома. Королевские военно-воздушные силы были для него всем — он жил с ними и ради них. Мой брат был чудесным

парнем, гораздо менее склонным копаться в себе, а потому и гораздо счастливее меня. Всегда веселый, он был совершенно чужд сентиментальности, свойственной его сестрице. В авиации Джерими завоевал признание, его продвигали по службе, и я имела все основания им гордиться. Снова покинув Англию, он не перестал меня любить и писал длинные письма. Умел быть очень остроумным на бумаге и неизменно доверял мне свои тайны. Когда речь заходила о его любовных делах, всегда требовался мой совет. Благодаря красивой внешности и обаянию он с легкостью одерживал победы над женщинами и вообще жил в свое удовольствие. Я рекомендовала ему не торопиться с женитьбой. Этот совет не вызвал у него никаких опасений на мой счет. Ему ничего не было известно о скверных отношениях между Чарльзом и мной. Джерими очень нравился «милый старина Чарльз» — для него он оставался любимым зятем. Чарльз всегда радовался, когда Джерими приезжал в отпуск и останавливался у нас. Он пришелся по сердцу даже Уин. Помню один вечер, когда брат поднес к губам большую лапищу Кокосового ореха, как он неизменно именовал Уинифрид, поцеловал и сообщил, что она самая любимая из всех его подружек. Та пришла в

полный восторг и разразилась громким хохотом:

— Ну уж скажете тоже! Бросьте вы!

Однако ясно было, что эти слова доставили ей удовольствие.

Джерими был падок на лесть, как и все мужчины. Уинифрид изо всех сил старалась его обхаживать. Он как-то сказал мне, что, по его мнению, не такая уж она скверная старушенция. Ему была совершенно непонятна моя явная неприязнь к ней.

Я хранила молчание. Ни при каких обстоятельствах я не сказала бы младшему брату, какие чувства вызывает Уинифрид Аллеи у меня. Он вновь покинул наш дом в счастливом неведении относительно истинного положения дел.

Когда истек третий год нашего брака, у меня не осталось почти никаких иллюзий. Я знала, что мой достойный супруг навсегда останется не кем иным, как достойным супругом, и мои надежды возродить былое влечение и страсть все более тускнели.

К моменту рождения Диллиан — дочурки, которую мне очень хотелось иметь, потому что Джеймс уже в двухлетнем возрасте стал для меня слишком силен и агрессивен, — я научилась принимать жизнь такой, как она есть. Я смирилась

со своей участью.

Чарльз в те дни процветал, став одним из партнеров в радиокомпании «Роудаллен». Когда Дилли исполнился год, мы переехали в Арундель. Чарльз не имел ничего против того, чтобы ездить на работу из загорода. Он признавал, что жизнь на природе полезна для детей, и я тоже предпочитала жить вне Лондона. Вскоре после того, как мы переехали, он стал уезжать на уик-энд в Бозем, заниматься парусным спортом и наконец купил собственную лодочку. Он проявлял также некоторый интерес к нашему саду. Однако между нами установилось некое скучноватое сотрудничество, которое казалось мне опасным. К интимной жизни он проявлял очень мало интереса, и лишь в крайне редких случаях. А в скором времени всякая физическая близость между нами прекратилась вообще. Все-таки я вынуждена признать, что он не интересовался и другими женщинами. Похоже, работа и лодка значили для него больше, чем любовь.

Он вовсе не хотел чувствовать себя обязанным заботиться о таких вещах, как любовь, интимные ласки. Для Чарльза это больше смахивало на тяжкий труд. С самой лучшей стороны он проявлял себя, когда мы находились в платонических, чи-

сто дружеских отношениях или же развлекались вместе с Джеймсом и Дилли. Особенно он был хорош, когда играл с Джеймсом. До чего же они похожи — оба белокурые, крепкие, красивые и абсолютно бессердечные.

Как-то раз я сказала Чарльзу:

— Я вижу, как у тебя загораются глаза, и чувствую, что ты был взволнован лишь в двух случаях: когда удалось удачно заключить крупную сделку или купить новую машину. Своему «ягуару» ты уделяешь куда больше внимания, чем мне. Вечно суетишься вокруг него. Почему бы тебе не проявить чуть больше интереса к своей жене?

Поначалу такого рода замечания вызывали у него смех. Однако, спустя какое-то время, он перестал усматривать в них что-либо смешное. Они его раздражали. Мы раздражали друг друга. Моя сентиментальность и жажда страстной любви удручали его столь же сильно, как удручало меня отсутствие этих качеств в нем.

— Я в самом деле не знаю, чего ты хочешь, Крис, — говаривал он. — Я, право же, хороший муж.

— Приносящий домой жалованье, растапливающий котел парового отопления и с удо-

вольствием кушающий блюда, которые ему подают, — саркастически прервала я его.

Чарльз посмотрел на меня чуть ли не с сожалением:

— Бог мой, ты даже не сознаешь, как тебе хорошо. Я в самом деле хороший муж. У нас двое прекрасных детишек... Я только что купил тебе пальто из персидского каракуля, о котором ты мечтала... Я решил подарить тебе золотой браслет, которым ты на днях так восхищалась в магазине Хоукса. Месяц назад мы провели неделю в Париже, и я обещал в феврале повезти тебя в Центр зимнего спорта. Скажи на милость, Кристина, чего еще тебе не хватает?

Он называл меня полным именем лишь тогда, когда хотел быть официальным.

Я закусила губу, чтобы не наговорить в ответ горьких слов. В то время я действительно старалась не быть слишком жестокой, так как Чарльз по-своему в самом деле был неплохим мужем. Он не виновен в том, что природа обделила его темпераментом и что временами он самодоволен и туповат. Зато его отличали другие, весьма ценные, качества. А мою горячую натуру он просто не мог понять.

И вдруг меня словно прорвало.

— Если бы ты изредка обнимал меня и говорил что-нибудь очень ласковое, а не ждал, чтобы на тебя снизошло подходящее для любовных ласк настроение, — такого теперь вообще не бывает, — может, я ничего иного и не хотела бы, мой дорогой Чарльз.

Подобные замечания бесили его, потому он упорно отказывался признать, что сам вызывал их своим поведением.

— Порой ты просто потрясаешь меня, Крис, — сказал он. — Ты говоришь совершенно ужасные вещи. Иной раз я думаю, что ты не вполне здорова психически.

— Эту идею подсказала тебе Уинифрид? — осведомилась я.

Теперь мы уже не скрывали того, что Уинифрид — главный камень преткновения в отношениях между нами. Он свирепо взглянул на меня и вышел из комнаты.

В другой раз мы с ним вдрызг разругались. К нам в Корнфилд приехала погостить Уинифрид. При ней положение становилось еще хуже. У мачехи была препротивная манера настраивать Чарльза против меня, намекая, что я, мол, невропатка или не вполне отвечаю за свои поступки. Улучшению наших супружеских отношений

это отнюдь не способствовало. Все это было тем более печально, что Чарльз преуспевал в делах и мы, по всей видимости, ни в чем не испытывали недостатка. У нас завелось множество друзей в округе.

Мы были теперь достаточно состоятельны, чтобы нанять в няни Джеймсу и Диллиан девушку-датчанку и, кроме того, пожилую английскую кухарку. Дом был большой, и мы часто приглашали гостей. Можно, пожалуй, сказать, что мы начали Жить, как говорят, на широкую ногу. Старинный дом стал необыкновенно красив; мы уже давным-давно распростились с дрянной мебелью, которую навязала нам Уинифрид, и купили куда более красивые антикварные вещи. Большая часть прекрасного фарфора, стекла, а также книг была привезена из дома моего отца.

Окна нашего дома смотрели на юг. Каждое лето его окаймлял изумительно красивый цветочный бордюр. По одну сторону дома вдали тянулась темная кромка леса, а по другую виднелись волнистые холмы с маячившим где-то на горизонте силуэтом замка. Широкая каменная терраса выходила к чудесному саду.

К тому времени, когда Джеймсу исполнилось четыре, а Дилли два годика, наш сад уже при-

обрел широкую известность. В свободные от работы часы Чарльз если не плавал на своей лодке, то возился в саду. Это были дни, когда мы могли вместе трудиться, болтать и смеяться, как добрые друзья. Однако я никогда не могла избавиться от внутреннего чувства горечи и разочарования: полнейшее отсутствие в моей жизни по-настоящему близкого человека было для меня нестерпимым.

Мы заводили новых друзей среди соседей, обменивались с ними зваными обедами, играли в бридж. Одним словом, дел всегда было по горло. Но мне все равно хотелось любви — мне нужно было, чтобы в моей жизни присутствовал мужчина. Чарльз исполнял всего лишь декоративную роль.

Нашими лучшими друзьями стали супруги Райс-Холкит. Бобби подвизался на бирже. Он был в прекрасных отношениях с Чарльзом. Оба работали как одержимые и вместе ездили в город. У Бобби тоже имелась лодка. Это он первым сманил Чарльза отправляться на уикэнд в плавание. Его жена Катрин — все называли ее Кэт — была моей ровесницей. Их дочка Розмари по-случайному совпадению родилась в тот же день, что и моя Доллиан. Мы часто встречались, говорили о де-

тях, пока те вместе играли, а иной раз и дрались друг с другом. Я стала членом кружка молодых матерей, чьи дети были ровесниками.

Семья Райс-Холкитов очень богата. Отцом Бобби был сэр Эндрю, сахарный король. Он оставил своей вдове и сыну громадное состояние. Молодые супруги Райс-Холкит владели в Пулборо роскошным домом в георгианском стиле и примыкавшим к нему великолепным садом, обслуживающимся тремя садовниками. В саду имелся плавательный бассейн с фильтрующейся водой, к которому мои дети очень пристрастились.

У Кэт и Бобби когда-то был сын, трагически погибший в результате несчастного случая. Легкомысленная нянька позволила ему выбежать на дорогу. Ему было тогда столько же лет, сколько сейчас моему Джеймсу. Я услышала обо всем этом в первый же наш приезд. Говорили, что Бобби очень тяжело пережил этот удар, но все-таки не так, как Кэт — она уже никогда не стала прежней. Она сама мне в этом призналась, когда мы подружились. Это была молодая женщина необычайно тонкой нервной организации. Потребовалось немало времени, прежде чем мы стали откровенно говорить о наших семейных

отношениях и мужьях, но в конечном итоге мы все-таки пришли к этому.

Кэт и я нравились друг другу, и мне всегда было ужасно жалко ее. Маленькое темноволосое кареглазое создание. Слишком худенькая, чтобы ее можно было назвать красивой, она была сплошным комком нервов. После гибели маленького сына она уволила няньку и новой уже не нанимала. Кэт ни на секунду не спускала глаз с Розмари, и этот вечный страх очень вредил ее здоровью. Она пребывала в постоянной тревоге, как бы чего не случилось с дочкой. Ее большие, грустные, испуганные глаза до боли меня трогали. Когда мы познакомились, нам обеим было около двадцати пяти лет, но она выглядела намного старше, и лицо ее было изборождено морщинами. Она очень тянулась ко мне.

— Вы нравитесь мне больше, чем кто-либо другой в этом проклятом месте. Вы такая человечная, доброжелательная. А остальные сплетницы, и ничего больше.

Сама она мне нравилась, дочка же — ничуть. Розмари была чудовищно избалована. Я находила ее весьма неприятным ребенком. Очень хорошенькая, высокая, крепкая, с чудесными, отливающими золотом волосами, поразительно

похожая на отца. Бобби был крупным белокурым мужчиной. У него и у дочери был одинаковый бело-розовый цвет лица, а рот довольно маленький, обычно плотно сжатый. Бобби я просто не выносила. Он отличался неприятной заносчивостью. Целиком сосредоточен на себе, никому не сочувствует. Хуже Чарльза! Жену свою он положительно терроризировал. Чарльз, по крайней мере, не докучал мне. Кэт, по всей видимости, боялась Бобби и во всем ему поддакивала. Я быстро это заметила и часто сердилась на него, потому что ясно видела: Кэт так же, как и я, истосковалась по любви и нежности. Бобби был совершенно не способен дать ей ни того, ни другого. Они с Чарльзом — птицы одного полета. Но меня поразило, что при этом Бобби как любовник гораздо активнее проявлял себя по отношению к Кэт, чем Чарльз ко мне. Между тем она не нуждалась в этом: трагическая гибель сына вытравила из нее эмоции такого рода.

Бобби порой был слишком груб. Он имел обыкновение шлепать Кэт по спине, когда у той был особенно потерянный вид — у нее была манера пристально глядеть в пространство, — и громко заявлять:

— А ну, давай, выходи из своего транса, Киска-

Кэт, и начинай-ка мурлыкать. Сейчас приготовлю тебе бокальчик. Это именно то, что тебе надо — порция хорошего джина и кампари приведут тебя в чувство.

Если она отказывалась, он все равно смешивал коктейль и заставлял ее выпить.

— Я считаю, что женщинам надо иной раз напиваться до бесчувствия, как это делаем мы, мужики, — сказал он как-то раз Чарльзу. — Если бы они опрокидывали стаканчик чего-нибудь по-настоящему крепкого, то не тужили бы так о своих тайных бедах, верно, старина?

Я взглянула на своего мужа. Сам-то Чарльз отнюдь не был выпивохой, уж во всяком случае пил намного меньше Бобби. И, разумеется, вовсе не возражал, если я предпочитала вместо спиртного выпить стаканчик томатного сока. Но он тут же расхохотался, услышав сентенцию Бобби. Вообще любую шутку приятеля он неизменно встречал смехом.

Мы с Кэт вышли в сад, оставив обоих мужчин все еще хохочущими. В больших глазах подруги стояли слезы. Дрожащими пальцами она поднесла спичку к сигарете. Нервы у нее были в ужасном состоянии. Именно в этот вечер она призналась:

— Не знаю, Кристина, сколько еще буду в силах

его переносить. Я так любила Бобби, когда выходила за него замуж! И мы вроде бы замечательно ладили. Но он переменился. Может, у него это просто личина, он, как и я, еще не оправился от удара — гибели нашего дорогого Антони. Но сейчас он не питает ко мне ни настоящей любви, ни сочувствия. Мне иногда хочется бежать от всего этого, даже от Розмари. Вы ведь видите, какая она — вся в папу. Они оба смеются надо мной и всячески донимают.

Мы разгуливали по саду, любуясь цветами. Райс-Холкиты славились подстриженными ограждениями из переплетенного кустарника и роскошными растениями. Наш сад казался совсем крошечным по сравнению с их парком. Но я ясно видела, что богатство и великолепие, включая «роллс-бентли» и большой моторный катер Бобби, для Катрин ровно ничего не значили. Бедная маленькая Кэт грустила о погибшем сыночке, и рядом с ней не было человека, который мог бы ее утешить.

— Я думаю, вам, Кристина, этого не понять, — добавила Кэт. — У вас такие замечательные отношения с Чарльзом!

— Вот уж поистине! — саркастически отозвалась я.

— А что, разве это не так? — удивленно уставилась она на меня.

— Мы просто скрываем свои истинные чувства, Кэт. Я достигла в этом немалого успеха. На самом деле у нас с Чарльзом отнюдь не прекрасные отношения.

— Надо же! — вздохнула Кэт, отвлекаясь на минуту от собственного горя, чтобы посочувствовать моему.

Тогда я довольно подробно рассказала ей, что произошло между мной и Чарльзом. Она была не только удивлена, но и несколько враждебно отнеслась к моей позиции во всей этой истории. Дело в том, что в собственном супружестве холодной была она, Кэт, Бобби же, при полном отсутствии сентиментальности, всегда хотел физической близости, которая жене была ненавистна. Она никак не могла понять, почему мне не нравилось в Чарльзе отсутствие темперамента.

— Да вам радоваться надо, что он вас не трогает.

Меня охватило негодование. Вот нашелся еще один человек, пытающийся убедить меня, будто в моих сексуальных инстинктах есть что-то отталкивающее. Я никак не могла втолковать Кэт, что

теперь уже не питаю нежных чувств к Чарльзу и уже больше не хочу спать с ним, но тем не менее мне по-прежнему хочется, чтобы меня любили именно таким образом, как выражалась Кэт.

Мне стало жаль Бобби. Кэт разразилась пространными жалобами по его адресу, приписывая при этом все свои недостатки исключительно нервам.

— У меня тоже нервы не в порядке… — заметила я. — Хотя я не пережила трагедии, подобной вашей.

— Вряд ли вы любите Джеймса так, как я любила Антони, — мрачно произнесла она.

Эта фраза меня шокировала: наверное, в словах Кэт заключалась известная доля истины, однако слышать это было неприятно. Кэт была преданной матерью, всецело посвятившей себя детям — не столько даже Розмари, сколько памяти покойного сына. Его она просто боготворила. Я не могла сказать, что испытываю подобные чувства к Джеймсу. Его я любила меньше, чем свою дочурку. Слишком уж он был похож на моего холодного, неприветливого супруга. Мне часто хотелось проявить любовь к Джеймсу, но он осаживал меня — совершенно так же, как Чарльз.

Я пыталась побольше рассказать Кэт о Чарльзе

и своих детях. О том, например, как Чарльз может за целый день, а иной раз и на протяжении нескольких недель, не сказать мне ни единого ласкового слова или хоть раз по-настоящему поцеловать: так, чмокнет в щеку перед уходом на работу. Случалось, забывал меня поцеловать, прощаясь на ночь. Когда он приходил и ложился, я часто уже спала.

Кэт в ответ заявила:

— Я предпочитаю, чтобы меня не трогали.

— Ну, а я — нет, — решительно возразила я. — Я совсем другая. Мне хочется, чтобы муж говорил мне, что любит меня, что я ему нужна, и доказывал бы мне это. Большинству женщин хочется сознавать, что в них действительно нуждаются. Конечно, вы можете сосредоточить теперь все свои чувства на Розмари. Мне же это совсем не подходит. Я не одобряю матерей, которые поощряют своих малышей виснуть на них. Надо воспитывать в детях эмоциональную независимость. И Джеймс, и Диллиан — настоящие Аллены. Оба лишены воображения, флегматичны, целиком сосредоточены на себе. О них мне беспокоиться не приходится.

Однако Кэт продолжала защищать Чарльза:

— Не слишком ли много вы от него требуете?

Откровенно говоря, мне кажется, вам особенно не на что жаловаться. Он обращается с вами гораздо ласковее, чем Бобби со мной, хоть, может, я совершаю предательство, говоря это. Вы слишком требовательны, милочка.

Слово «милочка» не смягчило колкости замечания. Но я была озадачена. Впервые я встретила женщину, вставшую на сторону Чарльза и усомнившуюся в моей правоте. Это заставило меня призадуматься. Хотя мы разошлись с Кэт во взглядах, я не была на нее сердита. Сердечные тайны, которыми мы обменялись, еще больше нас сблизили. Я понимала, что на самом деле она вовсе не настроена против меня. Она успела не раз продемонстрировать мне свое расположение и дружеские чувства, и я надеялась, что могу и впредь на них рассчитывать. Кэт просто не могла понять моей отчаянной потребности быть любимой.

После нашего спора я долго раздумывала, спрашивая себя: может, права Кэт, а не я. Я пробовала быть менее эгоистичной в своих отношениях с Чарльзом, менее требовательной, но все мои старания были тщетны. Самое грустное заключалось в том, что он, по всей видимости, даже не замечал каких-либо перемен во мне. Я перестала

проявлять требовательность или язвить по поводу того, что он отказывает мне в любви, так мне необходимой. Я мирилась с его холодностью, с его небрежностью по отношению ко мне. Пыталась вызвать в себе более горячую привязанность к детям, проникнуться большим интересом к ведению хозяйства. Я попробовала угодить Чарльзу даже тем, что стала проявлять интерес к его любимому парусному спорту.

В первый раз, когда мы всей семьей отправились в плавание, я все время страдала от морской болезни. К лодке я не пристрастилась, но изо всех сил стремилась справиться с тошнотой и проявить столь необходимую в таких случаях стойкость. Результат был обескураживающим. Чарльз не высказал ни благодарности за то, что я поехала, ни сочувствия ко мне. На этот раз он не предлагал держать меня за руку или высадить на берег. Он только широко улыбался и советовал держаться, уверяя, что я скоро привыкну и стану настоящим морским волком. С горечью я подумала: пусть Кэт, считающая, что Чарльз такой замечательный, попробует немножко с ним пожить, а уж после этого решает, лучше ли он в качестве мужа, чем ее Бобби.

6

Постепенно я перестала прилагать особые старания сблизиться с Чарльзом, оставила попытки быть для него кем бы то ни было — любовницей или просто другом. Он совершенно во мне не нуждался. Я всего лишь существовала где-то рядом. Иной раз он бормотал что-нибудь вроде:

— Ты очень мило выглядишь сегодня, моя дорогая…

Это говорилось обычно после какого-нибудь приема, которым он был доволен, потому что остались довольны его друзья.

Или:

— Спасибо за чертовски вкусный обед, милая!

Подобные безличные замечания, думаю, вырывались откуда-то со дна того, что Чарльз именовал своей душой.

В то же время он едва замечал, как я одета, как себя чувствую, какое у меня настроение. Настоящей близости между нами почти совсем не осталось. Я никак не могла взять в толк, зачем мы спим в одной комнате. Мне хотелось иметь свою спальню. Чарльз заявлял, что это произ-

ведет скверное впечатление и он не собирается заводить отдельные спальни для себя и для меня. Но если и случилось, что он по-настоящему обладал мной, видно было, что для него это нелегко — похоже, его вынуждала к тому совесть. Он все же понимал, каким скверным мужем стал в этом отношении. В такие моменты я все еще способна была ощутить волнение и потребность в страстных ласках. Мне вспоминается сейчас одна ночь, когда я, тесно прижавшись к нему, слышала свой собственный голос, умолявший приласкать меня так, как он это делал когда-то. Похоже, просьба нашла в нем какой-то отклик. Мы пережили острый миг полного слияния, но он очень скоро закончился, и я почувствовала себя не лучше, а хуже прежнего, страшно униженная требованиями моей жадной плоти.

Я видела, как он сидит возле меня, невозмутимо читая газету. Со страстью было покончено — ее убрали на положенное место. Чарльз уже опять не был любовником. Я подумала: если так будет и дальше, я его возненавижу.

Почти уверена, что отсутствие у него чувства ко мне, вернее, отсутствие чувственного желания, коренилось где-то в его мозгу, а в остальном Чарльз был человеком вполне нормальным.

Меня бесил сам факт, что он по собственной воле позволил нашей любви и нашему счастью умереть. Однажды я заговорила с ним на эту тему, но зря — он просто ничего не понял, когда я сказала:

— Чарльз, ты в самом деле считаешь, что, коль скоро человек увлекся делами или спортом, он должен распрощаться с любовью?

В ответ он с довольно глупым видом заморгал глазами и широко улыбнулся:

— До чего же ты любишь без конца толковать о любовных делах, моя милочка!

— Пожалуйста, не называй меня милочкой! — яростно воскликнула я. — Выберись на минутку из своего эгоистического мирка и попытайся взглянуть на вещи с моей точки зрения. Почему ты отказываешься что-либо обсуждать? Почему ты всегда стараешься увильнуть от разговора? Повторяю: считаешь ли ты, что человек должен таким вот образом относиться к стороне жизни, связанной с любовью?

Мы сидели в гостиной. Вокруг были расставлены громадные розовые хризантемы, придававшие комнате нарядный вид. Осенний вечер был очень холодным, и в камине весело потрескивали поленья. Все выглядело роскошно и красиво.

Мы оба должны были получать столько счастья и радости от пребывания здесь! На деле же все обстояло самым жалким образом. Я почувствовала это с особой остротой, увидев реакцию Чарльза на мою попытку вторгнуться в чисто мужскую крепость и завести речь о сексе.

Я замолчала, включила телевизор и сидела, следя за пьесой, в которой какой-то мужчина покончил жизнь самоубийством из-за того, что какая-то женщина не пожелала его любить. Невольно я горько рассмеялась.

Внезапно мне вспомнилось, как три года назад мы отдыхали в Риме. Это был один из тех случаев, когда Чарльз был чрезвычайно мил. Он отказался от своей лодки и согласился показать мне самый восхитительный город на свете. Он предоставил мне бродить целую неделю по картинным галереям и музеям, правда, одной. Сам же большую часть времени сидел на солнышке в кафе, расположенном на площади, и читал газеты, в основном, я помню, «Файнэншл таймс». Без нее он просто не мог жить даже в Риме. Но во всяком случае по вечерам он охотно водил меня куда-нибудь пообедать. Я была благодарна. Клянусь, я отправилась в эту поездку преисполненная самых благих намерений. И решила быть с ним

ласковой, не давать воли языку, даже когда мне хотелось что-то покритиковать, и не просить у него ничего такого, чего он дать не может.

Мы уже провели в то лето весьма неприятные две недели в Стадленд-бэй, где отдыхали всей семьей. Дети отнимали у нас массу времени. Мы проводили целые дни, лежа с ними на пляже, и хотя Чарльз уделял Дилли очень мало внимания, с Джеймсом он играл в крикет и учил его плавать. Честно говоря, он, вероятно, так же плохо понимал нашу маленькую своенравную дочку и ее женские причуды, как и меня с моими прихотями. Но я была благодарна уже за то, что он не стал настаивать на поездке с нами Уинифрид, как это было в двух предыдущих случаях. К концу так называемые каникулы превратились для меня в сущий кошмар. У меня начались головные боли, чего раньше никогда не было. Я не желала поедать бесчисленные булочки, корнуэльские коржики, разрезанные пополам и промазанные кремом или вареньем, а также пирожные, которые нравились Уинифрид. А между тем мне надлежало их есть. Я не желала учиться играть в гольф, хотя это было необходимо. Я всегда оказывалась не права. В результате я обычно сидела на пляже где-нибудь в сторонке и читала, в то время

как остальные четверо неизменно были вместе, вызывая чувство, что я тут вообще лишняя. Но эта неделя в Риме должна была целиком принадлежать мне, и я старалась показать Чарльзу, как благодарна ему за это.

Он немножко побродил следом за мной, осмотрел Колизей, собор Святого Петра и спортивный стадион Муссолини, а потом заявил, что с него хватит. Так что остальными чудесами ходила любоваться одна. Я была довольна, и меня буквально пьянила изумительная итальянская погода, в конце сентября уже не слишком жаркая, а также неисчислимое множество божественных зданий, фонтанов, церквей и площадей.

Я отправилась в Сикстинскую капеллу и сидела в совершенном трансе, устремив глаза на поразительный потолок, расписанный Микеланджело. Именно там меня, что называется, «подцепили».

Сидеть на скамье в глубине капеллы и разглядывать потолок было очень удобно. Рядом со мной устроилась какая-то итальянская чета. Он был красив довольно стандартной красотой типичного латинянина, немножко похож на Филиппа, которого я в то время еще не знала, — с такими же густыми черными волосами и сверкающими глазами. В общем, он был весьма

привлекателен. Мне тогда уже не нравились блондины, наверное потому, что Чарльз, белокурый и голубоглазый, так меня разочаровал.

Женщина была маленькая, пухленькая и одетая так нарядно, как это умеют делать только римлянки. Однако я подумала про себя: она явно не получает удовольствия от своего пребывания здесь. То и дело она тянула мужчину за рукав, без умолку вереща что-то пронзительным голосом. Я достаточно хорошо понимала итальянский — в школе его изучали в качестве дополнительного иностранного языка — и разобрала, что она уговаривает его пойти домой, потому что скучает. К тому же у нее явно был скверный характер. Наверное, в молодости она и была хорошенькой. Но сейчас, когда ей за сорок, у нее появился двойной подбородок, а на губах выросли усики. Ее муж, которого она называла Паоло, был примерно того же возраста. Виски его уже тронула седина, придававшая какое-то особое благородство его внешности. Пожалуй, он выглядел даже немножко щеголевато в своем светло-сером в полоску костюме континентального покроя, который, я убеждена, вызвал бы презрение у Чарльза. В петлице была красная гвоздика, на руках желтые перчатки, а на голове черная шляпа.

Очень скоро они, по всей видимости, поссорились, жена поднялась и зашагала к выходу, стуча по мраморному полу своим нелепыми каблуками-шпильками.

После ее ухода он встал и снова уселся, как мне показалось, со вздохом облегчения. Он принялся разглядывать потолок в бинокль, однако то и дело откладывал его в сторону и украдкой бросал на меня взгляд, теплый и в то же время интимный, как умеют смотреть только латиняне. Я начала испытывать смущение. Тем не менее внимание его мне льстило. Как ни странно это звучит, пожалуй, я находила утешение в том, что хоть какой-то мужчина мной восхищается, ведь я столько лет прожила с холодным, как рыба, супругом. Взгляды, которые искоса бросал на меня Паоло, охватывали всю мою фигуру. Я понимала, что в смысле элегантности весьма и весьма уступаю его супруге. Я была без чулок. Длинные стройные ноги загорели на солнце, и я мысленно порадовалась, что утром покрыла ногти на ногах лаком и купила у Феррагамо пару новых белых сандалий. А так как Чарльз забыл подарить мне что-нибудь к годовщине нашей свадьбы, когда мы были в магазине Феррагамо, он купил красивую белую сумку с черепаховой

застежкой. Если Чарльз делал подарки, это всегда было что-нибудь действительно стоящее.

В темно-синей юбке и жакетке с узорами из желтых цветов я, наверное, показалась этому нарядному римлянину очень молоденькой и притом очень типичной англичанкой. На шее у меня висело ожерелье из янтарных бус, на руках надеты короткие перчатки. Была я без шляпы.

Неожиданно он протянул мне бинокль и заговорил на безупречном английском:

— Не хотите ли посмотреть на эту роспись в бинокль? Через увеличительное стекло видно гораздо лучше.

Я взяла бинокль. При этом его мизинец, на котором он носил ониксовый перстень с печаткой, коснулся моей руки. Глаза у него были томные, с тяжелыми веками. К собственному ужасу, я обнаружила, что его прикосновение в чисто физическом смысле находит у меня отклик. Я вспыхнула, как девчонка, и сосредоточенно созерцая «Сотворение Адама», продолжала чувствовать на себе взгляд его бархатных черных глаз. Затем мой римский джентльмен указал мне еще на одну вещь, которую он назвал Ie peccato

originale[1]. Я вгляделась в изумительную фреску, изображавшую змея, обвившегося вокруг древесного ствола и протягивающего Еве яблоко; справа грустная маленькая пара — Адам и Ева, — съежившись, удаляются, изгнанные в конце концов из Эдемского сада. Краски были неописуемо хороши. Все произведение показалось мне фантастически прекрасным. Я вернула бинокль итальянцу, который пробормотал:

— Первородный грех. Да… Только представьте себе, что это вы совершаете самый первый грех на земле. Особенно интересно становится, когда вспоминаешь о миллионах, да что миллионах — миллиардах грехов, сотворенных к данному моменту человечеством.

— Лучше об этом не думать, — смущенно рассмеявшись, сказала я.

За этим неизбежно последовала беседа.

— А вы раньше бывали здесь?

— Нет, я в Риме впервые.

— Нравится вам город?

— Он оказался именно таким великолепным, как мне и представлялось.

— Я, конечно же, живу в Риме. Но даже в моих

---

[1] Примечания: 1
Первородный грех *(ит).*

глазах великолепие этой капеллы никогда не меркнет. Я сам в свободное время занимаюсь живописью. Люблю иногда приходить сюда полюбоваться на произведение великого мастера. Моя жена Валерия всегда настаивает, чтобы я брал ее с собой, а почему — не понимаю. Ей тут скучно.

— И моему мужу здесь показалось бы скучно.

— Неужели!

Я услышала в его голосе нотку удовлетворения: он нашел нечто, сближающее нас. Это заставило меня почувствовать себя в некотором роде предательницей по отношению к Чарльзу. Я поспешно сказала:

— Конечно, чтобы у человека появилось желание любоваться картинами Микеланджело, он должен хоть в какой-то степени обладать художественным вкусом. Мой муж специалист главным образом в деловой сфере.

— Но зато вы, — заявил мой новообретенный знакомец, — любите прекрасное. И я уверен: каждый художник в Италии захотел бы запечатлеть вашу своеобразную красоту. У вас тициановские волосы, которыми мы все здесь так восхищаемся.

— Благодарю вас, — не очень уверенно произ-

несла я.

Он продолжал болтать в том же духе, отпуская пустые комплименты, а затем заявил, что вначале не думал, что я замужем — так молодо выгляжу, — но потом заметил у меня на руке обручальное кольцо.

Я снова поблагодарила его и поднялась. Пора уходить — пронеслось в голове. Он тоже встал, перекинул через плечо ремешок бинокля и улыбнулся. Паоло был не слишком высок, но, должна признаться, внешностью обладал изумительной. Особенно замечательными были ресницы. Он смотрел на меня сквозь них необычайно волнующим взглядом. Я пыталась напомнить самой себе, что я замужняя женщина, мать двоих детей и мне совсем не к лицу этак волноваться, но факт был налицо. Я просто продолжала стоять с пылающей физиономией, а он не сводил с меня огромных глаз. Затем вынул из кармана бумажник из крокодиловой кожи и достал оттуда визитную карточку. На ней значилось: «Синьор Паоло Куаролли». Он сказал:

— Мой дом недалеко отсюда. Приятно было бы показать вам свою студию. Она великолепна. Я хотел бы также показать мои картины, но у меня ревнивая жена с очень трудным характером, так

что это, увы, невозможно, вы понимаете?

— Разумеется. Да и в любом случае мне надо возвращаться к себе.

— Ах, пожалуйста, — взмолился он. — Подождите, не уходите. Позвольте познакомить вас поближе с моим любимым городом. Жена поехала домой на такси. Мой «мерседес» припаркован у входа. Мне страшно хочется немножко покатать вас по городу. А потом мы могли бы посидеть и поговорить в парке Боргезе. На закате там неописуемо поэтично и красиво!

Я повторила, что мне надо возвращаться в гостиницу.

Не стану описывать последовавшие вслед за этим пререкания. Ничего интересного в них не было. Мы с сеньором начали продвигаться через картинную галерею к выходу. Я не замечала ни громадных стеклянных стендов, заполненных всевозможными сокровищами, ни поразительных по красоте полотен, расположенных по обеим сторонам очень-очень длинного зала. Я ощущала лишь близость этого красивого и, должна признаться, обаятельного итальянца, обладавшего немалыми познаниями в области искусств и готового с радостью поделиться ими со мной. Я в то время еще не поняла, что это всего

лишь дешевый прием, употребляемый с целью подцепить случайную жертву. Я находила сеньора Куаролли весьма симпатичным, а он так откровенно восхищался мной, что это не могло не произвести на меня освежающего впечатления. Ведь я так долго жила с человеком, который вряд ли когда обратил внимание на то, что объем моей талии равен всего лишь двадцати двум дюймам и что каштановые волосы и необыкновенно белая кожа выделяют меня среди сотен других хорошеньких молодых женщин на улицах Рима.

К чему же я хотела вернуться? К Чарльзу, скорее всего храпящему в гостиничном номере. После нестерпимой дневной жары и утомительной ходьбы по Ватикану, несомненно, в парке Боргезе будет очень приятно и прохладно, да еще в таком приятном обществе. Я уже успела представиться синьору Куаролли. Мы поговорили о Лондоне, где он бывал ежегодно: один раз обязательно, но случалось, что и по два раза. Мир, как известно, тесен, так что у нас нашлась даже одна общая знакомая, вследствие чего наше общение приобрело несколько иную, более благовидную, основу. То была некая итальянская контесса — графиня, учившаяся в школе вместе с моей матерью. Помню, я называла ее «конта» — это ласкательное

прозвище придумала для нее моя мама. Графиня, оказывается, была еще жива. Более того, ее дом находился рядом с домом четы Куаролли. Само собой разумеется, после такого открытия Паоло не стал больше слушать никаких возражений, а попросту посадил меня в машину и повез по Риму в своем сказочном автомобиле. Поездка закончилась в том самом замечательном парке.

Паоло оказался умелым и очаровательным проводником. Мы прогуливались по извилистым дорожкам, останавливались, чтобы полюбоваться на какой-нибудь грот, на восковые камелии и олеандры. Я никогда не видела более зеленого, располагающего к покою места, наполненного птичьим щебетом. Здесь царили безмятежность и прохлада, а горячая шумная жизнь большого города казалась такой далекой! Я, похоже, ничего не имела против, когда Паоло взял меня под руку, и мы зашагали дальше, как старые друзья, очень близкие и очень довольные.

Он остановился, чтобы показать мне один фонтан, который особенно ему нравился. Я следила за тем, как бриллиантовые капли воды ударяются о поверхность бассейна. Погрузила кончики пальцев в таинственную холодную водную гладь. Паоло схватил мою руку прежде, чем я успела

ее вытереть, и собственным носовым платком удалил влагу с каждого пальца. Потом он коснулся пальцев легким поцелуем, но при этом в его чудесных глазах горел тот волнующий жаркий огонь, что непостижимым образом увлекал меня в мир, которого я боялась, но к которому всю жизнь стремилась. Мне ужасно хотелось бродить в каком-нибудь заколдованном саду, в таком, например, месте, как Рим, и с кем-то, кто любил бы меня. Впрочем, все было нелепо. Этот мужчина, этот незнакомец, не мог меня любить — это я понимала. Он мог лишь желать меня и был способен пробудить и во мне столь же бессмысленное желание.

В конце концов я очутилась рядом с Паоло на мраморной скамье, окруженной темными стройными деревьями, созерцая волшебную красоту золотого вечернего освещения, тускневшего и переходившего в лиловые сумерки. Над головой носились, кружа, стрижи. Мимо нас прошла пара влюбленных, обнявших друг друга за талии. Был час, словно специально предназначенный для любовных свиданий. Как и обещал Паоло, все было очень поэтично и красиво.

Сняв шляпу и закинув ногу на ногу, Паоло начал рассказывать мне историю своей жизни. Он

был очень многоречив. Вкратце главный смысл повествования сводился к тому, что теперь он живет исключительно ради искусства. Его единственный ребенок, девочка, умерла, когда ей было всего два годика, от лихорадки. Валерия его не понимает. При этих словах я невольно слегка улыбнулась: сколько раз выслушивала подобные жалобы от непонятных мужей! Впрочем, Паоло совершенно честно признал, что в течение нескольких лет у него была любовница, но связь оказалась не слишком удачной. При такой ревнивой жене невозможно наладить комфортабельную жизнь на два дома. Так что с любовницей пришлось распроститься. Синьор дал мне понять, что с тех самых пор он пребывает в поисках друга, который оказался бы человеком, близким ему по духу.

— Что касается вас, — сказал он, окидывая меня пылким и так много обещающим взглядом, — то вы меня просто обворожили. Вы так молоды, так изысканны, с таким чудесным, истинно английским цветом лица, такими огромными, грустными глазами. Слишком грустными, моя маленькая Кр-ристина!

Он произнес мое имя на итальянский манер, с этаким рокочущим «р».

Меня бы, наверное, должна была раздосадовать его навязчивость, но я сидела, мечтательно внимая ему, глядя на льющийся сверху прозрачный свет, ощущая на щеке легкое дуновение теплого, напоенного ароматами ветерка и чувствуя себя в то же время потерянной и одинокой, отчаянно нуждающейся в полноценной эмоциональной жизни, которой я столь долго была лишена. Я с содроганием смотрела в будущее, видя перед собой длинную череду лет, на протяжении которых должна буду исполнять супружеский долг по отношению к Чарльзу и материнский — по отношению к Джеймсу и Дилли, смирившись с тем, что красота, грациозность и темперамент, которыми наделил меня Господь, сойдут вместе со мной в могилу, так и оставшись никому не нужными.

Я почувствовала на своих плечах руку Паоло, нежно привлекшего меня к себе.

— Вы так же несчастливы, как и я, бедное прелестное дитя. Вы охвачены дьявольским беспокойством. Как и мне, вам решительно все надоело.

Я попыталась засмеяться:

— Не все.

— Я, конечно, преувеличиваю. Но возможно ли,

чтобы ваш супруг не ценил такое потрясающее создание?

— Вы и в самом деле преувеличиваете.

Он притянул меня еще ближе, так что я ощущала на щеке его дыхание и чувствовала запах бриллиантина, которым он смазывал волосы. Он был совершенно не в моем вкусе. Мне нравятся мужчины с более мужественной внешностью. Но было в Паоло Куаролли что-то нежное и привлекательное, а кроме того, я оказалась на мгновение во власти каких-то чар — то были чары итальянских сумерек и совершенно неожиданного ухаживания.

— Пожалуйста, отпустите меня, — сказала я и попыталась встать, но он снова потянул меня за руку и усадил на скамью.

— Нет… пожалуйста, останьтесь, cara mia[2]. Я не могу объяснить, но у меня такое ощущение, будто вдруг встретил и поймал восхитительную нимфу, грустную, как Психея, и она может внезапно исчезнуть, отняв у меня свою манящую красоту — эти трагические глаза, этот изумительный рот, точно созданный для поцелуев, эту стройную талию. Я в вас влюбился, дорогая нимфа. Безумно

---

[2] Примечания: 2
Моя дорогая *(ит.)*.

влюбился за один час. За такой час я с радостью отдам всю свою жизнь. Вы редкостное существо, столь же необыкновенное и столь же чудесное, как сокровища Ватикана. О, Кр-ристина!

— Пожалуйста, не надо… — сказала я, почувствовав, что начинаю учащенно дышать. Мои пальцы силились вырваться из его рук. Но Паоло их не выпустил и принялся страстно целовать мою ладонь.

— Что же за человек этот ваш английский супруг, пренебрегающий вами? — спросил он. — Я знаю, что англичан считают холодными, но встречал среди них отнюдь не отличающихся холодностью. Вы, например, просто огонь. Жизнь с холодным, как лед, мужчиной должна быть для вас такой же мукой, как для меня жизнь с Валерией. Она столь же холодна, сколь и ревнива. Ревность ее порождена исключительно собственническими инстинктами: она не желает, чтобы любовь, которая ей самой в сущности не нужна, досталась какой-то другой женщине.

Я чувствовала себя совершенно беспомощной, пригвожденная к месту его речами. Все это было весьма мелодраматично, и, если бы я прочла о подобном эпизоде в какой-нибудь книге, возможно, рассмеялась бы. Но в этот кол-

довской итальянский вечер я была настроена несколько легкомысленно. Мое бунтарское тело откликалось на страсть, пронизывавшую голос и прикосновения рук красавца Паоло.

— Io t'amo[3], — сказал он голосом, полным еле сдерживаемого желания.

— Пустите меня, — повторяла я, гораздо больше опасаясь самой себя, чем его.

Он говорил такие справедливые вещи… он все знал о муках, которые я терплю от Чарльза. Он заставил меня почувствовать себя в полном смысле слова несчастной женой, которой пренебрегают. Мысль о возвращении в отель, к мужу, наполняла мою душу отчаянием. Но я уверена, что вовсе не была какой-то распутницей. Я твердо знаю, что в своей жизни по-настоящему любила лишь одного человека — Филиппа. До встречи с ним мне не везло. Теперь же, когда я принадлежу ему и собираюсь выйти за него замуж, никогда не пожелаю никого другого на свете. Но это сейчас, а в то время, когда я сидела с Паоло в парке Боргезе, нам с Филиппом еще только предстояло встретиться. Тогда для меня никто ничего не значил. По-настоящему мало что значил и этот

---

[3] Примечания: 3
Я люблю тебя *(ит.).*

итальянский незнакомец. Меня привлекало то, что он олицетворял собой.

Не прошло и нескольких минут, как он обнял меня обеими руками и принялся целовать. Это были медленные томительные поцелуи весьма тонкого свойства, известные только очень опытным людям. Мое неутоленное желание и на этот раз меня выдало. Я ответила на поцелуй Паоло. Я прильнула к нему с такой силой, словно от этого зависела моя жизнь, и так, будто давно уже самым интимным образом его знаю. Лишь спустя некоторое время я испытала шок при мысли, что позволила себе это с мужчиной, которого встретила лишь час назад.

«Первородный грех».

Бедная Ева, думала я. Бедный Адам. *Бедная я.*

Однако неожиданно наступила реакция. Я вырвалась из объятий Паоло. Схватив свой коротенький жакет, я обратилась в бегство и бежала так, словно сама моя жизнь была в опасности. Я слышала голос Паоло, окликавший меня; оглядываясь через плечо, видела, как бедняга бежит, пытаясь меня догнать. Никогда не забуду его голос, звучавший как-то жалобно:

— Кр-ристина! Кр-ристина!

Я продолжала нестись, как сумасшедшая, пока

не почувствовала, что задыхаюсь. Тем не менее проскочила через ворота и очутилась на улице. Уже совсем стемнело. Паоло был для меня потерян. Я вскочила в проезжавшее мимо такси и, задыхаясь, назвала нашу гостиницу. Я исчезла из жизни Паоло и выбросила его из своей. На какой-то короткий миг позволила себе сойти с ума, но допустить, чтобы это продолжалось, было невозможно. Невозможно! Надо помнить о Джеймсе и Дилли, даже если отодвинуть в сторону мысли о Чарльзе.

Я вернулась в отель в состоянии крайнего возбуждения и чувствовала себя совсем больной. Как и ожидалось, застала своего супруга возлежащим на одной из двух кроватей в нашей комнате, выходившей окнами на Испанскую лестницу. Он крепко спал.

Я не стала его будить. Какой в этом толк? Даже если бы мой муж обнял меня — что было исключено, — никакого утешения в его объятиях я не обрела бы. Он, вероятно, зевнул бы, зажег трубку и спросил с притворным интересом, как мне понравилась Сикстинская капелла.

Я так никогда и не рассказала ему о Паоло. Ни к чему хорошему это не привело бы. Он просто пришел бы в неописуемый ужас. Рим превратил-

ся в воспоминание, отодвинулся в прошлое, и я вскоре забыла беднягу Куаролли. Впечатление, произведенное им, оказалось недолговечным. Поистине он был, как поется в известной песне, кораблем, проплывшим мимо в ночи.

По-настоящему вывели меня из равновесия слова, которые он произнес, то, как он меня целовал и как дал почувствовать себя желанной. Впрочем, пребывала я во взбудораженно-огорченном настроении очень-очень долго. Как ни странно, когда все же думала о нем — одно время это случалось, — мне вспоминался тот неприятный факт, что от него пахло чесноком.

Такова жизнь!

7

Дети подросли и пошли в школу. Дилли оставалась в своей детской дольше, чем Джеймс, который на два года раньше поступил в приготовительный класс.

Мои детки были забавной парочкой. Мы иной раз очень славно и весело проводили время, но в присутствии Чарльза это случалось нечасто. Мне пришлось признать, что стоит отцу примкнуть к нашему семейному кружку — жди какой-нибудь неприятности. Право же, я вовсе не думаю, что Чарльз делал что-либо из дурных побуждений, но слишком уж часто он по любому поводу становился на сторону Джеймса. Я бы предпочла, чтобы он действовал совсем иначе. Джеймс хуже всего вел себя со мной в присутствии отца.

Мы с Чарльзом дошли до того, что от нашей доброжелательности взаимного расположения осталась одна видимость. На самом же деле мы уже больше не нравились друг другу. Оставаясь наедине, мы ссорились, для друзей же притворялись, будто все обстоит прекрасно. Наш брак оказался из рук вон скверным. Особенно сильно

страдала от этого я. Думаю, когда между нами происходили открытые схватки, Чарльз тоже чувствовал себя несчастным. Он ненавидел их так же, как и я. Но так как он и не испытывал потребности в моей любви, ее отсутствие его не трогало. Это мне приходилось подавлять свои чувства.

Наша совместная жизнь превратилась в рутину. Большую часть времени мы проводили в Корнфилде, лишь иногда наезжая в Лондон и раз в год отправляясь куда-нибудь отдыхать, для чего Чарльз довольно неохотно отрывался на две недели от своей работы.

На уик-энд у нас всегда был полон дом народу, и я любила принимать гостей, за исключением тех случаев, когда к нам приезжала Уинифрид. Если уж быть совсем откровенной, мне нравилось общество посторонних мужчин. Они заставляли меня вновь чувствовать себя привлекательной. В возрасте между двадцатью пятью и тридцатью годами я находилась в самом расцвете и прекрасно это сознавала. Я сохранила стройную фигуру, научилась хорошо одеваться.

Однако мой былой вкус к жизни воскресал, пожалуй, лишь в тех случаях, когда откуда-нибудь из-за границы возвращался на родину и на время

поселялся у нас Джерими. Они прекрасно ладили с Чарльзом. При Джерими Чарльз проявлял себя в самом выгодном свете и бывал очень весел. Всякий, впервые увидев нас, мог бы подумать, что перед ним необыкновенно дружная семья.

Я решила скрыть от брата, что мой брак оказался неудачным. Чем он мог помочь мне? Ничем, Так чего ради его огорчать? Однако в некоторых случаях, когда глубокое чувство потери и разочарования прорывало защитную броню, которой я себя окружила, бывали опасные моменты. Вроде того эпизода в Риме. В скором времени за ним последовали и другие.

Как-то раз на Рождество мы с Чарльзом отправились на танцевальный вечер в Лондоне, который устроил биржевой маклер Чарльза, Дигби Лэйн. Супруги Лэйн буквально купались в деньгах. Они жили в одном из божественных домов на Честер-Сквер. Когда мы посещали их, Чарльз всегда бывал в хорошем настроении. Дигби загребал для него на бирже большие деньги, и, кроме того, Чарльз обожал Пинелопи Лэйн — крупную женщину с длинными ногами, употреблявшую в разговоре массу жаргонных словечек и вообще державшуюся как школьница, хотя ей было под сорок. Она отнюдь не отличалась элегантностью.

Вообще эта женщина явно не годилась в жены Дигби. Однако она всячески подчеркивала, что боготворит его и что главная цель ее жизни — ублажать его и четверых детей. Я уверена, Чарльз хотел бы, чтобы я стала такой, как Пинелопи, — женщиной, привыкшей поддакивать мужу. Смешно сказать: я и хотела бы походить на Пинелопи, но только не при таком муже, как Чарльз. В этом-то и состоит трагедия. Женщина может быть всем, чем угодно, но только ради мужчины, который любит и удовлетворяет ее.

Во время того танцевального вечера я испытала нечто вроде шока. Дигби уделил мне слишком много времени. Это был невероятно высокий мужчина — ростом примерно в шесть с половиной футов, с очень широкими плечами. Он словно гора возвышался над окружающими. У него была изысканная и красивая внешность, своеобразный ум. Чарльз всегда говорил, что у Дигби поразительный нюх на рыночную конъюнктуру.

Мне Дигби нравился, но до того вечера я никогда не думала о нем с точки зрения секса. Однако тогда он выпил шампанского сверх обычной своей нормы и, вместо того чтобы уделять внимание всем присутствующим женщинам, как положено

хозяину, хотел снова и снова танцевать со мной. И с каждым разом его руки, придерживавшие меня за талию и за плечо, становились все более горячими и ласкающими. Он так и сыпал комплиментами. Восхищался черным бархатным платьем. Оно подчеркивает белизну моей кожи, говорил он. Он восхищался моими длинными шелковистыми рыжеватыми волосами. Но больше всего его восхищали мои губы.

— А вы знаете, Кристина, какой у вас манящий рот?

— Вы немножко на взводе, милый Дигби, — сказала я, пытаясь придать голосу шутливость. Ведь мы прекрасно знали друг друга. Он сотрудничал с Чарльзом с тех пор, как мы уехали из Ричмонда. Иногда Лэйны приезжали к нам в Корнфилд с двумя старшими детьми, которые, к сожалению, не слишком ладили с двумя моими чадами.

— Я абсолютно трезв, — заявил он, — сегодня дошел до точки и больше не в силах скрывать, дорогая моя Кристина, что слегка влюблен в вас.

Я пыталась продолжать болтовню в прежнем легкомысленном тоне, глядя снизу вверх на залившееся краской красивое лицо Дигби и ощущая на своей талии руки, от которых исходило неприкрытое желание.

Я сказала:

— Слово «слегка» звучит неуместно в устах громадины шести с половиной футов. А кроме того, на нас смотрит Пинелопи.

Мы оба взглянули на нее. По-моему, Пинелопи никогда не отличалась большой привлекательностью. Она не употребляла никакой косметики, кроме губной помады, которая почти всегда была не того цвета, какой требовался, — ярко-оранжевый. Но у нее была веселая улыбка, и от всего существа исходило глубокое животное довольство, чувство полнейшего удовлетворения мужем и большой семьей. Дигби заявил, что я ошибаюсь и что она улыбается мне только как приятельнице, а ревновать она вообще не умеет.

— Пенни вообще никогда не думает, она только ест и спит — со мной, разумеется, — ухмыльнулся Дигби. — Или же подносит младенцам бутылочки с молоком.

— Ну что ж, все это звучит прекрасно. Чарльз находит ее божественной и считает, что мне следовало бы больше на нее походить.

— Миляга Чарльз, дай ему Бог здоровья. Ну не странно ли это?! — изумился Дигби. — А я часто думаю, что Пинелопи не худо бы чему-нибудь научиться у вас и попробовать стать хоть немного

более красивой, изысканной и холодноватой.

— Холодноватой? — переспросила я.

Я услышала в этом слове вызов. Дигби смотрел на меня горячими красивыми глазами. Он был таким гигантом, таким неотразимо мужественным! Многие женщины были от него без ума, жизнь буквально била из него ключом.

Я почувствовала, как в глубине моего существа нарастает знакомое волнение. Как и Дигби, я тоже выпила бокал шампанского — ведь это было Рождество, званый вечер.

Чарльз, сидя на диване в другом конце гостиной, беседовал с Пинелопи, я уверена, о парусном спорте. Она никогда не страдала морской болезнью и неизменно восхищалась его судном.

— Внутри вы, верно, не такая прохладная, а? — вернул мои мысли к себе Дигби. — Я ведь за вами успел понаблюдать, знаете ли! Я всегда находил вас дьявольски привлекательной. Мы с Чарльзом большие друзья, и я очень тепло к нему отношусь, но иной раз сомневаюсь, действительно ли вы подходите друг другу.

— А вы с Пинелопи подходите?

— О, она совершенно счастлива, и я люблю свою старушку Пенни. Я знаю, что у нее вид шестиклассницы, но для меня это идеальная женщина.

И я без ума от своих ужасных детей.

— В таком случае почему же вы слегка влюблены в меня? — ледяным тоном спросила я.

— Потому что я настоящий мужчина, а вы настоящая женщина, — сказал он.

Я нашла этот его ответ почти мудрым — до сих пор я никогда не смотрела на старину Дигби как на психолога.

Все это кончилось тем, что меня уволокли из столовой и втолкнули в небольшую соседнюю комнату, где семейство Лэйнов обычно завтракало. Там горела одна тусклая лампочка. Когда я стала говорить, мол, не надо, нехорошо, Дигби напомнил: живем только раз, а в могиле належимся ох как долго. И кроме того, хотя мы оба состоим в браке со страшно милыми людьми, вполне возможно, что им не хватает чего-то, в чем как раз нуждаемся мы. Эти и прочие банальности в таком же роде так и слетали с его языка. Разумеется, я очень скоро очутилась в его объятиях.

Он стоял спиной к двери специально, чтобы никто не мог неожиданно войти, не наткнувшись на его громадную фигуру. Он очень умело и со все нарастающей страстью целовал меня. Я всерьез встревожилась из-за собственного желания отвечать тем же. Снова повторилась та же история,

что с Паоло в Риме, — внезапная вспышка страсти между теми, кого Дигби называл настоящим мужчиной и настоящей женщиной. Я поняла это, стоя в его объятиях и ощущая губы, продвигавшиеся сверху вниз по моей шее. После этого он начал меня обнимать, отбросив в сторону всякую сдержанность. Не стану отрицать: все, что было во мне истинно женского, до безумия возбудилось. Зачем только тратила себя на Чарльза?! Я понимала, что прожитые с ним годы просто выброшены на ветер и я не могу продолжать жить такой замороженной, лишенной любви жизнью. Пусть даже это будет означать крушение всего, что мы успели совместно построить.

Дигби потащил меня к большому мягкому дивану «честерфилд», стоявшему напротив камина, в котором еще светились догоравшие угольки. Было очень тепло и уютно.

— Я могу запереть дверь. Пусть все и вся идет к чертям, — хриплым голосом прошептал он мне на ухо. — Вообще-то никто не станет нас искать. Если Пинелопи увидела, как я вел вас сюда, и начнет задавать вопросы, могу сказать, что вы хотели посоветоваться насчет своих инвестиций.

Я закрыла глаза, мысленно желая, чтобы он не был таким красивым и чтобы я испытывала к

нему отвращение.

— Знаете ли, Дигби, это не любовь, — сказала я. — Мы ничуть не влюблены друг в друга. — Я вся дрожала. — Я не желаю говорить о Чарльзе, но твердо знаю, что вы и Пинелопи счастливы. Какие же у вас есть оправдания вот для этого?

— А разве для занятий любовью требуются оправдания?

Я вся напряглась в его руках, стараясь отодвинуться как можно дальше, но он держал меня очень крепко, без церемоний. Меня охватило ужасное опасение, что мое лицо перепачкано губной помадой — так же, как перепачкана ею и его физиономия. Я была в каком-то диком неистовстве, но при этом ненавидела себя. Я и в самом деле хотела подобной близости и одновременно сознавала, что в этом есть что-то от сумасшествия. Я на такое не способна, о чем и заявила Дигби.

— Мы оба состоим в браке.

— Забудьте об этом, дайте себе волю, милочка.

— Не могу. Женщины в этом отношении отличаются от мужчин, — протестовала я.

— Да ничего подобного! Они просто восхитительно лицемерны, — сказал он со смехом, прижимаясь лицом к моей груди.

— Я не могу так бесчестно вести себя по отношению к Пинелопи в ее собственном доме, — продолжала я бороться сама с собой.

Дигби тихонько ухмыльнулся. В тот вечер я пришла к заключению, что огромное множество, по всей видимости, счастливых в браке и верных мужей со спокойной совестью вступают в интимные отношения с другими женщинами.

— Право же, вы совершенно очаровательны, Кристина, — сказал Дигби. — Но не слишком ли всерьез вы к этому относитесь?

— Я ни секунды не воображала, что вы принимаете меня всерьез, Дигби, — сухо парировала я.

— Тогда откуда такая помпезность, милочка, и все эти словеса насчет чести?

— Дело в том, что я друг Пинелопи, — возразила я слабым голосом.

— И я тоже. Я ее обожаю. Но не забудьте, что мы женаты уже десять лет.

Я достала из сумочки сигарету, всем сердцем желая, чтобы при этом не дрожали пальцы и чтобы не так сильно хотелось отложить в сторону собственную совесть и снова забраться в объятия этого человека. В нем было так много истинно мужского, и он был по-своему честен, признаваясь в своей беспринципности по отношению

к жене.

— Дигби, — спросила я, — а что, в браке любовь больше десяти лет не выдерживает?

— Вы упорно продолжаете толковать о любви, радость моя. А как насчет другой стороны человеческой натуры, от которой столь многие лицемеры отворачиваются, делая вид, что это, мол, свойственно лишь животным?

Я продолжала бороться:

— По божеским и человеческим законам, принадлежа мужу ли, жене ли, разве не должны вы стараться держать в узде свои страсти?

Он обнял мои плечи и с очаровательной улыбкой посмотрел на меня:

— Слушать ваши маленькие проповеди, Кристина, право же, одно наслаждение. И они вовсе не заставляют меня меньше желать вас.

— Выходит, вы попросту не верите в верность?

— Разумеется нет, если только мужчина по-прежнему доставляет радость своей жене и умеет прятать концы в воду. А я уверен, что Пинелопи пребывает в полном блаженстве.

— Этого не было бы, если бы она могла сейчас нас увидеть и услышать, что вы говорите.

— О боже, ну, милочка, право же, это уж слишком! Она не может нас видеть, так же как не

может и слышать того, что я говорю.

— Вы ужасный плут, Дигби. Вы следуете принципу: чего не знаешь, о том не горюешь, — невнятно пробормотала я.

Он начал снова осторожно притягивать меня к себе. В глазах его была откровенная жажда, которую я вполне понимала. Тем не менее не могла отвечать ему так, как он того хотел. В этом была какая-то дьявольская загвоздка: просто я не хотела случайной, небрежной любви.

Я снова начала говорить, но он прервал меня:

— Перестаньте болтать, моя радость. Женщины слишком много говорят. Я люблю, чтобы мои женщины были немы, когда я их ласкаю.

Я не могла удержаться от смеха. Веселый, милейший Дигби, которого все считали образцовым мужем и отцом, предстал нынче вечером в совершенно ином свете.

— А я не из породы немых блондинок и не желаю быть одной из ваших женщин, Дигби, — сказала я.

Он наклонил большую красивую голову и слегка коснулся губами моих губ:

— А почему бы нет, милая? Почему бы вам не стать одной из них — ненадолго? Я просто не могу передать, до чего вы обольстительны.

— А если я скажу «да», что вы потом станете обо мне думать?

Он погладил меня по щеке указательным пальцем:

— Милая, именно так говорят все. Это просто фантастика. Почему вам, женщинам, необходимо волноваться о том, что будет потом? Вы портите этот чудесный миг, Крис. Не занимайтесь психоанализом, оставайтесь верны своей натуре. Я вовсе не пытаюсь делать вид, что семейная жизнь доставляет мне столько же радости, как и десять лет назад, хотя я все еще счастлив с Пен. А вы совершенно явно не получаете от Чарльза того, что вам нужно. Мужчины по самой своей природе склонны к полигамии, что бы там ни говорилось на этот счет в молитвенниках или уголовных кодексах. Существует бессчетное множество мужчин, в глубине души согласных со мной, но боящихся открыто в этом признаться.

— Мне постоянно твердят о том, что мужчины склонны к полигамии по самой своей природе, — заметила я. — А вы не считаете, что и женщины тоже таковы? Нет! Я уверена, вы придете в ярость от одной мысли, что Пинелопи требуется какая-то связь на стороне потому, что после десяти лет вы ей прискучили.

Дигби не рассердился. Добродушие не изменяло ему. Он закинул голову и от души расхохотался:

— Какая блистательная идея! Я наскучил Пинелопи. Поверьте мне, дорогая, нисколечко!

Я ответила:

— Вы просто до ужаса самодовольны. Но предположите, что это все-таки случилось: вы ее не удовлетворяете, не доставляете ей радость, и она пустилась в игры и развлечения с каким-нибудь другим мужчиной. Вы согласились бы распространить на нее вашу теорию насчет инстинктивной тяги к полигамии?

Проведя рукой по волосам, он сказал:

— Для женщины это не всегда то же, что для мужчины, детка моя Кристина, и вы это знаете.

— Почему? Разве мы не такие же люди и нам чужды человеческие чувства?

Он схватил меня и крепко прижал к себе:

— Я думаю, к вам это относится в полной мере. Вы действительно умеете чувствовать. Я только что ощутил, как вы трепещете в моих объятиях, — сказал он, снова распаляясь. — Давайте не будем тратить время на разговоры. Поцелуйте меня.

— Я не могу, — сказала я. — Не могу… Простите меня.

Неожиданно я поднялась, отошла от Дигби и остановилась перед камином, уныло глядя на огонь. Дигби тоже встал. Оглянувшись через плечо, я увидела, что он зажигает сигару. Вид у него был обескураженный, но он улыбался. Видно было, что он успел полностью овладеть собой. Я удивленно размышляла, какое же примитивное существо может скрываться под внешней оболочкой джентльмена из Сити, с этим его сюртуком, очками в черепаховой оправе и сигарой во рту — за всем этим фасадом так называемой цивилизации. Я тоже была в каком-то смысле совсем не такой, какой пыталась казаться. Все мы, за редкими исключениями, притворщики. Пожалуй, лучшее, что я могу сказать о Чарльзе, — это что он внутренне точно таков, каким кажется со стороны.

Дигби вытащил носовой платок и тщательно вытер лицо:

— Ну что ж! Ух! У меня такое ощущение, будто вы вдруг распахнули окно и впустили в комнату ледяной ветер.

— Я очень сожалею, Дигби.

— У вас нет для этого решительно никаких оснований, милая, — сказал он со своей обычной обаятельной улыбкой.

Я посмотрелась в зеркало и, отыскав в сумочке гребень, начала приводить в порядок волосы и красить губы. Он наблюдал за мной, снова став любезным и улыбающимся:

— И все-таки, милая, я не совсем вас понимаю. Вы, как видно, путаете принципы и природные инстинкты. Ваша честь, моя честь и все такое прочее. Вам незачем напоминать мне о них, дорогая. Я знаю, что вел себя скверно. Но когда вы только что целовали меня, я ощущал великолепную женщину, которая в вас таится, о чем всегда подозревал. Вы чертовски привлекательны, и старина Чарльз не доставляет вам радости, разве не так?

— Нет, Дигби, не доставляет. Но я не могу завязать роман с вами. Вы слишком близки с Чарльзом, а я слишком хорошо отношусь к Пинелопи.

— Вы и в самом деле просто прелесть, — сказал он уже другим тоном. Поднеся к губам мою правую руку, он целовал ее со словами:

— Простите, моя радость. Боюсь, я вел себя как скверный малый. Но оно того стоило. При виде вас мне, как говорится, ударило в голову. По-моему, вы пьяните куда сильнее, чем шампанское.

— Я была сумасшедшей и тоже скверной.

— Не знаю, то ли радоваться, то ли сожалеть об этих ваших принципах, — продолжал он. — Между нами, Крис, определенно есть что-то общее. У нас мог бы получиться великолепный роман.

Я покачала головой, но презирать его не могла: он был так откровенно бессовестен, рассуждая об измене собственной жене!

На этом все кончилось. С тех пор я множество раз видела Дигби, но, если не считать лукавого огонька в глазах и иной раз преувеличенно крепкого рукопожатия, он никогда ничем не пытался напомнить об опасной сцене на Честер-Сквер.

Помню, когда мы после того вечера ехали с Чарльзом домой, я была угрюма и раздражена. Раздражение было направлено против Чарльза: он всецело виноват в том, что я позволила себе дойти до такого падения. С циничным любопытством мысленно спрашивала себя, что сказал бы мой дорогой степенный и добропорядочный супруг, если бы узнал, что его близкий друг и биржевой маклер так стремился затащить меня к себе в постель, или что подумала бы Пинелопи.

Подобных эпизодов в моей жизни было не слишком много, и я никогда сознательно их не провоцировала.

Я не ушла от Чарльза, а продолжала тянуть

наше бессмысленное совместное существование. Бессмысленное, разумеется, не во всех отношениях — не говорю о детях и о нашем Корнфилде, которым очень гордилась. Я действительно любила этот дом.

Время от времени происходили идиотские инциденты, отнюдь не столь значительные, как тот, когда я чуть не стала любовницей Дигби Лэйна, но тем не менее расширявшие брешь между Чарльзом и мной. Бесконечные мелкие стычки — вроде той, что произошла прошлым летом, когда к нам на уик-энд приехали партнер Чарльза Норман Холландер со своей женой Бетти и еще двое наших друзей — Айлин и Билл Килвик.

Погода стояла роскошная. Я очень любила уикэнды, которые мы проводили с друзьями. Но тогда все шло не так, как надо. Садовник отсутствовал: он заболел. Работница не явилась. Наша старая кухарка, всегда отличавшаяся крайней обидчивостью, нуждалась в помощи, так что я была прикована к кухне. Первое, что я сказала утром Чарльзу: он должен принести топливо и заняться котлом, а кроме того, к обеду надо столько всего наготовить, что ему придется съездить на машине в Арундель и произвести кое-какие закупки.

Чарльз и пальцем не пошевелил.

Он вообще всегда вел себя так, словно суббота и воскресенье принадлежат только ему, и никому больше. Он заявил, что уже договорился свозить Нормана в Чичестер на деловую встречу с одним общим приятелем.

Джеймс вел себя так скверно, как только мог, и очень расстроил нашу няню-датчанку. Дилли ходила следом за мной, хныча, что ей нечем заняться. В конце концов, придя в полное отчаяние, я затащила Чарльза в дом подальше от гостей, которые грелись на солнышке на террасе. Признаться, я выдала ему по первое число.

Он отказался освободить меня от заботы о детях, а также принести топливо. В результате я окончательно вышла из себя. Интересно, дойдем ли мы с Филиппом когда-нибудь до отвратительных препирательств из-за каких-то домашних проблем. Сейчас Фил — мой любовник. С чарующей уверенностью он считает, что я ангел, неспособный на какие-либо вспышки гнева. Страшно даже вообразить, что брак с Филиппом может когда-либо стать отдаленно похожим на то, что я вытерпела в супружестве с Чарльзом.

Помню, в тот неприятный летний день, когда мы поссорились, я сказала:

— Нельзя же оставить на моих руках детей, чтобы при этом я управилась и со всем остальным.

— Ну а взять их с собой я не могу.

— Разумеется, потому что ты прекрасно знаешь: с ними просто невозможно справиться.

— Ничего подобного. Кстати, а Эльза на что существует?

— Джеймс оскорбил и расстроил Эльзу. Возможно, это и глупо, но, если я буду действовать неосторожно, она может уйти от нас. Она очень славная девушка, и, уверяю тебя, многие только и ждут случая перехватить ее у нас.

— Сейчас, Крис, мы не можем вдаваться во все эти детали.

— Конечно, но факт остается фактом. Я не желаю… Просто я не в состоянии со всем справиться. Я бы никогда не позвала на уик-энд гостей, если бы знала, что не придут ни садовник, ни миссис Гудбоди.

Чарльз смутился. Видно было, что он не уверен в своей правоте. Он потянул себя за ухо, нахмурился, плотно сжал губы. Но мне было ясно, что он твердо решил отвезти Нормана туда, куда обещал, и с этой позиции его не собьешь. Чего-чего, а упрямства Чарльзу не занимать.

Совершенно потеряв самообладание, я крик-

нула:

— Какая жалость, что тут нет Уинифрид. Уж она бы со всем справилась!

От ярости он покраснел как рак. Всякое упоминание о мачехе неизменно выводило Чарльза из себя. Не пытаюсь оправдать свое ребячество, но на меня свалилось больше, чем я в состоянии была вынести. Я это твердо знаю. Он ответил:

— Да, я уверен, что Уин справилась бы.

Я затряслась от негодования:

— Она сильна как лошадь. Ее-то ничто не может утомить. И уж она бы все организовала наилучшим образом. Бог ты мой, ну конечно же! Только, пожалуйста, помни, что когда она принимает гостей, то за неделю до этого не занимается ничем, кроме готовки, да и то она ведь только угощает, у нее никто не остается пожить. Корнфилд же каждый уик-энд превращается в настоящий отель. Я бы получала удовольствие от приема гостей, если бы муж больше мне помогал. Другие мужья что-то делают по дому — мне рассказывают их жены. Даже Бобби помогает Кэт, если у них не хватает прислуги. Ты же все взваливаешь на меня.

— Ради бога, Крис, успокойся. Ты хочешь, чтобы нас услышали все, кто сидит в саду?

— А мне все равно, пусть слышат. Я тебя всего

лишь предупреждаю, Чарльз: если ты сегодня днем не снимешь с меня заботу о Джеймсе и Диллиан, пока буду занята всем остальным, я пойду к себе в спальню, запрусь и больше не покажусь. Тогда тебе придется справляться самому.

Он заявил, что я плохо веду хозяйство, с детьми просто безнадежно беспомощна, к Уинифрид несправедлива, а его вообще никогда не понимала. Никогда не слышала, чтобы Чарльз так много говорил. Однако в конце концов до него дошло, что раз я пригрозила запереться у себя в комнате, если он не изменит свои планы, то так и сделаю. Так что победила я. Ему пришлось сдаться.

Он как-то извинился перед Норманом, заполнил котлы горючим, принес еще топлива и посадил Джеймса и Диллиан в машину, когда повез Нормана, захватив при этом с собой и жену Нормана Бетти, Таким образом, я получила необходимую передышку. Однако победа оказалась безрадостной. Перед самым отъездом Чарльз отвел меня в сторонку в холле. Лицо у него было мрачнее тучи.

— Надеюсь, ты довольна, — с горечью сказал он. — Мы с Норманом, вероятно, упустили шанс заключить выгодную сделку. Однако мы все же попытаемся полчасика потолковать с этим ма-

лым, пока Бетти будет прогуливаться с твоими детьми.

— Они также и твои дети, — напомнила я ему.

— Я бы никогда не поверил, что ты способна так кошмарно себя вести, Крис, — сказал он и повернулся, чтобы уйти.

Оглянувшись через плечо, он обронил заключительное замечание: Норман наверняка догадался, что его, Чарльза, насильно заставили изменить первоначальный план, а ему не так уж приятно играть роль мужчины, находящегося под каблуком у жены.

Эти слова взвинтили и рассердили меня. Я ударилась в слезы и бегом кинулась вверх по лестнице.

В доме наконец-то наступила тишина, и я могла без помех заняться делами, но чувствовала себя ужасно. Чарльз дал мне понять, что виновата во всем я. Мы уже не находили с ним общего языка. Надежды на то, что оставшаяся часть уик-энда доставит мне удовольствие, было мало.

Когда я наконец перестала плакать, меня охватило чувство опустошенности и невыразимой грусти.

В тот вечер после нашей ссоры я за обедом изображала полнейшую беспечность. На мне

было новое шифоновое вечернее платье бледно-желтого цвета, которое мне очень шло. На голове соорудила высокую прическу, выглядела совершенно спокойной и весьма изысканной, но чувствовала себя препогано. Я пила гораздо больше обычного, смеялась громче и дольше, чем это было мне свойственно. Что бы ни сказала, все находили мои слова очень остроумными. Норман заметил, что я сегодня в ударе. Все расхваливали мое платье, мои кушанья, мои букеты цветов. Все были преисполнены восхищения, но всякий раз, когда я бросала взгляд на Чарльза, сидевшего напротив меня, он холодно отворачивался в сторону и хмурился. Он меня не простил.

После обеда моя лихорадочная веселость все-таки встревожила его. К тому времени, когда были поданы кофе и коньяк, в дом забрели еще несколько наших друзей. Мы ставили пластинки на новый стереофонический проигрыватель, специально изготовленный для нас фирмой Чарльза, и танцевали.

В этот момент появился Гарри.

8

Гарри Барнет — сын армейского генерала, дружившего с моим отцом в Шерборне. Гарри был на десять лет старше меня и уехал за границу еще до того, как я окончила школу. По правде сказать, я даже не помнила о его существовании, пока он не появился в наших краях. Он купил около Арунделя небольшой домик с приусадебным участком, который превратил в птицеферму. Когда я узнала, кто снял коттедж Дженкинса — домик назвали так в честь кузнеца Дженкинса, которому он принадлежал в семнадцатом веке, — сразу бросилась туда повидаться с Гарри. Я была в восторге.

Так приятно знать, что рядом есть кто-то, знавший отца и брата и даже помнивший мать. Когда я видела Гарри в последний раз — это было, наверное, тринадцать лет назад, — он был высоким крепким юношей с каштановыми стоявшими торчком волосами — он очень коротко их стриг, и его прическа напоминала американский «ежик». У него были грубые черты лица, без малейшего намека на красоту, если не считать прекрасных серых глаз и большого, всегда весело улыбаю-

щегося рта.

Я встретилась с ним за год до описываемого мной обеда и нашла, что он постарел. В редеющей каштановой шевелюре появились седые пряди.

Мы кинулись друг другу в объятия, словно давно не видевшиеся брат и сестра. Потом он отстранил меня и окинул взглядом с головы до ног:

— А вы совершенно не изменились, просто ни капельки. Все такая же молодая, только еще более красивая.

— Вы и сами очень неплохо выглядите, — сказала я.

Он провел меня в гостиную. В камине горели дрова. Это была комната закоренелого холостяка, явно прожившего какое-то время на Востоке. Ни цветов, ни какого-либо следа женской руки, вместо занавесок — жалюзи. Небольшие добротные коврики, несомненно, привезенные издалека. Столом служил индийский медный поднос, укрепленный на бамбуковых ножках. Письменный стол завален старыми газетами и книгами. Через открытую дверь я видела спальню, столь же унылую. Но крайняя простота и примитивное убранство гостиной забывались при виде великолепной картины над камином с изображением нагой туземной девушки — строй-

ное светло-коричневое тело на оранжевой шали, небрежно брошенной на диван какой-то веранды. У туземки были огромные очень красивые глаза и полные улыбающиеся губы того же розового цвета, что и ногти. В ней не было ничего грубого, оскорбляющего глаз. Черные маслянистые волосы собраны в узел, за одно ухо заложен алый цветок. Ее поза и выражение лица были необыкновенно соблазнительны.

Первые десять минут нашего разговора я просто не могла отвести глаз от картины. Мы поведали друг другу все наши новости. Гарри предложил мне сигарету, а сам закурил трубку. Он угостил меня довольно хорошим кофе, чай он никогда не пьет и признает только кофе или шотландское виски, а преимущественно последнее.

Филипп — единственный мужчина из всех моих знакомых, кто проявляет больше интереса к человеку, с которым он беседует, нежели к себе самому. Но мой дорогой Гарри, один из милейших и интереснейших мужчин, всеобщий любимец, был типичным представителем мужского племени, сосредоточенного на собственной персоне. Ему хотелось говорить о себе. Может, это объяснялось тем, что жил он один, если не считать прислуги, ежедневно приходившей убираться, и

его помощника на птицеферме. Пока что у него не было здесь друзей, и он был рад возможности излить душу.

Потом, заметив, с каким вниманием я смотрю на картину, он кивнул в ее сторону и без тени смущения произнес:

— Лала. Малайя. Одно время она была моей любовницей.

Мне понравилась его откровенность. Я сказала:

— Почему бы и нет? Знаете, мы с Джерими слышали, что вы начинали свою карьеру в Индии, потом переехали в Канаду, а затем купили каучуковую плантацию возле Пинанга. Вы ведь так и не женились, Гарри, не правда ли? У вас просто была Лала.

— Да. Это вас не шокирует?

— Не говорите глупостей.

— Но ведь я уверен, что ее портрет обязательно произведет самое неприятное впечатление на кое-кого из местных дам, если они когда-либо посетят меня.

— А вам-то не все равно? Расскажите мне о ней.

Он поглядел на свою трубку. Я заметила, что глаза у него стали грустными.

— Это довольно печальная история, Крисси.

Гарри обручился с одной славной девушкой в Канаде. Приехав в Пинанг, купил для нее бунгало. Он совсем уже решил жениться, но за день до свадьбы невеста прислала телеграмму, в которой сообщала, что передумала и уже вышла замуж за одного человека в Ванкувере. Это, сказал Гарри, раз и навсегда развеяло все его представления относительно романтической любви. Он бросил в костер обручальное кольцо и официальное разрешение на брак и расстался вместе с ними с воспоминаниями о неверной возлюбленной. Потом он начал попивать, о чем сообщил мне с милой улыбкой. И вот в один прекрасный день в его жизнь вошла Лала. Появилась она под тем предлогом, что, мол, мама, обычно приходившая убирать дом, заболела и вот прислала ее вместо себя. Лале было шестнадцать, и она была ослепительно красива, гораздо красивее, чем можно судить по картине, написанной позднее в Малайе художником — приятелем Гарри.

— Когда малайским девушкам еще нет двадцати, они необыкновенно привлекательны, — сообщил мне Гарри. — Невероятно грациозны. Фигуры — просто сказка. При этом они очень нежны и преданны.

— Так вы влюбились в нее? — спросила я.

Это он отрицал, однако признал, что физическое влечение к ней действительно испытывал. Он взял ее к себе и через несколько месяцев проникся к ней глубокой привязанностью. Она была мягкосердечной девушкой и никогда ему не докучала. Когда он желал ее, она была рядом, когда нет — исчезала, словно тень. Но она была не чьей-нибудь, а его тенью, всегда готовой вернуться, и в ее объятиях он обрел некоторый покой. Так продолжалось три года.

— В таком случае вам повезло, — не без горечи заметила я. — Не все браки, скрепленные документами и церковным благословением, длятся так долго.

На этот раз он, заметив скептическую мину на моем лице и уловив нотку горечи в голосе, с беспокойством спросил:

— Ваш брак оказался неудачным, Крисси?

Я снова уставилась на распростертую фигуру Лалы:

— Не надо говорить обо мне. Расскажите побольше о ней.

— Она умерла, — отрывисто сказал он. — От укуса змеи. Одной из этих проклятых ядовитых африканских змей, которые называются мамба-

ми. Змея укусила ее в ранний утренний час, когда она встала с постели, чтобы приготовить мне завтрак. Змея лежала, свернувшись в кольцо на полу, и словно дожидалась, когда Лала на нее наступит. Все было кончено еще до того, как я успел убить змею и попытался высосать яд из раны.

Я была потрясена и очень огорчена. Умереть в девятнадцать лет! Вся эта грация и нежная красота, вся страсть, которую он, должно быть, испытал в ее объятиях, — все погибло от смертельного яда змеи. Бедная маленькая Лала… и бедный Гарри.

Он поднялся, достал бутылку виски и налил себе стаканчик. Я отказалась выпить с ним вместе: было слишком рано. Он произнес:

— Вы единственная, кому я рассказал эту печальную историю. Вы всегда умели слушать, даже когда были еще ребенком. Знаете, у меня до сих пор где-то хранится фотография, на которой вы изображены с каштановыми косичками верхом на пони. Погодите-ка, вам, наверное, было тогда лет двенадцать. А мне двадцать два. А теперь вам за тридцать, а мне сорок три. Как пролетели годы!

Мы продолжали сидеть, покуривая и разговаривая. Мне было тепло и хорошо оттого, что Гарри

Барнет снова вошел в мою жизнь. Должна признаться, что я почти забыла о его существовании, но теперь, когда он был рядом, я обнаружила, что у нас с ним много общего. Он был человечен, сострадателен и относился к той категории холостяков, которые никогда не превращаются в старых баб с закоснелыми привычками. Он сохранил мужское очарование, и меня очень тянуло к нему. Когда я уходила, он расцеловал меня в обе щеки и заставил пообещать в скором времени навестить его снова. Я пригласила его приехать к нам в Корнфилд в любое время, когда ему захочется, — мы жили всего милях в двух от него.

Только после ухода я поняла, что практически ни слова не сказала ему о себе и Чарльзе. На следующий день я позвонила Гарри и пригласила его на обед. Он познакомился с Чарльзом, который был с ним безукоризненно вежлив, хотя в то время был целиком поглощен какой-то крупной сделкой и владелец птицефермы не вызывал у него особого интереса. Гарри не заинтересовал его даже тем, что я знала Барнета еще в детстве. На несколько часов он покинул нас, и я ставила для Гарри свои любимые пластинки с классической музыкой.

После этого мы часто бывали друг у друга. С

ним познакомились дети, и дядя Гарри их просто покорил. Он прекрасно с ними ладил. В последующие двенадцать месяцев его просторное холостяцкое бунгало стало для меня своего рода убежищем, где я могла укрыться от всех своих бед, а также когда пребывала в скверном настроении. Конечно, Гарри очень скоро узнал — и от меня, и в результате собственных наблюдений, — как я несчастна. Он был слишком тактичен, чтобы открыто критиковать моего мужа, к тому же, мне думается, из какого-то чувства лояльности я винила за то, что наш брак не удался, себя, а не Чарльза.

— Вероятно, я требую слишком многого, — сказала я Гарри как-то вечером, когда мы сидели одни за стаканчиком вина у нас дома. — Чарльз не может дать больше того, что дает, — он попросту не наделен необходимыми для этого качествами.

— Он несносный болван, — неожиданно свирепо отозвался Гарри.

— Я, наверное, не лучше его, Гарри. Мы оба виноваты.

Он посмотрел на меня своими красивыми глазами. Я еще подумала: сегодня вечером он выглядит усталым, и ничуть не моложе своего

возраста. Слова, которые он вслед за тем произнес, меня поразили.

— Вы изголодались, не так ли, моя маленькая Крисси?

— В каком смысле? — я почувствовала, что краснею.

— Я наблюдаю за вами, — ответил он. — Наблюдаю и за вашим мужем. До чего же вы не подходите друг другу. Он, возможно, прекрасный малый, но у него за душой нет решительно ничего из того, чего вы по-настоящему хотите.

Я пыталась перейти на легкомысленный тон, потому что в замечаниях Гарри и в его глазах было что-то такое, что вывело меня из привычной апатии и заставило осознать — а это всегда опасно, — что я все еще привлекательна для мужчин, для него, например, да и вообще, пожалуй, для любого мужчины, кроме собственного мужа. Со своей стороны и я находила Гарри очаровательным — что правда, то правда.

Я собиралась возразить, когда он вдруг залпом осушил стакан, встал и вышел из дома — все это было проделано весьма поспешно. Я огорчилась и слегка разочаровалась.

До конца недели Гарри не приходил, а когда звонила по телефону — под каким-нибудь пред-

логом отклонял приглашения. Я начала по нему скучать и уже спрашивала себя: может, он ведет себя таким образом потому, что ему надоели и я, и мои матримониальные проблемы? А потом мне пришло в голову, что он, быть может, немножко влюблен в меня и не хочет, чтобы наши отношения зашли далеко.

Все определилось в тот знаменательный вечер. Услышав танцевальную музыку и смех, Гарри понял, что у нас гости. Он заявил, что немедленно уходит.

— Я заглянул на минутку, просто давно вас не видел…

Я начала говорить, что моей вины в том не было, но он повернулся к двери с таким видом, словно жалел о своем визите. Наверное, я была слишком взвинчена после обеда, после того, как понасмотрелась на другие супружеские пары, явно получавшие удовольствие от вечера, и, наконец, после той ужасной ссоры с Чарльзом. Я совершенно обезумела и вела себя соответственно. Попросту побежала следом за Гарри, и, догнав, заявила:

— Я не могу больше ни минуты выносить это сборище. Никто не заметит моего отсутствия, а если и заметит, мне все равно. Давайте посидим

минуточку в вашей машине, Гарри, ну пожалуйста! Мне необходимо с вами поговорить.

— Милая, вам бы не следовало... — начал он, но словечко «милая» и то, что руки, которые он положил на мои оголенные плечи, были горячими и слегка дрожали, решили для меня все. Я была настроена совершенно бесшабашно и не обращала внимания на его протесты. Он сдался, и мы забрались в его просторный автомобиль — старый комфортабельный «даймлер», с которым он не желал расставаться. Не проронив ни слова, Гарри выехал за ворота Корнфилда и свернул в аллею, слева от дома. Затем остановил машину под сенью буковой листвы, сквозь которую слабо пробивался свет луны. После чего мы без дальнейших вопросов или каких-либо объяснений перебрались на заднее сиденье машины и кинулись в объятия друг к другу. Гарри начал жадно целовать и ласкать меня — он делал это с каким-то трагическим отчаянием. Прижатая к кожаной спинке сиденья, я ощущала на губах его горячее дыхание. С первых дней замужества меня никто так не целовал. Да, собственно, Чарльз никогда не целовал меня с такой страстью. Я отдала себя в руки Гарри, испытывая неутолимую жажду, ничуть не уступавшую его собственной. Он твер-

дил, до чего я восхитительно выгляжу при свете луны, как мне идет это вечернее платье; говорил, что я лунная богиня, созданная для поклонения, и осыпал меня комплиментами. Он распустил мне волосы и, схватив одну прядь, обмотал ее вокруг своей шеи, уверяя, что я обворожительна, что мои губы сводят его с ума и что он не может понять Чарльза. Я тоже осыпала его поцелуями, восхищаясь истинно мужским теплом и силой, неистребимым запахом табака, исходившим от него, натянутым как струна телом, тесно прижавшимся к моему.

— Я всю неделю избегал встреч с вами, потому что знал, что может случиться именно это, — сказал он.

— А я рада, что это случилось, — словно безумная, говорила я.

Я была в диком восторге оттого, что он меня любит. Как и Дигби, он вновь дал мне почувствовать себя желанной, но сейчас мне было лучше, чем с Дигби, поскольку к Гарри я испытывала настоящее чувство. Мне наконец компенсировали холодность и пренебрежение со стороны Чарльза. В эти безрассудные минуты я чувствовала одно: Гарри так же нуждается во мне, как и я в нем. Теперь-то я понимаю, ни один из нас

по-настоящему не любил другого. Он не был тем мужчиной, которого я бессознательно искала, — он не был Филиппом — а я не была истинной любовью Гарри; я не была ему так дорога, как Лала, похороненная в далекой Малайе. Мы — два потерянных, одиноких человека — испытывали сильное физическое влечение друг к другу. Словно магнитом одного притягивало к другому. Ни один из нас не прилагал серьезных усилий обуздать страсть. Положение спасло лишь присущее Гарри чувство юмора. Стянув с моих плеч бретельки вечернего туалета, он распространялся о том, что такой изумительной груди не видывал за всю свою жизнь, и в этот самый момент ударился локтем о какой-то металлический выступ. Рассмеявшись, он заметил:

— О боже… более неудобного места для занятий любовью даже вообразить невозможно!

Я немного успокоилась и даже стала хихикать вместе с ним. Пожалуй, мы вовремя опомнились. Спустя какую-нибудь минуту мы уже вполне владели собой. Он снова поцеловал прядь моих волос, а потом помог отыскать шпильки и гребешки; я привела прическу в порядок. Гарри надел галстук, который совсем недавно отшвырнул в сторону. Внезапно на его лице появилось груст-

ное выражение, хотя он и продолжал шутить:

— Хорошенькая мы с вами парочка. Я просто настоящий мерзавец: ведь у вас муж, семья… Вы дьявольски привлекательны. Лучше отвезу вас обратно к гостям, пока не разорвал на мелкие клочки.

Мое сердце билось теперь уже спокойнее, но я уткнулась лицом в его плечо и почувствовала, что готова заплакать.

— Я все равно уже разорвана на мелкие клочки, — сказала я. — Ах, Гарри, Гарри! Я просто в ужасном состоянии и не в силах больше этого выносить, а что делать — не знаю.

— Я вам скажу, что делать, — заявил он, поднося к губам мою руку. — Ради всего святого, держитесь подальше от меня, моя радость! Я не хочу быть виновным в разрыве между вами и вашим мужем. У меня такое хобби — не разрушать чужие браки. Я всегда отказывался утешать неудовлетворенных жен, не желаю заниматься этим и сейчас. Милая, мне нечего вам предложить. Теперь уже слишком поздно. Я могу только сделать вас несчастной.

— Я позволила… позволила произойти тому, что сегодня случилось, только потому, что я неудовлетворенная жена? — с горечью произ-

несла я.

Отодвинувшись от меня, он зажег любимую трубку:

— Возможно, Крисси. Я не знаю, милая. Но я, без сомнения, не тот человек, с кем вам можно этим заниматься. Я закоренелый холостяк, а вы не из тех женщин, с которыми я могу без особых раздумий переспать, а потом отставить в сторону. Я слишком вас уважаю и не думаю, чтобы вы принадлежали к тем женщинам, которых случайная связь может сделать счастливыми. Разве это для вас — поцеловать на ночь деток, а потом красться к моему бунгало? Сами посудите!

Я понимала, что он прав. Я разрыдалась. Он обнял меня, теперь уже без недавней страсти, и стал утешать, словно я была маленькой девочкой, которую он знал двадцать лет назад.

— Бедная моя детка! Как бы я хотел, чтобы вы стали счастливее и дела пошли на лад. Неужели этот кретин, с которым вы пребываете в законном браке, не видит, что теряет?

— Не видит, и его это ничуть не трогает. Все совершенно безнадежно, — сказала я.

— Ну что ж, терпите, милая, терпите ради ваших деток.

Эти слова заставили меня устыдиться. Гарри

был ласков и преисполнен сочувствия. Я испытывала к нему глубочайшее уважение, как и он ко мне. Мало-помалу мы выплыли на поверхность, спасшись от бурных подводных течений. А ведь мы только что чуть не утонули. Он подвез меня к дому на машине.

Перед тем как я вышла, Гарри сказал:

— Может, оно и к лучшему, милая. Еще до того, что случилось сегодня, я пришел к выводу, что в здешних краях не найти мне счастья. Разведение кур — занятие не совсем в моем вкусе, да и английский климат я переношу с трудом. Ко мне давно уже пристает один старый приятель — все зовет к себе, в Нигерию. Там поспокойнее, чем в большинстве других африканских стран, так что, думаю, я здесь все продам и уеду.

Эти слова сокрушили меня. Я чувствовала себя совершенно несчастной и не знала, верить ли утверждению Гарри, что он принял это решение еще до сегодняшнего дня. Быть может, именно сейчас он решил, что следует уехать, пока ситуация не осложнилась и мы оба не связали себя серьезными узами? Но я не стала задавать вопросов, молча выслушав, что он-де до конца дней своих не забудет меня и сегодняшней ночи. Я произнесла нечто в этом роде:

— Я тоже никогда вас не забуду, милый Гарри.

Помогая выйти из машины, он посмотрел на меня долгим проницательным взглядом.

— Господи! — сказал Гарри, понизив голос. — Вы заставляете меня желать, чтобы все произошло иначе. Любить такую прелесть, как вы, — истинное счастье!

Я не сказала, что тоже нахожу его необыкновенно волнующим. К чему? Все кончено. Эпизод с Дигби не оставил мне ничего, кроме ощущения, напоминающего кисло-сладкий привкус во рту. Я знала, что после встречи с Гарри меня ждет опустошение. Однако проведенные с ним в машине минуты показали, как мне необходимо сознавать себя для кого-то желанной. И потом, я по-своему любила Гарри.

Я больше никогда его не видела. Он написал мне очаровательную дружескую записку, в которой прощался и сообщал, что через две недели вылетает в Нигерию, поручив какому-то агенту продать ферму и бунгало. Я долгое время находилась в подавленном состоянии и не слишком-то гордилась своей ролью во всем этом деле. Впрочем, утешением мне было, что Гарри уехал так быстро не потому, что не захотел связываться с замужней женщиной, а из-за нежелания причи-

нить мне боль. Он понимал: в действительности мы не созданы друг для друга. Он сделал поистине величайший комплимент, наполнивший меня гордостью и принесший утешение, — прислал в Корнфилд портрет Лалы и попросил сохранить его. По словам Гарри, ему не хотелось брать картину с собой на Золотой Берег, где климат неблагоприятен. Чарльз, разумеется, возненавидел портрет нагой девушки. Картина явно не подходит для английского загородного дома, заявил он. Я все же повесила «Лалу» в спальне. Это привело к очередной ссоре. Когда дети вошли ко мне в спальню — при этом присутствовал и Чарльз, — Джеймс ничего не заметил, но Дилли воскликнула:

— Ох, мам! Она совсем голая! Тетя Уинифрид говорит, что ходить нагишом неприлично.

— И тетя Уинифрид совершенно права, — заявил Чарльз очень характерным для него напыщенным тоном.

После того как дети выбежали вон, я поглядела на прекрасное золотистое тело Лалы и повернулась к своему супругу:

— Боюсь, Чарльз, я с тобой не согласна. Я не хочу, чтобы дети выросли, привыкнув к мысли, что в произведении искусства может быть что-то

неприличное. Кого я совершенно не переношу, так это людей либо хихикающих, либо воротящих нос при виде нагого тела на картине.

Чарльз пожал плечами и пробормотал что-то насчет того, что вовсе не считает подарок Гарри произведением искусства, после чего с важным видом вышел вон.

Когда Гарри уехал, я старалась хоть как-то наладить отношения с мужем, достигнуть хоть какого-то понимания. Но я скоро убедилась, что все попытки — тщетны.

9

Положение еще более ухудшилось после того, как Джеймс и Дилли уехали в школу-интернат.

Я бы ни за что не отпустила Дилли из дома так рано — ей было всего семь лет, — но после отъезда Джеймса она стала совсем на себя непохожей. Это был теперь трудный ребенок, слезливый, вечно ноющий и переходящий от любви к мамочке и папочке к угрюмому безразличию. Я пыталась с ней сладить, но скоро поняла, что плохо разбираюсь в детской психологии. Единственно, что мне известно: в характере моей маленькой дочурки было что-то сложное и непонятное.

В последнее время она подружилась с Розмари Райс-Холкит. Та плохо влияла на Дилли, которая начала подражать ее дурным манерам и стала такой же непослушной.

Чарльз, разумеется, винил во всем меня. У него самого не было времени заниматься дочерью, а когда Джеймс уехал в подготовительную школу-интернат, няня-датчанка ушла от нас. Дилли осталась на моем попечении. Я каждое утро отводила ее в сад, а днем забирала домой. Когда мы

возвращались, я всячески старалась ее развлечь. Мне хотелось сблизиться с дочерью, подружиться с ней, хотелось, чтобы она привязалась ко мне и восполнила недостаток любви со стороны Чарльза. В этом желании было даже что-то жалкое. Все это, разумеется, прямой результат эмоционального надрыва, происшедшего во мне. Я начала подумывать, уж нет ли в моей натуре чего-то настраивающего против меня самых близких и дорогих людей. Быть может, я слишком уж мягка и чересчур зависима? Мне, наверное, следовало бы больше походить на Уинифрид — жесткую, уверенную в себе, мужеподобную. Но когда видела ее играющей с Диллиан и слышала, как они обе покатываются со смеху — Дилли здорово подражала ее безобразному скрипучему хохоту, — я приходила в ужас. Из меня Уинифрид никогда бы не получилась. Я не была даже столь жесткой и практичной, как Фрэн или светские дамы типа миссис Норман Холландер.

Я замечала, что становлюсь циничной. Наверняка я изменилась. Меня уже не повергало в отчаяние непослушание дочери или дерзость и явное равнодушие сына. Когда Райс-Холкиты отправили Розмари в школу-интернат, я послала вместе с ней Дилли. Бобби настоял на отъезде

дочери потому, что считал ее слишком избалованной.

Девочки поступили в очень хорошую школу около Льюиса. Ее нашла Кэт. Розмари, как и Дилли, не терпелось облачиться в школьную форму и уехать от родителей.

Если кто и плакал в день отъезда Дилли, так только я, но никак не моя дочь. Дилли была страшно взбудоражена и горда новым званием школьницы. Когда за ней захлопнулись ворота, она радостно улыбнулась, держась за руку Розмари, и весело помахала мне на прощание. Столь же беспечно покинул дом и Джеймс. Проливать слезы о моих практичных чадах оснований у меня не было.

Первое же письмо Дилли подтвердило мою правоту. В коротком письмеце, покрытом кляксами и содержавшем массу орфографических ошибок, не было ни слова о том, что она скучает по дому или тоскует о родителях. Она лишь заботливо осведомлялась о здоровье любимого кролика и сиамского котенка, которого мы ей недавно подарили, а далее следовал перечень вещей, которые она просила прислать. Письмо заканчивалось словами: «В школе потрясающе здорово!»

Когда я показала его Чарльзу, он улыбнулся:

— Странная девчушка!

— Они у нас оба довольно странные, — сказала я. — Такие же бессердечные, как ты.

И тут же, ощутив вдруг необъяснимый прилив прежней любви к Чарльзу, я схватила его за руку, вытащила изо рта трубку и заставила смотреть на меня, пока он наконец не осознал мое присутствие.

— Ах, Чарльз, теперь, когда мы остались одни, давай съездим куда-нибудь отдохнуть. Ну поедем прямо сейчас, на пару недель, — вдвоем. Дом можно на это время заколотить. Я знаю, что дела у тебя идут хорошо. Мы можем себе это позволить, правда?

Я настороженно вглядывалась в лицо мужа, ожидая увидеть отклик, на который очень надеялась. Но оно выражало лишь удивление и смущение. Потом он снисходительно рассмеялся и потрепал меня по щеке.

— Крис, милочка, я больше всего на свете хочу отдохнуть, но сейчас в офисе один из самых напряженных периодов.

— У тебя всегда получается, что именно данный момент самый напряженный, — бросила я.

Ему стало явно неловко.

— Да, пожалуй, я всегда довольно занят. Когда руководишь таким крупным предприятием, особенно не разгуляешься.

— Крупное предприятие, — повторила я. — Ну а я хоть когда-нибудь приобрету для тебя значение? Мне ты соблаговолишь уделить внимание?

Улыбка исчезла с его лица.

— Ах, Крис, дорогая, пожалуйста, не глупи. Я устал. У меня был суматошный день. Давай проведем вечер без сцен.

Я отошла, пытаясь подавить в себе горечь и негодование. Минутное желание снова сблизиться с Чарльзом исчезло, и на этот раз безвозвратно. Внутри все словно оледенело. Да кому нужны сцены? И кому хочется куда-то там ехать с Чарльзом? Только не мне!

Я повернулась и вышла из комнаты.

За обедом Чарльз всячески старался выказать дружелюбие.

Он даже снова заговорил о том, что неплохо бы съездить куда-нибудь. Быть может, сказал муж, если я наберусь терпения, через месяц-другой ему удастся вырваться. Затем спросил, что бы я хотела получить в подарок. Он только что неплохо заработал на акциях: удалось продать их по самому высокому курсу.

Я посмотрела на красивое глупое лицо и ответила:

— Из того, что ты можешь дать, мне ничего не нужно.

Он пожал плечами:

— С тобой трудно иметь дело, дорогая моя Крис.

На следующий день я отправилась в город — за покупками. Кроме того, предстояла примерка костюма, который я заказала у Харди Эмис. Мне хотелось также послать вещи детям.

В этот уик-энд я была свободна от приема гостей в Корнфилде. В воскресенье мы отправлялись на ленч к дорогой Уинифрид.

Пока мы ехали в Саут-Норвуд, я пребывала в новом для себя, довольно странном состоянии полнейшего безразличия к Чарльзу, к нашему браку и вообще ко всему. И пришла к твердому убеждению: продолжать и дальше жить так, как сейчас, бессмысленно. Чарльз не замечал моего настроения, и ему не было до него никакого дела. Единственное, чего он хотел, — чтобы его не трогали и он мог бы продолжать заниматься своим делом. Я начала склоняться к тому, что мне давно пора оставить его — пусть занимается делами.

Ленч у Уинифрид был, как всегда, убийственно

скучен. Ничто в ее ужасном доме не изменилось, только сама она заметно постарела. Волосы у нее теперь были совсем седые; густые, песочного цвета брови побелели. На подбородке появились жесткие волоски. Мне она казалась просто отвратительной, но Чарльз любил ее и относился к ней гораздо снисходительнее и терпимее, чем ко мне. Они пребывали в полной симпатии друг к другу и без умолку болтали. В свое время я болезненно реагировала на это, чувствуя себя лишней, но в то воскресенье меня это ничуть не трогало.

Я много лет пыталась наладить отношения с Уинифрид, главным образом ради Чарльза. Но она была из тех, кто презирает людей, ведущих себя церемонно, и в то же время начинает жаловаться, если церемонность не соблюдается. К тому же Уин, конечно, была уверена, что я сделала Чарльза несчастным. Она видела крушение нашего брака и не сомневалась в моей вине.

Когда она приезжала в Корнфилд, то, по-моему, наведывалась на кухню и выпытывала все, что могла, у кухарки или у Элизы, пока та служила у нас. Об этом говорит то обстоятельство, что время от времени Уинифрид упоминала кое-какие факты, касающиеся Чарльза и меня, свидетелем которых не была. Она, безусловно, знала,

насколько сложна ситуация в Корнфилде, так как временами бросала на меня любопытные и, пожалуй, злорадные взгляды.

В то воскресенье Чарльзу понадобилось воспользоваться телефоном мачехи для делового звонка и он вышел в холл.

Уинифрид, с прилипшей к нижней губе сигаретой, тут же накинулась на меня:

— Бедняга Чарльз неважно выглядит.

— Да, он измотался, — холодно откликнулась я. — Он непрерывно работает — как видите, даже по воскресеньям.

— Когда люди столько работают, им требуется тишина и покой, — заявила Уинифрид. — Вам не надо так часто принимать гостей, как это делаете вы, Кристина.

Я крепко сцепила руки на коленях:

— Гости почти всегда приглашаются по инициативе Чарльза, Уинифрид. Я никогда никого не зову, не посоветовавшись с ним.

— Он такой добряк! Я уверена: он все готов сделать, лишь бы угодить вам.

Мы опять вступали на опасную почву: это было что-то вроде черного болота, куда время от времени мы с Уинифрид рисковали погрузиться, если бы одна не вытаскивала другую. На этот раз

я попыталась вытащить ее:

— Уверяю вас, Уинифрид, что Чарльз приглашает гостей по своему усмотрению. Мы принимаем в Корнфилде многих его деловых партнеров.

— И все-таки, по-моему, он уже давно выглядит больным.

Я удивленно посмотрела на Уинифрид:

— Но он вовсе не болен. Если не считать легких простуд, Чарльз за все десять лет нашей совместной жизни ни разу не болел.

Дым щипал глаза Уинифрид. Вынув сигарету изо рта, она раздраженно затушила ее в пепельнице:

— И все-таки я считаю, что вы должны побольше о нем заботиться.

Я начала терять терпение:

— Подумайте, что вы говорите, Уинифрид.

— И я считаю, это просто позор, — перебила она, — что вы послали бедняжку Дилли в интернат. Несчастная крошка! Ведь ей всего семь лет!

Я встала. Напрасно воображала, будто выработала в себе сдержанность и способность игнорировать ее нападки. Ничего подобного! Я чувствовала, как лицо у меня пылает от гнева:

— Чарльз согласился со мной, что Дилли полезнее всего отправиться в интернат. Девочке стало

страшно одиноко дома после того, как уехал Джеймс. Она умоляла нас позволить ей поехать в Льюис вместе с ее подружкой Розмари Райс-Холкит. Дочке Кэт Райс-Холкит тоже семь лет. Ни Кэт, ни я не хотели посылать дочерей в школу в столь раннем возрасте, но решили, что обе девочки — из тех детей, которым интернат просто необходим. Поверьте мне, и Дилли, и Розмари вовсе не мягкие чувствительные создания, какими вы их считаете, Уинифрид. Ни та, ни другая понятия не имеют о том, что значит скучать по дому.

Уинифрид хмыкнула:

— Как видно, вы просто не могли сами с ней справиться. Я всегда считала, что вы не понимаете ребенка.

— Я понимаю его не больше, чем вы меня, — с горечью произнесла я.

Наверное, хорошо, что именно в этот момент Чарльз вернулся в комнату. Мы с Уинифрид умолкли, сердито глядя друг на друга, пока наш гнев понемногу остывал.

Ушла из этого дома, как уходила всегда, — в состоянии нервного истощения и крайнего негодования. Неужели всегда во всем виновата только я?

Несколько лет назад я бы рассказала Чарльзу

о нашем споре, попросила бы поддержать меня. Теперь же это для меня пройденный этап. По дороге домой я молчала, скептически слушая речи Чарльза. Он восхищался прекрасным угощением, которое преподнесла нам «милая старая Уин», и говорил о том, как бы ему хотелось, чтобы я не была такой вечно строптивой и несговорчивой.

Я начала терять всякую веру в себя.

Поразительно, как наш брак мог сохраняться так долго! Я никогда по-настоящему не знала мнения. Чарльза по наиболее серьезным вопросам. Он отказывался говорить о нас. Самоанализ и любое копание в собственной душе были ему ненавистны. Он попросту предоставлял жизни идти так, как она идет, всегда и во всем избирая линию наименьшего сопротивления. Когда я снова встретилась с Фрэн и обсудила с ней ситуацию, та сказала, что наш брак лучше всего расторгнуть.

Однако я все еще продолжала цепляться за брачные узы. Быть может, я была большей, чем Фрэн, противницей развода из-за своего религиозного воспитания. В то время я постоянно помнила: если затрагивается судьба детей, женщина должна, по меньшей мере, *попытаться* сохранить семью. И кроме того, если бы и хотела

оставить Чарльза, куда я могла уйти и к кому? В моей жизни не было мужчины, который мечтал бы забрать меня к себе.

Я не могла рассчитывать даже на переезд к брату, который до сих пор был неустроенным холостяком.

В результате я еще несколько месяцев продолжала жить как жила. Однако Чарльз, судя по всему, не видел ничего ненормального в том, как протекала наша жизнь в Корнфилде. Я уверена, что, по его мнению, он вел себя, как и положено английскому джентльмену: в изобилии обеспечивал жену и детей всем необходимым, в меру своих возможностей был хорошим мужем и отцом — и не способен был понять, отчего это я чувствую себя настолько несчастной, чтобы расстаться с ним.

Я попыталась уделять больше внимания приему гостей, а когда дети вернулись домой на каникулы, пришлось переделать кучу хозяйственных дел, а также устроить несколько праздничных приемов для ребят. Если прибавить к этому обязанности шофера — ведь приходилось очень много разъезжать, — а также становившееся все более трудным управление Корнфилдом с помощью престарелой кухарки и приходящей

прислуги, я так устала, что мне все уже было безразлично.

И вот тут-то в мою жизнь вошел Филипп.

Никто не знает, что за странная магнетическая сила притягивает некоторых мужчин и женщин друг к другу — медленно или быстро, но неумолимо. Говорят, тут действует некое химическое притяжение. Мы с Филиппом полюбили друг друга с первой минуты. По всей видимости, у нас было полное единство взглядов решительно на все. Я не почувствовала себя чрезмерно польщенной его явным интересом ко мне и не испытывала дурацкого восторга из-за того, что он был заметной фигурой в мире кино и телевидения. Но мне не раз до этого доводилось смотреть в воскресные вечера пьесы, написанные Филиппом Кранли. Я находила, что его пьесы на порядок выше традиционных произведений такого рода — остроумны, имеют, как говорят французы, свой шарм и составляют приятный контраст бытовой тягомотине. В общем, мне было интересно с ним познакомиться.

Я только что заглянула в свой дневник. Оказывается, сегодня исполняется ровно год с того рокового вечера, когда мы с Филиппом впервые встретились.

Фрэнсис представила нас друг другу в своей обычной манере:

— Это Кристина Аллен, моя самая близкая приятельница. Крис, это Филипп Кранли, чье имя тебе, конечно, известно. Он в представлении не нуждается. Я тебя предостерегаю: это самый опасный мужчина в Лондоне.

Я взглянула на Филиппа. Высокий, красивый брюнет, одет в хорошо сшитый костюм, какие мне всегда нравятся. Глаза — удивительно проницательные, чуть зеленоватые, обладающие какой-то гипнотической силой. Он чуть иронично улыбнулся мне.

— Ничего себе — сказать такую вещь о человеке! Право же… — Он повернулся к Фрэн. — Вы становитесь Оскаром Уайльдом в юбке, моя дорогая. Подобную реплику можно, пожалуй, найти в «Веере леди Уиндермир».

Фрэнсис, дама шикарная, изящная и очаровательная, улыбнулась в ответ:

— Пожалуйста, Фил, прочти нотацию Крис. Ладно, дорогой? Сам видишь, как она мила, а прячется где-то в деревне. Такая драгоценность пропадает!

Немножко нервничая в присутствии столь знаменитого писателя, я избегала смотреть на

Филиппа. Я что-то пробормотала: дескать, последнее время болела, да и лондонская жизнь не по мне, а кроме того, летом вообще предпочитаю находиться у себя в саду.

В комнате толпился народ. Это был один из литературных приемов Фрэн. Масса известных журналистов и множество хорошеньких девиц. Я пришла в восторг, когда великий мистер Кранли взял меня за руку, отвел в дальний конец длинной комнаты, где стоял никем не занятый диван, и усадил рядом с собой.

— Не пытайтесь улизнуть, — предупредил он. — Я принесу вам коктейль. Что бы вы хотели?

В этот момент через толпу начал протискиваться официант в белой куртке, державший в руках поднос с шампанским. Я и Филипп взяли по бокалу. Потягивая шампанское, он бросил поверх бокала взгляд, который как зеркало, отразил и меня и все, что я в тот момент чувствовала. Благодаря писательской наблюдательности и проницательности он, как мне показалось сумел сразу понять обо мне все. Впоследствии, когда Филипп вспоминал этот вечер, он точно описывал даже простое короткое черное платье с белой меховой опушкой, которое было на мне, и жемчужные сережки. Помнил он и то, что я не на-

дела шляпу, а волосы были так немодно длинны. Мои сверкающие рыжеватые волосы неизменно привлекали внимание мужчин. Вскоре после нашего знакомства Филипп сделал неожиданное замечание по поводу моей внешности.

— Я никогда еще не встречал женщины, которая так непохожа на себя. На первый взгляд, вы кажетесь спокойной и безмятежной, но…

— Но что? — со смехом спросила я. — Что скрывается за фасадом?

— Сама красота и спокойствие… — продолжал размышлять он. — Но нет в вас безмятежности и спокойствия.

— А откуда вы знаете, мистер Кранли?

— Меня зовут Филипп.

— Откуда вы знаете, Филипп?

— Просто знаю и все, миссис… Аллен, кажется?

Теперь я уже чувствовала себя увереннее:

— Меня зовут Кристина.

Он отпил еще глоток шампанского:

— Если бы я вывел вас в одной из моих пьес, то назвал бы вас Тиной.

— Пока еще никто не создавал такого уменьшительного от моего имени. Меня называли Крис или Крисси, но Тиной — никогда. Мне нравится.

Он улыбнулся. Я заметила, что улыбаются не

только его губы, но и глаза. Однако без улыбки он выглядел не так молодо. Фрэн сказала, что ему сорок лет. Лицо Фила нельзя было отнести к тому типу, который принято называть мальчишеским. Наверняка, думала я, он и в молодости выглядел человеком искушенным. Лицо — сильное, но со множеством морщин. В посадке головы чувствуется гордый характер. У него были тонкие нежные губы. Поначалу мне показалось, что нос с довольно заметной горбинкой его портит, но потом он стал меня так же восхищать, как и гордость Фила. Наверное, это чудесно — быть столь уверенным в себе. Да отчего бы ему не быть уверенным? Он добился ошеломляющего успеха. И, несмотря на всю его утонченность и изысканность, а также прекрасное образование — он обучался в Итоне, а затем в Оксфорде, где получил ученую степень по английскому языку и литературе, — в нем не было высокомерия. Он тоже прятался за неким фасадом. Фрэн сказала мне, а впоследствии я сама в этом убедилась, что он добр, полон сочувствия к людям, и при этом ему свойственна старомодная галантность, столь редкая в наши дни. Он не может причинять людям боль.

Когда мы хорошо узнали друг друга, Филипп

рассказал, что когда он был студентом Оксфордского университета, на его долю выпало немало переживаний, и это навсегда оставило след в его душе. Детство Фила было счастливым, у него были чудесные родители. Отец, член страховой ассоциации «Ллойд», умер, когда Филиппу шел уже третий десяток, а мать скончалась лишь несколько лет назад. Окончив Оксфорд, Фил во время войны вступил в армию, а затем стал корреспондентом. Однако в газете проработал всего пару лет и занялся писательством на собственный страх и риск. Ему удалось опубликовать несколько повестей, после чего стал писать пьесы и киносценарии, так он создал себе имя.

В Оксфорде он познакомился с Джеком Кауэном, подружился с ним. Филипп называл Джека одним из самых великолепных — в физическом смысле — экземпляров человеческой породы, какой ему когда-либо доводилось видеть. Чемпион по фехтованию, член оксфордской сборной команды по гребле, Джек был в то же время эрудитом, интересовался книгами, картинами и другими вещами, которые любил и Филипп.

Война началась, когда они еще учились в Оксфорде. Джек и Филипп часто дежурили на посту гражданской противовоздушной обороны. Од-

нажды ночью, когда Филипп был свободен от дежурства, начался воздушный налет. Джек при тушении пожара получил тяжелые ранения.

Филипп день за днем сидел вместе с матерью Джека возле его больничной койки. Джек умирал долго и мучительно. Филипп испытал сильнейшее потрясение, он так и не смог оправиться полностью от той трагедии.

— Это я могу себе представить, — сказала я.

— Вы не чувствуете себя счастливой, не так ли, Тина? — спросил он.

Мы продолжали держаться в стороне от остальных гостей и весьма холодно встречали всякого, кто пытался вторгнуться в захвативший нас интересный разговор. Если бы какой-нибудь другой мужчина, еще мало мне знакомый, позволил себе подобное замечание, я бы возмутилась. Но тут, неожиданно для себя самой, я без тени смущения призналась, что в самом деле очень и очень несчастна.

— Я сразу понял. — Он кивнул. — Когда вы хмуритесь и вздыхаете вот так, как сейчас, мне хочется поставить бокал на стол, взять вас на руки и постараться утешить.

— Как, прямо здесь, где представители прессы выстроились в ряд, чтобы записать хоть одну

фразу великого Филиппа Кранли? — сострила я.

— Не подзадоривайте меня, а то я сию минуту, не сходя с места, вас поцелую. И пусть газеты об этом сообщат. Завтра утром известие появится в «Дэйли экспресс», «Дэйли мэйл» и всех прочих. Цитирую: «Мистер Филипп Кранли знакомится с восхитительной молодой женщиной с каштановыми волосами и громадными синими глазами и впервые в жизни приходит к выводу, что ему самое время жениться».

Эти слова заставили меня вспыхнуть, удариться в панику… и рассмеяться.

— Не говорите вздор. Я замужем.

— Разумеется, мне это известно.

— Вы хотите сказать, что не сделали бы своего нелепого предложения, если бы знали, что я не замужем, и, следовательно, существует, пусть самая малая, возможность, что вас могут принять всерьез?

Он ничего не ответил, но проникающие в душу глаза долго удерживали мой взгляд, и у меня кружилась голова.

После паузы он сказал:

— Фрэн была права. Она обещала познакомить меня сегодня вечером с самой красивой и загадочной женщиной. И она это сделала… Но вся беда

заключается в том, что вы не живете в Лондоне. Когда и каким образом я могу вас снова увидеть?

Я чувствовала себя околдованной. Давняя магическая сила вновь пробудилась в моей крови и отвечала на вызов, таящийся во взгляде Филиппа Кранли. Отправляясь на вечер к Фрэн, я чувствовала себя усталой и подавленной. Более того, достигла крайней точки отчаяния.

Встреча с Филиппом — электрический ток, мгновенно возникший и завибрировавший между нами, — произвела на меня ошеломляющее действие.

Бросив на него быстрый взгляд, я вспомнила о другом брюнете, встреченном в Риме три года назад. Я вдруг снова стала той молодой, пылкой Кристиной что сидела на мраморной скамье в парке Боргезе с итальянским художником по имени Паоло. Кр-ристи-на — так он называл меня. Память на мгновение заставила меня снова ощутить на губах его пламенные поцелуи. Как я боялась самой себя в тот день! Но Филипп — другое дело. Я совершенно недвусмысленно поддавалась его натиску.

Позднее, возвращаясь вместе с Чарльзом в Корнфилд, я вспомнила, что о своей семье с Филиппом не говорила и ничего не рассказала ему

о своем браке. Он знал лишь, что я несчастлива.

Мы оба оказались во власти внезапного взаимного влечения. Мне тяжело было покидать вечеринку Фрэн и прощаться с Филиппом. Он просил меня задержаться в городе и пообедать с ним. К сожалению, не зная, что мне уготовано судьбой, я еще раньше условилась встретиться с Чарльзом и пообедать в Королевском клубе автомобилистов. Он терпеть не мог сборищ с коктейлями, которые устраивала Фрэн, а также ее друзей — деятелей искусства и журналистскую братию. Он знал, что и она его не любила, а потому не пошел на прием, сославшись на какое-то деловое свидание. В половине восьмого мне пришлось уйти. Филипп спустился со мной вниз и остановил такси. Он сказал:

— Я позвоню вам завтра. Я настаиваю на том, чтобы вы пришли ко мне домой. Мне хочется показать вам мои книги и новую картину Грэма Сазерленда[4], на которую я только что потратил все деньги, заработанные нелегким трудом. Я просто обожаю хорошие картины, особенно Са-

---

[4] Примечания: 4

Английский художник, прославившийся своими батальными полотнами во время второй мировой войны и особенно гобеленом «Христос во славе своей» (1962), украшающим собор в городе Ковентри. *(Примеч. пер.).*

зерленда. Придете?

Я пробормотала что-то насчет того, что со мной нет записной книжки, а потому я не помню, какие встречи у меня запланированы на завтра.

— Вы просто должны приехать ко мне на ленч, Тина, — настаивал он.

Я пообедала с Чарльзом в его клубе в полном молчании. На него это не произвело ни малейшего впечатления. Мы оба уже начали привыкать к молчаливым, безрадостным и недружелюбным встречам за столом. На обратном пути в Арундель, в звездную ночь, я пребывала в каком-то оцепенении. Я не могла думать ни о чем и ни о ком, кроме Филиппа Кранли.

Я влюбилась. Впечатление от встречи с ним оказалось настолько сильным, что не было никаких сомнений относительно того, какие именно чувства к нему испытываю. Я знала, что мне нелегко будет уснуть этой ночью и дождаться той минуты, когда на следующий день услышу по телефону его голос. И знала также, что, какая бы встреча у меня ни была назначена на завтра, я все равно поеду в Лондон, чтобы встретиться с Филиппом.

Я рано легла в постель — только бы не сидеть у телевизора вместе с Чарльзом и не видеть, как

он безобразно развалится в кресле и захрапит. Очутившись у себя в комнате, сразу же позвонила Фрэнсис.

— Расскажи мне подробнее о Филиппе, — попросила я.

— О, я знала, что вы прекрасно поладите друг с другом, — радостно воскликнула она. — Он только что ушел. Фил с нами поужинал. Он без ума от тебя, дорогая. Ни о чем больше говорить не мог.

— Ну и хитрюга ты, Фрэн. Ты нарочно это подстроила!

— Милочка, я бы устроила твою встречу с Филиппом много раньше, но что-то все время мешало. Он так часто находится за границей, а ты теперь почти не бываешь на моих вечерах. В последнее время ты заживо похоронила себя в Корнфилде.

— Это потому, что я чувствовала себя почти мертвой. А кроме того, во время школьных каникул у меня здесь столько дел!

— Может кто-нибудь подслушать наш разговор?

— Нет, я у себя в комнате. Чарльз смотрит что-то по телевизору — очередную политическую дискуссию. Во всяком случае телефон ему не понадобится.

— Тогда позволь мне сразу же сказать тебе, родненькая, — ты одержала неслыханную победу над нашим Филиппом. Сколько женщин пыталось, но у них ничего не вышло. Думаю, тебе это удалось именно потому, что ты не пыталась.

— Я нахожу его изумительным.

— К тому же он очень мил и любезен в обращении, не правда ли? Любезнее большинства преуспевших мужчин. Очень человечен. Он стяжал себе славу своего рода отца-исповедника несчастных людей.

— И много ты ему обо мне рассказала?

— Порядочно, родная. Он знает, что ты влачишь жалкое существование с твоей бесчувственной машиной.

Мне было ясно, что она имеет в виду Чарльза.

Я засмеялась, но на самом деле то, что сказала Фрэн, мне вовсе не казалось смешным. Мне никогда не нравилось, когда Чарльза высмеивали. Впрочем, Фрэн имела право говорить то, что думает. Видит Бог, у меня не существовало от нее тайн, и она была в курсе наших с Чарльзом дел.

Фрэнсис совершенно беззастенчиво поддала жару, как она выражалась, выложив все, что могла, чтобы еще больше разжечь мой интерес к Филиппу. Меня ознакомили с его биографией. Он

не женат и никогда не имел желания жениться. Его вполне устраивала жизнь холостяка и преуспевающего драматурга. Его мать умерла всего лишь два года назад, а до этого вела хозяйство в собственном доме в Хэмпстеде. В Лондоне Фил обычно жил у нее. Он часто говорил, сообщила мне Фрэн, что, если мужчина может рассчитывать на удобное жилье, отличную еду и заботу со стороны балующей его матери — милой и привлекательной женщины, — чего ради ему жениться? Детей он не любит, ибо терпеть не может чувствовать себя чем-то связанным.

— Но он так красив и обаятелен — в его жизни наверняка было много женщин, — предположила я.

— Десятки, — ответила Фрэн. — Я всегда встречала рядом с Филиппом какую-нибудь привлекательную девушку, и мне кажется, была среди них одна, особенно ему близкая, — молодая актриса. Он почти женился на ней, но дело почему-то разладилось. Мы со Стивом никогда не считали Филиппа человеком, созданным для семейной жизни.

Я секундочку помолчала, вспоминая неотразимый взгляд Филиппа и то, как он сказал мне, что впервые в жизни решил, что ему самое время

жениться. Это были его собственные слова, и я повторила их Фрэн.

— Разумеется, он дурачился, — заметила я.

— Может быть, дорогуша. А может быть и нет. Поверь мне, ты буквально сшибла его с ног.

— Ах, Фрэн, какая неразбериха сейчас в моей жизни! — сказала я, стараясь говорить тихо, и с горечью окинула взглядом мою прекрасную спальню. С какой любовью я выбирала красивые обои, ситец для штор светло-абрикосового цвета с темно-зелеными бархатными ламбрекенами, белую с золотом мебель, зеленый ковер, хрустальные настенные светильники с позолоченными подставками. Между кроватями стоял стол, а на нем лампа, телефонный аппарат цвета слоновой кости и несколько ландышей в вазочке. От них исходил восхитительный аромат.

На каминной полке — фотография Джеймса и Диллиан в двойной рамке. Я старалась не смотреть на нее. Хотя электрическое одеяло было включено, я надела теплый халат. В комнате было уютно, но все равно я дрожала, глядя на синюю пижаму и шелковый халат, разложенные на постели Чарльза. Они так напомнили мне о нем. Я свыклась с тем, что каждую ночь сплю рядом с человеком, который смертельно мне надоел

и чье присутствие ничего для меня не значит. Делить с Чарльзом одну комнату — просто дань привычке и обычаю. Я была так несчастна! Между тем в Лондоне находится человек, который совершенно сбил меня с ног, как и я его.

— Ты тут, родная? — спросила моя дорогая Фрэн, которая обожала всяческие интриги и искренне хотела сделать меня счастливой любой ценой — не особенно разбираясь в том, что хорошо, а что плохо.

— Да, — ответила я.

— Пожалуйста, не исчезай и не отказывайся от встречи с Филиппом, Крис. По-моему, самой судьбой было предназначено, чтобы он вошел в твою жизнь. Как это ни странно, но мне кажется, Фил нуждается в тебе не меньше, чем ты в нем.

— О боже, Фрэн, ну какой в этом смысл? Куда это заведет?

— Не думай сейчас об этом. Помни только, что ты заслуживаешь хоть малой толики счастья, и пользуйся тем, что предлагает жизнь. Ты превратилась просто в рабыню собственной совести из-за этого проклятого твоего супруга и двух эгоистичных деток.

— Все дети эгоистичны, — сказала я, горько рассмеявшись.

Фрэн не интересовали ребятишки — ни мои, ни какие другие. Потому-то у них со Стивом никогда не было детей. Филипп тоже не питал любви к детям. Об этом мне говорила Фрэн, и это было главной причиной того, что он не спешил жениться. Я взглянула на фотографию в двойной рамке. Джеймс, уменьшенная копия Чарльза; Дилли, очень хорошенькая и славная с двумя косичками и бантами. Но и у нее — холодные светло-голубые отцовские глаза. Мне хотелось чувствовать, что эти двое — действительно мои, обожать их и отвести им главное место в своей жизни. Но я, словно влюбленная школьница, думала о Филиппе Кранли.

— Фил сказал, что завтра позвонит тебе, — сообщила Фрэн.

— Сама себя не понимаю, — ответила я, — но, Фрэн, клянусь тебе: если я стану часто видеться с Филиппом — для меня это будет очень серьезно. Он полностью завладел мной.

— Ну и что? — протянула Фрэн.

— Может, он еще и не позвонит.

— Уверена, что позвонит.

Фрэн оказалась права. Он позвонил. И я в тот же день отправилась в город и сразу окунулась в великую страсть, которую всю свою жизнь то

отталкивала, то стремилась найти.

Я нашла ее.

10

Когда я пришла на ленч в квартире Филиппа в Олбани[5], он показал мне новую картину Грэма Сазерленда и некоторые из своих книг, а позднее, когда мы курили и пили старый бренди, я была даже удостоена чести взглянуть на фотографию бедного Джека Кауэна, сделанную перед его трагической смертью. Я посмотрела фотографии матери Филиппа. Она была, наверное, очень красивой женщиной. По словам Фила — высокой; темные волосы и нос с горбинкой он унаследовал от нее. В ней чувствовалась примесь еврейской крови, и те черты характера — ум, артистизм и сочувствие к окружающим, — которые, по-видимому, характерны для еврейского народа, Филиппу также достались по наследству.

Он очень любил мать и говорил о ней с большой нежностью.

В гостиной стоял небольшой рояль, Фил иногда играл на нем. В свое время это было его хобби, но теперь ему не хватало времени на музыку.

---

[5] Примечания: 5

Фешенебельный жилой дом на улице Пиккадилли, построен в XVIII веке. В нем жили Байрон, Маколей, Гладстон и др. *(Примеч. пер).*

На рояле стояла большая фотография красивой белокурой девушки со вздернутым носом и надутыми губками: на ее обнаженные плечи был накинут белый песец. На фотографии имелась надпись: «Милому Филу от Виктории» — и дата пятилетней давности.

Он заметил, что я смотрю на фотографию, и улыбнулся.

— Старая любовь? — спросила я. — Чрезвычайно привлекательная девушка.

— Дорогая, это отнюдь не викторианская Виктория — она очень современная молодая женщина и играла главную роль в одной из моих телевизионных пьес. Вы помните стихотворение Руперта Брука, начинающееся словами: «Мне снилось, я влюблен в ту, предпоследнюю»?

Я кивнула. Ясно, что Виктория была той самой девушкой, о которой упомянула Фрэн.

— Виктория была той, предпоследней.

— Вы, мужчины, чертовски самонадеянны, — воскликнула я.

Он подошел и слегка обнял меня за плечи:

— Конечно. А женщины разве нет? Ладно, не будем вдаваться в подробности. Но я могу вас заверить, что мы с Викторией расстались по обоюдному желанию, весьма здраво рассудив, что не

подходим друг другу.

— Но пока это длилось, было здорово, — не без сарказма заметила я.

— Следует ли это понимать как новый выпад против мужчин?

— Пожалуй, — сказала я.

Я надеялась, что он не догадывается, как все мое тело пылает от легкой тяжести его руки на моих плечах.

Сегодня он нравился мне гораздо больше, чем на приеме у Фрэн. У себя дома он не был таким подчеркнуто преуспевающим и галантным мистером Кранли. В серых фланелевых брюках и черном свитере с высоким воротом он был проще и моложе. Его густые волосы падали на лоб. Филипп непрерывно двигался по студии легким и нервным шагом. Вообще, все его движения были быстрыми и нервными. Неожиданно он взял мою правую руку, поднес к своей щеке и, очень серьезно глядя на меня, сказал:

— Должен признаться, я чувствую себя сегодня утром немножко bouleverse[6], Тина. Вы что-то сделали со мной, моя дорогая. Я не знаю, что тому причиной — то ли большие грустные глаза, то

---

[6] Примечания: 6
Потрясенный *(фр.).*

ли ошеломляюще прекрасные волосы, в которые мне не терпится утопить свои руки, то ли манера говорить медленно и серьезно, — но только я без ума влюбился в вас.

— Вы и знаете-то меня всего двадцать четыре часа, — я начала заикаться.

— Родная моя, тут старая заезженная штука — любовь с первого взгляда.

— Но вы ведь в нее не верите?

— Ох, еще как верю! И сообщаю вам, я по уши влюбился в вас вчера вечером.

— Я замужем, Филипп. У меня есть дети.

— Мне все известно от Фрэн.

— Ну что ж, вот так обстоят дела, — беспомощно произнесла я.

— Дорогая моя Тина, в положении женщины, живущей в несчастливом браке, нет ничего уникального. Вы совершили ошибку. То же самое можно сказать и о человеке, которого вы выбрали себе в мужья. Я не знаю вашего супруга, но, судя по портрету, который нарисовала Фрэн, он довольно неприятен.

— На самом деле он совсем не неприятный, — попыталась я защитить Чарльза. — Во всяком случае, может не быть неприятным. Но, вероятно, я надоела ему так же, как он мне. — И с этими

словами я отняла у Филиппа свою руку. — Я была молода, когда влюбилась в него, а потому он казался мне иным. Наверное, я тоже виновата в том, что у нас ничего не вышло, как и он.

— Мне нравится ваша терпимость.

— Не очень-то я терпима — иначе не была бы здесь с вами и не вела бы такие разговоры.

— Ну что ж, вы ведь вовсе не ругаете его, а вполне могли бы себе это позволить. Очень многие женщины высказываются о своих мужьях совершенно беспощадно.

— Наверное, мне жалко Чарльза.

— Боюсь, что мне — нет. Я считаю просто ужасным, что он женился на таком очаровательном создании и превратил вашу жизнь в ад.

— О, здесь все не так просто, настолько непросто, что я и объяснить не могу, — устало проговорила я, припоминая годы горького разочарования и духовного одиночества, Уинифрид и мои собственные промахи и ошибки.

Но Филипп знал о Чарльзе и обо мне гораздо больше, чем я думала. Этот наш общий несуразный друг, моя дорогая Фрэнсис, рассказала о Чарльзе довольно злые вещи. Уж очень она его не любила. Но, так или иначе, вскоре мы с Филиппом перестали рассуждать о Чарльзе. Нам

хотелось поговорить о нас самих.

— У меня никогда не было привычки соблазнять недовольных жен и уводить их от мужей, но в вас, Тина, есть что-то такое, чему я не в силах противостоять. Я во что бы то ни стало хочу встречаться с вами.

Я почувствовала, что в отношениях с Филом, больше чем с любым другим мужчиной, с которым когда-либо сталкивалась в жизни, мне нужна правда, полнейшая откровенность.

— Что это, наброски к роману? К такому роману, который может кончиться лишь тем, что я стану еще несчастнее, чем сейчас?

Он снова взял меня за руку:

— А у вас было много романов, Тина? Я думаю, много, ведь вы чертовски привлекательны!

Я подумала о Гарри, Паоло, о Дигби Лэйне и других мужчинах, пытавшихся делать мне пасы, о своих впустую растраченных чувствах и сказала:

— Нет, на самом деле с того времени, как я вышла за Чарльза, у меня не было ни одного настоящего романа.

— Бог ты мой! — приглушенным голосом воскликнул Филипп. — В таком случае как же обстоят ваши любовные дела? Фрэн говорит, что вы даже не спите больше со своим мужем.

Это был откровенный разговор, но Филипп привык выражать свои мысли без обиняков.

Я ответила столь же откровенно:

— Да, мы больше не спим с ним, и это продолжается уже несколько лет. Он просто не интересуется сексом.

Филипп взял меня за руки и окинул с головы до ног взглядом, полным величайшего удивления.

— Этот человек просто болен. В вас столько секса, дорогая. Вы этого не знали? Вы же просто динамит!

Я начала дрожать:

— Возможно, но я об этом не знала, пока не вышла замуж. А тогда было уже слишком поздно. Но, так или иначе, Чарльз не болен — тут скорее физиологическая особенность организма.

— Он бы очень возражал, если бы вы его оставили?

— Не знаю. Никогда его не спрашивала. Я уверена, что такая идея ему никогда и в голову не приходила.

— Ну что ж, зато мне пришла, — сказал Филипп, коротко засмеявшись.

В этот решающий момент такая идея пришла в голову и мне. Но если даже одновременно и возникла мысль о детях, я была не в том состоя-

нии, чтобы раздумывать о них. Филипп назвал меня динамитом. Ну что ж, если во мне все горело страстью к нему, я чувствовала, что и в нем все горит. Какая-то невероятно возбуждающая, могучая сила захватила нас обоих.

— Боже мой, — сказал он, — никогда ни одной женщины не желал так, как желаю вас.

Я оказалась в его объятиях, и он начал меня целовать. Эти поцелуи заставляли забыть о времени, чести и здравом смысле. Так продолжалось несколько минут. В каком-то безумии мы исступленно целовались, не в силах оторваться друг от друга. Когда я вырвалась из его рук, то прекрасно понимала, что никогда уже не стану прежней и чувство, возникшее между нами, не будет просто обычным романчиком.

Вот так все и началось.

В тот день я не отдалась Филиппу: он и не просил меня об этом. Для нас обоих дело не сводилось к сексу. Он так же мало стремился к случайному амурному эпизоду, как и я. Мы хотели получше узнать друг друга и гораздо внимательнее и серьезнее во всем разобраться, прежде чем совершим нечто непоправимое и примем решение, о котором можем потом пожалеть. По обоюдному согласию мы решили немного выждать, прежде

чем слишком глубоко заходить в реку.

Фрэнсис, конечно, была в восторге, потому что, как она выражалась, номер ей удался. Она сумела передать меня из рук Чарльза в руки Филиппу, пробудить от апатии, а также помогла похоронить мою совесть.

На протяжении нескольких недель я виделась с Филиппом почти каждый день. К счастью, а может к несчастью, нам представлялось немало возможностей для встреч. Я всегда могла поехать в город к нему на квартиру — на часок-другой, или же он приезжал на своей машине и встречался со мной за городом. Наша первая встреча произошла сразу же после Пасхи, так как с возвращением детей после каникул в интернат я стала более свободна.

Я ничего не имела против приглашения Филиппа в Корнфилд. Теперь, я вижу, что уже тогда вела себя довольно скверно, представив Филиппа Чарльзу. Так, конечно, не поступают, но в то время я еще не приняла окончательного решения уйти от Чарльза, а Филипп не был в полном смысле моим любовником. Этот роковой день нам все еще удавалось отдалить.

Двое мужчин, как и следовало ожидать, не понравились друг другу, но Чарльзу и в голову

не пришло в чем-либо меня заподозрить. Он был так занят, так поглощен своим собственным маленьким мирком и деловым кругом, да к тому же, наверное, и доверял мне — думать об этом довольно мучительно, но, так или иначе, факт налицо. Вероятно, я в своем романе с Филиппом проявила не больше ума и благородства, чем любая другая женщина в моем положении. Чарльз настолько мной не интересовался, что даже не заметил, что я начала часто видеться с Филиппом, во всяком случае он это никак не комментировал.

Филипп водил меня на премьеры, в рестораны, на приемы и вечера, которые устраивали его близкие друзья. Брал он меня с собой и в телестудию на репетиции некоторых своих пьес. А когда Фил приезжал в Суссекс, мы ни с кем не общались и были по-детски счастливы. Мы проводили долгие чудесные часы под теплыми лучами солнца, устраивая пикники на берегу озера или реки, на пустынном склоне холма — словом, там, где нам вздумается. И все время без умолку говорили. Филипп был писателем, но и говорить он тоже умел прекрасно. Слова давались ему легко. Я полностью открыла свою душу, освободилась от всякой робости и нервозности и рассказала ему все. Как-то раз Филипп заговорил о моем муже.

— Чарльз, по-видимому, вполне стоящий малый. Интересно, почему именно стоящие мужчины, как правило, делают своих жен несчастными?

— Не знаю, но, похоже, это так.

Был, конечно, и такой разговор, во время которого он сосредоточил внимание на детях.

— Думаю, если бы не они, вы давным-давно ушли бы от Чарльза.

— Нет. Дело в том, что я еще никогда не встречала человека, ради которого мне захотелось бы разрушить мой дом, — честно призналась я.

— В таком случае согласились бы вы разрушить свой дом ради меня, Тина?

Он сидел, прислонившись спиной к дереву. Мы находились в одном из прекрасных лесов неподалеку от Корнфилда. На нем был тот самый черный свитер, который мне нравился. Он посмотрел на меня проницательным и всепроникающим взглядом, теперь так хорошо мне знакомым.

Внезапно я ощутила страх и одновременно безумную, пьянящую радость. Означало ли это, что взаимная тяга друг к другу, связывавшая Филиппа и меня, превратится во что-то необыкновенно значительное? Мы с Чарльзом отдалились друг от друга задолго до того, как я встретила

Филиппа. Любовь к Филу попросту захлопывала дверь за моим браком с Чарльзом. Но хотел ли Филипп открыть для меня другую дверь?

— Не будем говорить о моем уходе от Чарльза и детей. Мне страшно нравится быть здесь с вами, — сказала я, ощутив что-то, похожее на панику.

Он поднял глаза на зеленую крону дерева: где-то в густых ветвях шуршала сухими листьями птичка. Потом снова взглянул на меня:

— Я полюбил вас, Тина. С вами я испытал величайшую радость, какую когда-либо знал. Несомненно, это единственная настоящая радость в самом истинном значении этого слова, которую я пережил с тех пор, как потерял ближайшего друга в Оксфорде, а затем мою мать. И теперь только жду той минуты, когда смогу сделать ее полной и совершенной. Вы знаете, о чем я говорю.

Я знала. Сердце у меня билось толчками, к глазам подступали слезы.

— Вы тоже, милый Филипп, принесли мне много радости, — сказала я, но одновременно почувствовала, что в этой радости есть что-то нездоровое, какая-то отрава. — Я начинаю понимать стихотворение Уильяма Блейка.

— Какое стихотворение? Скажите мне.

Я схватила его руку и, крепко сжав ее, прочитала эти незабываемые строки:

О роза, ты больна!
Ведь червячок незримый,
Летающий в ночи,
Для бурь неуязвимый,
Сумел тебя найти,
Нектар пурпурный пьет…
Своею темною и тайною любовью
Он медленно тебя убьет…

Голос мой затих. В течение нескольких секунд царило молчание. Потом Филипп встал и стряхнул листья, приставшие к свитеру.

— Уильям Блейк, вне всякого сомнения, знал то, о чем писал, — сказал он. — Поразительно, что вы помните подобные вещи. Есть в этом стихотворении что-то ужасающе мрачное.

— Но ведь это сущая правда, — сказала я, и голос мой надломился. — Правда то, что вы моя темная и тайная любовь.

— И я вас убиваю, разрушаю вашу жизнь, Тина?

— Нет, она и без того уже разрушена. Я ничего не имею против. О Филипп, Филипп, я просто не

в силах продолжать жить по-прежнему.

— Я тоже не могу. Мы должны что-то сделать друг для друга.

Именно в этом лесу, в этот час мы пришли к единому мнению: наша любовь больше не может оставаться платонической. От этого мы оба только сходим с ума. Воздержание не было с моей стороны проявлением добродетели или преданности принципам чести. То, что я не спала с Филиппом, не делало меня верной супружеским клятвам. Со времени первой встречи с ним, в мыслях я уже сотни раз изменила Чарльзу.

Я отправилась к нему на квартиру и следующую ночь провела у него.

Конечно, я солгала Чарльзу, сказав, что останусь у Фрэнсис. Он принял мои слова на веру, и ему, по-видимому, было безразлично то, что я проведу ночь вне дома. Если только я не вынуждала его нарушать назначенные им самим встречи, менять привычки или отказываться от плавания на яхте во время уик-эндов, ему было совершенно все равно, что происходит.

На следующий день он собирался уплыть с Бобби Райс-Холкитом. Благодаря этому я провела на квартире у Филиппа субботу и воскресенье. Там, спрятавшись от всего мира, мы чувствовали

себя в полной безопасности. В этот раз я впервые ощутила ничем не омраченную радость полного физического удовлетворения, сочетающегося с изумительным духовным общением.

Филипп, по всей видимости, мог дать мне все то, чего я никогда не получала от Чарльза.

После этих сумасшедших часов роза Уильяма Блейка стала казаться мне не такой уж больной, а пурпурный нектар не столь убийственно-разрушительным. Думая о детях, я ненавидела себя за то зло, которое причиняю им. Но я зашла слишком далеко, чтобы позволить даже памяти о детях омрачить мое счастье.

В воскресенье утром, когда Фил, сидя на моей постели, пил кофе, он очень серьезно сказал:

— Теперь я знаю что мы были созданы друг для друга. Мы достигли точки, после которой возврата к прошлому нет, Тина. Вы должны оставить Чарльза и потребовать у него развода, а потом переехать ко мне.

11

Уже любовницей Филиппа, я в течение многих дней и даже недель снова и снова обдумывала происшедшее. Чувство, которое мы испытывали друг к другу, не было мимолетной страстью — в этом я была так же твердо уверена, как и он. Но я все же старалась не забывать о Чарльзе и детях. Прилагала нелепые и безрезультатные усилия, пытаясь укрепить пошатнувшуюся крепость моего брака. Я старалась быть доброй к Чарльзу. Он же совершенно не замечал моей эмоциональной неуравновешенности. В деловой сфере он, может, и был силен и сообразителен, но в вопросах любви и в том, что касалось жены, попросту ничего не смыслил. Мне его было даже жалко. Я наблюдала за тем, как он морщит лоб над деловыми бумагами или, едва улегшись в постель, сразу же засыпает, и мне становилось грустно — за него! Он-то ведь никогда не знал, что такое настоящая любовь, как знала теперь я.

Филипп уехал на несколько недель в Италию. Мы договорились, что не будем ни писать, ни звонить друг другу. Я жила в Корнфилде своей

обычной жизнью. Но время тянулось нестерпимо медленно. Я могла думать только о Филиппе. Мне безумно хотелось, чтобы он снова был со мной. Я знала, стоит лишь поднять трубку, чтобы связаться с ним в римском отеле, но мы договорились, что я расскажу Чарльзу всю правду лишь после его возвращения.

Однако мне мало было одной лишь надежды на будущее счастье. Я постоянно видела перед собой лицо Филиппа, переживая вновь минуты неистовой страсти, связывавшей теперь нас обоих. Меня словно вовсе перестало интересовать происходящее дома. Письма в школу своим детям я писала автоматически. Снова и снова с тревогой спрашивала себя, что с ними будет, когда их мать покинет дом. Филипп постоянно твердил — и в этом его поддерживала Фрэнсис, — что ничего особенного не произойдет. В современных судах, рассматривающих дела о разводе, вопрос решается так, чтобы не создавать для родителей трудности. Большую часть года Джеймс и Дилли будут проводить в интернате, а каникулярное время — делить между отцом и мной. Мне казалось, что я не причиню им сколько-нибудь серьезный ущерб — разве что с моральной точки зрения. Но, боюсь, любовь к Филиппу перевеши-

вала соображения морали.

О боже, Фил, как живо я сейчас все это вспоминаю. Ты никогда не узнаешь, как я желала тебя в последние недели перед уходом от Чарльза. Мне страстно хотелось быть с тобой каждый час, каждую минуту, повернуться спиной к собственной жизни и вместе с тобой жить твоей. Я хотела, чтобы наша новая жизнь была исполнена нежности, дружбы, страсти и покоя, каких еще никогда не испытывала.

Одна мысль о том, что ты можешь вдруг передумать, меня до того пугала, что я не могла ни есть, ни спать. Даже Чарльз, который редко обращал внимание на мою внешность, заметил как-то раз утром, что выгляжу я неважно. К моему величайшему удивлению и ужасу, он даже сказал, что, возможно, попытается вырваться и увезти меня в Сан-Тропе. Помню, я сказала: «Нет! Нет!..» — и кинулась прочь от него. Чарльзу поздно проявлять заботу обо мне! От него мне ничего не было нужно. Мне нужен был только Филипп.

Но вот в конце месяца я получила письмо из Рима — от Фила. Я помню его наизусть, И слава богу, а то оно до того помялось и потерлось, что скоро совсем рассыплется.

«Тина, завтра я вылетаю обратно. Мне необхо-

димо тебя видеть. Ты обязана переехать ко мне. Я дня не могу прожить без тебя. Сколько времени прошло с тех пор, когда я в последний раз тебя целовал? Где ты, любимая? Я испытываю невероятную боль оттого, что мы не вместе. Для меня нестерпима мысль о том, что ты находишься сейчас у себя дома с другим мужчиной, принося радость ему и людям своей красотой, изяществом и каким-то неистребимым детским обаянием, из-за которого так трудно представить тебя матерью двух детей.

Родная, ты должна мне написать или позвонить, иначе жизнь моя превратится в непереносимый кошмар.

Я жду тебя и не думаю, чтобы какой-либо мужчина когда-либо ждал с таким нетерпением. Если только ты не пожалела об обещании уйти ко мне, бога ради, ответь на это письмо.

Я клянусь, что сделаю тебя счастливой. Когда ты будешь со мной, я не позволю пролиться ни одной твоей слезинке — и да поможет мне Бог.

Фил».

Это письмо, конечно, подтолкнуло меня на последний отчаянный шаг. До тех пор я трусила, пребывала в смятении и была не в состоянии принять твердое решение. Мне все еще было

жалко Чарльза, которого ждало такое потрясение. Как ни странно, я горевала о нем больше, чем о Джеймсе и Дилли. У них-то все было еще впереди, но Чарльз последние одиннадцать лет строил свою жизнь вокруг меня и нашего дома. Но чем скреплялся раствор, на котором держался фундамент? Молоком пополам с водичкой! Разве это можно сравнить с крепким вином, которое влил в мое существо Филипп?

Сегодня я совершенно спокойно оглядываюсь на все происшедшее и спрашиваю себя, остается ли у любого супруга — будь то Чарльз или Филипп — какой-либо шанс спасти семью, если жена разлюбила его и полюбила другого? Разве всякое сравнение, которое она делает между мужем и любовником, не будет в пользу любовника? Не становится ли она одержимой и чуть ли не безумной? Не оказывается ли она целиком в плену эмоций? Я, несомненно, была всецело в их власти.

Мне кажется, прошло уже достаточно времени с тех пор, как я ушла из Корнфилда и из жизни Чарльза, и получила возможность обдумать все происшедшее гораздо спокойнее, чем в те дни.

Я поклялась написать для Джерими всю правду и обязана это сделать.

Чарльз вынудил меня до развода жить отдельно от Филиппа в этой квартире, иначе он не позволит мне видеться с детьми. На этот счет он непреклонен. У меня не было времени привыкнуть к невероятной страсти и любви, коими окружил меня Филипп. Но теперь я знаю его лучше — значительно лучше, чем прежде. Теперь Фил уже не представляется мне суперменом без слабостей и недостатков. Я знаю, что он может быть несговорчивым и даже требовательным и нетерпеливым. Я знаю, что, хотя он горячо любит меня, в замужестве это будет означать полное подчинение ему. Все должно делаться так, как он того пожелает. Он знаменит, и многие домогаются его внимания. Я никогда не обладала тем, что называют сильной индивидуальностью. Теперь же, когда я буду находиться рядом с ним, она станет и вовсе ничтожной. Он царит на сцене, а я всегда остаюсь где-то сзади. Он блистателен, остроумен, очарователен. Он обожает, чтобы его слушали. Я же чувствую себя какой-то косноязычной, иногда совершенно подавленной и ошеломленной. Знаю по опыту, что он может быть весьма раздражительным, если его желания не исполняются.

Ну а мой бедняга Чарльз никогда ничего не

требовал, и именно это, бывало, приводило меня в ярость. Откуда я знаю, не окажется ли Филипп слишком требовательным, когда я стану его женой? Думая о Чарльзе, я пытаюсь себя уверить, что мой уход задел лишь его тщеславие, но под утро, когда лежу без сна, я спрашиваю себя, не было ли испытанное им потрясение, гораздо более сильным, чем мне тогда казалось.

Чарльз был просто сражен. Спустя некоторое время он произнес:

— Я не удивлен. — Его светло-голубые глаза никогда еще не смотрели так жестко, но лицо как-то сморщилось, желваки на щеках задвигались. — Я уже давно заметил, что ты слишком часто видишься с Филиппом Кранли.

— Ты должен постараться простить меня, Чарльз, но думаю, ты заметил также, что мы с тобой не понимаем друг друга. Уже давным-давно не сходимся во взглядах решительно ни по одному вопросу.

— Я не собираюсь вступать ни в какие дискуссии, — заявил Чарльз. Видно было, что он чрезвычайно разгневан и, вероятно, по-своему шокирован. — Ты эгоистичная и бессердечная женщина.

Я вспыхнула.

Это я-то бессердечная?! Я эгоистичная?! Бог ты мой…

— А что можно сказать о тебе? Вся твоя жизнь отдана радиокомпании «Роудаллен». Я не припомню, чтобы ты когда-нибудь интересовался мной или моими переживаниями.

— В это мы тоже не станем вдаваться. Ты никогда не была способна понять, насколько для человека важна его работа.

— Ни одна женщина не поймет, почему муж полностью ее игнорирует. То, что мне хотелось быть на первом месте в твоей жизни, вполне естественно.

— Не сомневаюсь, тот человек, к которому ты уходишь, будет тебя ставить на первое место, — сказал Чарльз. — Полагаю, у него есть личные средства помимо того, что он зарабатывает как писатель. Он сможет проводить с тобой на отдыхе столько времени, сколько захочет. Мне же приходилось заниматься моим делом.

Я бросилась защищать Филиппа:

— Он так же много работает, как и ты.

— Меня он не интересует. Но я хотел бы спросить, Крис: ты действительно считаешь, что вправе разрушить наш дом? Дом наших детей, меня можешь исключить, если хочешь. Возмож-

но, я не оправдал твоих надежд, наскучил тебе, был не в состоянии удовлетворить тебя как супруг… — Тут Чарльз начал заикаться, и это меня огорчило. — Но как же Джеймс и Дилли? Я всегда думал, что ты хорошая мать… Для меня это шок. Я не могу поверить, что ты хочешь покинуть детей!

Я была поражена тем, как Чарльз удалил себя на задний план, а вперед выдвинул детей. Это было неожиданно. Я начала его уверять, что Джеймс и Дилли чувствуют себя вполне счастливыми в школе, а со временем для них будет лучше видеть мать расставшейся с их отцом и счастливой в браке с другим человеком, нежели жить в атмосфере вечных ссор и недовольства. Наш сын, например, сказала я Чарльзу, вообще не питает ко мне ни малейшего уважения. Он подвергся подрывному влиянию Уинифрид, да и отец подавал ему не слишком хороший пример, обращаясь со мной весьма небрежно, а порой открыто высмеивая.

Чарльз горько улыбнулся:

— Разумеется, ты непременно должна превратить мои шутки в намеренную жестокость, и я знал, что очень скоро ты возложишь вину за свои неприятности на беднягу Уинифрид.

Я начала с жаром доказывать, что с самого на-

чала нашей совместной жизни делала все, чтобы подружиться с его мачехой, но она ненавидела и критиковала меня. Уинифрид унижала меня не только в его глазах, но и в глазах детей.

Наблюдая за Чарльзом, я заметила на его лице тревогу. Давно не видела, чтобы мои слова производили на него хоть малейшее впечатление. Мне не хотелось, чтобы он выглядел несчастным; я ожидала, что он разгневается, начнет проклинать меня. Зачем же ему понадобилось проявлять какие-то признаки человечности именно в тот день, когда я решила уйти из дома? До чего же он непоследователен — меня это просто бесило.

Я сообщила, что уже упаковала свои вещи и собираюсь немедленно уехать, написала письмо Уинифрид и положила на стол в холле. Она наверняка, сразу же после моего отъезда, явится в Корнфилд, саркастически добавила я.

— И уверяю тебя, я не стала бы тратить время зря, пытаясь в чем-то ее изобличить, — сказала я. — Я лишь выразила надежду, что она будет счастлива занять мое место, и высказала уверенность в твоем желании возложить на нее ведение хозяйства и развлечение детей, когда они будут находиться здесь. Я полагаю, во время каникул мы сможем как-то делить их между собой.

— Ты заранее все обдумала, — сказал Чарльз, и губы его в самом деле задрожали; да и руки тоже тряслись — я это заметила, когда он зажигал трубку. Но мысль о Филиппе изгнала из моего сердца всякое сочувствие к Чарльзу. Я слишком много и слишком долго страдала.

— Ну предположим, я не соглашусь на развод? — вдруг сказал он, отбрасывая в сторону обгоревшую спичку и глядя на меня прищуренными глазами.

Кровь внезапно бросилась мне в лицо.

— Но ты ведь дашь согласие?

— А если нет?

— Тогда… тогда… — проговорила я заикаясь, — нам с Филом придется жить во грехе — кажется, это так называется?

— Я полагаю, ты уже не первый день живешь именно так, — ледяным голосом проговорил Чарльз.

— Да, совершенно верно, — заявила я. — Мне все равно, что ты обо мне думаешь.

Он посмотрел на меня долгим странным взглядом.

— Если ты так настроена, я, конечно, с тобой разведусь. Иди к нему, Крис. Я надеюсь никогда больше тебя не увидеть. И… — напыщенным

тоном добавил он, — сожалею лишь о том, что мать моих детей оказалась способной так низко пасть.

Помню, эти слова расстроили меня. Я не нашла в них совершенно ничего смешного и почувствовала себя почти падшей. Может, воображала я, Чарльз окажется одним из тех супругов, которые проявляют здравый подход к жизни и со временем готовы дружески встречаться со своей бывшей женой и ее новым мужем. Надо понимать, это совсем не в духе Чарльза. Он не такой. И кроме всего прочего, его тщеславию наверняка был нанесен сильнейший удар. Он, должно быть, отдавал себе отчет в своих недостатках супруга и корчился при одной только мысли, что другой мужчина оказался на высоте там, где он, Чарльз Аллен, оказался несостоятельным. Я подумала о брате, юноше с принципами и идеалами. Как он отнесется к нашему разводу, спрашивала себя. Ведь Чарльз в свое время был его другом. Джерими познакомил нас.

После этого разговор с Чарльзом довольно скоро прекратился. К концу его я была в слезах:

— Это ты во всем виноват, ты никогда меня по-настоящему не любил. Если бы любил, я осталась бы с тобой. Я никогда бы тебя не подвела.

Тут Чарльз напустился на меня. Его лицо казалось высеченным из гранита, но в глазах внезапно вспыхнула отчаянная обида.

— Нет, ты знаешь, что я любил тебя. Не так, как тебе этого хотелось, но настолько, насколько я способен. Я понимаю, что не оправдал твоих ожиданий в… в некоторых отношениях… — Он начал мучительно заикаться. — Но я был более высокого мнения о тебе, Крис. Я думал, что твоя любовь ко мне поднимется выше чисто физического уровня. Теперь вижу — этого не произошло. Завтра утром передаю дело в руки адвокатов. Надеюсь, Филипп Кранли сделает тебя счастливой. До свидания.

Его речь потрясла меня. Это все, что он хотел мне сказать? До чего же возмутительна эта попытка заставить меня почувствовать себя низкой и презренной при том, что он сам же признал собственную вину!

Чарльз двинулся к выходу, но вдруг остановился и через плечо посмотрел на меня.

— И вот еще что, — спокойно произнес он. — Ты знаешь, что до вынесения судом окончательного решения может пройти месяцев девять, а то и больше, и до тех пор ты не можешь выйти замуж за Кранли. Хочу предупредить тебя, Крис: если

ты станешь до этого открыто жить с ним, я не позволю тебе видеться с Джеймсом и Дилли. Я не допущу, чтобы они находились с тобой под одной крышей, когда ты спишь со своим любовником, Пока ты не сможешь представить им Филиппа в качестве отчима, он должен держаться подальше от них, а ты пока поживи одна.

Внезапно я запаниковала и начала протестовать. Филипп, разумеется, уже сделал все необходимое для того, чтобы я могла приехать к нему на квартиру сегодня же и остаться там. Я предвидела жуткие неприятности в том случае, если Чарльз заставит меня жить отдельно от Фила до окончательного решения суда. Я, конечно, сказала об этом Чарльзу, но он резко оборвал меня:

— Мне все равно, что ты по этому поводу думаешь. Если хочешь видеть детей, то, черт побери, будешь жить отдельно, пока бракоразводный процесс не кончится. Таковы мои условия. Если ты их не примешь, я никогда не дам согласия на развод и сделаю для тебя затруднительными встречи с детьми.

С этими словами он покинул меня. Не совсем ясно представляю себе, чего именно я от него ожидала, что он должен был сказать или сделать

в ответ на мое признание. Знаю только, что сказал он совсем не то. Я чувствовала себя настолько плохо, что как можно скорее уехала прочь от Чарльза и его Корнфилда и, очутившись в Лондоне, направилась прямо в Олбани к Филиппу.

12

Филипп ждал меня.

Он сам открыл дверь. Сегодня это был элегантно одетый преуспевающий писатель, светский человек. Он только что вернулся с какого-то литературного завтрака, на котором присутствовал в качестве почетного гостя.

В петлице еще торчала слегка увядшая гвоздика. Его явно угостили хорошим ленчем. Он был сыт, доволен, улыбчив. Однако, увидев выражение моего лица, Филипп нахмурился. Я оставила свои вещи в багажнике машины. Закрыв входную дверь, он сказал:

— Детка, в чем дело? У тебя ужасный вид.

Я не знала, плакать мне или смеяться, но тут же очутилась в его объятиях и уткнулась в его плечо. Говорить я была не в силах. Это был миг потрясения: я оставила Чарльза и пришла к Филиппу. Теперь, когда шаг сделан, он казался мне невероятно значительным. Я услышала успокаивающий голос Филиппа:

— У тебя измученный вид, Тина. Пойдем, выпьешь рюмочку, бедняжка моя!

Я не произнесла ни слова, пока он усаживал меня на большой диван, стоявший совсем рядом с камином. Мы так часто сидели с ним на этом красивом диване, застеленном красным бархатом. Уже все в комнате Филиппа было мне знакомо. Единственное, на что я в этот вечер обратила внимание и что, несмотря на волнение, заставило меня улыбнуться, — фотография Виктории исчезла с рояля. Деликатный жест со стороны Филиппа. Я пришла сюда, чтобы жить с ним, выйти за него замуж. Это был молчаливый знак того, что в его жизни больше нет места для других женщин.

Я отпила немного крепкого коктейля — джин с кампари, — который он для меня приготовил. Потягивая напиток, я думала о том, как скажу Филу об условиях, поставленных Чарльзом, о долгих месяцах, которые должны предшествовать разводу.

Филипп весело заговорил:

— Я не могу тебе передать, как много это для меня значит — видеть тебя здесь, у меня, и знать, что ты пришла навсегда. Боже, родная моя, какое счастье! Не быть обязанным отпускать тебя ни сегодня ночью, ни завтра. Успокойся, Тина, ты скоро оправишься от потрясения. Я считаю, ты

проявила завидную храбрость. Да, нужно иметь немалое мужество, чтобы стукнуть старину Чарльза по голове. Хотел бы я пожалеть беднягу, но не могу: он не пытался тебя удержать, а просто предоставил любви, радости и страсти улетучиться из твоего сердца. Клянусь Богом, я не превращусь в такого мужа, родная моя Тина.

Джин придал мне смелости. Я закрыла глаза, потом снова открыла и сообщила Филиппу слово в слово то, что сказал Чарльз.

Он принял это не очень благосклонно. Естественно, мрачно размышляла я про себя, мужчина, которого делают соответчиком в бракоразводном процессе, рассчитывает, что он будет, по крайней мере, получать радость от близости с женщиной, которой решается посвятить теперь свою жизнь.

— Бог ты мой, но со стороны Чарльза это просто чудовищно. Не что иное, как сволочной шантаж! — бушевал он.

Я тогда обратила внимание на то, что слово «сволочной» нечасто слышалось из уст Филиппа. Он был восхитительным собеседником, и лишь в самых редких случаях мог выругаться. Конечно, я полностью согласна, что выдвинутое Чарльзом условие просто чудовищно, но не могла признать

его действительно шантажом. И даже пыталась найти оправдания для этого несчастного человека. Я понимала — у Филиппа все основания яростно негодовать, но и Чарльз вправе делать то, что, по его мнению, было в интересах детей.

Хотя я никогда не была идеальной матерью, всю дорогу в Лондон думала о них и пришла к выводу, что, при всей ребяческой глупости, они всегда рассчитывали на то, что мать где-то тут, рядом. Дилли, конечно, расстроится, узнав, что не увидит меня целый год. Наверное, Филипп счел бы, что я веду себя нелогично, начав беспокоиться о детях после переезда к нему, но я чувствовала себя в тупике. Я знала, что не перенесу, если Чарльз не даст мне видеться с детьми.

Филипп закурил и начал мерить шагами комнату, с горечью повторяя, что он этого не потерпит.

— Сволочной шантаж, — повторял он, — играть на твоих чувствах к детям.

Я поставила свой бокал, поднялась и сказала:

— Может, мне лучше вернуться и сообщить Чарльзу, что я совершила ошибку?

— Это что еще за глупости, черт побери? — сердито спросил Филипп. Он кинулся ко мне, обнял и целовал до тех пор, пока я не поняла: ничто не заставит меня вернуться к мужу.

Однако, когда мы снова уселись, чтобы выпить по второму бокалу, Филипп сказал:

— Так как ты действительно думаешь, что он целый год не даст тебе видеться с детьми, если ты не будешь жить одна, нам, наверное, придется согласиться на его условия. Я не хочу, чтобы ты страдала. Но во всем этом столько лицемерия! Мы найдем тебе квартиру, ты поживешь в ней одна и будешь именоваться, как обычно, миссис Аллен, и, когда дети будут тебя навещать, все будет выглядеть мило и респектабельно. Но что может помешать тебе прийти ко мне или мне к тебе в любое другое время? Ничего. Твой супруг, по-видимому, печется не столько о принципах, сколько о внешних приличиях.

Я защищала Чарльза, хотя и слабо.

— Я полагаю, он в самом деле считает, что так будет лучше для Джеймса и Дилли. Я должна попытаться выполнить его условие, даже если это убьет меня. Прости меня, милый. И пойми.

Он сумрачно посмотрел на меня и налил еще по бокалу:

— Если я в этой ситуации соглашусь на раздельную жизнь, пожалуйста, обещай мне не допустить, чтобы в будущем твои дети стали яблоком раздора между нами! С этим я смириться

не смогу. Отныне ты будешь принадлежать мне! Я хочу, черт возьми, знать, что это так.

— Да, — сказала я, чувствуя себя несчастной и полной новых невыносимых сомнений.

Потом мы прекратили спорить, и я осталась у него на ночь. Еще никогда мы не предавались любви с такой страстью. Но я снова ощутила ужасающее болезненное состояние души, ту подкравшуюся к розе болезнь, о которой писал Блейк! Я смертельно боялась, что если не для Филиппа, то для меня незримая червоточина означает конец. Я вновь утратила всякую уверенность в себе и задавалась вопросом, а надо ли допускать, чтобы блестящий, замечательный человек стал соответчиком в бракоразводном процессе? Снова я ненавидела Чарльза. И одновременно чувствовала свою вину перед ним, думая о том, как он там сегодня один в Корнфилде. Я оказалась настолько труслива, что предоставила ему сообщить кухарке о моем уходе. Наверное, все это было для него ужасно. Он не выносил, когда привычный порядок вещей нарушался, что вынуждало его заниматься домашними делами. Послал ли он за мачехой? Может быть, в эту самую минуту они обсуждают мой поступок?.. Что подумают мои друзья, когда станет известно о случившемся?

Кроме Фрэн, никто не знал, что я собираюсь уйти от Чарльза. Скоро они об этом услышат. Я старалась позабыть Корнфилд и целиком отдаться чувству удовлетворения от близости с Филом. К Чарльзу я никогда не вернусь.

В ту ночь мы были невероятно счастливы.

Утром я почувствовала себя намного лучше и отправилась на встречу с Джорджем Вулхэмом, чтобы передать дело в его руки.

У Фила была репетиция в студии Би-би-си. Я встретилась с Фрэн, и мы занялись поисками квартиры. Одна из самых неприятных пилюль, которую мне пришлось проглотить, — больше я не имела личных средств и отныне мне придется принимать деньги от Филиппа. Он, конечно, мог себе это позволить, потому что был богат. Но пока я не стала его женой, мне не хотелось быть на содержании у любовника.

Во время ленча я заговорила об этом с Фрэн. Она была в восторге от того, что я сделала решительный шаг. Она всегда обожала Фила. Но мне предстояло выслушать еще несколько горьких истин. Фрэн была того же мнения, что и Фил. Она не только страшно возмущалась Чарльзом, но и молила не допустить, чтобы дети помешали мне обрести счастье с Филиппом. Она-то считала, что

в данный момент я вообще должна выбросить из головы Джеймса и Диллиан. Но от этого я отказалась наотрез.

— Ты немножко зануда, Крис, — проворчала Фрэн. — Филипп Кранли изумительный человек. Бога ради, держись за него и не дай ничему и никому встать между вами. Будь же последовательна, перестань сентиментальничать насчет Чарльза и своих деток.

Сейчас, когда пишу этот дневник, понимаю, как много всего произошло с тех пор, как я его начала. Я сознаю, что мое душевное состояние остается весьма незавидным после ухода от Чарльза. Как видно, я так и не свыклась с тем, что нахожусь вдали от него и от Корнфилда. Уже несколько раз мысленно признавалась себе в этом. Разрыв был слишком внезапным и болезненным. Конечно, Филипп для меня на первом месте. Я безумно его люблю. Каждая минута, которую мы проводим вместе, — чудо и наслаждение. Но я перестала смотреть сквозь розовые очки даже на Фила. Мне известны все особенности его характера и все его крупные недостатки. Прежде всего, он страшный эгоист. Думаю, в некоторых отношениях он мало чем отличается от Чарльза, хотя считается со мной и остается чрезвычайно пылким любов-

ником. Мы никогда не устаем от ласк. Он так же поглощен своим писательством, как Чарльз деловыми проблемами. Его раздражает то, что мы вынуждены жить раздельно, но когда мы бываем вместе, то совершенно счастливы. Он никогда не оставляет меня без внимания, кроме тех случаев, когда ему надо писать, встречаться с продюсерами или присутствовать на репетициях. Освободившись, он немедленно кидается к себе в Олбани, и я приезжаю к нему туда всякий раз, когда он меня об этом просит.

Фрэн настояла на том, чтобы я обзавелась новыми туалетами. Причесываюсь я всегда у Антуана, уделяю очень много внимания косметике и теперь уже не похожа на провинциалочку из Суссекса. Где бы я ни появилась с Филиппом, мною всегда громко восхищаются. В его кругу все уже свыклись с мыслью, что я стану его женой и что он выступает соответчиком в моем бракоразводном процессе. По-видимому, никто ничего против этого не имеет. Филипп проявляет неизменную преданность и, насколько можно судить, доволен мной. Он дарит мне всю ту страсть, любовь и дружбу, которых мне так не хватало целых одиннадцать лет.

Однако я пережила немало тяжелых минут, о

которых никогда Филу не рассказывала. С ним я чувствовала себя счастливой и приезжала к нему на квартиру всякий раз, когда это было возможно и когда он не работал.

Конечно, время от времени я задумывалась над тем, что в смысле увлеченности делом Фил ничем не отличается от Чарльза. Мужчины все таковы. Когда он диктовал секретарю один из своих сценариев, я не смела даже позвонить по телефону, чтобы, упаси боже, не помешать. Но во всем, что не касается работы, он так не похож на Чарльза! Я изредка пробую рассуждать здраво и признаю, что по отношению к нему проявляю колоссальную самоотверженность и преданность — гораздо большие, чем когда-либо проявляла к Чарльзу. Не вижу никаких причин, которые могли бы помешать нашему браку оказаться счастливым.

Однако временами я чувствую себя страшно одинокой в своей меблированной квартире, куда Филипп никогда не приходит. Кроме Фрэн и Стивена, сюда вообще никто никогда не приходит. Я совершенно оторвалась от круга людей, бывавших у нас в Корнфилде.

Случаются иной раз отвратительные эпизоды, так или иначе связанные с прошлым. Например,

какой-то ужасный человечек в цилиндре принес и официально вручил мне документы, касающиеся развода. Он заставил меня почувствовать себя безнравственной. Затем требовалось послать Джорджу необходимые доказательства того, что я действительно находилась в интимной связи с Филиппом. Раз или два пришлось выслушать истерические телефонные звонки старой кухарки, которая хотя и не скрывала праведного гнева по поводу того, что я-де нарушила заповеди, оставив Чарльза, которого она уважала, но в то же время плакалась, что с моим уходом дом стал похож на крематорий — она именно так и выразилась. По ее утверждению, она остается только потому, что ей жаль бедного мистера Аллена. Эти слова — «бедный мистер Аллен» — действовали мне на нервы. Нельзя же все время повторять одно и то же! Кухарка любит посплетничать. Она призналась, что местные жители много говорят обо мне и все меня осуждают. То же самое происходит в домах моих так называемых друзей, чья прислуга встречалась с кухаркой и обсуждала развод.

Сад запущен. Садовник опять отсутствует, и сорняки стали уже обычным явлением. Мистер Аллен часто уезжает с мистером Райс-Холкитом. Миссис Аллен-старшая приезжает в Корнфилд,

когда мистер Аллен дома, и ходит с таким видом, будто кто-то умер. Корнфилд весь как-то угас.

Ну и, кроме того, где-то там жили мои дети.

Сегодня здесь, за своим дневником, я усматриваю дьявольскую иронию судьбы в том, что они стали дороже мне с тех пор, как я их покинула, — намного дороже, чем когда-либо в прошлом. Они стали для меня во всех отношениях более значимыми. Можно ли придумать большее издевательство и странную непоследовательность со стороны судьбы?! Сначала им не сказали о том, что мы с Чарльзом расстались. Чарльз сам никогда мне не писал, а присылал те или иные сообщения через своих адвокатов. Он считал ненужным огорчать детей, пока процесс не закончится и я снова не выйду замуж.

Когда я поехала навестить их в школе, то очутилась в затруднительном положении. С Джеймсом было не так сложно. Он говорил главным образом о папе, яхте, деньгах, которые присылает ему тетя Уинифрид, об успехах в футболе и о том, что он собирается делать во время летних каникул. Пожалуй, хорошо, что один из приятелей пригласил его провести первые три каникулярные недели на острове Джерси.

Дилли же, по мере того как взрослела, по-ви-

димому, начинала больше любить меня. У нее сложился своего рода материнский комплекс. Когда мы ходили с ней куда-нибудь, она была очень ласкова и нежна, а я чувствовала себя от этого просто ужасно. Она все приставала ко мне с вопросами, что мы все будем делать в Корнфилде этим летом, когда их распустят на каникулы.

Наступил день, когда они должны были вернуться домой. Уинифрид заехала за ними в школу, и теперь им предстояло узнать правду. Уинифрид взяла на себя труд сообщить им, что матери они дома не застанут. Думаю, она всячески старалась смягчить удар и не пыталась очернить меня. Я была уверена, что Чарльз не станет меня порочить, но мне делалось не по себе, когда представляла, каково им будет провести первую ночь в Корнфилде без меня. Я всегда старалась как можно торжественнее обставить для детей их первый вечер дома. Надо признать, то же самое делал и Чарльз, помогая мне в этом.

О господи, я чувствовала себя счастливой и уверенной, думая о будущем, но так было только до тех пор, пока не начала писать о прошлом. Должна сказать, все это действует угнетающе. Фил почти ничего не знает о моем дневнике, но постоянно твердит, что я худею и слишком даю

волю нервам. Наверное, он не понимает, что я все еще разрываюсь на части. Для него все гораздо проще!

Следует упомянуть о том, что вскоре после моего ухода из дома Уинифрид написала мне.

Ее письмо крайне меня поразило. Оно было почти человечным. Если я чего-то и ждала от нее, так только свирепой нахлобучки. Она начала с того, что, когда Чарльз сообщил ей о моем уходе, она не хотела никогда больше со мной разговаривать или вообще иметь дело. Конечно, Уин усиленно распространялась о том, как все это выглядит с нравственной точки зрения, какое жуткое впечатление развод произведет на детей, как ей трудно поверить, что мне могло прийти в голову покинуть такого замечательного человека, ее Чарльза, и так далее. Потрясла меня заключительная часть письма:

«Мы с вами не слишком хорошо ладили, но я относилась к вам не без восхищения. Вы превратили Корнфилд в чудесный дом и, я уверена, помогли Чарльзу в его карьере. Я всегда считала, что вы хорошая мать, хотя и хуже меня понимаете своих детей. Но мне хотелось бы попытаться что-то для вас сделать, Крис. Вы страшно обидели бедного Чарльза, но я мечтаю попробовать вновь

соединить вас. Я не знаю того человека, ради которого вы оставили мужа. Слышала, что он богат и знаменит. Но это не принесет вам счастья. Вас всегда будет мучить совесть. Я никогда не считала вас черствым человеком. Что касается меня, собственная совесть тоже напоминает мне о себе. Мы с вами порой здорово ссорились, но я надеюсь, что никогда не сделала и не сказала ничего такого, что могло привести к разрыву между вами и беднягой Чарлом. Я очень сожалею о случившемся. Я думаю только о нем и бедных детях, так что, если вы хотели бы со мной встретиться и поручили бы мне с ним поговорить, уверена, я сумею убедить Чарла не доводить дело о разводе до конца.

Ваша Уинифрид».

Письмо меня расстроило. Я не думала, что такая зловредная женщина, как Уинифрид, способна писать в таком милом тоне. Мое бегство от Чарльза потрясло старуху настолько, что она сочла возможным признать, что и сама была не такой уж праведной и святой. Ну что ж, в прошлом она, безусловно, помогла вбить клин между Чарльзом и мной, однако, что бы она ни говорила и ни делала сейчас, ничто уже не могло убедить меня вернуться к нему.

Я написала об этом Уинифрид, но тепло поблагодарила ее за старания, которые она приложила, пытаясь помирить нас. Я написала, что она, конечно, никогда не сможет понять истинной причины, толкнувшей меня в объятия другого мужчины, а потому я просто прошу попытаться простить меня, утешить Чарльза и присмотреть за детьми в то время, когда не смогу быть с ними.

Написав слова «утешить Чарльза», я почувствовала себя просто убийственно. В тот момент, когда я его покидала, мне и в голову не пришло, что он будет нуждаться в утешении.

Я пытаюсь найти для себя опору в ободряющих словах, которые неизменно слышу от Фрэн. Я все еще не сообщила Джерими правду, но уверена, что, когда прочтет все это, он поймет.

Во время школьных каникул я чувствовала себя очень несчастной, хотя и часто видела детей. Они приезжали в город, оставались у меня на квартире, я всячески развлекала их, и мы довольно много веселились все вместе. Но над нами нависала какая-то тень. Для меня эта тень была исполнена зловещего значения, и даже дети начали ее замечать. Они были достаточно взрослыми, чтобы ощущать — что-то не в порядке.

Джеймс, конечно, интересовался лишь собой, но Дилли все время печально поглядывала на меня и говорила, что ей не нравится квартира и вообще Лондон и почему я не еду с ними в Корнфилд. Какой ответ я могла дать, какое объяснение? Они были еще слишком малы, чтобы понять.

Я увозила их в офис Чарльза, чтобы он мог затем доставить их домой. Бывали моменты, когда, вернувшись в свою квартиру, я испытывала тяжелейшую депрессию. Я чувствовала себя такой одинокой, такой неуверенной в себе, что сильно похудела и начала страдать бессонницей. Мое скверное настроение, естественно, действовало на Филиппа. Я пыталась сделать все, чтобы он не знал о моих переживаниях, но скрыть их не могла. Он был слишком наблюдателен и слишком меня любил, чтобы не заметить, как я расстроена. Это выбивало из колеи нас обоих.

Я начала понимать, что нельзя жить одной лишь безумной страстью и всем тем, что так связывало нас с Филом. Я прожила в Корнфилде с Чарльзом одиннадцать лет и не могла повернуться спиной к семье и своей прежней жизни. Самое главное заключалось в том, что дети, которых родила и вырастила, стояли все-таки на первом месте. В моем сознании родилась ужаснувшая

меня мысль — они значат для меня даже больше, чем Филипп.

Письма, которые я получала от людей, в свое время находившихся в дружеских отношениях с Чарльзом и мной, отнюдь не улучшали моего настроения. Я ожидала, что Кэт останется мне другом и окажет поддержку, но и она выступила против, написав совершенно безжалостные вещи:

«Я не считаю, что вам следовало уходить от Чарльза, когда дети еще так малы. Я знаю, вы несчастливы. Я и сама-то не больно счастлива. Но я не могла бы разрушить дом Розмари. Конечно, я сделаю все, чтобы помочь Чарльзу, и буду по мере возможности забирать бедную маленькую Дилли, чтобы она поиграла с Розмари. Вряд ли я когда-нибудь снова увижусь с вами, Крис. Хочу только надеяться, что вы будете счастливы».

Должна сказать, это письмо тоже меня расстроило. Столько людей заявляло мне зловещим тоном, что они-де надеются, что я буду счастлива, а сами при этом уверены, что счастья мне не видать.

Теперь уже осень. Скоро дети вернутся в школу. Джерими, слава богу, должен приехать в следующем месяце, и я знаю, что могу рассчитывать

на его любовь и поддержку, хотя он и не одобрит моего поступка.

Дело о разводе продвигается быстрее, чем кто-либо из нас ожидал. Чарльз скоро получит окончательный вердикт.

Я уверена, что, когда стану женой Фила и буду жить вместе с ним, положение в корне переменится и я выйду наконец из этого мрака.

Филипп в последнее время находится на континенте, где работает со ставящей его новый фильм кинокомпанией. Телефонные звонки и письма не приносят мне утешения. Я постоянно чувствую, что при всей страстной любви ко мне его раздражает мое отсутствие, а ехать я отказываюсь из-за каникул Джеймса и Дилли. А также из-за того, что он называет шантажом со стороны Чарльза. В последние месяцы у меня была масса времени для написания этого дневника и прямо-таки избыток времени для размышлений и воспоминаний.

Как бы мне хотелось, чтобы все это было позади!

13

Кристина отложила перо.

Был душный, жаркий, сентябрьский день. Лондон изнемогал от зноя. На ней не было ничего, кроме тоненького хлопчатобумажного платья, но из-за жары она чувствовала себя какой-то распаренной.

Крис зажгла сигарету и уставилась на маленькую пишущую машинку, свою подругу на протяжении многих месяцев. Какое-то время она медленно перебирала страницы рукописи.

«Я написала целую книгу, — не без удивления подумала она. — Не знала, что способна на подобное. Все это, словно бурный поток, излилось из моей души. Филипп считает, что у меня от природы есть способность писать. Выходит, он не так уж далек от истины».

Она внимательно смотрела на неряшливую, плохо напечатанную рукопись.

— Это твоя жизнь, — сказала Крис вслух и попыталась засмеяться.

Рассказ получился более интимным, чем она того хотела. Она не была уверена в желании,

чтобы кто-либо когда-нибудь это прочел, даже Джерими, для которого она писала.

Она встала и подошла к угловому шкафу, чтобы достать флакончик аспирина. Надо выпить чаю, принять две таблетки и лечь. Голова просто раскалывается.

Кристина лежала на постели, но мозг ее отказывался успокоиться, он лихорадочно работал, лишая ее душевного равновесия. Какой фантастический облик приняли главные действующие лица в истории ее жизни — снова и снова размышляла она.

«Я должна была бы выглядеть героиней, — созданием, которое надо жалеть и оберегать», — думала Крис. Однако на самом деле она совсем не чувствовала себя героиней, и даже наоборот — в дневнике она выглядела слабой и глупой.

Героем книги должен был бы стать Филипп — замечательный мужчина, ворвавшийся в ее жизнь, — чудесный ответ на ее мольбы. А каким он получился? Обаятельный, восхитительный, идеальный любовник — да. Но далеко не образцовая личность. Просто преуспевающий и очаровательный человек, который привык к тому, что им восхищаются, и которым она должна восхищаться и впредь. Сама она всегда будет

на заднем плане, купаясь в лучах его славы и успеха.

А что можно сказать о Чарльзе? Он, разумеется, должен был предстать в роли злодея — отвратительный муж, который вел себя настолько дурно, что несчастная жена сошла с пути истинного.

Но на самом-то деле все не совсем так. Чарльз, конечно, вечно ее разочаровывал, а иной раз мог быть жесток. Но он не был злодеем. Да и осуждать его за то, что он не наделен достаточным сексуальным темпераментом, не приходилось. Во всех других отношениях он был обыкновенным мужем.

Это она не была обыкновенной женой — она, с ее эмоциональностью, всепоглощающей потребностью в любви и с ее чувственностью.

Внезапно Кристина вскочила и в ярости сбросила страницы рукописи на пол и ударила по столу кулаком так, что машинка задребезжала.

«О боже, боже, — проносилось у нее в голове, — и зачем только я все это написала! Теперь я еще в большем тумане, чем прежде, и просто не знаю, что на самом деле чувствую и что мне следует делать».

Мысли ее вновь вернулись к Уильяму Блейку и его нездоровым образам. Незримый червячок

нанес свой страшный удар. Роза больна, и больна смертельно. Скоро с ней будет покончено.

Кристина уселась перед машинкой и закрыла лицо руками.

Она понимала, что в жизни ее действительно произошел поворот. Она не должна ни на йоту сомневаться в том, что больше всего на свете хочет быть с Филиппом.

Но именно это Кристина не чувствовала.

Ей хотелось вернуться домой. Ей хотелось проснуться и очутиться снова в своей спальне в Корнфилде, услышать доносящиеся из сада крики детей, найти внизу своего Чарльза, быть может специально поджидающего ее, чтобы чем-нибудь досадить. Ей даже хотелось, пусть это было глупо и противоестественно, чтобы она сидела с ним в машине и они ехали бы в Саут-Норвуд на одну из ужасных трапез в доме Уинифрид.

Теперь, когда Крис столь многое излила на бумагу и узнала истинную правду о самой себе, а также о Чарльзе, она начала сомневаться в том, что сумеет когда-нибудь ужиться с этим своим новым внутренним «я», хотя и будет жить с Филиппом.

Зазвонил телефон.

Она вытерла тыльной стороной ладони глаза,

кое-как собралась с мыслями и подняла трубку.

Звонил Филипп. Голос у него, как всегда, был чарующий, нежный, трогательный. Она вспомнила, что сегодня он должен вернуться из Парижа. Он говорил, что позвонит сразу же, как только доберется до своей квартиры.

— Как моя красавица?

Кристина почувствовала, как верхняя губа вздернулась; лицо исказилось в гримасе. Спутанные рыжие волосы падали на бледные впалые щеки.

— Я чувствую себя хорошо.

— Скучала по мне?

— Конечно.

— Чем ты занималась?

Она постаралась вспомнить:

— О, масса всяких событий: побывала с Фрэн и Стивом на новом спектакле в театре «Комеди». В прошлый уик-энд забирала к себе детей.

— Как они?

Ей показалось, что голос Фила стал несколько сдержанным. Когда речь заходила о Джеймсе и Диллиан, он никогда не проявлял особенного энтузиазма.

— Хорошо. Джеймс вырос на целый дюйм. Дилли по-прежнему довольно мала для своего

возраста.

— Не станет божественно высокой, подобно своей матери?

— Нет. Надеюсь, она ни в чем не будет подобна своей матери, — многозначительно сказала Кристина.

С ноткой удивления в голосе Филипп спросил:

— Что-нибудь не так, детка?

Глядя на разбросанную по ковру рукопись, она сказала:

— Очень многое не так.

— Прыгай в такси и приезжай. Ты слишком долго была одна. Я быстро сумею добиться, чтобы ты снова почувствовала себя счастливой, бедная моя детка.

«Неужели, — думала она про себя, — это все, чего она хочет — просто снова быть вместе с Филиппом, лечь с ним в постель? Именно в этом и состоит ее полное и абсолютное счастье?» Она не успела еще ответить на этот вопрос, как он добавил:

— Кстати, у меня есть для тебя новости.

— Какие?

— Анри Бовуа заключил со мной контракт на несколько криминальных сериалов, идущих по французскому телевидению. Я тебе говорил: у них

есть такая программа — нечто вроде комиссара Мегрэ. Я намерен стать английским Сименоном. Программа будет передаваться как на Францию, так и на Англию. Это громадный контракт, детка. Он означает, что я должен почти немедленно вернуться во Францию. Но все-таки на этот раз ты поедешь со мной.

Какая-то болезненная слабость, затуманивавшая сознание Кристины и мешавшая ей разобраться в своих мыслях и чувствах, превратилась в настоящий ужас. У нее возникло ощущение, что ее загоняют в клетку.

— Когда это должно произойти?

— Послезавтра. Я обещал Бовуа сразу же вернуться. Я знал, что ты, сокровище мое, поедешь со мной, и поэтому не стал возражать. Я забронировал для нас апартаменты в доме с очаровательным видом на Сену. На уик-энды мы будем летать на Ривьеру. Теперь, когда у меня есть этот контракт, о деньгах можно не заботиться.

— Ты его подписал?

— Конечно, детка. Это самая большая реклама, какую я когда-либо имел. Кроме того, сие означает начало нашей совместной жизни в Париже, где никто из тех, с кем нам придется встречаться, не знает о разводе, а если и узнает, ему будет

решительно все равно.

— Но ведь мы еще не поженились.

— Дорогая, до окончательного приговора суда осталось всего несколько месяцев. Джордж Вулхэм сам тебе об этом на днях сказал.

Сердце у нее забилось учащенно.

— Но, Фил… сейчас еще только сентябрь. Детские каникулы кончаются двадцать второго. Адвокат Чарльза сказал, что в субботу я могу свозить их к морю. Мне и в голову не приходило, что ты захочешь забрать меня в Париж.

Короткая пауза, а затем снисходительный смех Филиппа.

— Моя милая Тина, это на тебя не похоже — быть такой неблагоразумной.

— Ах господи, разве я неблагоразумна?

— Ведь в конце концов, детка, речь идет о моей карьере. Мы с тобой поженимся, и со временем ты будешь делить со мной мои успехи. Если программа пойдет хорошо, весь Париж будет у твоих ног.

Теперь пришел ее черед смеяться, но на глаза навернулись слезы.

— Я не уверена, что хочу видеть у ног весь Париж. Ах, Фил, не сердись на меня, но я просто не могу обмануть ожидания детей. Я не могу, Фил!

— Ну право же, Кристина… — Таким сердитым голосом он никогда еще с ней не разговаривал. — Пока что я проявлял величайшее терпение, когда дело касалось детей, но теперь ты должна, наконец, отдать мне предпочтение. Полагаю, я не прошу слишком многого.

«Нет, — тупо размышляла она, — это не слишком много. То же самое продолжает твердить и Фрэн. Так же неразумно веду себя с Филом, как иной раз — только по другим поводам — поступала с Чарльзом. Они похожи на две половинки ножниц, и на этот раз вдвоем разрежут меня на части, а виновата только я. Я создала эти ножницы».

— Тина, что ты там толкуешь о каких-то ножницах? — Голос Филиппа в телефонной трубке зазвучал резче.

Она не заметила, что высказывает мысли вслух. От горестного смеха ее затрясло.

— Прости, дорогой, я, наверное, не в себе…

— Что-то с тобой действительно случилось. Ты заставляешь меня волноваться, Кристина.

Слезы капнули с ее щек на колени. Она не стала их вытирать.

— Наверное, положение упростится, если я предложу тебе полететь со мной в Париж по-

слезавтра? Тогда ты сможешь потом прилететь обратно и повидать детей в школе.

— Не знаю, — сказала она и громко зарыдала. — Мне придется спросить Чарльза. Ведь я обещала ему, что не перееду к тебе до нашей женитьбы.

— Послушай, детка, это уже чересчур… — Голос Филиппа стал холодным. — Ты лучше приезжай-ка сюда поскорее, дорогая, — продолжал он. — Нам придется об этом поговорить. Признайся, я был очень терпелив в том, что касается твоих детей, Тина, но ты не можешь продолжать ставить их или капризы своего бывшего мужа выше моих желаний.

— Я знаю, — прошептала она. — Я знаю, что виновата. Я виновата во всем. В свое время я так не думала, но теперь понимаю. Так уж получилось.

— Тина, я тебя совсем не слышу. Послушай, детка, это сущее безумие. Что с тобой произошло в мое отсутствие? Приезжай сейчас же сюда, не то я приеду к тебе, нравится это милейшему Чарльзу или нет.

— Не надо, — в отчаянии проговорила она. — *Сюда не приезжай.* Я возьму такси и приеду. Я попытаюсь объяснить…

— Ты жутко расстроена. Детка, что бы ни стряслось, я быстро все поправлю… Я еду к тебе, хочешь

ли ты того или нет.

Голос Филиппа был преисполнен уверенности давнего любовника.

Она положила трубку. Из-за слез, застилавших глаза, она не могла разглядеть ни комнату, ни машинку, ни рукопись. Голова упала на вытянутые вперед руки. Она рыдала в голос:

— Но я не знаю, как объяснить… Я не могу. Я ничего больше не в состоянии объяснить даже себе самой.

Он приехал к ней на квартиру. Услышав его голос, Крис открыла дверь. Они внимательно посмотрели друг на друга. У Фила был усталый, недовольный и встревоженный вид. Она осталась в том же платьице, непричесанные волосы свисали на плечи. Впервые он подумал, что она выглядит не просто худой, а чахлой и утратила часть своей былой яркой красоты. Впрочем, он по-прежнему был преисполнен любви к ней и очень обеспокоен тем, что она сказала по телефону. Он обнял ее, вместе с ней вошел в спальню и заставил снова лечь в постель. Крис сотрясала сильнейшая дрожь.

— Бог ты мой, Тина, от тебя одна тень осталась!

— Я это чувствую, — сказала она. — Я не хотела,

чтобы ты приходил.

— Дорогая моя, не очень-то любезный прием.

Она закрыла глаза обеими руками:

— Прости. Ты можешь подумать, что я впала в истерику, но я тебя только что предупреждала по телефону: я больше сама себя не понимаю.

Филипп взглянул на стол с пишущей машинкой и взял в руки листок рукописи. Он немного удивился, когда она крикнула:

— Положи на место! Ты не должен это читать. Это мой личный дневник.

Губы Фила крепко сжались. В один миг он понял, насколько вдруг отдалилась от него его Тина. Эта перемена потрясла его, как и собственная неловкая реакция на устроенную ею сцену. Филипп не любил сцен и никогда не думал, что Тина из тех женщин, которые способны их закатывать. Что-то определенно улетучилось из их чудесной идиллической любви, с иронией размышлял он. Почему же, господи боже, все так непостоянно?!

— Я не знаю, в чем тут дело, — сказал он. — Могу лишь предположить, что ты слишком много и слишком долго писала и находишься на грани нервного срыва. Это я могу понять. Такое случается, если пишешь слишком много без передышки.

Она замотала головой:

— Дело совсем не в том, что я слишком много работала.

Он сел на стул рядом с ней, отвел руки от лица и заставил посмотреть на него. Горе, которое он прочитал в глазах Кристины, ужаснуло Филиппа.

— Тина, детка моя, что же все-таки случилось? Ты расстроена из-за того, что я сказал: мне надоело, что ты всегда ставишь желания своих детей и бывшего мужа выше моих?

Бывший муж. Это выражение Филиппа снова ее огорчило.

— Я не выйду за тебя замуж, Фил, — произнесла она так, словно эти слова кто-то вырвал у нее силой. — Пожалуйста, не пытайся изменить мое решение. Оно окончательное.

За этим последовал спор, который ни к чему не привел и в результате которого они оба лишь обессилели и даже пришли в смятение. Кристина почти потеряла рассудок — так, по крайней мере, представлялось Филиппу. Спустя какое-то время он перестал даже пытаться спорить и стал холодным как лед. Пусть эта история для него страшный шок, но он не допустит, чтобы она его сломила. От этого его спасала гордость. Однако он не удержался от двух-трех горьких замечаний:

— Все женщины одинаковы, совершенно непредсказуемы, но я все-таки считал, что ты не такая. Я ошибался. Почему же ты ушла от Чарльза?

— Я не знаю и сама себя не понимаю, — снова и снова повторяла Кристина, расстроенная до глубины души, но твердо решившая, что Филу не удастся повлиять на нее и заставить изменить ее намерения. — Я знаю только одно: если мы не поженимся, это будет лучше не только для меня, но и для тебя, Фил.

С сигаретой во рту он шагал взад-вперед по комнате, напряженный и взвинченный.

— Тут все дело в детях... Все дело всегда было в этих детях...

Филипп признал, что хочет быть на первом месте в ее жизни и в ее сердце. Он гневно осуждал Крис за то, что она позволила зайти делу так далеко.

— Бог ты мой, — воскликнул он, — и это в преддверии развода!

Она заплакала.

Филипп был не в состоянии спокойно переносить ее горе. Он забыл о гордости и помнил только об их былой любви, их чудесной страсти. Он сел на постель, обнял ее и терпеливо ждал, по-

ка утихнут рыдания. Филипп стал говорить, что готов согласиться с ее позицией по отношению к детям. Но Кристина стояла на своем, Теперь ей стало ясно, что между ними все кончено, что было бы безумием с ее стороны вступать во второй брак, который может рухнуть точно так же, как и первый. Она любила Филиппа, и все могло бы сложиться по-иному, если бы у нее не было Джеймса и Дилли. Филипп прав, говоря, что между ними всегда стояли дети. И она знает, что так было бы и в дальнейшем.

Фил пробыл у нее недолго. Он еще не знал, как себя вести с новой Кристиной. Он сказал, что позвонит утром. Фил встал, а она все никак не могла унять дрожь. Ее пылающее лицо и горячие руки навели его на мысль, что у нее начинается лихорадка. Он решил, что правильнее всего для него будет уйти, тем более, что она немного успокоилась и даже обещала попытаться заснуть.

Когда он ушел, Кристина поставила градусник. Оказалось, что температура сильно повысилась. Она вызвала своего врача.

Кристина проболела несколько дней.

14

— Конечно, — сказала Фрэн, — ты совсем спятила.

— Вероятно, — кивнула в ответ Кристина.

Они находились на квартире Крис. Фрэнсис сидела возле ее постели.

Филипп попытался увидеться с ней, но она попросила его не приходить. На следующий день он предпринял новую попытку. Кристина сказала, что просто не решается встретиться. Она по-прежнему его любит, но не может заставить себя все бросить и уйти к нему. Существует прочная связь с прошлым, которая, по-видимому, сильнее ее и разорвать которую она не в силах.

Филипп вернулся в Париж один. Он каждый вечер ей звонил, был нежен, полон сочувствия и почти не заговаривал о будущем. Он оставил заказ в цветочном магазине Констанс-Спрайс, и каждую неделю ей доставляли корзину цветов. Он писал короткие ласковые остроумные письма, каждое из которых содержало намек: он ожидает, что как только Кристина поправится, она приедет к нему в Париж.

Но теперь Кристина знала — она ни за что туда не поедет.

Сегодня утром попросила Фрэнсис прийти и сказала ей об этом. Глубоко потрясенная, та несколько часов с ней спорила.

— Ты с ума сошла! Ты будешь всю жизнь сожалеть об этом. Ты была несчастна с Чарльзом. Да и с детками своими не очень-то хорошо ладила. Таких, как Филипп, один на миллион. Скажи мне, бога ради, Крис, что на тебя нашло?

Фрэнсис, расхаживавшая взад-вперед по спальне Кристины с сигаретой между пальцами, время от времени останавливалась, чтобы бросить сердитый взгляд на свою молодую подругу. Все эти годы она собственными глазами видела, как обстоят дела между Кристиной и Чарльзом. Это она ввела Филиппа в жизнь Кристины. Для нее было личным оскорблением принятое в последнюю минуту решение Крис порвать с Филиппом, когда до вынесения окончательного приговора суда оставалось всего несколько месяцев.

Как ни странно, в это утро Кристина чувствовала себя более спокойной, чем последние несколько недель. Сколько времени она пролежала тут, терзаемая лихорадкой, сомнениями и

страхами! Она боролась сама с собой и с диктуемым слабостью желанием бросить все и уехать к любовнику в Париж.

— Ты не понимаешь, Фрэн, — сказала она. — Я знаю, тебе это кажется безумием, но после того как закончила дневник, я поняла, что не могу выйти за Филиппа, вот и все.

— Да будь он проклят, этот твой дневник, — взорвалась Фрэнсис, со звоном тряхнув браслетами.

— Может, и мне хотелось бы, чтобы я никогда за него не бралась, но дело сделано. Я выгляжу там весьма и весьма скверно — ты даже не представляешь! Я себя презираю! И я уверена, что не обрету ни покоя, ни счастья с Филиппом, хотя мне до сих пор хочется быть с ним рядом.

— В том, что ты говоришь, Крис, нет никакого смысла.

Кристина тщетно пыталась что-то разъяснить. Они пикировались, пытались анализировать, говорили, говорили до дурноты. Ни один из доводов Кристины не казался Фрэн убедительным, но одно стало очевидно: Кристину погубила ее совесть. Оставив мужа и детей, она сделала для себя открытие: она не может поставить детей на второе место после мужчины, пусть даже играющего столь важную роль в ее жизни. Она

приняла твердое решение, и ничто из того, что могла сказать Фрэн, не способно было его изменить. Что же касается Чарльза, то он, похоже, в расчет не принимался. Он наверняка будет продолжать бракоразводный процесс, заявила Кристина, дождется столь необходимого ему окончательного вердикта, так что их разведут, и она будет жить одна.

— Но какой же в этом смысл?! — воскликнула Фрэн, преисполненная тревоги за эту странную, непредсказуемую Кристину, которая все-таки оставалась самым близким ее другом. — Все было бы совершенно иначе, если бы ты решила вернуться к Чарльзу и заново начать жизнь с ним.

— Мне никогда бы и в голову не пришло просить его снова принять меня.

— А если бы он попросил тебя об этом, ты бы вернулась?

— Не думаю, — ответила Кристина.

Тут ей показалось, что на некрасивом, но привлекательном лице Фрэн мелькнуло какое-то странное выражение. Крис выпрямилась в постели и бросила на нее предостерегающий взгляд:

— Не смей звонить Чарльзу и не вздумай еще что-нибудь делать. Я не хочу, чтобы он знал о нас с Филом.

— Так или иначе, он все равно услышит.

— Я не хочу, чтобы он узнал это от меня.

— О! Ну ладно, раз так — значит так, — сказала, признав свое поражение, Фрэн. — Но зачем доводить до конца бракоразводный процесс? Ты останешься на мели. Тебе придется зарабатывать на жизнь. Вряд ли Чарльз захочет тебя содержать.

— А я этого и не хочу. Я обнаружила у себя некоторые способности к писательству. Ты можешь помочь мне попробовать силы в журналистике.

— Я уже давно покинула Флит-стрит, дорогая моя, и почти утратила связи с этим миром. Конечно, я сделаю все, что в моих силах, но, будучи женой Филиппа, ты достигла бы гораздо большего. Он бы дал тебе все на свете. Крис, может, ты узнала о нашем Филиппе что-то такое, что тебе не понравилось?

— Нет, думаю, разонравилась любовь как таковая. Я обнаружила, что я — мать, — напыщенным тоном ответила Кристина.

— Дорогая моя, это пустые слова.

— Ну что ж, я-то знаю, что имею в виду, хотя ты этого и не понимаешь.

— Фил переносит случившееся довольно тяжело. Я вчера долго говорила с ним по телефону.

Он звонил мне из Парижа, получил твое письмо, в котором ты сообщаешь, что между вами все кончено. Он считает, что ты не в своем уме.

— Возможно. А может, я в более здравом уме, чем обычно.

— Дорогая, на это я могу ответить хорошеньким словечком всего из нескольких букв, — рявкнула Фрэн. — Я согласна с Филиппом. Ты сумасшедшая.

— Но, по крайней мере теперь, приняв решение, я ощущаю некоторое успокоение, — сказала Крис.

— И ты не испытываешь страха перед будущим — совсем одна, разведенная женщина, не имеющая рядом с собой мужчины, который заботился бы о тебе? Тебе немногим более тридцати, и ты очень привлекательна. Но ты избрала тернистый путь, дорогая.

Кристина поморщилась:

— Если бы вышла замуж за Филиппа, мой путь мог бы оказаться еще более тернистым. Мы бы постоянно ссорились из-за того, что я встречаюсь с детьми именно тогда, когда Филиппу хочется видеть меня рядом с собой.

— Значит, дело действительно в детях! Ну что ж, я подозревала, что это именно так. Я считаю:

ты довольно глупо себя вела по отношению к ним, когда только что ушла из дома.

— А сейчас, по-твоему, я поступаю еще глупее?

— Да, дорогая, — очень дружелюбно ответила Фрэн. — И, если хочешь знать, я за тебя боюсь. Ты можешь еще пожалеть о том, что порвала с Филиппом. Он, понимаешь, так расстроен и под влиянием разочарования наверняка кого-нибудь себе найдет. Ты поступила с ним совершенно беспощадно.

— Он понимает, что раньше я не отдавала себе отчета в том, как много для меня значат Джеймс и Дилли. Он психолог. Обиженный, он все-таки меня понимает, — пробормотала Кристина.

— Да прекрати ты, ради бога! — воскликнула Фрэн, окончательно потеряв терпение.

Ну что ж, у Кристины не осталось уже никакой веры в себя. Разве она, до безумия влюбленная в Филиппа, не испытывала несколько раз желание очутиться снова дома, рядом со своим мужем? Разве она не понимала, что ей надлежит быть с Чарльзом и детьми в том доме и в той жизни, что они построили вместе? И сколь бы фантастичным это ни казалось Фрэн, осознание этой истины возымело над ней большую власть, чем самая страстная любовь.

Фрэн подкрасила губы перед зеркалом, затем взяла в руки шляпу и сумку.

— Мне неспокойно оставлять тебя, но я должна бежать. Не хотелось, чтобы ты была одна. Но, если пожелаешь побывать у меня, ты знаешь, где я живу. И знаешь также, что я употреблю все влияние, какое еще осталось у меня на Флит-стрит, чтобы найти для тебя работу, если ты действительно мечтаешь стать журналистом. На мой взгляд, заняться делом — это самое лучшее для тебя, дорогая.

— Огромное тебе спасибо. Ты всегда была замечательным другом, Фрэн. Не беспокойся. Я долго одна не пробуду. В субботу я везу Джеймса и Диллиан во Фринтон.

Фрэнсис с жалостью посмотрела на подругу. Бедная маленькая Кристина! Не надо ей было уходить от Чарльза. Она не та женщина, чтобы выдержать процедуру развода. Этот дневник, это злосчастное копание в прошлом, которым она занималась в своем сочинении, тоже, по всей видимости, оказали на нее катастрофическое воздействие. Но не будет ли она всю жизнь жалеть о том, что упустила такого человека, как Филипп? Или существует, пусть даже самая малая, возможность того, что она все еще питает какие-то

чувства к этому своему глупому супругу?

— Ты уверена в том, что не хочешь, чтобы я позвонила Чарльзу и попыталась добиться его согласия забрать иск? — спросила она.

— Ни в коем случае. Даже если бы я этого хотела, он не захочет. Я знаю Чарльза. Он слишком упрям и страшно обижен. Он не простит, что я была ему неверна.

— Но если он узнает, что ты сожалеешь…

— Я не говорила, что сожалею, — прервала Кристина. Лицо ее было пунцовым. — И тебе больше незачем обо мне тревожиться. Мой брат возвращается на родину. Скоро он будет здесь и отвезет меня куда-нибудь. Мы всегда были большими друзьями.

— Ну что ж, слава богу, если так, — сказала Фрэнсис и удалилась.

Она всегда будет любить Кристину, хотя эта история сильно ее огорчила. У нее осталось ощущение, словно ее лично подвели. Понять же все эти рассуждения насчет материнских чувств она была не в состоянии.

После ухода Фрэн Кристина осталась лежать в постели. Она чувствовала себя слабой и совершенно отупевшей. Завтра она непременно поднимется, что бы ни произошло. Ей надо

продолжать что-то делать со своей жизнью — повидаться со стариной Джорджем и с управляющим ее банком, подготовиться к отдыху во Фринтоне. Она лежала с закрытыми глазами, думая о Филиппе. После того дня, когда она сказала, что не выйдет за него замуж, они виделись лишь однажды.

Он снова показал себя тем нежным, полным сочувствия Филиппом, которого она так безумно любила. Однако за сочувствием Кристина ощутила некую новую сдержанность, скрытое желание уйти. Она прекрасно понимала, что он сыт ею по горло. Наверняка она перешла все границы, испытывая его терпение и понимание. Филипп уже не мог любить ее. Та, что первоначально так очаровала его, — была страстная женщина, которая показалась духовно и физически подходящей, чтобы жениться на ней. Но было ясно, что ему ни к чему такая Тина, в которой вдруг проснулась совесть, говорившая о долге в отношении бывшего супруга и детей.

После отъезда Филиппа из Лондона, Кристина испытывала адское, всепоглощающее желание вернуть его. Они ведь были так близки! Но теперь она знала, что ни одна женщина не может строить свою жизнь на лихорадочных эмоциях,

на физической страсти, связывающей ее с идеальным любовником. Требуется нечто гораздо большее. То, что она разрушила свой брак в основном из-за потребности любить и быть любимой, представлялось злой иронией судьбы.

Она знала, что лучше ей никогда больше не видеть Филиппа. Как и предсказывала Фрэн, он очень скоро найдет какую-нибудь женщину, которая займет ее место.

Когда Кристина увиделась с Джорджем Вулхэмом и сообщила о своем решении, он просто опешил, хотя и заверил ее, что привык к неожиданностям и к тому, что супружеские пары меняют свое решение задолго до того, как суд успевает вынести окончательный вердикт. Он был, как всегда, обаятелен и добр. Но она ясно видела, что он отнюдь не доволен, хотя и отзывался о ее поведении менее сурово и критично, чем Фрэн.

— Вы считаете меня совсем сумасшедшей? — спросила она.

Вулхэм откинулся на спинку кресла и уставился на большой письменный стол красного дерева, заваленный юридическими документами, связанными в пачки тесемкой. То были материалы, касавшиеся разводов и проблем других людей.

Ему хотелось помочь Кристине разобраться в ее проблемах. Он всегда с любовью относился к ней и к ее отцу, когда тот был жив. Он был потрясен больным видом этого бедного хорошенького создания. Луч солнца придал рыжевато-золотой оттенок ее волосам, выбивавшимся из-под маленькой соломенной шляпки. В ней Крис напомнила ему Джекки Кеннеди. Но перед ним сидела не самоуверенная счастливая молодая женщина. У Кристины был несчастный вид — казалось, она уже много ночей не спит.

— Расскажите мне все подробно, — попросил он. — Держу пари, что тут сыграла роль ваша совесть. Я прав? Да, я так и думал. У меня было такое ощущение, что вы, возможно, не выдержите, моя дорогая. Вас, похоже, огорчали всякие пустяки — ну, например, что дата судебного заседания совпадает с днем рождения Чарльза. Вы не помните, как я говорил вам, что нечего сентиментальничать по поводу дня рождения мужа, если уж вы его оставили? Не говорил ли я, что вы недостаточно тверды и недостаточно ненавидите Чарльза, чтобы пройти через процедуру развода?

— Да.

— Но дотянуть до сегодняшнего дня — бог ты мой! — Вулхэм вздохнул.

— Я знаю, — сказала она. — Я знаю, это должно казаться ужасно непоследовательным.

— Вы позволите мне повидаться с Чарльзом и предложить ему не требовать вынесения окончательного вердикта?

У него мысль работала в том же направлении, что и у Фрэн. Но Кристина ответила ему так же, как ранее сказала подруге, — она не станет просить Чарльза ничего отменять. Она слишком хорошо его знает. То, что начал, он должен довести до конца. Она не выйдет замуж за Филиппа, но это не меняет главного: она была неверна Чарльзу. Почему ей следует ожидать, что он ее простит?

15

Брат Кристины, получивший звание полковника авиации, должен был в октябре вернуться с Дальнего Востока, чтобы занять новый пост на базе Королевских ВВС возле Эпинга.

На следующий день после того, как Кристину посетила Фрэн, пришло письмо от Джерими, подбодрившее Кристину. Из ее собственной семьи у нее остался на свете один только брат. Она хотела поскорее увидеться с ним. Это был единственный человек, рядом с которым ей хотелось теперь быть. Она упросит его сразу же увезти ее куда-нибудь подальше от всего, связанного с Чарльзом и разводом.

И все-таки, прочитав его послание, Крис ощутила беспокойство и тревогу. Джерими не писал длинных писем, но он никогда не забывал передать привет своему зятю. Это письмо не составляло исключения. В нем говорилось: «Наилучшие пожелания старине Ч. и поцелуй Кокосовому ореху».

Эти строчки относительно Чарльза и Уинифрид были просто ужасны. Они заставили ее почув-

ствовать себя трусихой. Ей надо было давно написать Джерими и сообщить ему о предстоящем разводе. Она же лицемерила, даже не намекая о разрыве с Чарльзом. Когда Джерими вернется, ей предстоит многое объяснить. Впрочем, она даст ему дневник — эту роковую книгу. Брат прочтет ее. Когда он оправится от первого потрясения, узнав о ее уходе от Чарльза, то будет к ней добр и позаботится о ней — в этом она была уверена.

В данный момент Кристина чувствовала себя неважно. А позаботиться надо было о многом. Прежде всего предстояло решить чисто деловые проблемы. Владелец квартиры должен был вернуться из-за границы в Лондон и хотел получить свое жилище обратно. После того как Кристина приедет из Фринтона, ей придется подыскать для себя другое место.

Она оказалась в совершенно ином положении, чем в свое время ожидала. Теперь не будет Филиппа, с которым она могла бы жить. И ей придется зарабатывать себе на жизнь. Все драгоценности, которые когда-либо дарил ей Чарльз, она оставила в Корнфилде для Диллиан, взяла только бриллиантовую брошь, принадлежавшую когда-то ее бабушке. Крис дошла до такой крайности, что начала уже подумывать о том, чтобы

продать ее.

Джордж сообщил ей по телефону, что Чарльз предложил оплатить расходы, связанные с поездкой к морю во Фринтон. Эта щедрость ее расстроила. Она отказалась принять деньги. За отдых Джеймса и Диллиан она намерена была заплатить из своих личных средств.

У нее появилось ощущение, словно она уже долгие годы не виделась с Чарльзом. Она не слышала его голоса даже по телефону. Казалось почти невероятным, что можно прожить с человеком одиннадцать лет и вот так от него отдалиться.

Накануне того дня, когда она должна была встретить детей на вокзале «Виктория» и повезти их к морю, ей позвонила старая кухарка.

Ее каждый раз трогало то, что эта старуха с весьма строптивым нравом, которая в прошлом так часто сетовала на судьбу, поддерживала с ней связь.

— Случилось что-нибудь? — спросила Кристина. — Говорите погромче, миленькая, я вас почти не слышу.

Ответа не последовало. Кристина поняла, что женщина плачет.

— Милая, алло! В чем дело? Говорите же. Не плачьте. Что случилось?

— О мадам! О мадам!.. Это до того ужасно… до того ужасно. Я просто не в силах вам сказать.

Когда зазвонил телефон, Кристина стояла. Теперь она села, почувствовав, что у нее подгибаются колени.

— Ради всего святого, перестаньте плакать. Что случилось?

Кристине приходилось выуживать из старухи правду… Постепенно, слово за словом.

Когда поняла, что произошло, у нее появилось такое ощущение, словно ее ударили по голове. В это невозможно было поверить.

Мистер Аллен, сообщила кухарка, ехал в своем «ягуаре», и с ним случилась ужасная авария. Он повез свою мачеху и молодого Джеймса в Чичестер. Дилли тоже должна была поехать с ними, но из-за сильной простуды тетя Уинифрид велела ей оставаться в постели. Это счастье, рыдала она в телефон, иначе и Дилли оказалась бы в машине. В Корнфилде только что побывал местный полисмен, который сообщил о несчастье, а также попросил дать адреса адвоката мистера Аллена и его ближайших родственников. Кухарка не могла назвать адреса адвоката, но она знала служебный номер телефона мистера Аллена и сообщила его полиции. А потом она решила позвонить в Лон-

дон мадам и умолить ее немедленно приехать к бедной малютке Дилли. Кухарка добавила, что не сказала девочке о случившемся. Но надо, чтобы когда Дилли узнает, мама была около нее.

— О господи! — воскликнула Кристина. — Что же случилось? Бога ради, скажите главное!

Рыдая, кухарка сообщила, что «ягуар» попал в катастрофу на главном дорожном перекрестке в миле от дома. Водитель огромного бензовоза не справился с управлением, цистерну развернуло поперек шоссе, и она ударила в бок машины мистера Аллена. Миссис Аллен, сидевшая рядом с водителем, была убита на месте. Маленький Джеймс, находившийся сзади, умер, когда его вытащили на шоссе. Мистера Аллена с тяжелыми ранениями отвезли в больницу. Никто не знает, останется он в живых или нет.

— О мадам, боюсь, это будет для вас страшным ударом, — простонала кухарка. — Наш бедный маленький Джеймс. И тетя его тоже погибла. Ах, это так меня потрясло! Все время дрожу, не могу остановиться…

Она продолжала что-то возбужденно говорить. Кристина сидела молча, сраженная ужасом происшедшего, словно парализованная.

Потом, когда старуха начала расписывать

подробности, она мысленно представила себе кошмарную картину: Джеймса, ее маленького сына, задавили насмерть. Внезапно ее чувства сжили, нервы напряглись, и все тело сжалось в каком-то спазме. Она с трудом удерживала в руке телефонную трубку. Кристина снова и снова повторяла:

— Джеймс! Джеймс! Джеймс!

Кухарка продолжала бормотать свое:

— Мистера Аллена увезли в Арундельскую больницу. Возможно, его сейчас уже нет в живых. Автомобильная ассоциация договаривается о том, чтобы отбуксировать «ягуар» с места аварии. Они говорят, что он разбит вдребезги. Дилли, бедный ягненочек, находится сейчас наверху, читает в постельке книжку и, ничего не ведая, чувствует себя вполне счастливой, но в скором времени придется ей сказать, почему папа, тетя Уинифрид и Джеймс не вернулись домой. Мадам, пожалуйста, приезжайте сейчас же, — рыдала старуха. — Кто-то должен быть рядом с крошкой. Мать обязана о ней позаботиться, хотя я знаю, мадам, что это будет для вас не очень удобно.

Кристина рассеянно слушала кухарку. С мучительной болью она вспоминала Джеймса, каким видела его в последний раз. Он очень вырос. Он

всегда был крепким, как Чарльз, и страшно увлекался спортом — именно поэтому он и являлся любимчиком Уинифрид. Он просил Кристину в следующий день рождения подарить ему футбольный мяч.

Джеймс был далеко не ангелом… Иной раз он бывал дерзок, даже груб и непослушен. Но он — плоть от ее плоти, с острой мукой думала Кристина. Как она обрадовалась, когда он родился, обрадовалась, что родился мальчик! Он был красивым ребенком с золотыми кудряшками и большими голубыми глазами — упитанный, розовый, полный сил младенец.

Теперь он умер!

— О боже! — произнесла вслух Кристина. — О боже! Почему надо было случиться такому? Ну, почему, почему?

— Вы слушаете, мадам? — шмыгая носом, спросила кухарка. — Не можете ли приехать прямо сейчас, мадам? Я не могу сама сказать бедняжке Дилли.

— Да, — ответила Кристина. — Я приеду. Я сейчас же возьму машину напрокат и буду примерно через два часа… Предоставьте мне поговорить с Дилли.

Она положила трубку и закрыла лицо руками.

Каким-то образом надо собраться с силами, чтобы справиться с ужасной бедой. Ей предстоит сделать много дел. Она должна поехать в Корнфилд. Ее место рядом с бедняжкой Дилли, которая потеряла всех, на данный момент — даже отца. Чарльз не будет иметь ничего против ее пребывания в доме. Да и вообще он в таком состоянии, что это вряд ли может иметь для него значение.

Кристина заказала машину, затем в справочной узнала номер телефона Арундельской больницы. Когда ей сообщили номер, она позвонила старшей сестре.

Той на месте не оказалось. Одна из сестер рассказала Кристине о Чарльзе. Он все еще в операционной. У него сломаны обе ноги, на груди порезы и ушибы, на лице рваные раны. Недавно состояние его было критическим, но теперь улучшается. Два переливания крови спасли его. Он чудом уцелел.

Кристина положила трубку и принялась укладывать вещи в саквояж. На ее лицо было страшно взглянуть. Ей то и дело приходилось вытирать лоб. Пот градом катился по щекам. Ей было трудно дышать. За весь год не было еще такого душного дня. Лондон изнывал под лучами жаркого сентябрьского солнца.

Значит, у Чарльза сломаны обе ноги. Это не смертельно. Он остался жив. Но когда к нему вернется сознание, придется сказать, что его сын, его обожаемый Джеймс, погиб в катастрофе. И Уинифрид тоже. Он любил Уинифрид.

— Эту ночь я проведу с Дилли, а потом мне надо поехать повидаться с Чарльзом, — говорила сама с собой Кристина, тупо оглядывая неприбранную спальню.

И тут ее внезапно поразила мысль: «Я могла сейчас находиться в Париже с Филом, меня могло здесь не быть, чтобы приглядеть за Дилли и помочь Чарльзу. — Направляясь к автомашине, она продолжала размышлять. — …Это счастье, что я не уехала в Париж. О боже… Джеймс, Джеймс, Джеймс!»

16

Следующие сутки оказались тяжелым испытанием. Сначала поездка до Арунделя. Прибытие в Корнфилд. Она никогда не рассчитывала снова войти в знакомый холл. Снаружи ничто, казалось, не изменилось и было столь же прекрасным, как всегда. Но, очутившись в доме, она почувствовала, что царящая здесь атмосфера нестерпима. Для нее она таила мрачную тишину смерти.

Кухарка встретила ее причитаниями. Она последовала за Крис наверх, все время говоря об этом бедном маленьком ангелочке Джеймсе. При его жизни она отзывалась о нем совершенно иначе. Часто она относилась к грубому и непослушному мальчику просто враждебно. Но в ее глазах смерть превратила его в ангела.

Кристина направилась прямо к Диллиан. Девчушка сидела в постели и сопя трудилась над картинкой-головоломкой. В комнате пахло камфорным спиртом. Если не считать покрасневшего маленького носика, личико Дилли казалось совсем белым, волосы ее спутались. В спальне царил хаос. Кухарка, не признававшая свежего

воздуха, позакрывала все окна. Она придерживалась также малопонятного предписания: при простуде — корми, при высокой температуре — держи в голоде. Поднос, стоявший у постели Дилли и доверху заваленный всевозможной едой, оставался нетронутым.

Кристина была уверена, что до конца своих дней не сможет без боли вспоминать, какой она увидела Дилли. В маленькой фигурке, одетой в цветастую ситцевую пижаму, чувствовались одиночество и удрученность, хотя Кристина и знала, что до несчастного случая за девочкой заботливо ухаживали и тетя Уинифрид, и Чарльз. Дилли отбросила в сторону картинку и протянула к матери руки с криком:

— Мамочка-а-а!

Кристина сбросила жакет, села на кровать и обняла маленькое тельце. Она целовала влажный лоб дочки, приглаживала спутавшиеся локоны. Волосы Дилли, как и ее собственные, имели рыжеватый оттенок. Со временем девочка все больше походила на мать. В следующую минуту они плакали уже обе. Пытаясь справиться с рыданиями, Кристина обратилась к кухарке, маячившей где-то сзади:

— Пожалуйста, откройте все окна, и в моей

комнате тоже, будьте добры, откройте.

— Ваша с мистером Алленом спальня заперта с момента вашего ухода. Постели не проветривались, — ответила старуха.

— Я через минутку сама все посмотрю.

— Мистер Аллен спит теперь в своей гардеробной, — добавила, шмыгнув носом, кухарка. — А что мне делать со спальней бедного ангелочка Джеймса?

— Ах, да ничего, ничего! — воскликнула Кристина.

Она сжала зубы, раздраженно дыша. Еще минута, думала Крис, и она выставит старуху из комнаты. К счастью, Дилли принялась ныть, что ей ужасно хочется пить. Крис попросила принести какое-нибудь холодное питье, и кухарка торопливо отправилась за ним.

Когда Кристина осталась с Дилли одна, девочка продолжала цепляться за нее и начала уже икать от рыданий:

— Ты не должна опять уезжать, не уезжай!

— Я не уеду. Даю тебе слово — я не уеду!

— О мам, а когда вернется Джэй-Джэй! Где папа и тетя Уинифрид?

Эти стоны и вопросы были настоящей пыткой для Кристины.

«Надо довести дело до конца, — размышляла она. — Лгать не годится».

Она обтерла как следует влажной губкой личико девочки, привела в порядок постельку и поудобнее устроила ее. Когда в окна проник ароматный летний воздух, остудивший душную комнату, дышать стало легче. Наконец она закурила сигарету, чтобы успокоить нервы, и села на постель к Дилли.

Перед этим она вышла из детской ванной комнаты и задержалась у открытой двери в комнату Джеймса. Кристина почувствовала себя дурно, увидев лежавшую на постели биту для игры в крикет. Она вспомнила, как сын обрадовался, когда тетя Уинифрид подарила ее ему на Рождество. Долгую мучительную минуту она смотрела также на рельсы игрушечной железной дороги «Хорнби», протянувшиеся через всю комнату. Потом она убежала.

Нет, надо попытаться сейчас думать только о Дилли.

Она сидела, держа в руке пальчики ребенка. Руки у Дилли поразительно похожи на отцовские — сильные и какие-то квадратные. Кристина сказала:

— А теперь, детка, ты должна быть очень храб-

рой девочкой и постарайся больше не плакать, хотя я должна сказать тебе нечто очень печальное.

Дилли не обратила внимания на ее слова и устремила на мать скорбный взгляд:

— Почему тебя не было, когда мы вернулись домой на каникулы? Почему мы всегда должны жить с тетей Уинифрид?

— Тебе этого не понять. Мне придется объяснить все, когда ты станешь немного постарше. Наверное, я вела себя очень глупо, Дилли, но мне хотелось отдохнуть совсем одной, вот я и уехала. Мне жаль, если из-за этого ты чувствовала себя несчастной.

Она понимала, ее объяснение звучит неубедительно и не помогает делу, но просто не могла придумать, что еще сказать. В голове у нее так все перепуталось. Жуткая боль от сознания, что Джеймс мертв, билась в мозгу, не отпуская ни на секунду.

— А почему ты вела себя глупо, мама? — захныкала Дилли.

— Сейчас это неважно. Слушай, что я скажу тебе.

— А можно я сегодня буду спать у тебя в спальне — мне так хочется! — Дилли продолжала сбивать

мать. — Папа там больше не спит. Можно я займу кровать рядом с твоей?

— Да, можно.

— Хорошо, — удовлетворенно сказала Дилли, подняла коробку с бисером и высыпала его на ладошку. — Красный цвет, правда? Его принесла тетя Кэт и посоветовала сделать из бусинок ожерелье для Розмари. Тетя Кэт приходила к нам вчера на ленч. Мы с Рози купались. Когда я выходила из воды, тетя Уинифрид сказала, что ветер холодный. Вот так я и простудилась.

Она продолжала болтать. Теперь девчушка повеселела. Кристина с болью смотрела на нее. Как это ужасно — снова расстроить ребенка. Но ведь Дилли обожала Джеймса, и, когда он сегодня вечером не вернется, она станет задавать массу всевозможных вопросов. Ужасную правду просто необходимо сказать.

Кристина попыталась призвать на помощь религию, веру, Господа Бога, которого дети, еще совсем маленькими, называли «Бог-Отец». Они и сейчас звали его так же. Кристина сказала, что папе ужасно не повезло и в их «ягуар» врезался громадный грузовик. Джеймс и тетя Уинифрид сильно пострадали и… отправились к Богу-Отцу. Сейчас они спят, а проснутся на небесах. На земле

Дилли их больше не увидит, но наступит день, когда она снова встретится с ними в раю.

Самой Кристине казалось, что все это звучит так пошло, так ужасающе банально, что она кусала себе губы, произнося эти затрепанные слова. Но что еще можно сказать маленькой девочке? Как еще могла она смягчить удар, если не с помощью этих традиционных слащавых фраз, без которых в викторианскую эпоху не обходилась ни одна детская? Даже в наши дни торжества науки и реализма можно ли сделать так, чтобы уму и сердцу восьмилетнего ребенка было легче воспринять во всем ее зловещем значении внезапную трагическую смерть близких?

Дилли молчала, глядя на мать. Глаза ее все расширялись, рот был открыт. Сначала она, как видно, не все поняла. Потом личико ее сморщилось, и она начала забрасывать мать вопросами, перемежавшимися с рыданиями.

— Почему Джеймс и тетя Уинифрид отправились к Богу-Отцу? Почему я не могу их увидеть до тех пор, пока сама не попаду на небеса?

Почему? Почему? Почему? Каждый вопрос был как еще один гвоздь, который загоняли Кристине в мозг. Она никогда не думала, что сможет пережить что-нибудь столь ужасное. Кончилось

все так же скверно, как и началось. Дилли, перепуганная, плачущая в полный голос, повисла у ней на шее и умоляла не отправляться тоже к Богу-Отцу. Она расспрашивала о бедном папочке. Сильно ли он ранен? Когда он вернется домой?

Пока Кристина, оцепенев, сидела на кровати, держа дочь за руку, в сознании ее мелькали, сменяя одна другую, темные отчаянные мысли.

Когда она была страстно влюблена в Филиппа и все ее силы, весь жар сердца были сосредоточены на нем, она пыталась убедить себя, что Дилли не обратит внимания на развод. Дилли, рассуждала она, ребенок не сентиментальный. У нее не очень развито воображение. Как же она ошибалась!

Если бы Крис знала, до чего Дилли чувствительна, она никогда бы ее не оставила. Впрочем, теперь она не могла этого утверждать. Она была не только дурой, но еще и лицемеркой. Она была жестокой, думала только о собственных чувствах, не заботясь о бедах и трудностях других обитателей этого дома. Страшно даже подумать, до какой степени она стала рабой влечения к Филиппу. Вспоминая свою безумную страсть, уход от Чарльза и отъезд из Корнфилда, она испытывала отвращение к себе и чуть ли не ненависть к Филиппу.

В конце концов ей удалось успокоить Дилли и

перенести ее в спальню. Кухарка помогла застелить обе стоявшие рядышком кровати.

Дилли находилась в состоянии шока. У нее поднялась температура. Кристина дала таблетку и охлажденный фруктовый сок, задернула шторы, чтобы в комнате стало темно, уселась рядом с девчушкой и держала ее руку в своей, пока совершенно измученная Дилли наконец не заснула.

После этого Кристине пришлось заниматься малоприятными делами, и у нее не было больше времени терзаться мыслями о прошлом.

Телефонный звонок в больницу не принес утешительных известий о Чарльзе. Ей сказали, что он все еще без сознания.

Кристина позвонила в Лондон Холландерам. Норман был потрясен ее сообщением, так же как и адвокатская фирма, услугами которой Чарльз пользовался в деловых вопросах. Затем она позвонила в полицию и в автомобильную ассоциацию — по поводу машины Чарльза.

Тела Джеймса и Уинифрид были отправлены в морг. Теперь Кристине предстояло пройти через ужасную процедуру опознания. Она не в силах была сделать это одна. С ней отправился местный врач, Брайен Пил, славный и добрый молодой человек. Он заставил ее перед выездом из Корн-

филда выпить рюмку крепкого вина и сам довез до морга.

Пил, конечно, слышал о том, что мистер и миссис Аллен расстались и читал об их разводе, но хорошо, что в такой момент, как сейчас, миссис Аллен нашла в себе силы вернуться и сделать для своей семьи все, что может. Он всегда восхищался этой высокой, красивой, молодой женщиной с рыжевато-каштановыми волосами. Иногда он находил, что Кристина выглядит взвинченной; его несколько раз приглашали и просили выписать ей снотворное и транквилизаторы. Он, разумеется, понимал, что Чарльз Аллен — человек, с которым нелегко жить, и что супруги между собой не ладят.

Сейчас Кристина напоминала человека, превращенного в камень. В лице у нее не было ни кровинки, глаза запали, но она владела собой лучше, чем прежде. Когда они ехали в Арундель, она сказала доктору:

— Я хочу, чтобы вы знали: в Лондон я не вернусь. Я останусь в Корнфилде с Дилли. И проживу там столько времени, сколько во мне будет нуждаться мой муж. Если вас кто-нибудь спросит, доктор Пил, вы можете сказать, что ни за кого другого я замуж не выхожу. С той историей по-

кончено.

Брайен Пил посмотрел на нее и кашлянул.

— Вот умница! — сказал он.

«Умница, — мысленно повторила Кристина. — О боже, это она-то умница?! Какие странные вещи люди говорят иной раз!»

Она даже не держалась за руку врача, когда, стоя рядом с ним, смотрела на своего маленького сына. Она вытянула руки по швам, как солдат по стойке «смирно». Она с трудом узнала Джеймса. Мертвый, он стал каким-то чужим. Лицо его не пострадало. Раздавлено было только тело — это когда-то сильное, энергичное маленькое тело. Под простыней оно выглядело крошечным. Лицо мальчика было такое восковое, такое трогательное, что все струны, когда-то привязывавшие ее сердце к сыну, задрожали. Оно вызвало в ней сильнейшее ощущение стыда и новое острое сознание вины перед ним за то, что она его бросила. Она говорила себе, что он, возможно, и не поехал бы никуда, будь она в то время дома.

Опознание Уинифрид также было тяжким испытанием. И тут ей показалось, что перед ней кто-то незнакомый. Это большое неподвижное тело не могло быть телом Уинифрид. Из-за тяжелых головных травм лицо ее было накрыто. Кристина

опознала Уин по ее левой руке с кольцом-печаткой, которое всегда придавало ей мужеподобный вид. Рука эта была когда-то такой сильной!

Кристина содрогнулась и внезапно почувствовала, что ее вот-вот вырвет. Она попросила доктора вывести ее на воздух. К тому времени, когда она приехала в больницу повидать Чарльза, она чувствовала себя совсем больной.

Но на помощь Крис пришла скрытая в глубине ее натуры сила характера. Она мучительно преодолевала каждое новое испытание. Сама мысль о свидании с Чарльзом приводила ее в ужас. Они разошлись, но суд решение еще не признал окончательным. Пока что ни он не был полностью свободен от нее, ни она от него. А если Чарльз даже видеть ее не захочет, думала Кристина, но все же надеялась, что поможет ему и что он не отвергнет ее. Она надеялась также, что Чарльз позволит ей остаться в Корнфилде с Дилли. Как бы он ни презирал и ненавидел ее, он не поступит так, хотя бы ради Дилли.

Сестра, заведовавшая травматологической палатой, ничего не знала о личных делах своих больных. Она считала само собой разумеющимся, что Кристина — жена мистера Аллена, и повела ее в палату.

— Ваш муж спасся чудом. Он потерял очень много крови. Те два переливания спасли его. Хирург, который его оперировал, вставил ему в коленную чашечку правой ноги проволоку. Колено было очень сильно повреждено. Со второй ногой еще хуже — раздроблена голень. Ну и, кроме того, конечно, имеется множество серьезных порезов и ссадин. Он страшно потрясен, бедняга!

— А он знает о… о нашем мальчике? — спросила Кристина.

Сестра посмотрела на нее с состраданием и некоторым любопытством. Потом, в разговоре с другой сестрой, она заметила, что миссис Аллен, с ее высокой фигурой и роскошными каштановыми волосами, просто очаровательна. И к тому же у нее поразительное самообладание — эту черту сестра одобряла. Ей приходилось иметь дело со многими слишком истеричными родственниками, которые очень ей досаждали. Она ласково дотронулась до руки Кристины:

— Нет, мы ему не сказали. Решили, что лучше не надо. Мы предоставим это сделать вам — позднее. И о его матери тоже. О господи, до чего же кошмарная штука эти дорожные катастрофы! Просто ужас какой-то, и положение все ухудшается.

— Да, — сказала Кристина.

Затем она очутилась в травматологической палате, возле Чарльза. Его койка была отгорожена от других ширмой.

Теперь ей стало трудно сохранять самообладание. Чарльз с белым как мрамор лицом был почти так же неузнаваем, как Джеймс. Как неподвижно он лежал под одеялом! Его ноги были подвешены. Правую сторону лица от лба до подбородка пересекал глубокий порез. Часть волос ему сбрили, а остальные были скрыты под белой повязкой. В течение нескольких страшных секунд Кристина думала: «Он тоже умрет!»

Она села, сжав ладонями его руку. Ее сотрясала отчаянная дрожь. Она боролась с неудержимым желанием заплакать.

Казалось, не было этих одиннадцати лет непонимания, разочарования и вражды. Он так сильно пострадал! А когда вернется сознание, он услышит вести, которые причинят ему величайшую боль. Он стал, по крайней мере на время, предметом ее личных забот, словно один из детей: когда кто-нибудь из них заболевал, она всегда сама его выхаживала.

Кристина вспомнила холодный и злой взгляд, который бросил на нее Чарльз, когда они простились и она покинула Корнфилд. Думала о том,

как безумно была влюблена тогда в Филиппа. Сейчас Фил казался фигурой из какого-то внезапно оборвавшегося сна. Как теперь он далек от нее. Единственное, что осталось в ее мире, — это Чарльз и Диллиан, их боль и ее чувство вины перед ними.

Чарльз не двигался. Пальцы его безучастно лежали в ее руках. Чарльз был до того неподвижен, что она начала сомневаться, дышит ли он. Она плакала, когда взяла на руки Дилли и рассказала ей о Джеймсе. Теперь она снова, очень тихо, начала плакать. Сестра, стоявшая сзади, тронуло ее за плечо.

— Не волнуйтесь, моя дорогая. Он поправится. Пойдемте со мной, я дам вам чашечку чая. Когда он придет в сознание, мы вас известим.

— А могу я до тех пор остаться в больнице?

— Да, конечно.

— Можно мне позвонить домой дочурке и передать ей, что я задержусь? Мне хотелось бы также связаться с моей подругой.

— Я вас провожу к себе в комнату — там есть телефон, — сказала сестра.

Вместо Дилли к телефону подошла кухарка.

— Бедный ягненочек, — сказала она, — все еще спит.

— Я вернусь, как только смогу, — сообщила Кристина. — Но я должна подождать здесь, пока мистер Аллен не придет в сознание. Он еще не знает ни о миссис Аллен, ни о… ни о…

Кристина вдруг почувствовала, что не в силах выговорить имя сына, и умолкла. Она смертельно устала.

Кухарка сказала, что понимает ее состояние и, громко шмыгая носом, повесила трубку.

Кристина позвонила Кэт. Услышав голос Кристины, та ответила холодным тоном, но после того, как Кристина рассказала о случившемся, Кэт вдруг снова заговорила тепло и очень дружественно.

— Ах, бог ты мой, бедная вы моя! Какой это кошмар для вас! Никто не понимает вас так хорошо, как я! Бедная вы моя деточка! Как только Бобби вернется домой, я попрошу его отвезти меня, и мы останемся с Дилли. Она, возможно, захочет провести завтрашний день у нас.

— Нет, Кэт, я теперь не собираюсь выходить замуж за Филиппа. Я распрощалась с ним еще до того, как это случилось. Поэтому я могу сама остаться здесь, и Дилли будет со мной. Она чувствует себя очень неуверенно и страшно подавлена: для нее лучше пожить в родном до-

ме, Кэт. Но я была бы очень благодарна Бобби, если бы он завтра помог мне. Чарльз еще долго ничем не сможет заниматься, а предстоит… предстоит организовать… я говорю о Джеймсе и Уинифрид… — Голос ее надломился. — Я просто не справлюсь, — сказала она и заплакала.

— Мы с самого утра приедем в Корнфилд, — пообещала Кэт, преисполненная сострадания и самых дружеских чувств.

Позднее сестра предоставила Кристине кровать в одной из сестринских комнат. Вскоре молодая сестричка разбудила ее и сообщила, что мистер Аллен пришел в сознание.

Кристина встала. Она спала одетой. Юбка ее помялась, волосы растрепались. В таком виде она и вошла к Чарльзу.

Крис бросила на него быстрый взгляд. Он смотрел на нее с явным изумлением. Судя по всему, подумала она, меньше всего он ожидал увидеть ее. Он все еще находился под действием наркоза, но был в состоянии говорить. Усаживаясь возле его койки, Кристина дрожала от нервного напряжения и холода. Она не отважилась даже взять его за руку. Довольно глупо она сказала:

— Привет!

— Привет! — прошептал он. — Что происхо-

дит?

Говорил он медленно, с трудом ворочая языком.

— Ты находишься в Арундельской больнице, Чарльз. Ты попал в катастрофу в миле от Арунделя, на том самом перекрестке, который всегда называл очень опасным. Ты хоть что-нибудь помнишь?

Наморщив лоб, он смотрел на нее, моргая глазами. Она часто видела, как он хмурил густые светлые брови, когда бывал чем-нибудь озадачен. Крис испытывала какую-то странную материнскую тревогу за него. Теперь, когда его несчастные сломанные ноги были подвешены к какой-то перекладине, а его бледное лицо исполосовано ранами, он казался таким беззащитным, таким трогательным!

Чарльз внимательно смотрел на нее:

— Да… кое-что. Понемножку начинаю вспоминать. Этот грузовик — проклятая громадина — развернулся и перегородил дорогу. Я не смог удержать «ягуар». Да, конечно, теперь я все вспомнил. Мои ноги прижало. Боль была адская. Я потерял сознание.

— Да, — сказала она с нежностью.

Он продолжал смотреть на нее. Постепенно со-

знание полностью вернулось. Он начал замечать какие-то несущественные детали: распухшие красные веки, как будто она плакала. Заметил, что она не одета с обычной элегантностью: ее серый полотняный костюм измят, а обычно гладко причесанные и блестящие волосы — сегодня тусклые и неприбранные. Чарльз был поражен тем, что видит Кристину у своей постели.

— А ты-то что здесь делаешь? — вдруг спросил он.

— Я приехала, как только услышала об… аварии.

Она увиливала от ответа и отдавала себе в этом отчет.

— Спасибо, — вежливо сказал он. — С твоей стороны это весьма благородно, Крис, но ты не должна… Я хочу сказать… со мной все будет в порядке.

В этот момент ее бешено колотившееся сердце больше болело за него, чем за себя.

— Нет, я хочу остаться. Я хочу остаться с тобой и Дилли.

Выражение его лица изменилось. Как видно, Чарльз вдруг что-то вспомнил. Лицо его снова посерело.

— О боже! — воскликнул он. — Со мной были

Джеймс и Уинифрид. Что с ними, Крис?

— Ты не волнуйся сейчас. Постарайся снова заснуть. Я останусь и обо все позабочусь.

Он попытался сесть, но это ему не удалось. Задыхаясь, Чарльз произнес:

— Скажи мне. Черт побери, Крис, скажи мне.

Она не могла найти подходящие слова. Самообладание покидало ее. По щекам заструились слезы. Она взяла его руку.

— О Чарльз, Чарльз! — сказала Кристина. Она была в полном отчаянии.

— Ну что же случилось с ними? Скажи мне. Говори же!

— Не могу, — еле слышно ответила она.

— Они погибли? Да? Я убил своего сына и беднягу Уинифрид?

— Нет, ты их не убивал. Ты никого не убил. Виноват водитель грузовика. Полиции все известно. Они измерили следы, оставленные колесами при торможении. Все происшедшее видел еще кто-то, находившийся в другой машине. Это не ты. Ты будешь признан невиновным.

— Это неважно, — сказал он. — *Они погибли?*

— Да.

Вновь наступило молчание, такое долгое и такое горестное, что когда она наконец подняла

голову, увидела, что и по лицу Чарльза текут слезы. Она прижала его руку к груди. Она была в отчаянии. Видеть его муки было тяжелее, чем переносить свои собственные. Она его знала. Странный человек, чуждый всякой сентиментальности. Но Джеймс был его надеждой.

Спустя какое-то время Чарльз сказал:

— Бедный сынок, маленький мой! Бедный Джеймс!

Кристина вытерла его лицо своим платком.

— И бедная старая Уин. Я не могу в это поверить, Крис. Бог ты мой, надо же было такому случиться!

— Жалею, что умерла не я, — проговорила, рыдая, Кристина. — Лучше бы я, чем Джеймс!

Тут она почувствовала, как он высвободил из ее рук свои пальцы. Он поднял руку и дотронулся до ее волос:

— Спасибо, что ты пришла, Крис.

— Пожалуйста, не говори так! — прошептала она.

— А разве ты не должна вернуться к… к…?

— Нет, — прервала она. — Я хочу остаться с Дилли. Пожалуйста, позволь мне остаться в Корнфилде с Дилли. Можно?

— Бедная маленькая Дилли. Хорошо, что хоть

ее я не захватил с собой, правда?

— Ах, Чарльз, не надо!

— Ноги адски болят. Обе сломаны?

— Да, одна очень серьезно; другой перелом не слишком тяжелый. Но ты поправишься. Об этом ты можешь не беспокоиться. Ты будешь снова нормально ходить, врач заверил меня в этом. И вообще ты не должен ни о чем тревожиться. Я связалась с Норманом, и он скоро займется всеми твоими контрактами. Бобби говорит, что поможет мне во всем остальном. Ты не будешь возражать, если я поживу в Корнфилде и прослежу за всем?

Он снова нахмурился. По всей видимости, ему стоило больших трудов ясно мыслить и говорить.

— Нет, не буду, — сказал он.

— Я хочу остаться дома с тобой и Дилли, — снова и снова повторяла она.

Глаза его выражали недоумение. Кристина была уверена, что ей не следует продолжать разговаривать. Он что-то пробормотал. Она наклонилась, чтобы расслышать.

— О господи боже! О господи боже! — твердил он.

— Чарльз, позволь мне помочь тебе, — стала

умолять она. — Чарльз, потом ты можешь вышвырнуть меня вон, но пока разреши побыть с тобой и Дилли.

По-видимому, это до него дошло и как-то успокоило, потому что он протянул руку, снова дотронулся до ее волос и закрыл глаза. Лицо у него было ужасное. Случившееся его сломило — она это видела.

Кристина ушла из больницы только под утро, когда ей сказали, что Чарльз заснул нормально.

ДНЕВНИК КРИСТИНЫ. 17

Я не собиралась когда-либо продолжить этот дневник. После того ужасного телефонного звонка кухарки я подумывала о том, чтобы его уничтожить, и сейчас еще думаю, что со временем, может быть, так и сделаю. Я была страшно потрясена открывшейся мне собственной глупостью и безрассудством, так же как и глупостью других людей. Но я решила, что не могу бросить свою историю незаконченной. Я должна дописать ее до конца.

Сегодня, оглядываясь назад и вспоминая, как безумно любила Филиппа и как собиралась выйти за него замуж, я ясно вижу, как это было скверно с моей стороны. Видит Бог, я никогда не намеревалась использовать его как своего рода средство, которое помогло бы мне уйти от бедняги Чарльза. Но я столь же ясно вижу, что горячее чувство, соединявшее нас с Филиппом, вовсе не было ни таким уж замечательным, ни таким нетленным, как мне когда-то казалось.

Я часто думаю о Филиппе — с некоторой тоской,

но без особых эмоций и без глубокого ощущения потери. Я просто вспоминаю о нем как об обаятельной интересной личности и как о мужчине, который когда-то столь же страстно любил меня, как и я его. На какое-то время он действительно круто изменил всю мою жизнь. Я была бы лицемеркой, если бы отказалась признать, что мне порой не хватает того невероятного восторга, который вызывала во мне наша физическая близость. От такого переживания нельзя так просто избавиться и вести себя так, словно ничего этого не было. Мы с Филиппом были страстными любовниками. Всему, что я знаю о чувственной любви, научил меня он. Быть постоянной спутницей такого привлекательного и известного человека, как Филипп, тоже было волнующе-приятно. Я обожала его, восхищалась им.

Иногда, говоря о Филиппе, Фрэн спрашивала, как это я могла с ним порвать. Она так и не поняла меня. Я пыталась объяснить, что дело не в том, что я его разлюбила. В каком-то смысле я все еще люблю Филиппа и всегда буду любить. Но если говорить о браке с ним, то я достигла точки, после которой нет возврата к прежнему. Я прекрасно понимала, что если даже наши планы будут полностью осуществлены, в конце концов я

все равно его разочарую. Из-за Джеймса и Дилли я могла бы оказаться разорванной на части.

Я не испытываю даже циничного злорадства по поводу того, что Фил оправдал пророчество Фрэн и под влиянием разочарования женился через два месяца, после того как мы с ним расстались.

Фил сам сообщил мне об этом. Я получила от него два письма. Одно — полное сочувствия, отлично написанное в лучшем стиле Филиппа Кранли. В нем он выражал соболезнование по поводу моей утраты, гибели Джеймса. Другое, полученное чуть позже, извещало меня о том, что он намерен жениться.

Ее зовут Дениза. Он встретился с ней в Париже. Она вдова, примерно его ровесница, работает в одной из студий, где Фил ее впервые увидел. Он сообщил, что она остроумна и очаровательна, с плоским лицом и вздернутым носом. Похожа на персидскую кошку с красивыми зелеными глазами, писал он. Ему с ней весело. Кроме того, она замечательно готовит.

Должна признаться, я почувствовала словно укол в сердце, когда читала это письмо. Мне легко представить, что со мной Филиппу никогда не было по-настоящему весело. Я отвечала только его чувству прекрасного — цвет моей кожи и

волос, моя фигура, конечно, нравились ему. Но мало что понимала в том, как ставятся фильмы или пьесы, Дениза же принадлежала к тому же миру, что и он. Я думаю, они будут очень счастливы вместе. Я написала ему об этом, добавив: ему повезло, что он уберегся от меня.

Больше я ничего о нем не слышала, но видела фотографию, на которой молодожены выходят из маленькой церковки в Париже. Похоже, его Дениза — католичка. Я рассмотрела миссис Филипп Кранли через лупу. На фотографии она казалась очень маленькой — голова едва достигала его плеча. Вид у нее был элегантный. Она улыбалась красивыми кошачьими глазами, о которых он мне писал.

Желаю вам счастья, Филипп и Дениза!

Мысль об их свадьбе навсегда вытеснила чудесного любовника из моей жизни.

Я не хотела особенно долго продолжать этот дневник и удивлена, что веду его до сих пор. Однако остается еще кое-что рассказать о тех днях и неделях, что последовали за катастрофой.

Помню, в каком смятении и душевной неразберихе я жила в то время.

Я не в силах писать о похоронах. Хоронить своего ребенка, своего собственного сына, умершего

в столь раннем возрасте, — непереносимая мука. Я едва это пережила. После заупокойной службы поняла, что никогда уже не буду прежней. Я чувствовала себя старой, высохшей. Помню, молилась о том, чтобы Джеймс узнал теперь, как я жалею, что оставила его тогда, и чтобы он простил меня. Конечно, все это эмоциональная сторона моей натуры, которую так не одобряет Фрэн. Она была чрезвычайно ласкова со мной, и она, и Стив пришли на похороны. Когда все было кончено, возле меня находились и держали под руки Фрэн и Кэт. От душевной боли я стала полубезумной. Не хочу даже вспоминать.

Уинифрид оставила завещание, в котором просила ее кремировать, так что, слава богу, не пришлось устраивать двойные похороны — ее и Джеймса. Бедная старая Уин! Чарльз попросил меня не ходить на ее похороны, так как понимал, что мне более чем достаточно прощания с сыном.

Для меня это был тяжкий период, за которым последовало немало других трудных дней. Сломанные ноги и истерзанная душа приковали Чарльза к больничной койке. Это ужасно меня расстраивало. Я знала, что у него теперь слишком много времени для размышлений о Джеймсе и

Уинифрид и ничто не в состоянии помешать ему чувствовать себя отчасти виновным в катастрофе. Это неизбежно. Мне было легче, чем ему, так как у меня было очень много дел. Бобби Райс-Холкит был великолепным помощником. Я, бывало, слегка презирала его и думала, какой, мол, скверный муж у Кэт. Однако после несчастного случая с Чарльзом он проявил себя просто замечательно. Помогал он мне как нельзя лучше. Помогали и Норман Холландер, и адвокаты Чарльза, бывшие также адвокатами Уинифрид.

В то утро, когда состоялась кремация Уин, я чувствовала себя полумертвой. Я не могла себе представить, что ее нет в живых. Чарльз заказал венок, букеты роз от меня и от Дилли и еще один венок — от Джерими. Мой брат любил бедную старую Уин.

Мы с Уинифрид никогда не были особо дружны, но ее внезапная гибель как-то странно на меня подействовала. Я никогда бы не пожелала ей такой смерти. Она была всегда такой жизнерадостной! Я не вполне уверена, знают ли умершие о том, что происходит на земле с теми, кто остался жить, но, если знают, надеюсь, что Уинифрид поймет, что я не так уж эгоистична, как она думала. Действительно, я пережила немало разочарований,

столкнулась со множеством трудностей и сейчас пытаюсь осуществить то, чего ей больше всего хотелось: поставить ее любимого Чарльза на первое место в своей жизни — даже не Дилли, а именно его.

Поначалу Чарльз не нуждался в особом присмотре с моей стороны. Он был тяжело болен. По мере того как ему становилось лучше и он перестал принимать огромное количество наркотиков, сознание его прояснилось, и тогда он словно укрылся в какой-то раковине, к нему просто невозможно было пробиться. Я очень хорошо понимала это состояние. Он словно окаменел. Тут действовал всем известный защитный механизм. Он сам никогда не дотрагивался до моей руки и не проявлял никакого желания, чтобы я брала его за руку. Он был сдержан и вежлив и дал мне ясно понять, что никаких иных отношений между нами отныне не будет. По обоюдному согласию мы воздерживались от разговоров, которые могли бы разволновать его или меня. Один раз он спросил меня о том, как прошли похороны Джеймса, затем сказал, какой памятник хотел бы заказать на его могилу, но после этого долгое время даже не упоминал имени сына. Однако он явно беспокоился о Дилли и о том впечатле-

нии, которое могла произвести на нее смерть Джеймса. Когда я сообщила, что она оправилась после первоначального потрясения и, вполне довольная, уехала с Розмари в интернат, он, видимо, почувствовал облегчение. Я с удивлением наблюдала, как Чарльз тревожится за Дилли. Как быстро и трагично меняются времена…

Я бы с радостью оставила дочь возле себя — в большом доме стало теперь очень одиноко, там царила гнетущая атмосфера. Кроме Кэт и Бобби, меня никто не навещал. Иногда из города приезжала к ленчу Фрэн. Но в настоящий момент Дилли было лучше в школе, вдали от дома. Она нуждалась в обществе других детей. Однажды от нее пришло письмо, в котором она вспомнила рождественские каникулы.

«Слава богу, ты дома, мамочка, — писала Дилли. — Прошлые каникулы, когда тебя не было, прошли просто ужасно».

Итак, передо мной встала трудная и деликатная проблема. Вполне возможно, к тому времени Чарльзу позволят выписаться из больницы. Захочет ли он, чтобы я осталась в Корнфилде? Пока что мы еще не заговаривали о будущем, избегали этой темы.

Как правило, приходя к нему в больницу, я

приносила вещи, которые он просил, — чистое белье и тому подобное, — писала под его диктовку письма, делала кое-что из того, что он не мог доверить своим служащим, и пыталась, насколько могла, избавить его от каких бы то ни было забот и волнений.

За ним прекрасно ухаживали. Арундельские врачи уделяли ему много внимания, но, конечно же, строгий распорядок больничной жизни и вынужденное безделье раздражали его.

Единственное, что я могла сделать, — так это проследить за тем, чтобы Норман и деловые партнеры, с которыми Чарльзу хотелось встретиться, регулярно навещали его. Если они и удивлялись, снова увидев меня возле мужа, никто не обмолвился ни словом на этот счет. Все они вели себя достаточно дипломатично. Позднее газеты сообщили о женитьбе Филиппа — ведь он был популярным писателем. В нашем кругу скоро стало известно, что Чарльз не намерен требовать от суда окончательного вердикта.

Как-то раз вечером мне позвонил Джордж и сообщил: адвокаты Чарльза информировали его, что их клиент не намерен доводить свой иск до конца.

В каком-то смысле это сообщение принесло

мне облегчение, о чем я и сказала Джорджу.

— Мне кажется, — заметил он, — катастрофа заставила Чарльза полностью пересмотреть свою позицию. Он, возможно, захочет потребовать также отмены решения о разводе первой судебной инстанции.

— Возможно. Впрочем, не знаю, — сказала я. — Я его не спрашивала. Мы ни разу не говорили на эту тему.

— Вы прошли через настоящий ад, бедное дитя, — сочувственно произнес Джордж.

Да. Я была согласна с тем, что прошла через ад. Я и сейчас еще пребываю в аду. Чувствую себя такой одинокой в Корнфилде, более того, у меня такое ощущение, что сам дух мой сокрушен. У меня просто не осталось душевных сил, чтобы жить. Моя физическая и духовная энергия иссякла. Мне кажется: я умерла вместе с Джеймсом.

Спустя некоторое время я заперла спальню Джеймса.

Я была не в силах входить туда, видеть его вещи: крикетную биту, удочку, модели кораблей, которые он иногда строил. Я ничего не выбросила — ждала когда Чарльз вернется домой. Ведь на самом деле это не мой дом — я обязана помнить об этом. Окончательное решение должен при-

нять Чарльз, когда будет в силах. А до тех пор мне страшно хотелось помочь ему и хоть чем-то утешить.

По его указанию я взяла на себя труд распорядиться имуществом Уинифрид.

Мне пришлось отправиться в столь мучительно-знакомое путешествие в Саут-Норвуд, чтобы упаковать ее личный архив и ценные вещи и отправить их в Корнфилд, где Чарльз впоследствии все это пересмотрит. Одежду я отдала преданной приходящей прислуге, которая увезла все в захваченной на этот случай пустой детской коляске. Дом я решила продать. Мебель отправлялась на склад на хранение до тех пор, пока Чарльз не решит, оставит ли он что-либо себе. Тем временем из завещания Уинифрид мы узнали: она все, что имела, оставила нашим детям. Теперь, разумеется, это означало — одной только Дилли. По достижении совершеннолетия она должна получить около двадцати тысяч фунтов.

В то холодное унылое ноябрьское утро, что я провела в доме Уинифрид, я чувствовала себя больной и несчастной. Уже на пороге мне показалось, что слышу ее резкий голос, ее скрипучий смех. Я смотрела на клюшки для гольфа, выстроенные вдоль стены в холле. Трудно поверить, что

она никогда больше не возьмет их в руки, что ее не стало. Она обратилась в пепел. Все эти мысли действовали удручающе.

До чего жестокой может быть жизнь! Как страшна смерть, особенно внезапная, трагическая гибель. Как бы мне хотелось быть религиозной и верить в рай и во все те замечательные вещи, которые верующие люди признают само собой разумеющимися: в то, что мертвые встанут из могилы и что все мы встретимся. Мне страшно хочется верить, что я снова увижу своего маленького сына. Но я не могу — не могу быть в этом уверена.

Мы с Чарльзом ежедневно обсуждали практические дела, которые надо сделать, или же говорили о новостях дня, о погоде или о том, как учится Диллиан в школе. Всякий раз, когда я входила к нему в комнату и садилась возле кровати, Чарльз смотрел на меня без какого-либо особого выражения в глазах и едва улыбался.

— Привет, Крис! — говорил он, словно бы никакой драмы и развода никогда не было. А когда я уходила, он говорил: — До свидания. Спасибо, что навестила меня.

И все.

Я сказала ему о принятом мной решении не

уходить к Филиппу и сделала это еще до того, как Фил женился на своей Денизе. Я была рада, что могу с полным основанием сказать, что рассталась с Филиппом до катастрофы. И он, конечно, даже не спросил, почему я передумала. Он просто с любопытством взглянул на меня и сказал:

— Наверное, тебе виднее.

— Да, — сказала я. — Боюсь, я поняла, что мне не следовало этого делать.

И я почувствовала, как кровь бросилась мне в лицо.

Он повторил:

— Ну что ж, тебе виднее.

Мои слова, по всей видимости, не обрадовали его и не огорчили.

Помню, в то время явное его безразличие настолько меня задело, что я попыталась добиться от него чего-нибудь более вразумительного.

— Ну что ж, все сложилось к лучшему, ты не представляешь, как я благодарна судьбе за то, что оказалась свободной и, значит, способной помогать тебе и Дилли, и как мне радостно снова очутиться в Корнфилде.

И тут я заметила, что и на его лице проступила краска. Он стал очень худым и изможденным. Волосы на висках совсем поседели. Он казался

состарившимся на много лет. Чарльз смущенно сказал:

— Конечно, ты оказала мне громадную помощь, Крис. Спасибо тебе за все, что ты сделала.

Я резко встала и ушла. У меня стоял комок в горле, но я не собиралась на глазах у Чарльза давать волю эмоциям. У меня не было на это права. Мне стало даже стыдно, что вытянула из него словечко благодарности. Но я вдруг ощутила непреодолимую потребность в том, чтобы меня похвалили, выразили хоть какое-то чувство привязанности. Мне необходим был пусть самый маленький знак, что Чарльз не питает ко мне ненависти и презрения.

Я была так жутко одинока в то время.

В те дни, когда не ходила к Чарльзу в больницу и была свободной от его поручений, я начала работать в саду. Я стала больше заниматься хозяйством и по вечерам обычно чувствовала себя настолько уставшей, что могла только принять горячую ванну и лечь в постель.

Старая кухарка, которая так долго была нашим другом и опорой, внезапно покинула нас — против своего желания, ибо всех нас любила. Но ее единственная замужняя сестра овдовела, так что старушка решила переехать к ней. Я даже

в каком-то смысле обрадовалась ее уходу, хотя и знала, что найти замену будет нелегко. Она упорно продолжала говорить о Джеймсе, своими тяжкими воспоминаниями и вечными слезами терзая мое сердце.

Я спросила Чарльза, что, по его мнению, должна предпринять в связи с уходом кухарки, и получила неожиданный ответ:

— Это от тебя зависит. Найми, кого сочтешь нужным.

Впервые с тех пор, как я его оставила, он дал понять, что признает за мной какие-то права. Было ли это его согласием на то, чтобы я продолжала управлять за него Корнфилдом? Я ушла из больницы в приподнятом настроении. Мне в самом деле хотелось хоть чем-то доставить ему удовольствие. Он выглядел таким грустным и суровым. Я поняла, с каким ужасом ждала, что он велит мне убраться из Корнфилда и уехать куда-нибудь без Дилли. Я цепенела при одной мысли о том, что рискую снова расстаться с дочерью.

Конечно, глупо притворяться, что я начинаю питать прежнюю сентиментальную привязанность к Чарльзу или испытываю к нему физическое влечение. Этого не было. К этому мы уже больше никогда не вернемся. Слишком много на-

копилось горечи и горя. Любовь, существовавшая между Чарльзом и мной, когда мы только что поженились, умерла. Мне уже и Филипп больше был не нужен. У меня появилось ощущение, что я никогда больше не пожелаю страстной любви какого-либо мужчины. Чего мне хотелось — так это чувствовать, что я нужна. И для меня была непереносимой мысль о том, чтобы во второй раз покинуть свой дом и оборвать старые связи.

Я была разочарована тем, что Джерими не вернулся в Англию. Совершенно неожиданно он сообщил, что его посылают в какой-то район Центральной Африки, где происходят беспорядки. Значит, рассчитывать на его общество мне не приходилось. Я до сих пор ничего еще не рассказала ему о разводе. Но мне пришлось написать о Джеймсе и бедняге Уинифрид. Я знала, что он очень расстроится и будет глубоко сочувствовать Чарльзу и мне.

Скоро Чарльз сможет на специальной машине перебраться из больницы домой.

— Мне придется регулярно посещать больницу для сеансов физиотерапии и тому подобных вещей, — сказал Чарльз. — Я должен снова научиться ходить. Но сейчас мне совершенно необходимо вернуться домой. Я так им и сказал.

К тому же им нужна моя койка.

— Правильно, — одобрила я. — Я позабочусь, чтобы твою постель как следует проветрили, и, если захочешь, перенесли кровать в кабинет. Там можно будет устроить ее так, что тебе даже не придется пользоваться лестницей и при этом ты сможешь видеть все происходящее в доме. Легче будет и подносы с едой носить.

— Мне кажется, это неплохая мысль, — согласился Чарльз.

Он провел рукой по волосам. Порезы на его лице зажили, синяки исчезли. Остался только один глубокий шрам.

— Я хочу, чтобы мне привели в порядок волосы на затылке, — нахмурившись, сказал он. — Какая-то кошмарная стрижка. Да, кстати! Ты привезла домой все бумаги бедняжки Уинифрид? Я должен их просмотреть.

— Да, они все дома.

Вдруг он заявил:

— Право же, ты оказалась исключительно полезным и умелым помощником, Крис. Наверняка, это стоило тебе немалых сил.

От похвалы у меня потеплело на душе. Впервые его жесткие глаза казались совсем мягкими и дружелюбными.

— Ничего, справлялась, и все наши друзья замечательно помогали мне, — сказала я.

— Когда я снова буду ходить, станет легче. Меня убивает эта проклятая необходимость все время лежать неподвижно. Даже сидеть в коляске для меня недостаточно. Я не дождусь, когда смогу ступить ногами на землю.

— Это естественно, Чарльз.

— Хорошо, что ты умеешь водить машину. Я еще долго не смогу сесть за руль, если вообще смогу когда-либо.

Я заметила, что он нервно кусает губы.

— Кстати, как ведет себя твой маленький фургончик? — спросил он.

— Прекрасно. Он отлично заводится даже в такую погоду…

— Мне показалось, ты сегодня немного замерзла на улице, — сказал он и посмотрел на серое небо, унылый, декабрьский пейзаж за окном.

— Дома очень тепло, — заметила я, пытаясь удержать разговор на небрежной, не слишком серьезной ноте. — Центральное отопление работает хорошо.

— Как ты находишь эту твою новую женщину — ту, что ты наняла? — поинтересовался Чарльз.

Моя женщина… он говорит так, словно это

мой дом и моя прислуга, подумала я. И впервые почувствовала уверенность в том, что он не собирается прогнать меня из Корнфилда, когда вернется домой.

Я сказала, что Фоска, итальянская девушка, которую я наняла на место кухарки, по всей видимости, окажется ценным приобретением. Может, слишком темпераментна, но полна желания работать, особенно же хорошо у нее получается паста — всевозможные блюда из теста. Чарльз будет получать прекрасные спагетти, которые так любит.

— Это хорошо, — сказал он с легкой улыбкой.

Я вынула из сумки последнее письмо от Дилли и протянула ему:

— Она сожалеет, что не смогла написать и тебе тоже, но в связи с концом четверти они очень заняты. Если ты и в самом деле выпишешься в четверг, Чарльз, она успеет приехать домой, тебе это будет приятно.

— Гм… И скоро уже Рождество, — вздохнул он.

Я знала, о чем он думает. Сколько раз я сама думала о том же! Как ужасно, что в нынешнем году с нами не будет Джеймса. Не надо покупать ему подарки… не придется ехать за ним в школу, и мы не услышим, как он взволнованным

голосом рассказывает о своих успехах в футболе. Из школы не придет на него характеристика. О Джеймс… Джеймс…

Я сидела не двигаясь. К глазам подступали слезы. И тут Чарльз сказал:

— Сегодня утром ко мне приходила Кэт. Она считает, что ты слишком много работаешь и заметно похудела.

— Дел очень много, даже при том, что в доме появилась Фоска. Она любит только готовить, — промямлила я. — Большую часть остальной работы выполняю я.

— Когда вернусь, работы у тебя еще прибавится, — сказал он. — Думаю, может, попытаться найти сиделку?

Это заставило меня задать тот самый вопрос, который так давно был у меня на уме и который я не решалась высказать прямо:

— Ты предпочитаешь сиделку, и я должна уехать обратно в Лондон?

Он бросил на меня такой добрый взгляд, какого я не видела с тех пор, как мы впервые узнали и полюбили друг друга. Это было давным-давно, почти в другой жизни.

— Конечно, мне бы этого не хотелось. Если ты хочешь остаться в Корнфилде, Крис, оставайся.

Все зависит только от тебя.

Слезы полились из моих глаз настоящим потоком.

— Мы ведь по-настоящему не разведены, правда? — спросила я.

— Видишь ли, окончательного вердикта не было, и я могу просить об отмене первоначального решения, если ты этого хочешь.

— Если этого хочешь ты. Все зависит от твоего желания, Чарльз, — сказала я, почувствовав себя окончательно сломленной. У меня не осталось даже следа той самоуверенности и довольства собой, которые я обрела, вернувшись домой.

Он сказал очень тихим голосом:

— Я никогда не хотел расторжения нашего брака. Этого хотела ты, Крис.

— Я знаю.

— Не могу сказать, чтобы я вполне тебя понимал, — продолжал он.

— Меня это не удивляет, — произнесла я и не к месту засмеялась.

— А да ладно, — сказал он. — По-видимому, все это было ошибкой.

— Да, да, ошибкой. В общем-то… моей ошибкой. Филипп — что-то вроде помешательства. Я хочу сказать… я сошла с ума, но теперь я уже больше

не сумасшедшая.

Он потер затылок:

— Право же, ты странная девушка.

— Девушка! — повторила я, обливаясь слезами и смеясь. — Я себя чувствую сейчас настоящей старой клячей.

— Мне ты по-прежнему кажешься очень юной, — сказал он и, к моему величайшему удивлению, добавил: — Я всегда считал тебя необыкновенно красивой, Крис. Ты и теперь красива.

Я сидела неподвижно, не сводя с него глаз. Он улыбнулся, и в его улыбке мелькнуло что-то от прежней нежности совсем еще молодого Чарльза, которого я любила в далеком прошлом. Он взял меня за руки:

— Никак не приведешь мысли в порядок, а, Крисси?

— В каком-то отношении ты прав, но во всех других — нет. Думаю, я просто столкнулась лицом к лицу с правдой о себе, Чарльз, и мне стыдно. Я вела себя ужасно скверно в отношении тебя.

— Послушай, — прервал он. — Не ты одна предавалась размышлениям. Я знаю, ты всегда считала меня самодовольным, лицемерным, упрямым старым негодником, и ты, наверное, считала

само собой разумеющимся, что, когда ты ушла, я целиком возложил вину за случившееся на тебя.

Я ничего не ответила. Я просто не знала, что сказать. Подобное смирение было так не похоже на Чарльза. Какой ужас, что понадобилась такая страшная трагедия, как гибель нашего сына, чтобы Чарльз узнал правду о самом себе.

Он продолжал:

— После твоего ухода я начал думать, что, наверное, самым ужасным образом не оправдал твоих ожиданий, если ты решилась на такой страшный шаг. Ты всегда была девушкой с идеалами. В тебе было столько свежего и чистого по сравнению с некоторыми неразборчивыми в своих связях женщинами, которых мне приходилось встречать в свое время среди друзей и знакомых.

Я все еще не в силах была ответить.

Очень многое из того, что он сказал, было справедливо, но я не могла позволить себе лицемерить. Если он не отворачивался от правды, то и я делала то же самое. В моей жизни был эпизод с Гарри. И Дигби. Моя позорная капитуляция перед Паоло Куаролли в Риме. И на протяжении многих лет — мой флирт, мои необузданные мысли, пусть даже я контролировала свои действия. Мне иногда хотелось быть неразборчивой в связях.

Я хотела, чтобы меня ласкали другие мужчины, помимо Чарльза, и я несколько месяцев спала с Филиппом.

Я начала говорить об этом Чарльзу. Лицо у меня пылало, в душе была полнейшая сумятица. Меня изумило, что он отнесся ко всему спокойно и сказал:

— Я знаю и могу себе это представить. Черт побери, я никогда не удовлетворял тебя в постели.

— И тем не менее я должна была остаться с тобой! — крикнула я. — На первое место надо ставить другие вещи. Ты даже понятия не имеешь, каким чудовищем я теперь кажусь себе самой.

Чарльз поразил меня, заявив, что ничего чудовищного в моем поведении не видит. То, что я чувствовала, вполне естественно. Я удивилась также, узнав, что еще до нашего развода он обращался к психиатру. Врач сказал ему, что в вопросах секса женщины ничем не отличаются от мужчин и все разговоры насчет того, что мужчинам-де нужна страстная любовь, а женщины могут обходиться без нее, — просто вздор. Но, продолжал Чарльз, помочь он ничем не мог. Все крылось в сознании. Так сказал психиатр. Если не считать признанной импотенции, хочет мужчина спать с женщиной или нет — это зависит

от каких-то мозговых центров. Он признал, что не придавал большого значения любви, целиком отдаваясь работе. В результате любовная сторона брака становилась для него все менее и менее значимой. Он просто махнул на нее рукой. Когда я ушла, он начал отдавать себе отчет в том, насколько сам в этом виноват.

Я молча слушала. Видела его несчастное сморщенное лицо и понимала, как страшно неприятно ему произносить все это. Бедный, бедный Чарльз! Как часто он бывал напыщен, становился в позу оскорбленного достоинства. Это срабатывал защитный механизм, призванный поддержать его мужское тщеславие и прикрыть его слабости.

Теперь мне стало ясно: Чарльз понял тогда, что я нашла в Филиппе Кранли все то, чего хотела от жизни, и это чуть не убило его.

— Крис, — заявил он, — все сводится к тому, что я не Филипп Кранли и никогда им не буду. Я не слишком темпераментный мужчина. Но, клянусь Богом, я мог бы вести себя, по крайней мере, по-другому, чем в прежние времена. Если ты решишь снова жить со мной, Крис, тебе придется мириться с моими недостатками, но я думаю, что могу в какой-то мере их исправить.

Это настолько тронуло меня, что многих лет

пренебрежения, озлобления и ощущения себя несчастной словно бы и не бывало. Завладев его рукой, я не выпускала ее из своих рук. Я плакала и все никак не могла остановиться. Он ничего не мог со мной поделать. Но впервые за долгие годы я поняла истинное значение слова «покой».

Перестав плакать, я спросила:

— Ты в самом деле хочешь, чтобы мы начали все сначала? Можешь ли ты простить мне то, что я сделала?

— Я же принял на себя часть вины, так что не будем об этом говорить. Если ты сейчас тоже попытаешься сделать шаг в этом направлении, я готов.

— Я постараюсь, — кивнула я, вытирая, слезы.

— Тогда поговорим о том дне, когда я вернусь домой. Давай пригласим Райс-Холкитов и еще парочку друзей, выпьем рюмочку и отпразднуем.

Не могу описать, какой невероятно счастливой сделали меня его слова. Они действительно сблизили нас. Снова мы выступали как одна команда. Я чувствовала невыразимое облегчение от того, что прощена и Чарльз хочет начать наш брак с новой страницы. Конечно, он был прав, когда говорил, что никогда не сможет походить на Филиппа. Люди не могут изменить свою натуру

только потому, что пережили катастрофу. В основе своей он всегда останется тем же Чарльзом, упрямство которого меня всегда бесило.

Мы оба можем попытаться быть более терпимыми, относиться с большим пониманием друг к другу, и все-таки между нами неизбежно будут возникать разногласия.

Как только Чарльз снова станет на ноги, он вернется в большой бизнес. Я так ясно представляла себя опять брошенной, грустной или разочарованной. А учитывая человеческую натуру, не исключено, что в особенно скверные минуты я могу и пожалеть, что не ушла к Филиппу. Но такое настроение будет недолгим.

Я разработала кое-какие планы на будущее — в частности, собираюсь предложить продать Корнфилд, который связан для нас теперь с неприятными воспоминаниями, и перебраться в коттедж поменьше, а если дела у Чарльза пойдут хорошо, снять также небольшую квартиру в Лондоне.

Когда я в последний раз видела Фрэн, она изрекла еще одно из своих пророчеств.

— Давай поспорим, что в результате всего этого вы с Чарльзом произведете на свет еще одного младенца? Ты еще молода и здорова, дорогая

моя, и, быть может, сынишка — это как раз то, что нужно. Если спросить меня — идея, правда, кошмарная, но я пришла к заключению, что ты рождена для материнства.

Быть может, она права. Может, я действительно такая. Но в своих планах я так далеко не заходила. Уверена, что и Чарльз тоже.

На этом я заканчиваю свой дневник — раз и навсегда. Интересно, прочтет ли его когда-нибудь и кто-нибудь, в частности Джерими?

18

Чарльз вернулся домой за неделю до Рождества.

По столь торжественному случаю Кристина нарядилась в новое платье, купленное еще в Лондоне, и надела золотую цепочку и такие же сережки, которые Чарльз подарил ей еще до их разрыва. Она также приодела Дилли. Умненькая и веселая девочка успела уже совсем оправиться после смерти брата.

Счастливая Дилли, думала Кристина, как хорошо пребывать в этом возрасте, когда трагедия смерти пока еще не ранит душу так глубоко и надолго! Она даже часто говорила о Джэй-Джэе — как она называла Джеймса, — о том, что он любил делать, а когда к ним приходили в гости новые друзья, она прямо-таки с гордостью сообщала им, что Джэй-Джэй отправился к Богу-Отцу.

Дилли с этим смирилась.

Кристина тоже смирилась, но ее рана продолжала кровоточить и болеть, и ее нелегко было залечить.

В Дилли просыпалось смешное детское тщесла-

вие. Этой девчушке уже хотелось нравиться. Она сама выбрала для себя новое платье. Оно было сшито из зеленого бархата и напоминало Кристине ее собственное платье, которое она надела в день рождения, когда ей исполнился двадцать один год. Платье украшали отвратительные кружевные оборочки, но Дилли была от него в полном восторге и настояла на том, чтобы мать купила ей именно этот наряд к тому дню, когда папочка вернется домой.

Перед самым приездом Чарльза из больницы Кристина решительно убрала в ящик стола и заперла на ключ законченную рукопись — свой дневник. Она испытывала величайшее облегчение оттого, что ей незачем больше писать, но ведение этого дневника очень помогло ей. Фрэн была права, называя ее экстравертом. Она предпочитала вытаскивать все на свет божий, не давая неприятным мыслям прятаться где-то в глубине и растравлять душу, как это делал бедняга Чарльз.

Впрочем, в последнее время он повеселел и уже гораздо больше напоминал прежнего Чарльза, который ей нравился в далеком прошлом.

Она была рада, что он достаточно окреп и возвращается домой. Он научился ходить на

костылях и теперь мог медленно передвигаться.

Кристина, с помощью говорливой и веселой Фоски, вычистила и отполировала мебель и постаралась украсить дом. В вымытых до блеска вазах всюду расставили цветы. Старый садовник притащил в дом все растения, какие смог найти в оранжерее. Среди прочих цветов красовалась парочка бронзово-красных хризантем. Право же, Кристина давно уже не чувствовала себя такой счастливой, как в это утро. Она сознательно захлопнула дверцу памяти, не выпуская оттуда воспоминания о недавних событиях. Она решила, что с ее стороны единственно правильным и великодушным будет отдать все силы, какие у нее еще остались, дню возвращении Чарльза, а потом и всем последующим дням.

Больничная машина подъехала к дому.

Кристина выбежала на улицу. Медсестра помогла Чарльзу войти. С минуту он постоял в холле, глядя на Дилли, которая как сумасшедшая выплясывала перед ним, крича:

— Я специально для тебя, папа, надела новое платье! Ведь правда, потрясающее?!

Он выразил восторг по поводу платья и нежно поцеловал дочь.

Кристина смотрела на него, испытывая робость

перед этим человеком, с которым она была и не была разведена. Его согнутая спина тронула ее. На костылях он являл собой печальное зрелище. Серые фланелевые брюки и твидовый пиджак висели на нем как на вешалке. Он очень похудел — таким худым она его просто не помнила. Какое у него усталое, изможденное лицо. Она была потрясена, увидев при ярком свете морозного декабрьского утра как много седых прядей в его волосах.

«Он выглядит стариком», — подумала она.

Но «старик» заговорил бодрым тоном:

— Ты выглядишь просто божественно, Дилл, дорогая моя! И мама тоже божественно выглядит, должен вам сказать. Мне нравится этот туалет, что на тебе. Как он там называется, Крис?

— Это моя новая зимняя модель, — весело ответила она.

Ей очень шло платье из светло-лиловой твидовой ткани в серую крапинку, с круглым вырезом и короткими рукавами. Волосы она теперь причесывала по-новому: на затылке пышный узел, а на лбу короткая челка. Она слегка подрумянила щеки и наложила синие тени на веки. Фоска

сказала ей, что синьора multe elegante[7].

Пряча смятение, Кристина велела Дилли пойти сказать Фоске, чтобы та приготовила синьору свой замечательный кофе.

— Хочешь пройти в гостиную, Чарльз? — спросила она.

— Сейчас. Моя спальня на этом этаже?

— Да, как мы договорились. Мы поставили диван в кабинет до тех пор, пока ты не сможешь снова пользоваться лестницей.

— Ты просто умница, — сказал он.

Это слово болезненно отозвалось в ней, напомнив о поездке с молодым доктором Пилом в тот день, когда ей пришлось опознавать Джеймса и Уинифрид. Удивительно все это — мозг… память. Как не вовремя иной раз чувства и мысли реагируют на какой-нибудь пустяк.

Чарльз спас положение весьма прозаичным замечанием, что прежде всего ему надо раздеться. Благодарение Господу за эти повседневные обычные дела, подумала Кристина, радуясь, что Чарльз не может подняться наверх и пройти мимо двери в спальню Джеймса.

Медсестра отказалась от кофе. Ей надо было

---

[7] Примечания: 7
Очень элегантна *(ит.).*

вместе с машиной вернуться в больницу: машина могла потребоваться. Она пожелала Чарльзу всего наилучшего, пожала руку Кристине и удалилась.

Чарльз добрался до гостиной и неуклюже опустился в самое высокое кресло, какое Кристине удалось для него найти. Она поставила его перед камином. Поленья в камине полыхали веселым ярким пламенем. Они сидели рядом и пили кофе. Чарльз смаковал его, тем более что она налила в чашку ложечку коньяку.

— Бог ты мой, как хорошо, — сказал он с глубоким вздохом, ставя чашку на блюдце. — Все кругом выглядит просто чудесно. Эти долгие месяцы в больничной палате… Боже мой, Крис, ни за что не хотел бы снова там очутиться.

— Надеюсь, никогда больше не придется.

— Бобби и Кэт придут сегодня?

— Да, как ты просил. Я устраиваю небольшой званый обед по случаю твоего возвращения.

— Все в полном порядке, — кивнул он. — Ты в самом деле отлично поработала.

Она встала и поправила абажур на одном из бра.

— Пожалуй, даже больше, чем прежде, — сказала она смеясь. — Ты всегда говорил, что я плохой

организатор.

— Крис, есть много вещей, которые я говорил и теперь очень о них сожалею.

И это говорит он — гордый, упрямый человек! Кристина повернулась к нему. Его глаза стали менее жесткими, чем прежде. Горе, без сомнения, смягчило бедного Чарльза. Один из его костылей со стуком свалился на пол. Она подняла его. В тот момент, когда она выпрямилась, Чарльз взял ее за руку.

— Огромное тебе спасибо, за то, что ты так мила со мной, Крис. Ты в самом деле провернула кучу всяких дел!

— Ты мне нынче очень нравишься, — смеясь отозвалась Кристина.

— Настолько нравлюсь, что ты готова меня поцеловать? — спросил он.

Она вдруг опустилась перед креслом на колени. Ее руки обвились вокруг его талии, а лицо прижалось к его ноге.

— Ты знаешь, что я сделала бы это с удовольствием. О Чарльз, я чувствую себя ужасно глупой и знаю: ты терпеть не можешь, когда я слишком даю волю эмоциям, но ничего не могу с собой поделать. Если не считать Дилли, я была страшно одинока. Филипп ничего больше для меня

не значит — ты знаешь, что это так, но я ни на минуту не перестаю думать о Джеймсе. Я знаю, и ты тоже. И я раскаиваюсь во всем. По-прежнему считаю, что вся вина лежит на мне. Иногда меня это просто убивает.

Он погладил ее красивые волосы:

— Я ничего не имею против твоих эмоций, Крис. Сегодня я и сам отчасти настроен так же. Но, по-моему, нам не следует говорить о прошлом. Давай подумаем о тех хороших днях, что будем проводить вместе. Это Рождество мы сделаем по-настоящему веселым. Маленькому Джеймсу это было бы по душе.

Кристина подняла на него глаза. Губы у нее задрожали. Впервые за многие недели Чарльз произнес имя сына. Она подумала: если он оказался способен на это, значит ему действительно стало лучше. Она была рада. Он приподнял ее лицо за подбородок, наклонился и очень нежно поцеловал в губы.

— Дай мне время, Крис, — сказал он, — дай мне время разобраться в себе самом. Ты тоже, без сомнения, нуждаешься в перенастройке. Мы попробуем вернуться к прежним отношениям — я имею в виду те, что существовали между нами задолго до того, как все это случилось, до того, как

мы надоели друг другу.

Она кивнула. У нее не было сил сказать что-либо. В комнату ворвалась Дилли, размахивая длинным конвертом.

— Она пришла — моя характеристика пришла! Мама… папа… читайте. Я уверена, что она просто потрясающая!

— А я готов спорить, что плохая, — сказал Чарльз, подмигнув Кристине.

— Пусть папа вскроет конверт и прочтет, что там написано, — сказала она.

Она оставила их склонившимися над конвертом. Ей надо было пойти поговорить с Фоской о том, как долго следует жарить бифштекс для Чарльза. Ему подадут на ленч его любимое филе на вертеле с жареными грибами.

На кухне Фоска, сильная, деревенского вида девушка-итальянка с черными глазами и волосами, готовила салат. Она улыбнулась Кристине, блеснув белыми зубами:

— Бедный синьор! Не мочь много ходить. Но очень красивый. Белокурый англичанин мне нравится!

Кристина, еще минуту назад готовая расплакаться, невольно рассмеялась:

— Поскорее делай салат, Фоска.

— Синьор любить чеснок? Я натру миску чесноком. Да?

— Чеснок — нет, — сказала Кристина, — он не любить.

Потом она вздохнула и сморщила нос. Смешно, но неожиданно она перенеслась в Рим — к смутным, но упорно возвращавшимся воспоминаниям о поцелуях Паоло. Каким красивым он был. Как полон любовных чувств, как великолепен — если бы только не чеснок!

И она снова повторила:

— Не надо чеснока, Фоска. Никто из нас его не любит.

КОЛЕЧКО С БИРЮЗОЙ
РОМАН

ГЛАВА 1

Приятный молодой человек в шляпе, черном костюме и с дипломатом в руке зашел в туристическое агентство мистера Трамма. За столом сидела хорошенькая девушка.

— Мне хотелось бы провести отпуск в Риме, — с улыбкой обратился он к ней. — Не могли бы вы заказать билет и номер в приличном отеле на конец мая?

— Ну конечно. Это моя работа, — приветливо ответила она.

Молодой человек поглядел на матовую стеклянную дверь за спиной девушки с табличкой «Посторонним вход воспрещен» и спросил:

— Мистера Трамма сегодня нет?

— К сожалению, нет. Не беспокойтесь, я отлично справлюсь с вашим заказом.

— Вы очень любезны, — кивнул он и назвал свое имя.

Рози Беннет — так звали девушку — начала заполнять карточку: «Джон Уисли, Уайтлендс-хаус, улица Кингс-роуд в Челси».

А Джон Уисли не сводил с нее восхищенных

глаз. Он был рад, что не застал мистера Трамма: куда приятнее иметь дело с мисс Беннет! Пожалуй, ей лет девятнадцать-двадцать, и, похоже, — она с характером: это видно по упрямому подбородку с ямочкой. А таких глаз Джон Уисли в жизни не встречал — ярко-синие, как васильки, со сказочно длинными ресницами. Тоненькая и грациозная, в нежно-розовом платьице и белой вязаной кофточке, на шее — бело-розовый шарфик. Волосы до плеч — темные, с рыжими искорками, густые и волнистые. В общем, прехорошенькая!

Джон Уисли забежал в агентство на Слоун-стрит в обеденный перерыв и теперь ничуть не жалел об этом.

Мисс Беннет очень приглянулась ему, и он не спешил уходить, хотя она закончила рассказывать о расписании самолетов и приличных отелях в Риме. И — самое обидное! — даже не пыталась с ним кокетничать. Стоило Джону Уисли признаться, что дорогой отель ему не по карману, она посочувствовала. А когда он заметил, что в Рим едет не веселиться, а посмотреть Сикстинскую капеллу, работы Микеланджело, Колизей и все такое, — заинтересовалась.

Понемногу официальная сдержанность девуш-

ки сменилась искренним любопытством.

— Вы молодец! — воскликнула она. — Я вам так завидую: вы все это увидите!

— А вы не были в Риме?

— Конечно нет! Я не могу себе позволить.

— И я не могу.

— Все так говорят, — засмеялась она. Смех у нее был веселый и заразительный. — Но я действительно не могу.

Джон Уисли окинул взглядом стены, пестревшие яркими цветными плакатами. Лодки на Рейне. Испанские замки. Золотые пляжи и прозрачное море Ривьеры. Леса и горы австрийского Тироля и набившие оскомину горнолыжники на заснеженных склонах швейцарских Альп.

— Вы смотрите на все это каждый день, — произнес Джон Уисли. — И ни разу никуда не съездили?

— Ни разу, — откликнулась она. — Представляете, как обидно?

Ему сразу же захотелось пригласить мисс Беннет куда-нибудь после работы. Он и пригласил бы — эта девушка его окрыляла, но тут зазвонил телефон. Трубку сняла молоденькая машинистка и прервала беседу между мисс Беннет и клиентом.

— Рози, — позвала она. — Тебя мистер Трамм.

«Рози», — отметил про себя мистер Уисли. Лучшего имени не придумать. Щечки у нее нежно-розовые, а губки — совсем как лепестки. Даже пахнет от нее розой.

— Чтоб его, этого мистера Трамма… — проворчал он. — Передайте ему, что его фамилия наводит меня на мысль о трамваях, длинных, гремучих, допотопных, которые только уродуют пейзаж. Давно пора их на свалку!

Мисс Беннет звонко рассмеялась, но тут же опомнилась в ровным голосом произнесла:

— Мистер Уисли, я освобожусь не скоро. Прошу меня извинить. Спасибо, что зашли. Всего хорошего!

Он понял, что его выпроваживают, и ушел с твердым намерением вернуться и еще разок поболтать с прекрасной Рози Беннет — только бы мистера Трамма не оказалось на месте!

Рози говорила по телефону целых десять минут. Ее хозяин, мистер Трамм, вот уже неделю лежал с гриппом у себя дома в Саттоне. Рози каждый день рассказывала ему о состоянии дел и просила совета в сложных ситуациях. Трудности были всегда непредвиденные: то подобрать удобный рейс, то найти нужный отель, то ублажить клиентов, которые по сто раз на дню меняют дату

отъезда и запросто могут передумать за час до отправления поезда.

Однако Рози великолепно справлялась и без мистера Трамма, так что он даже снизошел до похвалы. А хвалить Оливер Трамм не очень-то любил. Он был далеко не молод и уже подумывал об уходе на пенсию. У него была больная печень и несдержанный нрав. Но к Рози он с самого начала отнесся хорошо. Полгода назад она стала секретарем директора и начала получать приличное жалованье. До этого она работала машинисткой, теперь ее место занимала Берил Джонс.

Устраивать дела клиентов для Рози оказалось очень увлекательным занятием. Ей еще не исполнилось и двадцати, но она привыкла трудиться. Она росла старшим ребенком в большой семье, так что с детства присматривала за малышами и помогала по дому.

В шестнадцать Рози закончила школу. Она была способной девочкой, с цепким умом и прекрасной памятью, и родителям ничего не оставалось, как послать ее в коммерческий колледж. Получив диплом секретаря, она год проработала в машбюро большой адвокатской фирмы. Потом увидела объявление в газете, ответила на него и получила место в туристическом агентстве

мистера Трамма. Осуществилась ее мечта — ведь больше всего на свете Рози влекли путешествия. В школе ее любимым предметом была география. Сам мистер Трамм порой дивился познаниям своей помощницы. Прослужив в агентстве около полутора лет, Рози изучила свою работу в совершенстве. Она быстрее всех отыскивала в справочнике нужный рейс, находила удобные пересадки и размечала маршруты.

— Завтра я буду, мисс Беннет, — сказал на прощание мистер Трамм.

Рози вернулась к столу и стала заполнять карточку Джона Уисли. Хорошо, что он ушел. Как он на нее смотрел! Конечно, всегда приятно, когда красивый молодой человек бросает в твою сторону долгие взгляды. Поневоле чувствуешь себя привлекательной. Но Рози не любила кокетничать. И кроме того, у нее был Клифф.

На безымянном пальце Рози носила тоненькое золотое колечко с бирюзой. Они с Клиффом вместе купили его прошлой осенью, перед тем как он возвратился в Кейптаун.

Рози была страстно влюблена и в каждой строчке, адресованной ей Клиффом, находила признаки ответного чувства.

Улучив свободную минутку, она достала из

сумочки конверт со штемпелем «Авиапочта» и с радостным волнением распечатала его. Обычно весточки от Клиффа приходили два раза в неделю. Правда, она-то ему пишет каждый день, но мужчины куда менее склонны к бумагомаранию. Клифф так ей и сказал. Клифф никогда не забывал вовремя прислать ответ, но этого письма она прождала целую неделю. Его принесли только сегодня утром, когда Рози уже собралась на работу. Жили они в Энсфилде, добираться приходилось на метро, а в переполненном вагоне не очень-то почитаешь любовное письмо от жениха. Придя в агентство, она застала сразу двоих клиентов — в это время года их всегда много. Бессовестная Берил, по обыкновению, опоздала, так что Рози пришлось еще и отвечать на звонки. Только в час дня она освободилась и могла наконец узнать, что пишет ей ненаглядный Клифф. Читать второпях она не стала: не хотела портить удовольствие.

Прежде всего она рассмотрела тоненький бледно-голубой конверт со своим именем и адресом, написанными знакомой рукой. Почерк у Клиффа крупный, круглый, довольно необычный для мужчины. Мама как-то сказала, что это признак бесхарактерности. Но Рози наверняка знала, что кого-кого, а уж Клиффа никак не назовешь бесха-

рактерным. А женственность, в которой упрекает его мама, лишь говорит о неотразимом природном обаянии, столь милом девичьему сердцу.

Рози перевернула конверт обратной стороной.

От Клиффорда Патерсона. Чудесное имя! Скоро, очень скоро она станет миссис Патерсон. Поедет в Кейптаун и выйдет замуж за любимого человека. Как там, должно быть, замечательно: круглый год тепло, солнечно. Клифф ей часто об этом рассказывал. Они поселятся в беленьком бунгало с верандой и — самое главное! — английским садиком, за которым будет ухаживать Рози. Она так любит цветы! Жизнь там, под золотым солнцем, будет беззаботна и приятна, не то что в доброй старой Англии, где вечно холодно и сыро. А какие там ночи! Клифф ей описывал, как в небе зажигаются мириады звезд и над вельдом всплывает огромная белая луна. Они будут кататься верхом на лошадях, купаться в море, ходить на вечеринки. Тамошняя молодежь — и бедняки, и богачи — всегда не прочь повеселиться. У Клиффа полно друзей. Он хороший танцор и отменный гитарист-любитель — его, одного из немногих в Кейптауне, приглашают играть на богатых приемах. Этим он подрабатывает в свободное время. Но его профессия — совсем другое дело. Клифф

инженер в одной южноафриканской фирме. Родители Рози считали его хвастуном, но сама она искренне верила, что он действительно на хорошем счету и его ждет блестящая карьера.

Они обручились в конце прошлого лета, когда Клифф приезжал в Англию. Он считает себя южноафриканцем, но на самом деле родился и вырос в Великобритании. Его родители умерли, мальчик воспитывался в доме своего дяди, в Бирмингеме. Узнав о дядиной смерти, Клифф приехал на похороны. Он надеялся получить небольшое наследство и открыть собственное дело. Но был жестоко разочарован: дядя оставил ему всего-навсего триста фунтов стерлингов.

Отец Рози, почтовый служащий и англичанин до мозга костей, считал, что Клиффу незачем возвращаться в Южную Африку. Подумать только, ехать в такую даль! И чего, спрашивается, ради? Беспорядков вы, молодой человек, там не видели? Апартеида? Политикана Фервурда? Да разве уважающий себя британский подданный туда поедет! Но любые беспорядки казались Клиффу лучше английского климата. Он прожил в Кейптауне три года и завел массу полезных знакомств.

Рози с энтузиазмом поддерживала Клиффа.

Конечно, мама с папой будут скучать без нее. Да и ей жаль с ними расставаться. Она так привязана к родителям! А как ей будет не хватать Мики и Робина, двенадцатилетних близняшек, и восьмилетней сестренки Аннабель! Но ради Клиффа она готова на все.

Рози познакомилась с Клиффом на вечеринке в Энсфилде и с первого взгляда поняла, что они созданы друг для друга. Поклонники у нее были и раньше: симпатичные девушки уже в шестнадцать лет пользуются вниманием мужчин. Но Рози ни разу в жизни не влюблялась всерьез — пока не появился Клифф.

Ей никогда не забыть их первой встречи. Рози пришла на день рождения к Клариссе Мартин. Они учились в одной школе, только Кларисса годом раньше. Танцевали в основном под пластинки, но был еще импровизированный ансамбль: брат Клариссы (он играл на саксофоне), незнакомый пианист и Клифф с чужой гитарой в руках.

Она и представить себе не могла, что Клифф инженер и возится со скучными железками. У него была внешность музыканта: высокий, безупречно сложенный — девичья мечта! — широкоплечий, узкобедрый. Светлые кудри, смеющиеся глаза, короткий нос и дерзкая улыбка.

Дерзкая, но без нахальства. Пленительная, как звуки его голоса. И руки… Волшебные руки, с длинными пальцами, красиво и умело перебирающими гитарные струны. Его игрой восхищались все. Даже Кларисса, у которой куча поклонников, шепнула на ухо Рози: «Что за душка этот Клифф!» Оказалось, Клиффа пригласил ее брат. Они играли вместе на какой-то вечеринке, но на какой — узнать не удалось.

Клифф Патерсон был королем вечера и, к большому удовольствию Рози, явно выделял ее среди других девушек. Наконец ансамбль умолк, снова поставили пластинку, и Клифф пригласил Рози на танец. Раз за разом он приглашал ее одну.

— Пусть меня сочтут невежей, — сказал он. — Но я хочу танцевать только с тобой.

Рози кружилась в танце, глядя снизу вверх на Клиффа, в его голубые, цвета незабудок, глаза, очень светлые на загорелом лице. Рози была очарована. Она тоже хотела танцевать только с ним. Перед ней предстал прекрасный принц, тот, кого она, не отдавая себе отчета, ждала всю свою жизнь. На улицу они вышли держась за руки. Клифф отвез ее домой на такси и поцеловал на прощание. После этого долгого, страстного поцелуя Рози поняла, что влюблена отчаянно,

безнадежно. Влюблена с первого взгляда.

В то время Клифф только-только уладил дела с наследством и собирался обратно в Кейптаун, но остался в Англии еще на полтора месяца. Каждый вечер он заходил к Беннетам повидаться с Рози.

Клифф казался ей чрезмерно щедрым: он потратил на нее чуть ли не все полученные по завещанию деньги — брал напрокат машину и возил ее повсюду — по театрам, танцплощадкам, даже за город.

Ее скучная размеренная жизнь превратилась в сплошной праздник. Но как ни радовала Рози такая перемена, она решила остановить Клиффа:

— Клифф, милый, так от твоего наследства скоро и гроша не останется.

Но он только рассмеялся по-мальчишески и, зажав в руке прядь ее каштановых волос, провел ею по губам как кисточкой.

— Подумаешь! Вернусь в Кейптаун и еще заработаю. Ей-богу, Рози, ты потрясающая девушка. Я от тебя сам не свой. Вот уж не думал, что до такой степени потеряю голову. Я-то собирался ходить в холостяках лет до тридцати. Но теперь все будет по-другому.

— Да, все по-другому, — шепнула она. — Ты околдовал меня. Я думаю только о тебе. Ты такой

необыкновенный! Не то что другие ребята.

— И ты необыкновенная, — сказал он.

— Но почему все переменилось, стоило тебе встретить меня?

— Потому что ты чертовски мила, — ответил он. — Милее всех на свете. Не жадина и не воображала, как другие. Ты не могла оставить меня равнодушным… и твои родители тоже.

Рози обрадовалась его словам. Ей очень хотелось рассказать маме с папой о том, что они с Клиффом решили пожениться.

Мама признала, что Клифф удивительно хорош собой, и даже назвала его славным парнем. Но отец встревожился. Он ничего не знал о южноафриканских фирмах и положении Клиффа. Что ждет там его старшую и любимую дочь? Иными словами, Беннеты, как и все родители на свете, мечтали, чтобы дочка жила поближе и вышла замуж за человека побогаче. Лучше за кого-нибудь знакомого. А этот мальчик из Кейптауна был для них все равно что иностранец.

Но Рози не колебалась ни минуты. Они с Клиффом купили кольцо, объявили о помолвке, и он вернулся в Кейптаун, пообещав, что вызовет Рози, как только утвердится в теперешней должности или получит повышение.

Клифф сказал, что ситуация в Южной Африке непростая и с женитьбой лучше подождать. Родителям Рози такое решение пришлось очень по душе.

А у Рози при расставании с Клиффом едва сердце не разорвалось. Ей было невыносимо видеть, как взлетает самолет, унося любимого за тысячи миль. Ее жизнь до появления Клиффа была так пуста, а теперь стала яркой. К тому же Рози немного ревновала. Клифф такой красавчик! Любой девчонке голову вскружит, стоит ему только заиграть на гитаре и запеть своим хрипловатым баском. Прощаясь с ним в аэропорту, она умоляла в слезах:

— Обещай, что не вернешься к своей прежней девушке и не станешь искать себе другую вместо меня.

— Рози, детка, мне нужна только ты, и я пришлю за тобой, как только смогу.

Он так нежно и любовно целовал ее заплаканные глаза, что она поверила в неизменность его чувств. Ей оставалось только набраться терпения и ждать…

Когда Берил ушла на обеденный перерыв, Рози осталась в агентстве одна. Теперь можно прочесть письмо Клиффа.

«Любимая!

Прости, что долго не писал. У нас тут страсти накалились — того гляди, взлетим на воздух.

В стране творится черт знает что, но, по-моему, Фервурд наведет порядок, пусть даже британское правительство его не поддерживает.

Конечно, все это мелочи. Я от тебя без ума, и это неизлечимо. Но, видишь ли, детка, как ни грустно, придется тебе пока повременить с отъездом. Слишком тут все неопределенно.

Только не вешай носа, синеглазка. Думаю, ждать осталось недолго. Задержка меня бесит, но делать нечего.

Ну, я побегу. На работе страшная запарка.

Целую, Клифф».

Это был сокрушительный удар. Рози почувствовала, как у нее холодеет внутри. Ее взгляд, ищущий слов любви, остановился лишь на первой и последней строчках. Это письмо было обычным для Клиффа: в середине новости, в начале и в конце — нежные слова. Рози, как любая девушка, разлученная с возлюбленным, с нетерпением ждала этих слов, означавших, что все идет хорошо.

Рози ни дня не сомневалась, что Клифф будет рад встрече с ней. Но, похоже, не этим летом.

Отъезд переносится на неопределенное время. А прошлое письмо было совсем другое. Гораздо оптимистичнее. Клифф писал, что уже ищет подходящее бунгало и сообщит ей, как только все уладится. Еще до осени. Рози была на седьмом небе от счастья. Они с Клариссой даже устроили поход по магазинам: надо же готовить приданое! Рози вела себя крайне расточительно, даже исходя из хорошего жалованья, которое платит ей мистер Трамм, и купила пару восхитительных летних платьев, подходящих для южноафриканского климата.

Потом, в выходные, Кларисса пришла к ним ужинать, и они с маминой помощью придумали фасон подвенечного платья. Мама мастерица шить. Правда, сначала она не приняла помолвку всерьез, но увидев, что Рози твердо намерена выйти замуж за Клиффорда Патерсона, решила одеть дочку как подобает.

А теперь это письмо.

Рози была так разочарована, так огорчена, что из глаз хлынули слезы. Она отдала бы все на свете, лишь бы сейчас в агентство вошел улыбающийся Клифф. Протянул бы к ней руки, прижал бы к себе, обнял так крепко, что она забудет все страхи и тревоги. Где же ты, Клифф? Нет ничего

хуже разлуки.

Надо как-то досидеть до конца работы. Только бы Берил ничего не заметила. Рози дождалась, пока все ушли домой, вынула из сумочки письмо и прочла еще раз. Она сидела в кабинете мистера Трамма. И вдруг услышала, как открылась парадная дверь и мужской голос произнес:

— Есть тут кто-нибудь?

«О господи, — подумала расстроенная Рози, — опять клиент! И так поздно».

Она приняла уверенный вид и торопливо обмахнула нос пуховкой.

— Минуточку, — крикнула она и, открыв стеклянную дверь, вышла к запоздалому клиенту.

ГЛАВА 2

Без сомнения, Эшли Риверс слегка растерялся, увидев, что вместо Оливера Трамма ему придется иметь дело с очаровательной девушкой.

Эшли был не в настроении. День для него выдался плохой: за что ни брался, все шло не так. Эшли был директором одной из самых крупных в Великобритании электротехнических компаний с главным управлением в Лондоне, на Риджент-стрит, и сетью заводов в Средней и Южной Англии. Недавно на предприятиях прошли забастовки.

На его плечи легли все мыслимые заботы современного предпринимателя — ноша, неподъемная для одного человека. Но делать нечего, он справлялся, и чаще всего в одиночку: его партнер, кузен Джек Уинтрингем, оказался неважным администратором, хотя и хорошим технологом. Эшли еще не исполнилось и тридцати, когда он унаследовал огромную фирму «Томас Риверс и сын». Его отец скончался от инфаркта. Много лет он прокладывал курс компании между подводных камней и мелей, которых, на взгляд Эшли, в

те времена было куда меньше, чем теперь. Даже в годы войны, когда многие перешли на производство вооружений, старик не остался в убытке. А его сыну порой казалось, что он унаследовал не фирму, а мешок забот. Одна политика чего стоит: сокращают рабочий день, вводят квоты на производство, а сырье дорожает. У кого угодно голова пойдет кругом.

Но не у Эшли. Он с ранних лет приучился к трудностям. Его постигла катастрофа в личной жизни. Но что касается работы, препятствия только раззадоривали его, и лишь немногие из конкурентов могли похвастаться победой над ним.

Джек Уинтрингем был превосходным инженером, но управлял компанией и добивался прибылей именно Эшли. Он был администратором от бога. Эшли много работал. Временами слишком много. Пора было отдохнуть, и в конце апреля он решил совершить круиз на яхте. Но планам не суждено было сбыться. На крупнейшем заводе компании началась забастовка, и яхта ушла без него.

Вчера Джек сказал ему:

— Эш, зачем так надрываться? Жизнь одна, а тебе всего тридцать. Ты же тратишь попусту

лучшие годы. Плюнь на все это и отдохни как следует.

Разумеется, за такие слова Эшли чуть Джеку голову не оторвал. Он сказал, что плевать на компанию не намерен и считает, что отдавать все силы работе вовсе не значит попусту терять время. К тому же, в отличие от Джека, он не способен наслаждаться бездельем.

Джек был женат на хорошенькой молодой женщине и обожал разного рода вечеринки. На взгляд Эшли, он уделял отдыху гораздо больше времени, чем работе, а это предосудительно.

Но он и сам когда-то был другим, может быть таким, как Джек. В Кембридже в свое время даже прослыл повесой. Правда, и тогда он все-таки грыз гранит науки: выручали честолюбие и редкая работоспособность. Эшли получил диплом с отличием. Помимо учебы он находил время и для спорта: занимался греблей, боксом и еще бог знает чем. Ездил на соревнования. Совершенно помешался на спортивных автомобилях, гонках и, конечно, на девушках. Милых, восхитительных девушках, которые занимали его воображение.

Но это было десять лет назад, а теперь Эшли иногда сам удивлялся, насколько он переменился. Тот веселый, жизнерадостный юноша, которого

все считали юмористом и который благодаря своим проказам едва не вылетел из колледжа на последнем семестре, исчез навсегда. Эшли точно знал, когда и почему произошла в нем эта перемена, но никогда никому не рассказывал об этом. Он не любил обсуждать свою личную жизнь с коллегами и друзьями.

И все-таки Джек был прав: отдых Эшли был необходим. Поэтому холодным майским вечером он зашел в агентство Трамма и увидел там молоденькую девушку в летнем платье, с необыкновенными васильковыми глазами. Завиток темно-каштановых волос упал на зардевшуюся влажную щеку — и Эшли растерялся.

— Добрый вечер, — выговорил он. — Мистера Трамма нет?

— Нет, — сказала Рози. — Боюсь, его не будет до завтра, а то и до послезавтра. Могу я чем-нибудь помочь?

— Вы его секретарь?

Рози нехотя улыбнулась:

— В общем, да… Но еще я его заместитель. Оформляю заказы, когда мистера Трамма нет.

— В таком случае я зайду в другой раз или, может быть, позвоню завтра.

— О, вы думаете, я не справлюсь?

Эшли показалось, что девушка расстроилась. Наверное, решила, что он ей не доверяет. А она очень милая. Правда, милые девушки в те дни почти не интересовали Эшли. Он был слишком занят. Кроме того, он вообще избегал общества молоденьких девушек. За последнее время Эшли если и завязывал дружбу с представительницами слабого пола, то только с женщинами своего возраста. Среди них была очаровательная двадцативосьмилетняя вдова, которая ему очень нравилась. Эшли познакомился с ней за границей и женился бы, если бы не случилось страшное. Вероника погибла в авиакатастрофе.

Несчастья в личной жизни преследовали Эшли. Ему нередко казалось, что те, кого он любит, обречены на гибель. Сначала он потерял мать — очень красивую, еще моложавую женщину. Она умерла от лейкемии незадолго до его возвращения из Кембриджа. Эшли долго не мог оправиться от этой потери. Тогда он окончательно повзрослел и понял, что жизнь в отчем доме не будет такой легкой и беззаботной, как в Кембридже.

Правда, оставался еще отец, которого он уважал и с которым прекрасно уживался. Оставалось множество добрых друзей, и прежде всего Дория, его сестричка. Они были близнецы, но внешне не

похожи. Эшли темноволосый, а она светленькая. Он высок и силен, а она миниатюрна и хрупка. Они были очень дружны с самого детства. Хорошо ли, плохо ли шли дела у Эшли, Дория всегда оказывалась рядом, как ангел-хранитель, готовая выслушать и помочь в беде, так же как и он всегда готов был поддержать ее. После смерти родителей они еще больше сдружились. Эшли очень хотел, чтобы сестра была счастлива, и обрадовался, узнав, что Дория полюбила Руперта Дэлтри, симпатичного юношу, который управлял заводом по производству термостатов. У него было положение, деньги — все, что душе угодно. Скоро назначили свадьбу, и Эшли готовился к разлуке с сестрой.

За сорок восемь часов до венчания судьба обрушила еще один удар, теперь на Дорию, а значит, и на Эшли, который ее обожал. Полиомиелит. О свадьбе не могло быть и речи. Эшли не жалел денег, обращался к светилам медицинской науки. А Дория пролежала в частном отделении Мидлсексской клиники несколько недель, находясь между жизнью и смертью.

За эти недели Эшли навсегда простился с беззаботной юностью. Ему было двадцать пять лет, но, сидя у изголовья сестры и глядя на ее страдания,

он чувствовал себя стариком. Дория держалась мужественно. Даже тогда, когда ей объявили, что она больше не сможет ходить.

С тех пор она передвигалась в инвалидной коляске, а ее некогда стройные, быстрые ноги прикрывал плед. Свадьба не состоялась. Жених Дории Руперт Дэлтри, кажется, переживал случившееся наравне со всеми, сначала даже предлагал возобновить подготовку к свадьбе. Дория храбро отказалась:

— Жена — инвалид? Милый Руперт, я не дам тебе провести всю жизнь, катая меня туда-сюда.

К великому изумлению Эшли, Руперт проявил завидную покладистость. Конечно, он ушел, восклицая, что никогда с этим не смирится. А через месяц женился на другой девушке. Они познакомились на лыжном курорте.

Эшли не забыть, какое лицо было у Дории, когда она узнала об этой женитьбе. Дория любила Руперта. И тот, кто был для нее образом и подобием Бога, вдруг оказался жалким комочком глины. Страшное разочарование. Но Дория не жаловалась. Она заговорила об этом только раз, когда Эшли в бешенстве клял Руперта на чем свет стоит.

— Эш, милый, не кипятись, — мягко сказала

она. — Вы с Рупертом очень разные. Надо принимать людей такими, какие они есть. Руперт — человек увлекающийся и, пожалуй, более независимый, чем ты. Я знаю: ты никогда не бросил бы любимую девушку, даже стань она калекой. Ты сильный. И все же не забывай: после больницы он просил моей руки — и я отказала.

Но Эшли остался при своем мнении: молодой Дэлтри слишком быстро сдался. Немного терпения и такта, год или два преданного ухаживания — и Дория поняла бы, что он предпочитает ее, хотя она не может ходить и танцевать. И уступила бы. Эшли ждал от Руперта самопожертвования ради любви, потому что на его месте поступил бы именно так.

Дория больше не упоминала о Руперте. Но Эшли видел, что ее душевная рана куда глубже и болезненнее физических страданий.

С тех пор он посвятил свою жизнь уходу за любимой сестрой и решил, что всегда будет с ней. Только она владела ключиком к доброй и нежной стороне его натуры. И только она не знала, что в своем офисе он твердый и жесткий человек дела, способный внушить трепет…

Эшли стоял перед столом Рози Беннет и недоумевал, с чего это вдруг его захлестнули воспоми-

нания. Позже размышляя над этим, он пришел к выводу, что во всем виновата мисс Беннет. Она непостижимым образом действовала на него. Он смотрел в ее удивительные глаза и видел, как они печальны, а длинные ресницы поблескивали, точно девушка недавно плакала. Эшли Риверс не переносил чужих страданий.

Он решительно обратился к ней:

— Вы позволите присесть? Я сделаю заказ.

Она просияла:

— О да, пожалуйста! Но если вы хотите, чтобы вашим заказом занимался лично мистер Трамм, я ему завтра же все передам.

— Убежден, вы и сами справитесь, мисс…

— …Беннет, — подхватила она. — Рози Беннет.

Как и первый, более молодой и легкомысленный клиент, Эшли Риверс подумал: «Ей идет имя Рози. Но до чего меня раздражает эта неопрятная прическа: нет бы заколоть волосы назад!»

Он даже своей секретарше строго-настрого велел убирать волосы с лица, так как терпеть не мог челок, которые свисают на глаза, как у йоркширских терьеров. Однако секретарша Эшли была далеко не так красива и привлекательна, как помощница мистера Трамма.

Эшли уселся и подал ей свою визитную карточ-

ку. Он сказал, что часто заказывает билеты через агентство мистера Трамма, поручая это секретарше. Рози посмотрела на визитку и всплеснула руками:

— Ну конечно! Мне хорошо знакомо ваше имя, мистер Риверс. Я уже оформляла для вас заказы, когда мистер Трамм был занят. Но вы всегда звонили по телефону и никогда не заходили к нам.

— Не заходил, — кивнул Эшли, и вдруг уголки его губ дрогнули. Он улыбнулся. Мисс Беннет была такая свежая, юная и обезоруживающе восторженная, с этими ее розовыми щечками и торопливой манерой говорить.

Потом Эшли рассказал, что ему внезапно пришлось отказаться от намеченной поездки: были проблемы на работе. Но сейчас появилась возможность отдохнуть хотя бы недельку. Он пообещал сестре устроить все до субботы. Но сегодня вдруг вспомнил, что уже четверг, а он еще ничего не предпринял. Поэтому по дороге домой решил зайти к мистеру Трамму лично.

— Понятно, — сказала Рози.

— Боюсь, сестра не поверит, когда я сообщу, что в самом деле заказал билет, — продолжал Эшли. — Надеюсь, я не опоздал? Ведь мистер Трамм умеет выполнять срочные заказы.

— Я тоже, — важно сказала Рози. — Куда вы хотите поехать, мистер Риверс?

— Честно говоря, никуда, — сухо ответил он.

— А куда вас хочет отправить сестра?

Рози улыбалась и уже не выглядела такой печальной. С каждой минутой девушка казалась Эшли все очаровательнее.

— Сестра мечтает, чтобы я целыми днями лежал на пляже, купался и отдыхал, — сообщил он. — Только не предлагайте французскую Ривьеру: не выношу всех этих жарящихся на солнце тел, автомобилей, казино. Я хочу отдохнуть в тишине. Таких мест на свете осталось немного, но одно я знаю — Каларатьяда.

— Да, это на Мальорке.

— Вижу, вы знаете свое дело, — признал Эшли.

— Конечно. Иначе было бы неинтересно — я имею в виду клиентов, — выпалила она и покраснела.

«Какая славная малютка», — подумал Эшли и вернулся к своим планам:

— У моего приятеля вилла в горах, с чудесным видом на маленькую бухту. Свой катер. Отдыхать там в это время года — одно удовольствие: приезжих мало, к тому же у моего приятеля собственный пляж и причал. Конечно, Мальорку

не сравнить с круизом на яхте, но я еду всего-то на неделю.

Рози, сидя за столом, торопливо заполняла бланк, стараясь поспеть за рассказом клиента. Разумеется, мистер Трамм не раз упоминал этого Эшли Риверса. Важная шишка в электротехнической промышленности. Рози немного робела перед ним, и в то же время он разжег ее любопытство. Он был очень привлекателен, хотя и не похож на ее ненаглядного Клиффа. Но Клифф ее ровесник. Эшли Риверсу же было лет двадцать девять — тридцать. Его черные, цвета воронова крыла, волосы зачесаны назад, открывая тронутые преждевременной сединой виски. Узкое лицо, внимательные серые глаза — ну прямо Роберт Хортон из того фильма про ковбоев, который Рози недавно смотрела дома по телевизору. Забавно, но раньше она считала, что Хортон — тип мужчин, который ей нравится. А потом встретила высокого светловолосого парня из Южной Африки и вероломно переметнулась от брюнетов к блондинам. Однако мистер Риверс произвел на нее впечатление. Ходил он неторопливо, с врожденной грацией, был безупречно одет. Рози понравился его серый костюм и белый в бледно-голубую полоску галстук из дорогого

магазина. Заметила она и его тонкие нервные пальцы. Наверняка он чувствительный человек, это видно по его быстрым, беспокойным движениям: как он зажигает сигарету, как курит. И все же он аккуратен и методичен. Даже обгоревшую спичку положил обратно в коробок. На пальце у него Рози разглядела перстень с печаткой. Она точно знала, какой эпитет подойдет этому человеку. Мама ужасно любит это слово.

«Он настоящий джентльмен» — так она говорит.

Мистер Эшли Риверс и был джентльменом, более того он ничуть не кичился своим положением. Рози было с ним очень легко. Он приветливо улыбался ей, но в его улыбке не было и следа той двусмысленности, с которой ей строил глазки давешний Джон Уисли.

Когда Эшли Риверс умолк (какой у него приятный голос: низкий и уверенный, голос человека, умеющего принимать решения), она вздохнула:

— Для меня это звучит как сказка.

Тут мистер Риверс — совсем как утром Джон Уисли — обвел рукой увешанные плакатами стены и спросил:

— Вы что же, сами нигде не бывали?

— Нет.

Эшли удивился. Он считал, что большинство людей проводит отпуска за границей.

Рози объяснила:

— Мой отец — англичанин до мозга костей. Ненавидит иностранцев. Мы с мамой давно хотели бы куда-нибудь съездить, но папа слишком консервативен. Возит нас в Девон или в Северный Корнуолл. Он обожает корнуэльское побережье! Да и моим братьям и сестренке одно удовольствие лазить по всем этим скалам и пещерам.

За этими словами Эшли увидел еще одну черту характера юной Рози Беннет. Заботлива! Внимательна! Готова уступить желанию отца ради младших братьев и сестренки. А как подошло бы девушке такой исключительной, даже пугающей красоты что-нибудь более экзотическое.

Допустим, она в купальном костюме — ярко-синем, под цвет глаз, — лежит на частном пляже виллы Тарина, и молочная белизна ее кожи покрывается золотистым загаром. Эшли поспешно отвел глаза от белой шеи мисс Беннет. Он от себя такого не ожидал. Ни одна девушка не будоражила его воображение, с тех пор как погибла Вероника.

Они заполнили бланк целиком, и Рози сказала, что сегодня же вечером забронирует ему билет

на субботний утренний рейс.

— Хорошо, — кивнул Эшли и поднялся. — Значит, решено.

— Билет я пришлю вам в офис, мистер Риверс.

— Я мог бы заехать за ним сам, — сказал он, поддаваясь внезапному порыву, но тут же опомнился и торопливо закончил: — Думаю, мне пора познакомиться с мистером Траммом. Он столько для меня сделал.

— Он очень милый. Помните, в прошлом году, как раз в мае, он сумел достать вам билет в Нью-Йорк на тот же день? Помните?

— Ну и память у вас, — восхитился Эшли: умение работать он ценил в других так же, как в себе. Потом добавил, будто его кто-то за язык тянул: — Между прочим, вам надо убедить отца съездить как-нибудь на Мальорку.

— Бесполезно, да и неважно, потому что скоро я поеду в еще более чудесное место. В Южную Африку! — гордо сообщила Рози.

Эшли уже взял шляпу и перчатки, но при этих словах быстро взглянул на нее:

— Да, это куда интереснее цивилизованных европейских пляжей. Вы едете всей семьей?

— Нет, я одна. Понимаете, я выхожу замуж, а мой жених живет в Кейптауне.

Она говорила, а он задумчиво смотрел на нее: гордо поднятая головка, упрямый подбородок. Как заблестели ее глаза! Значит, помолвлена? Выходит замуж в Южную Африку! Какая жалость. Эшли чувствовал растущий интерес к мисс Беннет. Он привык беречь каждую минуту, но сейчас готов был потратить бездну времени, чтобы узнать побольше о девушке, которую увидел впервые полчаса назад. Он не понимал, что с ним. Но жизнь есть жизнь. Проходят месяцы, даже годы, ты встречаешь сотни девушек, и ни одна не привлекает твой взгляд. Потом новая встреча — и вдруг ты чувствуешь: это она.

— Когда вы едете? — спросил он.

Внезапно лицо ее переменилось. Уголки нежных губ печально опустились. Грусть, которую заметил Эшли в первое мгновение, снова затуманила ее огромные сияющие глаза. Рози потупила взгляд. «Господи! — подумал Эшли. — Какие ресницы».

— В том-то и беда, что не знаю. Собиралась в конце лета, а теперь все откладывается. Понимаете, в Южной Африке такая ситуация…

— Понимаю, но каким образом это касается вас? Чем занимается ваш жених?

Она посмотрела на него и нерешительно про-

тянула:

— Вообще-то он инженер, мистер Риверс.

— Любопытно. А в какой области он работает?

Рози заколебалась. Она толком не знала. Папа часто расспрашивал Клиффа о работе, и каждый раз тот уходил от прямого ответа. Однажды она сама спросила его, а Клифф сказал, что его мутит от этих разговоров.

Так что Рози знала только, что он инженер.

— Честно говоря, я не знаю точно, — призналась она с растерянной улыбкой.

— А не слишком ли вы молоды для замужества и поездки в Южную Африку? — спросил он.

— Ну что вы, я не так уж молода. Мне скоро двадцать.

— Пора на пенсию, — с иронией заметил Эшли.

Но у нее на уме был Клифф и то потрясение, которое она испытала незадолго до прихода мистера Риверса.

— Такая незадача, — болтала она. — Я пока не могу поехать к жениху. Сегодня утром получила от него письмо, в котором он просит подождать. Оказывается, Фервурда здесь не поддержали, или что-то в этом роде, и теперь у них там большие неприятности.

Эшли решил, что расспрашивать дальше — значит совать нос не в свои дела. Кроме того, он сомневался, что политические страсти могут играть столь важную роль в жизни молодого инженера. Но ему вдруг захотелось вернуть веселые искорки в синие девичьи глаза. Он сказал:

— Послушайте, не стоит так переживать. Я уверен, все образуется. В наше время перемены происходят быстро. Нужно надеяться, что для вас все повернется к лучшему.

— Огромное спасибо, — откликнулась Рози с той наивной пылкостью, которая так очаровала его. Она была восхитительно простодушна. — Мистер Риверс, а вы знаете Южную Африку? Вы бывали в Кейптауне?

— Бывал. Но мне пора. Завтра я заеду за билетом, тогда и расскажу вам о Кейптауне.

— О, спасибо огромное, вы ужасно добры! — начала Рози и вдруг в испуге прикусила язык: господи, какой чепухой она забивает голову уважаемому клиенту!

Эшли улыбался, глядя на нее. Он вряд ли признался бы кому-нибудь, что вместо того чтобы идти на званый вечер, предпочел бы остаться здесь и еще поболтать с этой девушкой. Он неохотно посещал званые вечера, но сегодняш-

ний пропустить было нельзя: его давал богатый промышленник, который мог стать выгодным партнером.

Подойдя к двери, Эшли обернулся и сказал:

— Хорошо, что я заказал билет, теперь можно не волноваться. Иначе сестра устроила бы мне головомойку.

Рози шла следом, чтобы запереть за ним дверь: рабочий день уже закончился. В ответ на его последнюю фразу она рассмеялась:

— И часто сестра устраивает вам головомойки, мистер Риверс?

— Реже, чем следовало бы. Мы с ней близнецы. К несчастью, она безнадежный инвалид. Мы живем за городом… У вас есть мой адрес? Если нет, запишите: поместье в Чейнфилде, Бакс. Если я задерживаюсь в офисе, то остаюсь ночевать в клубе. Но чаще всего еду вечером домой… к сестре.

— Мне очень жаль, — пробормотала она запинаясь. — Ваша сестра и… это такое несчастье для вас обоих.

Тонкое, приветливое лицо Эшли Риверса разом изменилось: оно словно окаменело. Его голос зазвучал холодно и отрывисто:

— Да, это несчастье. Спасибо, что выручили меня с билетом. Доброй ночи.

Он повернулся, надел шляпу и вышел на улицу. Рози закрыла дверь на ключ.

ГЛАВА 3

Эшли Риверс не пришел за билетом, а прислал рассыльного. Когда Берил сказала, зачем прибегал парнишка, Рози Беннет, к своему удивлению, по-настоящему огорчилась. Оказывается, ей очень хотелось увидеть мистера Риверса еще раз. Даже похвала мистера Трамма, отметившего, как хорошо она управлялась без него в агентстве, не утешала. Трамм был особенно доволен, что ей удалось достать билет на Мальорку на послезавтра. В сезон отпусков сделать это далеко не просто.

— Вы молодец, мисс Беннет, — сказал мистер Трамм, глядя на нее поверх толстых очков. Он был очень близорук. Высокий, тощий, сутулый человек с большой лысиной и печальным лицом, которое сейчас озаряла добрая улыбка.

Рози всегда жалела мистера Трамма. Он так много работает, а здоровье у него неважное. Жена его, властная, суетливая женщина, иногда заходила в офис и не упускала случая показать девушкам, что главная в доме — она. Рози никогда не понимала сварливых жен. Как они рассчиты-

вают удержать любовь мужа? Ужасно позволить первому яркому чувству угаснуть, превратиться в серый холодный пепел безразличия или, что еще хуже, обернуться иным жаром — жаром неприязни.

Родители самой Рози относились друг к другу заботливо. Мистер Беннет был веселый, общительный человек, очень любил свою семью и делал для нее все, что мог. Но даже он не вел себя с женой как влюбленный. Рози это огорчало: ведь маме нет еще пятидесяти и она по-прежнему хороша собой. Кто-кто, а уж Рози, часто говорившая с мамой, знала: миссис Беннет очень романтична в душе. Рози много раз слышала рассказы о том, как ее родители познакомились на танцах в Лейк-Дистрикт: Уолтер Беннет был родом из Улверстона, а его жена Маргарет из Уиндмера. Для обоих это была любовь с первого взгляда. Оба любили пешие прогулки и весь медовый месяц пробродили среди прекрасных озер. Однажды миссис Беннет показала Рози письмо, которое Уолтер прислал ей вскоре после помолвки. Простое и четкое. Все северяне такие. Однако некоторые строчки явственно говорили о пламенном чувстве. Он называл ее «моя обожаемая Мэгги». Писал, что ждет не дождется, когда снова

увидит ее и заключит в свои объятия.

Но это было двадцать три года назад. А теперь? Рози уже и не помнила, когда папа последний раз обнимал маму за плечи. «Обожаемая Мэгги» превратилась в «Маргарет, старушка» и «дорогая». Родители по-прежнему спали на большой двуспальной кровати, которую купили к свадьбе, но Рози не могла вообразить, чтобы между ними сохранялось пылкое чувство. Правда, когда у мамы после близнецов было осложнение, папа утратил обычную невозмутимость и очень волновался, пока она не поправилась. Он хороший отец и хороший работник. Начальство его ценит.

Однако Рози, размышляя о родителях и сотнях других супружеских пар, все больше укреплялась в решении любой ценой сохранить свою любовь. Они с Клиффом никогда не остынут друг к другу и навсегда останутся влюбленными. Она и думать не могла, что они заживут скучной семейной жизнью и муж, бросив «Спокойной ночи, дорогая», повернется на бок и начнет храпеть, позабыв о ее существовании.

Вчерашний вечер дома прошел ужасно: Рози пересказала родителям письмо от Клиффа, а они как назло обрадовались.

— Конечно, я жалею тебя, дорогая, — начала

мама. — Просто мы с папой радуемся, что ты пока не уезжаешь в Южную Африку. Клифф правильно делает, что откладывает свадьбу.

— Вот-вот, — согласился папа. Судя по его голосу, он предпочел бы, чтобы свадьбу отменили раз и навсегда.

Рози ушла спать в слезах, чувствуя себя обманутой. Ох уж эти противные события в Южной Африке! Она не могла слышать саму фамилию Фервурд. Из-за этого гадкого политика она, может быть, еще несколько лет не увидит Клиффа.

Собираясь утром на работу, Рози с радостью думала, что сегодня снова увидит мистера Риверса. Его-то она и спросит о положении в Южной Африке. Он с виду такой умный, во всем разбирается. Она чувствовала, как ее тянет к нему: это все потому, что он тоже инженер, как и Клифф. Очень преуспевающий инженер!

Рози жалела, что не смогла объяснить мистеру Риверсу, чем именно Клифф занимается. Она ровным счетом ничего в этом не понимала.

Вчера перед сном она написала Клиффу письмо, в котором просила сообщить хоть какие-нибудь подробности. Мистер Риверс однажды может оказаться Клиффу полезным. Рози решила, что, как хорошая, заботливая будущая жена, долж-

на поддерживать отношения с великим Эшли Риверсом — не только потому, что он ей самой симпатичен, но и для блага будущего мужа.

Поэтому она и почувствовала разочарование, узнав, что мистер Риверс не зайдет в агентство за билетом.

Мистер Трамм вернулся, дел у Рози стало поменьше, зато поводов для досады больше. Опять заявился назойливый Джон Уисли и попытался назначить ей свидание. Она отвечала довольно резко. Когда он вышел, Берил хихикнула:

— Ну, Рози, как ты отшила беднягу!

Рози вспыхнула. Глаза ее сердито сверкнули.

— Терпеть его не могу. Даже если из-за меня агентство потеряет клиента, мне наплевать!

— Просто ты очень хорошенькая, Рози, — сказала Берил, с восхищением глядя на старшую подругу.

Рози вздохнула. Она не стала говорить Берил про дурные вести от Клиффа. Ей вообще не хотелось об этом распространяться. Обида была еще слишком свежа. Она знала, что могла бы, если бы хотела, поужинать и потанцевать с Джоном Уисли. Но это исключено, даже если бы он ей нравился. Теперь она безраздельно принадлежит Клиффу.

Мистер Трамм ушел домой рано и, прощаясь с Рози, сказал почти виновато:

— Мне попадет, если я задержусь. Жена считает, что мне нельзя пока переутомляться.

— Конечно, конечно. И вообще до конца работы — всего полчаса. Я справлюсь.

Потом ушла Берил. Оставшись одна, Рози села за стол и попыталась написать деловое письмо, но мысли ее разбегались. Главным образом они устремлялись к Клиффу… но иногда и к Эшли Риверсу, который завтра улетает на Мальорку.

С легкой завистью она представила его в саду, о котором он рассказывал, — саду, полном удивительных деревьев и тропических цветов, на берегу синего-пресинего моря. Ох, побывать бы в Каларатьяде! В Лондоне сегодня так мерзко. Ветер холодный. Утром пришлось вместо ситцевого платьица надеть трикотажный костюм. Она напомнила себе, что вечером надо вымыть и уложить волосы. Просто ужас какой-то на голове. Впрочем, какая разница, ведь он, ее ненаглядный, так далеко! Вот если бы Клифф очутился рядом, успокоил бы ее прикосновением рук и губ, утешил бы игрой на гитаре, приятным негромким пением.

Рози мысленно себя одернула. Что пользы зря

расстраиваться? У мамы сейчас приступ сенной лихорадки. Надо идти домой и постараться развеселить семью. Поиграть с Аннабель.

Рози вздохнула, накинула на голову голубой шелковый шарфик, натянула короткие белые шелковые перчатки и закрыла на ключ двери офиса.

Выйдя на улицу, она огляделась. К вечеру еще похолодало, и ветер такой мерзкий. Она дойдет до почты, потом спустится в метро.

Вдруг длинный обтекаемый «ягуар» вылетел со стороны Найтсбриджа и остановился прямо перед агентством Трамма. Классная машина! Клиффу бы понравилась. Он всегда говорил, что разбогатеет и купит себе «ягуар». Светло-серый с серебристыми колесами. Красавец. Тут дверца открылась, и Рози, к своему изумлению, узнала в водителе самого Эшли Риверса.

— Здравствуйте. Я как раз вовремя…

Она подошла к автомобилю и робко улыбнулась:

— Здравствуйте, мистер Риверс. Боюсь, вы снова не застали мистера Трамма.

— А я на этот раз вовсе не к мистеру Трамму. Я приехал поблагодарить вас за билет.

У нее вспыхнули щеки.

— Ой, мистер Риверс, напрасно вы беспокоились. Столько проехать!.. — Она сбилась, смущенная и раскрасневшаяся.

Эшли вышел из машины и теперь стоял рядом с ней. Он был в твидовом пиджаке и серых фланелевых брюках. Так он выглядел совсем по-деревенски и гораздо моложе, чем в прежнем безупречном городском костюме. Но он действительно очень хорош собой. И такой высокий! Метр девяносто, не ниже.

Он взглянул на нее с улыбкой. Ветер прижимал короткую юбку к ее стройным ногам. Она была очаровательна. Он даже поведал о Рози своей сестре Дории. А Дория, всегда сочувствующая молодым влюбленным и ничуть не озлобившаяся из-за того, что сама прикована к инвалидному креслу, сказала, по обыкновению мягко:

— Бедняжка! Надеюсь, беспорядки в Южной Африке не помешают ее счастью. По твоим словам, она просто прелесть.

Именно так мысленно говорил Эшли Риверс о Рози: она прелесть.

Он сказал:

— Откровенно говоря, я еду в свою загородную усадьбу. Это по дороге. Мне не пришлось делать крюк, чтобы заехать сюда и поблагодарить вас

за хлопоты.

— Я н-ничего такого не сделала, — сказала она запинаясь.

Повинуясь внезапному порыву (обычно он был слишком занят, чтобы тратить время на подобные пустяки), Эшли предложил:

— Что, если мы куда-нибудь заскочим и выпьем по глоточку?

У Рози перехватило дыхание. Это что-то значит: сам мистер Риверс приглашает ее. Побуждаемая мыслями о Клиффе и его будущем, она решила согласиться. Кроме того, говоря по правде, ей было хорошо с этим высоким красивым человеком. От Эшли Риверса исходила необъяснимая сила, как большая теплая волна, в которую хотелось окунуться. Рози ответила:

— Вы очень любезны.

— Заглянем в Карлтон-Тауэрс. Знаете, там чудесный коктейль-бар?

Пришлось сознаться, что нет. Рози не принадлежала к кругу лиц, пьющих коктейли в шикарных лондонских барах. Она видела, как растут небоскребы, и частенько мечтала побывать внутри. Девушка критически оглядела себя: потрепанный вязаный костюмчик, отглаженная утром блузка уже помялась.

— Я не одета… — начала она.

— На мой взгляд, вы выглядите превосходно, — возразил он. — Садитесь!

Когда Эшли говорил таким тоном, спорить было невозможно. Рози робко села в роскошный «ягуар» — и совсем короткая поездка показалась ей захватывающей.

В следующую минуту они уже сидели в баре. Эшли заказал джин с кампари себе и слабенькое шерри Рози. Она к коктейлям не привыкла.

Он курил сигару. Потом она узнала, что Эшли почти ничего, кроме сигар, не курит. Для нее это было еще одним волнующим свидетельством богатства и власти. Сама она не курила, но для Клиффа сигареты были жизненной потребностью. Он очень сердился, когда они кончались.

Говорили, конечно, о Южной Африке. Эшли вспоминал, как ездил туда в прошлом году. В Родезии он тоже был и рассказал о сэре Рое Веленски, с которым там встречался, и о политической ситуации в целом. Она слушала с живым интересом, уверенная, что скоро сама станет частичкой этой великой страны.

— Ведь Клиффу не придется возвращаться в Англию, как вы думаете, мистер Риверс?

— Совершенно незачем. Если он в хорошей

форме и его ценят, то постараются удержать. Не понимаю, почему он пишет, будто фирма намерена расстаться с английскими служащими. Английские или местные — фирме все равно, был бы инженер опытный и человек работящий.

Рози нахмурила бровки:

— Надеюсь, все будет в порядке и я переберусь к Клиффу еще до Рождества.

— Будем надеяться.

— А независимость сильно переменит жизнь в Южной Африке?

— Она может вызвать некоторые финансовые ограничения и новые правила. Но мне самому Фервурд даже нравится. Он наведет порядок в стране.

— Конечно, ведь вы знаете! — сказала Рози уважительно. — И разбираетесь в этом.

Эшли Риверса тронуло и ее искреннее восхищение и ее доверие. Одновременно он почувствовал усталость: сегодня он работал в главном офисе и вынужден был сидеть за ленчем с двумя другими директорами компании. Может быть, это не столько усталость, сколько скука. Он действительно нуждается в предстоящем недельном отдыхе — в перемене обстановки и солнечном свете. Сейчас общество этой миловидной девуш-

ки было ему приятно и даже успокаивало. Ее романтические взгляды на жизнь и страстная уверенность в женихе изумляли его, как весьма редкие в наше время и в таком возрасте. Сейчас так много напускных чувств и так много легких, ни к чему не обязывающих романов. Подлинная верность встречается редко. Или он становится циником? Так или иначе, но общество Рози определенно ему нравилось. Он попивал коктейль, попыхивал сигарой и сквозь дым с любопытством изучал прекрасное лицо. Ее голос тоже ему нравился. Он был музыкальный, и смеялась она заразительно, щуря глаза. И красота ее рук завораживала. Пальцы длинные и тонкие, ногти овальные, покрыты еле заметным розовым лаком.

В располагающей атмосфере бара, чувствуя внутри приятную теплоту от шерри, Рози повеселела. Она уже не так робела, как вчера. Она много рассказывала о Клиффорде и о том, чем недовольны родители. Она даже спросила Эшли, считает ли он, что они правы.

Он чуть улыбнулся:

— Трудно сказать. Будь вы моя дочь, мне, наверное, тоже хотелось бы удержать вас возле себя. Как говорит ваш отец, в Южной Африке вы

будете слишком далеко от них, а летать в гости недешево.

— Да, знаю, мы с Клиффом не сможем себе этого позволить! — согласилась она.

«Мы с Клиффом…» — подумал Эшли. Она без конца повторяет эти слова, объединяя себя и того молодого человека из Кейптауна. Она действительно влюблена по уши. Как ни странно, это начинало даже раздражать Эшли. Какого черта он морочит Рози голову какими-то политическими беспорядками? Во всем мире беспорядки либо уже происходят, либо вот-вот начнутся. Это не повод тянуть со свадьбой — разве что парень потерял работу либо с ним случилось что-то еще, о чем он не хочет писать своей девушке.

— Вы давно знакомы с вашим женихом? — вдруг спросил Эшли. — Быть может, поэтому ваша семья и беспокоится?

— Вы сейчас говорите совсем как мой папа! — рассмеялась она. — По-моему, за несколько недель можно прекрасно друг друга узнать, если любишь так, как мы с Клиффом.

«Опять мы с Клиффом… Крепко она увязла». Эшли вдруг почувствовал нелепое желание убедиться, что этот молодой инженер из Кейптауна действительно что-то из себя представляет и

заслуживает такой безудержной любви. Стало досадно, что Рози сравнила его с мистером Беннетом. Да, ему тридцать, но он далеко не так стар, чтобы годиться Рози в отцы. Мало того, Эшли чувствовал себя в ее обществе отнюдь не по-отечески. Ему вдруг захотелось, чтобы она перестала говорить про Клиффа, села с ним в «ягуар» и позволила отвезти себя в Чейнфилдское поместье. Он познакомил бы ее с Дорией, показал бы ей старый дом и сад. Если на то пошло, он с радостью взял бы ее с собой на Мальорку — представил бы своим друзьям Джорджу и Милисент Рид. Обидно, что такая очаровательная особа проводит большую часть жизни в разъездах между Энсфилдом и Слоун-стрит, а в отпуск отправляется в Корнуолл.

Он залпом допил коктейль и встал:

— Извините меня, Рози, но мне пора. Понимаете, я еще не собрал вещи, а утром улетаю в…

— …Миддэй, — закончила за него Рози, тоже вставая.

— В Миддэй, — с улыбкой повторил он. — Конечно, вы знаете!

Он поблагодарил ее и сказал, что, наверное, еще как-нибудь к ней заглянет, а может, даже пришлет красивую открытку с Мальорки, с ви-

дом на море.

— Ой, как замечательно! — сказала она, сияя глазами. — И огромное-преогромное спасибо за шерри… и за разговор. Я столько всего узнала от вас про Кейптаун. Клифф будет доволен.

Эшли устал от имени Клифф и торопился домой к Дории. Ему не хотелось оставлять сестру — даже на неделю. За Дорией ухаживала мисс Диксон, которую она называли Дикки, — ее ближайший друг и утешитель. И к ней постоянно будут приходить гости. Но близнецы определенно не любили расставаться надолго.

Эшли вдруг рассердился: эта хорошенькая ясноглазая Рози полна жизненной энергии — с влажным взором и пылкими губами — и ожидает будущего мужа, а Дории предстоят пустые годы и ничего, кроме ненужной мишурной роскоши и того, что можно купить за деньги!

«Не понимаю, зачем я забиваю себе голову этой куколкой», — тоскливо думал Эшли. Он довольно холодно и отстраненно попрощался с Рози, потом сунул щедрые чаевые в руку швейцара, распахнувшего ему дверцу машины.

Он предложил Рози подвезти ее до метро, но она отказалась. Ей надо успеть на почту — отправить пачку писем.

Он поехал, не зная, увидит ли еще когда-нибудь Рози, — впрочем, его это и не заботило.

Однако чувство досады быстро прошло. Проезжая по Западной авеню, хмурясь из-за постоянных пробок, не позволяющих в полную силу использовать мощный двигатель «ягуара», он то и дело мысленно возвращался к Рози — вспоминал ее сияющее лицо и невероятные васильковые глаза.

Почему его преследует этот образ? Какое ему дело до ее любовной истории? Какое ему дело, выйдет ли она замуж за молодого человека, который, вероятно, ее недостоин? Он не знает этого Клиффа. Может быть, он замечательный парень и будет замечательным мужем. Как бы там ни было, он, Эшли, не намерен больше тревожиться из-за секретарши мистера Трамма.

И все же мысли о Рози не отпускали его почти до самого поместья. Здесь их окончательно вытеснили заботы о сестре и сборы в дорогу…

Рози вернулась домой озадаченная. Опять, как и вчера, прощаясь, мистер Риверс как бы замкнулся, стал чужим. Он чудной. Она его не понимает. Но он так мило вел себя с ней — она чувствовала себя польщенной, что была с таким человеком в Карлтон-Тауэрс. К тому же ее согре-

вало чувство, что она сделала что-то для Клиффа. Она была совершенно уверена, что когда-нибудь отзывчивый мистер Риверс пригодится ненаглядному Клиффу, и, цепляясь за эту мысль, старалась отогнать огорчение и не тревожиться из-за перемены в их планах.

ГЛАВА 4

От Клиффа пришло еще два письма. Оба были выдержаны в том же тоне, что и первое, разбившее ее надежды на близкую свадьбу. Во втором письме Клифф уверял, что, пока судьба Южной Африки не определилась, неразумно приобретать недвижимость, так что с бунгало придется повременить.

Рози отвечала с обычной теплотой, стараясь проявить участие к Клиффу в постигших его неприятностях и не показывать, как глубоко она разочарована. Правда, она все же позволила себе написать:

«Жизнь без тебя, ненаглядный мой Клифф, пуста и неинтересна, так что позови уж меня поскорее, ладно? Кстати, я познакомилась с одним очень важным директором инженерной компании. Он клиент мистера Трамма…»

Далее следовало описание Эшли Риверса.

Клифф отвечал с энтузиазмом:

«Отлично, синеглазка, мне не помешает нужное знакомство, если я решу собрать манатки и вернуться в Англию, хотя это только в самом

крайнем случае. Я предпочел бы увидеть тебя здесь. Мне решительно не по душе жизнь в дешевой лондонской комнатушке и отвратительная слякоть лондонских улиц».

Рози это задело. Конечно, она знала, что мужчины не такие, как женщины. Девушка была бы на вершине блаженства, окажись она с мужем даже в дешевой комнатушке, но, похоже, Клифф нуждается в более роскошной обстановке. Однако неужели такой пустяк, как слякоть, может встать на пути всепоглощающей страсти? И она послала коротенькое, отчаянное письмецо:

«Клифф, ненаглядный мой Клифф, если есть хоть малейшая надежда устроиться, не беспокойся о бунгало. Давай поженимся и будем поначалу снимать квартиру. Ты будешь со мной так счастлив. Обещаю».

В конце она писала, что поддерживает отношения с мистером Риверсом, который прислал ей с Мальорки открытку и наверняка еще зайдет, когда вернется в Англию.

«Но мне хочется еще раз повидаться с мистером Риверсом не только для того, чтобы у тебя был шанс устроиться на работу, если ты надумаешь вернуться. Знаешь, Клифф, он такой замечательный человек, я думаю, если вы познакомитесь, он

тебе понравится, но мне было бы очень неприятно, если бы он думал, что я просто использую его как трамплин для твоей карьеры».

На это письмо Клифф откликнулся быстро:

«Синеглазка, ты прелесть и иногда просто невероятно хорошая. Никогда не встречал такой честной и правильной девушки. Ты просто класс. От твоей дружбы с мистером Риверсом вреда не будет, так что продолжай в том же духе, разве что он из богатых волков и намерен увести мой очаровательную невесту, а если это так, пусть катится ко всем чертям».

Это заставило Рози рассмеяться. Приятно было узнать, что Клифф может ревновать. Если парень не ревнует — значит не любит. Она написала в ответ:

«Уж богатым волком мистера Риверса никак не назовешь. Он очень порядочный и отлично знает, что я безумно тебя люблю и скоро выйду за тебя замуж. Вот так-то!»

Она только что отправила письмо и собиралась сесть снова за стол, когда на глаза ей попалась вечерняя газета. Огромный заголовок гласил: «ЮЖНАЯ АФРИКА ВЫШЛА ИЗ БРИТАНСКОГО СОДРУЖЕСТВА».

Рози прочла новости и передовую статью, по-

священную тем же событиям. Сердце у нее упало. Фервурд решился… суммы денег, которые британцы смогут вывозить из страны, ограничены; многие британцы бунтуют, не хотят признавать режим Фервурда и порывать с родиной. На Йоханнесбургской бирже паника.

Рози побелела.

«Господи, — думала она, — это конец…»

Зазвонил телефон.

— Возьми трубку, Берил, и, если это мистера Трамма, переключи на него, — сказала Рози тихо. На глазах у нее выступили слезы. Она быстро вытащила носовой платок и промокнула глаза.

Берил сняла трубку:

— Это тебя, милочка.

— Не называй меня милочкой, — буркнула Рози и взяла трубку.

Она услышала приятный голос Эшли Риверса:

— Алло. Это мисс Беннет?

Лицо ее снова порозовело, и, хотя тяжесть на сердце не отпустила, звук знакомого голоса был ей приятен.

— Хорошо отдохнули на Мальорке? — спросила она.

— Я вернулся две недели тому назад и уже почти позабыл, что отдыхал, — ответил он. — Такая

была спешка, ни о чем, кроме дел, думать не приходилось.

— Но отдохнули-то хорошо?

— Замечательно. Друзья великолепно меня принимали. Я загорел дочерна, купался целыми днями. Вы получили открытку?

— Да, спасибо огромное, очень мило с вашей стороны.

— Я полагаю, вы уже слышали новости.

— Да, слышала. Ужас, правда?

— Не думаю. Все уладится. Так всегда бывает.

— Но это значит, что моя свадьба откладывается.

— Так пишет ваш жених?

— Я после сообщений в газетах не получала от него писем, но недавно он писал, что мне пока приезжать не стоит. А теперь все окончательно рухнуло.

— Гм, — произнес Эшли Риверс, словно отказываясь понимать поведение Клиффа. Потом продолжил: — Кстати, я рассказал о вас сестре, и она спрашивает, не хотели бы вы приехать к нам в Чейнфилд в воскресенье. Вы могли бы сесть на скорый до Биконсфилда, а вечером, если автомобиль будет свободен, мой шофер отвезет вас домой, Ну как?

У Рози перехватило дыхание. Приглашение было поистине неожиданным, но заманчивым.

— Ой! Как мило со стороны мисс… мисс Риверс… А она правда хочет меня видеть?

— Конечно. Я рассказал Дории, как много вам приходится работать в офисе и дома, и она думает, что вам полезно будет отдохнуть в нашем саду в такую прекрасную пору.

— Я так рада! — почти прошептала Рози.

Эшли добавил:

— Мы еще поговорим о вашем женихе и о положении в Кейптауне. Кстати, я встречаюсь с одним человеком, который приехал из Дурбана. Он доктор и мой друг. Я попрошу его обрисовать мне ситуацию. Может быть, съездим завтра в Карлтон-Тауэрс?

Рози приняла приглашение. Ей льстило, что такой человек ее заметил; волновало и то, что он встречается с приезжим непосредственно из Южной Африки. Он точно расскажет, что ожидает Клиффа, В конце концов, Клифф ведь разрешил ей встречаться с мистером Риверсом.

Так что Рози опять осталась в офисе после ухода мистера Трамма и Берил. И мистер Эшли Риверс снова прокатил ее в великолепном «ягуаре» до роскошного бара, который, видимо, любил; здесь

она пила шерри, а себе он заказал джин с кампари и льдом.

— За ваше здоровье, — Эшли поднял бокал и улыбнулся Рози. — И чтобы ваши неприятности поскорее закончились.

Она покраснела и ответила:

— Большущее спасибо.

Загорелый, Эшли был еще красивее. В петлицу его светло-серого костюма была вдета красная гвоздика. Он увидел, что Рози смотрит на гвоздику, и улыбнулся:

— Как на свадьбе, да? Я всегда ношу в петлице цветок. Сестра сама выбирает мне его каждое утро, когда я собираюсь на работу.

— Она, наверное, очень милая. Я так хочу с ней познакомиться.

— Я уверен, вы друг другу понравитесь. Что-то в вас напоминает мне прежнюю Дорию.

— Не может быть! — воскликнула она.

И все же это так: в Дории ощущался тот же налет робости, голос ее так же срывался от волнения. И глядела она тогда так, словно у нее не глаза, а звезды.

Рози такая же. Но звезды в глазах Дории давно погасли. Эта проклятая болезнь ее подкосила. Состарила прежде времени. Похитила румянец

с ее щек, рвущееся наружу счастье. Но у Рози все это есть — она счастливица!

Попивая коктейль и поглядывая на девушку, Эшли осознавал, что много, даже слишком много думал о ней в Каларатьяде. Он почти стыдился этого. Корил себя. Дело не в том, что он намного старше Рози. У многих тридцатилетних мужчин подруги ее возраста. Просто ему никак нельзя увлекаться Рози Беннет. Маленькое золотое колечко с бирюзой у нее на пальце — все равно что стальные ворота между ними. Она обручена. Она любит своего жениха. Эшли не имеет права ухаживать за ней. Он честный человек, он не встанет между девушкой и ее парнем из Кейптауна. Да, Рози с самого начала его заинтересовала. Ему с ней хорошо. Но не следует встречаться с Рози слишком часто. Чувства могут иногда сыграть с человеком злую шутку. Если он по-настоящему влюбится в эту замечательную девушку, ему конец.

«Но чувству, — мрачно сказал себе Эшли, — будет поставлен надежный заслон».

Он с деланным безразличием спросил ее о женихе:

— Есть новости от вашего приятеля?

Лицо ее опечалилось.

— Да, и все плохие. Как я уже рассказывала, политическая ситуация очень его огорчает. Он считает, мне не следует приезжать, пока все не уладится.

Эшли ничего не ответил. Он с самого начала не понимал, почему этот парень тянет со свадьбой. «Наверное, времена меняются, — думал он. — В его возрасте я покрепче схватил бы это прелестное создание и никуда не отпустил. Слишком боялся бы ее потерять!»

Эшли приподнял брови и улыбнулся Рози:

— Я считаю, что никакой опасности для вас нет, пусть даже Южная Африка и вышла из Содружества. Впрочем, вашему молодому человеку, без сомнения, виднее, что сейчас разумно, а что нет.

Она немного успокоилась, щеки ее порозовели.

— Я рада, что вы так думаете. Сама я считаю Клиффа очень разумным, а вот папа сомневается. Но даже он признает, что Клифф правильно ждет, пока ситуация прояснится.

Эшли промолчал, но подумал, что полностью согласен с ее отцом, но не находит этого молодого человека таким уж разумным. Впрочем, время покажет!

На этот раз они беседовали недолго. Эшли

почувствовал, что не может больше слушать восторженных похвал Клиффу. И все же его тянуло к девушке, тянуло сильно.

Допив коктейль, он сказал:

— Если это вам подходит, в воскресенье садитесь на поезд в одиннадцать двадцать до Биконсфилда. Я встречу вас на станции. Жалко, что не смогу подвезти туда, но уж обратно отправлю на автомобиле. Обещаю.

Она взглянула на него сияющими глазами:

— По-моему, это просто чудо, что вы меня пригласили. А обратно я могу и на поезде добраться.

— Довезем, — резковато оборвал он. — До скорой встречи.

— До свидания, мистер Риверс. С нетерпением буду ждать воскресенья.

Они встали. Несмотря на высокий рост, рядом с ним она казалась миниатюрной. Ее затылок едва доставал ему до подбородка. С такого близкого расстояния он видел ее жемчужную, почти светящуюся кожу. Щеки девушки были оттенка розовой гвоздики. Он никогда не видел такого цвета лица. Волосы, густо ниспадавшие на гладкий лоб, отливали полированной медью.

«До чего хороша», — снова подумал он и тут же рассердился на себя: не стоит увлекаться чужой

невестой.

Возвращаясь домой, Рози размышляла о мистере Риверсе. Он такой переменчивый: то дружелюбный и участливый, даже пригласил ее в гости, чтобы познакомить с сестрой. А то вдруг становится таким холодным и недоступным. Достоинство, с которым он держался, немного пугало ее. Но сила его воли — сила всей его личности — безусловно, восхищала.

Дом Беннетов на Хилл-крест походил на сотни других современных домов — маленький, неказистый, он стоял почти вплотную к соседним. Рядом был садик и гараж. Машины у них не было. В гараже стояли велосипеды близнецов, Мики и Робина, и маленький велосипед, на котором училась ездить Аннабель. Позади дома мистер Беннет пристроил небольшую столярную мастерскую, которой очень гордился. Он увлекался столярным делом и все свободное время мастерил разные полезные в хозяйстве вещи. Полировал он тоже превосходно. Сейчас он делал новые стулья в гостиную вместо старых, изрядно пострадавших от детской неаккуратности.

Дом, носивший странное название «Дели», стоял на вершине холма. Расположен он был удобно: магазины близко, а спустишься с холма

— и взгляду откроются зеленые деревья, обрамляющие широкое шоссе. Когда Беннеты покупали дом — сразу после рождения Рози, — он казался им вместительным. Теперь, с появлением близнецов, стал тесен.

У Рози была отдельная комната, но трудно найти тишину и покой в одном доме с двумя шумными школьниками и избалованной восьмилетней девочкой. Больше всего Рози мечтала об образцовой кухне для матери и для себя. Во всех домах на их улице были темные, пристроенные сзади кухоньки — так строили в двадцатых годах.

Беннеты знали, что не сумеют скопить денег и переехать в большой загородный дом, о каком мечтали. Приходилось мириться с «Дели». Особенно досаждали соседи справа. Они обожали музыку, и если не включали на полную мощность проигрыватель, то играли на пианино или на скрипке. Чтобы не портить отношений, Беннеты жаловались не очень часто, но временами шум этот сводил миссис Беннет с ума. Слева жила молодая пара с новорожденным младенцем, который частенько не давал спать своим несчастным родителям и Беннетам.

Впрочем, родители Рози радовались, что у них

собственный дом и садик, где можно выращивать овощи и цветы. Построенные вокруг огромные многоквартирные дома приводили их в ужас.

Только вчера Уолтер Беннет вслух сетовал, как сильно изменился мир с тех пор, как он был мальчиком. Наука, освоение космоса, полеты на Луну, безумные скорости на земле и в воздухе — бабушку и дедушку Рози это напугало бы. А насколько красивее был Энсфилд, когда их домик только что построили — сразу после первой мировой войны Одна старушка в конце улицы еще помнила первого владельца «Дели». То был отставной индийский служащий, он-то и назвал дом в честь города, где долго жил и работал.

Рози всегда говорила отцу, что жизнь меняется и люди тоже. По ее мнению, не следует ждать от молодых, чтобы они вели себя так же, как отцы и деды. Тут мама отпустила одно из тех замечаний, которые всегда раздражали Рози, несмотря на любовь к матери. Конечно, это был камешек в огород Клиффа.

— По-моему, некоторым современным молодым людям, невредно было бы чуть больше походить на твоего отца, Рози, или на моего. И, надеюсь, мои дети не вырастут такими, как эти ужасные подростки, которых показывают по

телевизору и в кино.

Рози стало жалко братьев и Аннабель. Они не будут чувствовать себя вольготно с родителями, погруженными в прошлое и твердо верящими, будто все, что было хорошо для них, будет хорошо и для детей.

Чем быстрее Рози выйдет замуж за Клиффа и уедет, тем лучше.

Когда семья садилась ужинать (сосиски, жареная картошка и мандарины из банки — любимая еда близнецов), Рози была преисполнена надежд на предстоящий визит в загородный дом мистера Риверса.

— Удивительно, что он тебя пригласил, — заметила миссис Беннет.

— Я сама удивляюсь, — ответила Рози, с завидным аппетитом поглощая ужин.

Мистер Беннет отложил в сторону газету, снял очки и поглядел на дочь:

— Кто этот мистер Риверс? Зачем ты к нему едешь?

— Ну папа! — рассмеялась Рози. — Не заводись! Уверяю тебя, это все совершенно прилично. Он живет с сестрой-инвалидом.

И Рози подробно рассказала родителям об Эшли Риверсе — большом человеке в инженером мире,

отметив, что в будущем он может быть полезен Клиффу.

Мистер Беннет сдвинул брови:

— Конечно, я знаю, о ком ты говоришь. Фамилия Риверс часто мелькает в газетах. Это большая фигура. Очень преуспевающий человек. Но чтобы ты, Рози, гонялась за покровителями? Это на тебя не похоже.

Рози покраснела и рассмеялась. Но Маргарет Беннет поддержала дочь:

— Я понимаю Рози. Иногда следует иметь полезное знакомство. Клифф — инженер. Если из-за беспорядков в Южной Африке он вынужден будет вернуться домой, ему потребуется помощь.

— Он и впрямь возвращается? — спросил мистер Беннет с надеждой. Человек сдержанный, он тем не менее обожал красавицу дочь и очень горевал, что она собирается покинуть их.

— Нет, не думаю, — сказала Рози. — Он пока не пишет об этом, но такая опасность есть, все так быстро меняется. И он писал, что мистер Риверс может оказаться ему полезен. Но я еду в Чейнфилд не только из-за этого. Мне хочется увидеть дом мистера Риверса, думаю, это целый дворец, и познакомиться с его сестрой. Они близнецы, и она пережила ужасную трагедию…

Рози поведала историю мисс Риверс.

— Бедняжка, — сказал мистер Беннет, — очень ее жаль. Но я всегда говорил — не в деньгах счастье. Уверен, мисс Риверс мечтает однажды проснуться здоровой и замужней, пусть даже без единого фартинга.

— Что такое фартинг? — встряла Аннабель.

Миссис Беннет взглянула на восьмилетнюю дочь, высокую, голенастую, с такими же, как у Рози, васильковыми глазами. Только волосы у Аннабель еще ярче. Уолтер в детстве был шатен. У близнецов головки тоже каштановые, а вот глаза серые и ресницы светлые. Обаятельные детки. Но зато сколько же с ними хлопот: стирки, глажки, уборки!

Неудивительно, что Аннабель не знает слова «фартинг», ведь фартинги — четверть пенни — уже несколько лет так вышли из употребления, а теперь уже и на полпенни ничего не купишь. Непонятно, зачем их еще пишут на ценниках.

Братья завели через стол словесную перепалку:

— Вот бы у меня была сестра, как у мистера Риверса, а не брат-придурок! — воскликнул Робин.

— А ты слабак, если хочешь сестру вместо брата! — нашелся Мики и высунул язык.

— Ну-ка не пререкайтесь за столом, — с усталым вздохом вмешалась миссис Беннет.

Мальчики скоро ее перерастут, а ведут себя ужасно. Все равно они ее лапушки. Вся семья ее лапушки. Но иногда ей нужна моральная поддержка. На Уолтера тут надежды мало — он слишком поглощен своей работой и столяркой. Рози всегда была главной маминой помощницей. Хорошенькая, она тем не менее никогда не думала только о себе, никогда не была эгоисткой. И характер у нее твердый, она всегда отлично управлялась с близнецами. И с Аннабель они ладили. Но когда дочь познакомилась с этим ужасным Клиффом Патерсоном и обручилась с ним, она заметно отдалилась от Семьи. А скоро и вообще уедет. Мысли эти огорчали миссис Беннет.

Убирая на кухне посуду, мать с дочерью болтали о мистере Риверсе.

— Он в тебя влюблен, доченька? — спросила миссис Беннет.

Рози, в джинсах и блузке, как раз принесла из гостиной последнюю стопку тарелок. Она ласково улыбнулась матери:

— Мама! Ты считаешь, что в меня все с первого взгляда влюбляются?

— Так оно и есть.

— Ладно, не забывай об этом, — Рози показала матери руку с обручальным кольцом.

Миссис Беннет сделала умное лицо:

— Ну, это не беда. На мой взгляд, помолвка для того и существует, чтобы было время подумать и ни к чему особо не обязывает.

— А моя обязывает, — сказала Рози. — Ты отлично знаешь, мамочка, что для меня не существует никого, кроме Клиффа.

— Тогда при чем здесь твоя новая дружба с мистером Риверсом?

— Просто дружба. Он клиент нашего агентства и очень добр ко мне. Он полагает, что мне приятно будет провести день за городом и познакомиться с его бедной больной сестрой. Он очень ей предан.

— Это не означает, что он не намерен однажды жениться.

Рози, насыпая в раковину порошок, тряхнула головой.

— Ну, мама, ты даешь!.. Не думала, что ты веришь в тайных воздыхателей. Не воображай невесть что из простого приглашения. Уверяю тебя, в этом смысле я его не интересую.

— Откуда ты знаешь?

Рози не приняла разговор всерьез. Мама такая выдумщица. Как будто Эшли Риверс может заинтересоваться секретаршей мистера Трамма. Да, она знала, что это возможно. Богатым бизнесменам случается приударить за хорошенькими секретаршами. Рози была не настолько наивна, чтобы это отрицать. Но она была убеждена, что между ней и мистером Риверсом ничего подобного быть не может, и поспешила разубедить мать.

— Не надейся, что я верну Клиффу кольцо и закручу с миллионером, мамочка. Выбрось это из головы, — рассмеялась она.

Аннабель звонко позвала:

— Поиграй со мной в дочки-матери, Рози.

— Сейчас, — откликнулась она.

Надо написать ненаглядному Клиффу. Она не запечатает письмо, чтобы добавить описание дома в Биконсфилде после того, как там побывает.

Но она так и не успела дописать письмо Клиффу.

ГЛАВА 5

День в Чейнфилдском поместье оказался для Рози замечательным с самого начала.

Ей повезло с погодой. Когда она утром выглянула из окна, было облачно. Энсфилд окутывал холодный туман. Через час выглянуло солнце и все вокруг изменилось.

Рози надела короткое платье, которое они с мамой и Клариссой сумели сшить за несколько часов из белого кримплена с большими ярко-розовыми цветами, без рукавов и без пояса. Пара коричневых капроновых чулок, белые босоножки. Короткие нейлоновые перчатки, тоже белые, сумочка из кожзаменителя. Голову она повязала розовым шарфиком.

С вечера Рози вымыла волосы шампунем, а утром уложила их в ближайшей парикмахерской. Мастер хорошо знал густые блестящие волосы Рози и причесал замечательно — спереди высоко, сзади, вдоль длинной тонкой шеи, свободными локонами. По обыкновению, Рози почти не накрасилась, только подвела губы розовой помадой. Розовый лак для ногтей, немного пудры

на короткий вздернутый носик.

Хуже было с плащом — модный летний плащ ей не по карману. Выручила Кларисса, одолжившая ей короткий белый жакет.

— Небось волнуешься — целый день в гостях у богача, — позавидовала Кларисса, когда они покончили с туалетом Рози. — Когда поедешь туда в следующий раз, скажи мистеру Эшли Риверсу, пусть и мне подыщет дружка-миллионера.

Рози рассмеялась, но, как и прежде в разговоре с матерью, вытянула на обозрение руку с золотым колечком.

— Не забывай про это!

— Конечно. Я просто шучу, — сказала Кларисса.

Когда Рози ушла на поезд, она позвонила миссис Беннет:

— Готова поспорить, что Рози выглядит превосходно, а, миссис Беннет?

— Да, — гордо отвечала мать. Но в разговоре с мужем она была не так весела: — Уолтер, мне больно смотреть на нашу дочь. Она такая красавица. Можно сказать, весь мир был бы у ее ног, а она похоронит себя в каком-то ужасном бунгало в Кейптауне.

Мистер Беннет, не столь романтичный и впе-

чатлительный, как его жена, примиряюще улыбнулся и похлопал ее по плечу:

— Ну, ну, может, это и не так плохо, как тебе кажется. Она любит этого парня и твердо вознамерилась выйти за него замуж. Не переживай так, Мэгги. Выше нос.

Услышав из уст мужа ласковое прозвище, миссис Беннет так изумилась, что у нее не осталось слов для обычной гневной тирады против Клиффа Патерсона.

Тем временем счастливая и беззаботная Рози сошла на озаренной солнцем станции Биконсфилд и с радостным возбуждением увидела знакомый «ягуар». За рулем сидел мистер Риверс.

Эшли тут же выбрался из машины и пошел навстречу. Ее поразило, как молодо он выглядит. Он был в шортах, ковбойке и блайзере. На шее повязан шелковый платок.

— Доброе утро! — сказал он. — Вы точны.

— Здравствуйте! Какой день замечательный! — сказала она с придыханием.

Эшли церемонно пожал ей руку, хотя, увидев ее за турникетом, нелепо обрадовался. Он отметил, как она сегодня обворожительна и как ему нравится ее особенность говорить с придыханием. Он не мог оторвать от нее глаз, сознавая, что дело

не только во внешности: она вся как бы лучится изнутри.

— Извините за мой вид, — произнес он, открывая дверцу машины. — Перед тем как отправиться вас встречать, я играл в теннис с соседом. Он моряк, капитан-лейтенант, и считает, что спортом надо заниматься спозаранку. Вообще-то он прав: потом становится жарко.

— Я люблю теннис, — призналась Рози.

— Не знал, что вы играете. — Эшли быстро взглянул на нее, выруливая со стоянки. — Вы должны были мне сказать.

— Ну я играю так себе, хотя и хожу в местный теннисный клуб. Клифф играет превосходно, и я думаю, что в Южной Африке буду играть чаще, чем дома.

Эшли скривил губы. Он надеялся, что сегодня ему не придется выслушивать речи про Клиффа. Но он вежливо осведомился у Рози, есть ли новости из Кейптауна, и получил отрицательный ответ. После этого Клифф отошел на второй план — даже для Рози. Чейнфилд ее очаровал. Рози сказала, что все выглядит как на картинке. Крикетная лужайка, утиный пруд, россыпь старых домиков в зарослях жимолости и глицинии, первые розы, магазинчик. Они выехали из деревни

по тихой дороге, проехали с милю под зеленым балдахином раскидистых буков и оказались перед воротами поместья.

Внушительные, окованные железом ворота поддерживались двумя каменными колоннами. Каждую венчал зеленовато-серый от времени грифон.

Они миновали сторожку — Эшли сказал Рози, что тут живут садовник и его жена. Дальше начинался изумительно ухоженный парк. Когда они подъехали к дому, у Рози вырвалось:

— Божественно!

Он улыбнулся ее преувеличенному восторгу:

— Нравится?

— Еще бы! Разве это может не понравиться? Это эпоха королевы Анны, не так ли?

Ему было приятно, что она узнала стиль и оценила дом по достоинству. Сам он любил свое обиталище, но, даже выслушивая похвалы Рози, сознавал, что дом находится в небрежении — высокие налоги, да и с рабочей силой трудновато. Но сад в отличном состоянии — это отрицать не приходится. Старый Дженкинс — ему уже за семьдесят, он служил еще родителям Эшли — с единственным мальчиком-помощником творит чудеса.

Усадьба была каменная, с красивыми окнами, наполовину увитая фиолетовыми клематисами.

Над крышей виднелись старые длинные печные трубы. Дом производил впечатление ясности и изящества. Впереди расстилался зеленый ухоженный газон, обрамленный клумбами, на которых уже зацветали розы. Гостья не успевала примечать детали; она разглядела аккуратно подстриженные тисовые кусты, полоску цветущих синих и белых люпинов, красные гвоздики. Низкие, окованные железом ворота, по словам Эшли, вели в садик, который особенно любила Дория. Дальше был бассейн с подогревом и теннисный корт.

Дом миллионера, подумала Рози, и тут же в мозгу ее вспыхнула мысль: как бы Клиффу тут понравилось! Если бы он был сегодня с ней и видел все это!

На лужайке под величественным темно-зеленым кедром, рядом с белым столом, в инвалидном кресле сидела девушка. Колени ее прикрывала шаль.

— Моя сестра Дория, — сказал Эшли.

Как всегда, при упоминании этого имени голос и выражение его лица изменились. Сейчас он был сама нежность. Он явно боготворит бедную кале-

ку. Но, выйдя из машины и направляясь вместе с Эшли к девушке, Рози поняла, что слова «бедная» и «калека» к Дории Риверс неприменимы.

Она была не просто прекрасна. От нее исходила такая жизненная сила, которая заставляла забыть про впалые щеки, про морщины, оставленные страданиями вокруг опушенных длинными ресницами глаз — серых, миндалевидных, в точности как у брата. Она казалась гораздо моложе своих тридцати, когда сидела вот так на ярко-голубых подушках, с голубой лентой, обхватившей густую копну соломенно-желтых волос.

Со слов Эшли Рози знала, что сестра его блондинка, хотя сам он брюнет, но сейчас их различие ее обворожило — различие и сходство. Форма головы, высокий умный лоб, тонко очерченные губы — все было как у Эшли.

Рози видела, что Дория красится, но совсем чуть-чуть и кстати. Длинные блестящие волосы придавали ей свежий вид, и не верилось, что она не может встать и пойти. Страшно подумать, что ноги под этой шалью безжизненны и вялы.

Однако Дория была не из тех, кто позволяет себя жалеть Она протянула Рози руку и ласково улыбнулась:

— Здравствуйте! Как мило с вашей стороны нас

навестить. Эш столько говорил о вас. Мне очень приятно с вами познакомиться, мисс Беннет.

— Спасибо… только, пожалуйста, называйте меня Рози, — выговорила девушка, запинаясь. — Меня все так зовут.

— Какое подходящее имя — правда, Эш? — Дория взглянула на брата. — Наша гостья похожа на те божественные розы, которые я так люблю. Они, кажется, называются «загляденье», да?

— Тебе лучше знать, дорогая. Я не запоминаю названия роз, — улыбнулся Эшли. — Но я охотно соглашусь, что наша гостья — загляденье.

Дория скорчила гримаску:

— Ой, как остроумно! Но в самую точку. Садитесь, Рози, и выпейте чего-нибудь холодненького. Эш, радость моя, позови Луиджи — пусть принесет выпить. Тепло-то как! Вы привезли с собой хорошую погоду, Рози.

Рози присела на краешек кресла-качалки и стала стягивать перчатки:

— Здесь действительно чудесно. Спасибо, что вы меня пригласили.

— Я хотела познакомиться с вами; кроме того, мой брат считает, что вы слишком много работаете в агентстве и дома. День за городом вам не повредит.

Рози глубоко вздохнула, разглядывая сад. Все ее восхищало: дом, лужайка, синее небо, зеленые деревья и цветы, птичий гомон.

— В такие минуты мне ничего, кроме Англии, не нужно и совсем не хочется ехать в те дальние страны, куда я целыми днями отправляю других, — сказала она Дории.

Дория взяла из портсигара на столе сигарету и протянула Рози, которая шепотом ответила:

— Нет, спасибо.

Дория закурила. Теперь, вблизи, Рози лучше разглядела разрушительные следы ужасной болезни, погубившей ее молодость. В улыбке Дории ощущалась застарелая печаль. Длинные пальцы были слишком худы. И все же она улыбалась. Рози вскоре узнала: сестра Эшли всегда улыбается — улыбается с изумительным мужеством, как бы ей ни было тяжело.

— Мне всегда говорят, что я слишком много курю, но других пороков у меня нет, — сказала она весело.

— Надеюсь, вам это не повредит, мисс Риверс.

— Дорогая, если вы для меня Рози, то и я для вас Дория.

Рози подумала: «Какая она милая. Совсем не важничает. Как этот человек ее бросил? Если бы

Клифф заболел полиомиелитом и стал инвалидом, я за радость бы считала ухаживать за ним всю жизнь».

Дория продолжала:

— Я очень благодарна вам, что вы помогли брату с билетом на Мальорку и ему удалось слетать. Он нуждался в хорошем отдыхе. Эшли стал лучше выглядеть.

— Да, это заметно.

— Он всегда много работает. Наш кузен Джек Уинтрингем — его мать была сестрой нашей матери, — по-моему, больше развлекается, чем ведет дела.

— Не могу вообразить, чтобы мистер Риверс развлекался, — сказала Рози робко.

Дория рассмеялась и мизинцем стряхнула с сигареты пепел:

— Нет, что вы, Эшли не всегда такой надутый и важный. Вы не поверите, какой он иногда веселый… Бывал, — поправила она себя и вздохнула. — Признаю, что в последние годы ему пришлось нелегко и он посерьезнел. У него много хлопот со мной. Мы близнецы и всегда очень дружны. Боюсь, моя болезнь и на него наложила отпечаток. Конечно, нехорошо, что он всего себя посвятил мне. Он должен жениться и завести

детей.

— По-моему, ему никто, кроме вас, не нужен, — сказала Рози. — Я знаю, как близнецы друг друга любят. У меня братья-близнецы.

— Расскажите мне о них, — попросила Дория.

К тому времени как Эшли вернулся, Рози успела немало узнать от Дории о маленьком семействе в Биконсфилде. Следом за Эшли подошел Луиджи, смуглолицый темноглазый итальянец с подносом. За ним — полная седая женщина в очках и крахмальной накидке. Ее представили Рози как мисс Диксон.

— А проще — Дикки, — сказала Дория. — Мой телохранитель, лучший друг и гадкая старая мучительница.

Мисс Диксон поджала губы и косо взглянула на свою подопечную.

— По-моему, мучают здесь меня! — воскликнула она, состроив Рози гримасу. — Вы бы только видели, как со мной обращаются, когда никого нет. Я уже собственной тени пугаюсь.

Эшли, только что закуривший сигару, улыбнулся и дружески похлопал мисс Диксон по спине:

— У вас хорошо откормленная тень, Дикки, радость моя. Килограммов на восемьдесят потянет.

— Нахал! — фыркнула она.

— Милая Дикки, что бы я без вас делала? — проговорила Дория. — Выпейте, Рози. Пусть Эшли смешает вам свой коронный коктейль.

— Я лучше выпью просто шерри, — сказала Рози.

— Наша гостья не любительница коктейлей. Вряд ли ей придутся по вкусу слишком крепкие напитки, — сказал Эшли.

Мисс Диксон склонилась над Дорией:

— Все в порядке, зайчик? Не хочешь перебраться в тенек?

— О нет. У нас так редко бывает солнышко. Мне тут чудесно.

Эшли сел в кресло-качалку рядом с Рози. Шорты и ковбойку он сменил на широкие брюки и рубашку, на шею повязал полосатый шелковый платок — похоже, он вообще питал слабость к платкам. Деловой человек, усталый промышленный магнат, уступил место молодому Эшли, который чаще улыбался, чем хмурился. Все были веселы и дружелюбны. Рози чувствовала, что ее приняли в домашний маленький круг, и не ощущала ни малейшего стеснения.

Эшли протянул ей блюдце с соленым миндалем и сказал:

— После обеда я покажу вам поместье. Надо

познакомить вас с Медовой Блондинкой.

Рози сделала большие глаза, и он добавил смеясь:

— Да, с моей подружкой!

— С единственной его подружкой, — вставила Дория, — с его кобылой. Она прелестная — цвета меда. Он проезжает ее по утрам и охотится в сезон. Она только что отличилась: подарила ему очаровательного жеребеночка.

— Ой! — воскликнула Рози. Щеки ее покрылись румянцем. — Как интересно. Я очень хочу увидеть.

— Он появился только вчера, — сказал Эшли. — Хотите стать крестной и дать жеребенку имя?

— Еще бы! — восторженно отозвалась Рози.

— Серебряную ложечку дарить необязательно, — добавил Эшли, — но бутылку шампанского мы в конюшню возьмем. Слегка окропите ему носик шампанским и дайте Блондинке большое яблоко, а потом мы допьем шампанское.

К тому времени когда Луиджи позвал всех к столу, Рози вполне освоилась и больше не смущалась и не тревожилась, пришлась ли она ко двору. Она не помнила, чтоб ей когда-нибудь было так весело и легко. Кто бы мог вообразить, думала она, что брат и сестра пережили траге-

дию? Они столько говорили, шутили, смеялись, что Рози с удивлением обнаружила: она почти не вспоминает о Клиффе. Почувствовав себя предательницей, она решила исправиться и поговорить с Дорией о женихе.

— Как бы я хотела, чтобы Клифф вместе с нами был на крестинах в конюшне, — вздохнула она. — Он обожает лошадей и в Кейптауне каждый день ездит верхом. Когда мы сможем себе позволить, он купит мне лошадку.

— Клифф — это ваш жених? — спросила Дория. Она сидела в кресле за столом напротив брата. Сейчас Рози поразило, как хрупка бедная Дория, какие у нее покатые плечи, хотя белокурую головку она держала прямо, и никто бы не догадался, что она почти все время страдает от сильнейших болей в спине (об этом мисс Диксон рассказала Рози в конце того же дня).

Рози с живостью заговорила о Клиффе и о том, что нынешняя политическая ситуация в Южной Африке мешает им пожениться. Дория слушала с интересом, отпуская сочувственные замечания и стараясь утешить Рози. Мисс Диксон тоже упомянула знакомую медсестру в Йоханнесбурге, ярую сторонницу нового режима. Все старались подбодрить Рози. Только Эшли хранил молчание.

Дория с тревогой поглядывала на брата. Конечно, она догадывалась: Эшли влюблен в эту девушку. Может быть, он сам не вполне это осознает… Иначе он не говорил бы о Рози так часто, не пригласил бы ее сюда.

После смерти Вероники Эшли много раз говорил, что никогда не женится и никто, кроме сестры, ему не нужен. Однако долго так продолжаться не может. Он красив, богат, занимает высокое положение в обществе. Ему надо жениться, чтобы у него был сын — наследник его имени и дела.

Немало девушек перегостило в Чейнфилдском поместье. Разные — красивые, умные, спортивные… Отличные наездницы, как Эшли, — они охотились вместе с ним. Достойные стать хозяйкой большого поместья. И Дория ни разу не испытала приступа эгоистической ревности. Она вовсе не хотела, чтобы брат остался холостяком и отдавал ей себя без остатка.

Но эта девушка… эта Рози Беннет… иное дело. Нет, Дорию не смущало, что Рози из простой семьи и работает в туристическом агентстве. Это глупые предрассудки. Дория отнюдь не кичилась своим происхождением. Кроме того, на ее взгляд, Рози была очаровательна. Редкая красавица и к

тому же мила. Но Эшли нельзя увлекаться Рози, потому что она безумно любит другого и собирается за него замуж.

Эта история не сулит Эшу ничего хорошего, и девушке, если она вдруг его полюбит, — тоже. А Дория, боготворившая брата, не могла представить, чтобы хоть одна девушка устояла перед Эшли, если он вздумает ее завоевать. Все это тревожило Дорию. Она знала брата и могла глубоко заглянуть в его мятущуюся душу. Она верно угадала, почему он нахмурился и молчит, пока остальные обсуждают жениха Рози. Само имя молодого человека раздражало Эшли.

И Дория тоже замолкла, ушла в свои мысли, поэтому обед закончился не так весело, как начался.

Но Рози явно не замечала, как смотрит на нее Эшли. В ней отсутствовало всякое кокетство. Это удивляло и восхищало. Многие красивые девушки слишком озабочены тем, как смотрят на них мужчины.

Потом все пошли в сад, куда подали кофе. Солнце светило по-прежнему ярко, хотя, как заметил Эшли, прогноз неутешительный. Ночью ожидается гроза.

Но до ночи было еще далеко, и Рози ждал еще

долгий, ничем не омраченный вечер. Снова мысли о Клиффе ушли на второй план. Она не только влюбилась в ласковую и мужественную Дорию, но и поддалась очарованию Эшли. Очарованию, которое он в последнее время так редко пускал в ход!

Он был возбужден, как мальчишка, весел и разговорчив, когда показывал Рози конюшни, знакомил с рыжим веснушчатым пареньком — Фредом, который ухаживал за лошадьми. Фред с гордостью продемонстрировал Медовую Блондинку и жеребенка, которого она только что покормила. Рози ничего или почти ничего не понимала в лошадях, но и она видела, что кобыла замечательная — породистая, действительно медового цвета, с почти белой гривой и длинным струящимся хвостом. Когда подошел Эшли, лошадь радостно заржала и ткнулась носом в его ладонь. Он похлопал ее по теплой гладкой шее. Жеребенок, изящнейшее маленькое создание, какое только Рози доводилось видеть, — в точности того же цвета, что и мать, — еще нетвердо стоял на длинных тоненьких ножках.

— Ой! — воскликнула Рози. — Никогда не видела такого малюсенького!

Эшли погладил жеребенка по голове:

— Это твоя крестная, малыш. Посмотри на нее.

Жеребенок послушно повернулся к Рози. Она рассмеялась и обхватила его руками:

— Ой, лапочка! Жалко, я фотоаппарат не взяла.

— Завтра же сфотографирую и мать, и сына и пришлю вам фотографию, — сказал Эшли.

Он подумал, что никогда не видел ничего прекраснее, чем эта девушка в ярком платье, прижавшаяся раскрасневшейся щекой к мордочке жеребенка. Он тоже пожалел, что у него нет с собой фотоаппарата с цветной пленкой, чтобы запечатлеть этот красивейший момент.

Эшли не узнавал себя, и это его раздражало. Он уже понял, что многое отдал бы за то, чтобы девушка была свободна и чтобы он мог всегда любоваться ею. Его охватило сумасшедшее желание оторвать ее от жеребенка и сказать: «Обхвати руками мою шею. Позволь мне тебя обнять. Ты именно та, кого я искал всю жизнь».

До того как в его жизнь вошла Рози Беннет, Эшли счел бы эти слова смешными, мальчишескими. В глубине души он был сентиментален, однако научился скрывать свои чувства. Все свое сердце он отдал Дории. Трудно поверить, что ему суждено было войти в туристическое агентство, заглянуть в васильковые глаза юной секретарши

и с того мига почувствовать себя околдованным.

Почему, ради всего святого, этот Клиффорд Патерсон отыскал ее первым?

К счастью для Эшли Риверса, к ним подошли еще несколько человек и отвлекли его от мыслей о Рози.

Появился его сосед капитан-лейтенант Джеймс Ховард с женой Каролиной. Это была седая, но еще привлекательная женщина в легком полосатом костюме. Эшли был дружен с Джеймсом и Каролиной, они частенько наведывались в усадьбу. У них был очаровательный домик в стиле Тюдоров и небольшая птицеферма, которую капитан-лейтенант завел после выхода в отставку. Дела их не спорились, и жилось нелегко. Им пришлось пережить большое горе: умер их единственный ребенок. Они взяли на воспитание рано осиротевшую племянницу Джеймса. Сейчас ей было уже двадцать три, и Синтия пришла вместе с ними в гости. Знакомя ее с Рози Беннет, Эшли ощущал некоторую неловкость. Синтия лишь коротко улыбнулась и кивнула ему — можно было бы сказать, что она ведет себя с ним подчеркнуто вежливо. Все внимание она устремила на жеребенка.

Но Эшли не могла обмануть ее внешняя холод-

ность. К несчастью, он знал подлинные чувства Синтии, и сам был отчасти в этом виноват. Однажды он сильно сглупил, проявив излишнее участие. Синтия тогда испытывала большие трудности, приспосабливаясь к взрослой жизни после бурной и безуспешной смены школьных пансионов.

Дория все это знала: Каролина Ховард часто с горечью рассказывала ей о племяннице Джеймса. Миссис Ховард приняла Синтию в свой дом и в свое сердце, надеясь, что та в какой-то мере заполнит пустоту, оставшуюся после умершего ребенка. Но ничего не вышло — из-за характера Синтии, так не похожей на спокойных, мягких тетю и дядю. Джеймс вроде бы понимал Синтию и ладил с ней лучше других. Он говорил, что она пошла в своего отца — его брата, который всегда был замкнут и плохо сходился с людьми. Увы, ему недоставало одного из слагаемых человеческого счастья: умения легко относиться к жизни.

ГЛАВА 6

Синтия всегда была мрачна и уныла. Сначала она копила в душе обиды, потом устраивала жуткие истерики. Дория называла ее буревестником. Каролина старалась найти с ней общий язык и сделать из девочки хоть что-то более-менее привлекательное, но отношения у них не складывались, и в конце концов Каролина отступилась. После школы Синтия поступила учиться на курсы секретарей, а потом нашла работу в Лондоне, куда ездила на поезде. Она сменила несколько мест, но нигде подолгу не задерживалась. У нее был слишком беспокойный и изменчивый характер. Одним из самых больших ее несчастий была обостренная чувствительность. Она вечно придумывала себе несуществующие обиды и ссорилась с людьми.

Эшли видел Синтию довольно редко, он был постоянно занят. Познакомившись поближе с Синтией, он понял, что ей следовало бы обратиться к психиатру. Но в семье Ховардов никто не произносил этого слова вслух, да и, кроме того, некоторое время казалось, что Синтии стало

лучше Счастье улыбнулось ей. Она полюбила одного из младших совладельцев брокерской конторы, в которой работала. Услышав от Ховардов эту новость, Эшли и его сестра порадовались: наконец-то все беды останутся у Синтии позади, она выйдет замуж и будет счастлива. Но этим надеждам не суждено было сбыться. Синтия стала жертвой собственного несносного характера. Она ужасно ревновала жениха, и после очередной бурной сцены помолвка была расторгнута.

После этого случая Синтия почувствовала себя еще несчастнее и еще больше замкнулась. Ей пришлось уволиться из фирмы и найти себе другое место — в журнале для женщин, где она проработала весь последний год и казалась довольной. Она ведь была совсем не глупой и могла при желании прекрасно работать. Она вроде бы неплохо ладила с коллегами по службе, ей нравилась царившая там атмосфера. Ховарды вздохнули с облегчением: они полагали, что с их племянницей снова все в порядке.

Но на прошлое Рождество, вскоре после того как ей исполнилось двадцать два года, на несчастную Синтию обрушилась новая беда. На этот раз причиной ее душевных терзаний стал Эшли. Она в него влюбилась. Об этом никто, кро-

ме Эшли, ничего не подозревал. По натуре своей Синтия была скрытной — такие люди умеют прятать свои чувства. А Синтия, когда хотела, умела прятать их очень глубоко. Но однажды, ясным холодным утром, когда они вместе катались верхом, девушка призналась Эшли, что безнадежно в него влюблена.

Синтия неплохо ездила верхом, и Эшли нравилось брать ее с собой на прогулки. К тому же она отличалась остроумием и, хотя не умела смеяться над собой, других высмеивала превосходно. У нее замечательно получались пародии. Даже Дория находила ее общество занятным. Эшли никогда ею не увлекался, но и он не стал бы отрицать, что Синтия умна и незаурядна. И внешне она тоже была хороша. Может, только немного высоковата и слишком худа, с плоской мальчишеской фигурой. У нее была красивая головка с короткими густыми темными волосами, гладко зачесанными назад с высокого лба. Ее главным достоинством являлись глаза: зеленовато-карие и прекрасные. С помощью большого количества туши и теней она еще сильнее подчеркивала их блеск и величину. Однако нос у нее был слишком длинный, а губы чересчур тонкие для настоящей красавицы. Еще она непрестанно курила,

демонстрируя свои корявые руки с квадратными ногтями. Руки свои она ненавидела. Дория однажды сказала Эшли, что из-за них у Синтии развился комплекс неполноценности. Они никак не подходили для такой высокой и тоненькой девушки. Тем не менее иногда Синтия выглядела очень привлекательной. Она всегда хорошо одевалась и следила за своей внешностью.

Сегодня на ней были отлично сшитые черные брюки и белая рубашка, которая ей очень шла. Она недавно вернулась из Италии, где отдыхала с приятельницей и сильно загорела.

Видя, как темноволосая Синтия разговаривает с Рози, Эшли нахмурился. Почему-то ему не хотелось, чтобы она приходила сегодня. Она не тот человек, который может понравиться Рози, и у нее, он был уверен, это знакомство не вызовет восторга. Синтия слишком ревнива и завистлива, чтобы проникнуться симпатией к девушке, которая гораздо красивее. Кроме того, в присутствии Синтии Эшли всегда испытывал смутное беспокойство.

Он не мог забыть то утро, когда после прогулки верхом они вернулись в конюшню, чтобы расседлать лошадей — у Фреда был выходной, — и она открыла ему свое сердце. Это случилось

совершенно неожиданно. Ему и в голову не приходило, что Синтия испытывает к нему нежные чувства — она всегда держалась с ним сдержанно и просто. Вдруг ни с того ни с сего она подошла к нему, обняла за шею, притянула его голову к себе и поцеловала с такой горькой страстью, что он был потрясен.

— О Эшли, я так люблю тебя! О боже, лучше бы я умерла, — сказала она и расплакалась.

Эшли не отличался тщеславием. Ему ничуть не польстило такое проявление чувств со стороны девушки, которая моложе его на семь лет и которую он знал еще ребенком. Он очень огорчился и ужасно жалел Синтию. Без сомнения, она говорила искренне. Это не было простым кокетством или легким флиртом. Хотя он предпочел бы, чтобы ее чувство оказалось не таким глубоким.

Он попробовал, потрепав по плечу, по-братски успокоить ее:

— Милая Синти (добрые знакомые называли ее этим именем), прошу тебя… Не может быть, чтобы ты говорила всерьез.

Она почти сразу овладела собой. Отодвинулась от него, сжала зубы и быстро смахнула слезы с глаз:

— Неважно, всерьез я говорила или нет. Я сде-

лала глупость. Извини.

Он прикурил сигарету и протянул ей:

— Давай покурим, тебе надо успокоиться.

Прекрасные глаза, которые так оживляли худое, невыразительное лицо девушки, снова наполнились слезами, и она, как мальчишка, смахнула их тыльной стороной ладони:

— Не надо меня утешать.

— Как скажешь, дорогая, — мягко ответил он.

Она дрожащими пальцами выхватила у него сигарету, затянулась и нервно рассмеялась:

— Вечно я веду себя глупо. Я еще раз прошу прощения. Я не хотела ставить тебя в неловкое положение. Ты ведь тоже считаешь, что со мной трудно общаться?

— Я так не считаю, Синти. Ты всегда была мне хорошим другом. У тебя сильный характер. Просто пока тебе не везло в жизни.

Она снова рассмеялась:

— Тетя Кэрри и дядя Джеймс считают, что я сама во всем виновата, что я трудный человек и со всеми ссорюсь.

— Ну не будешь же ты ссориться со мной, — сказал Эшли, стараясь ее ободрить. — И не надо копаться в себе. Толку от этого не будет. Те, кто мутит воду, бывают неприятно удивлены, увидев,

что всплывает на поверхность.

Она повернулась к нему и снова вытерла слезы.

— Со всеми я порчу отношения, — пробормотала она. — И вот теперь с тобой — самым дорогим для меня человеком.

Он терпеливо и тактично принялся уверять ее, что их отношения останутся прежними, если она сама этого хочет. Он упомянул имя человека, с которым она прежде была помолвлена, и увидел в ее глазах такую боль, что у него сжалось сердце.

— Да, знаю. Найджел был бы прекрасной парой для меня, но я упустила свое счастье. Я ведь обожала его и слишком много от него требовала, как он выразился. Знаешь, что еще он сказал? «Корабль идет ко дну, Синтия, потому что твоя любовь — слишком тяжелый груз». Никогда не забуду эти жестокие слова. Они разрывают мне сердце. Пойми, я все про себя знаю. Когда люблю, то люблю всем сердцем, всей душой. Даже в детстве я была такая. Мне хотелось, чтобы тетя Каролина обняла меня и приласкала, а она только смеялась надо мной. Она бесчувственная. И многие девушки, которых я знаю, тоже такие: холодные и бесчувственные. Хотя мужчинам только такие и нравятся. Я поняла, что не нужна

больше Найджелу, и вернула ему кольцо. Но, хочешь верь, а хочешь нет, я всегда любила только тебя, но вот теперь и ты от меня отвернулся.

— Но, Синти, милая, этого не может быть! — попытался возразить ей Эшли.

В конце концов она сменила тему и сказала, что больше никогда не позволит чувствам взять над собой верх и не будет вести себя так, как сегодня.

— Забудем об этом.

— Все уже забыто, — заверил ее Эшли. — И я по-прежнему твой преданный друг.

Но у него осталась память о ее поцелуе и слезах, о том, как ему внезапно открылись ее тоска и боль, прятавшиеся под маской сорванца-мальчишки.

После этого случая Ховарды несколько раз обедали у них; да и они с Дорией бывали у них в гостях. Синтия держалась так же ровно и непринужденно, как обычно, но это не могло обмануть Эшли. Снова и снова он ловил на себе ее грустный взгляд и от всей души жалел, что не в силах помочь. И вот сегодня он оказался в таком же положении, что и она. Он без ума влюблен в девушку, которая никогда не ответит на его чувство.

Как комично иногда складывается наша

жизнь.

Он бросил взгляд на высокую темноволосую Синтию почти одних лет с Рози, но казавшуюся гораздо старше. Сейчас обе девушки от души смеялись, потому что жеребенок оторвался от матери и просунул голову между ними. Он услышал свежий, задыхающийся от восторга голос:

— Ну разве он не прелесть?

И ответ Синтии:

— Очень мил. Эш, тут нам кто-то обещал шампанское…

Дория поддержала ее:

— Да, пора. Дикки, отдай бутылку Эшу, а Рози пусть скажет, какое имя она даст нашему малышу.

Улыбка сошла с лица Синтии.

— Обряд доверено совершить миссис Беннет?

— Меня попросили быть крестной матерью, — ответила Рози, глядя на Синтию сияющими глазами.

Синтия отвернулась. Наблюдающий за этой сценой Эшли догадался, что несчастную девушку терзают невыносимые муки ревности.

Только этого ему не хватало!

Хотя он и относился к Джеймсу и Каролине с искренней симпатией, но тут пожалел, что Дория

пригласила Ховардов. Синтии обязательно надо устроить представление.

Он с облегчением повернулся к лучившейся от радости Рози:

— Так как же мы назовем нашего красавчика?

— Я не знаю… — начала она.

— Как, разве вы еще не придумали? — удивилась миссис Ховард.

— Не стесняйтесь, Рози. Подумайте хорошенько, — предложила Дория.

С ее умом и проницательностью нетрудно было догадаться, что сейчас испытывает Синтия Ховард. У бедной девушки в глазах потемнело от ревности: мало того, что Эшли пригласил эту красотку, он еще попросил ее быть крестной для жеребенка.

— Может быть, кто-то уже придумал для него хорошее имя? — смущенно спросила Рози.

— Нет, я хотел бы, чтобы это сделали вы, — сказал Эшли.

Он стоял прямо у нее за спиной, чувствовал тонкий аромат ее волос и видел сливочную белизну ее кожи. Он влюблен в нее как мальчишка и даже начал раскаиваться в том, что пригласил ее в Чейнфилд. Юная прелесть Рози Беннет грозила нарушить его душевный покой.

Вдруг она повернула к нему изящную головку и улыбнулась.

— Знаете, я придумала, — сказала она. — Я недавно прочла поэму, она называется «Рыцарский турнир в Тотенхэме». Вы читали? Она напечатана в сборнике английской средневековой поэзии, я его купила в букинистическом магазине Там было одно имя — Тимкин. Как вы думаете, подойдет оно для жеребеночка?

Эшли был в восторге:

— Просто гениально. Лучшего имени, чем Тимкин, не найти. Правда, Дория?

— Да, лучше не придумаешь, — согласилась его сестра.

Капитан-лейтенант тоже одобрительно кивнул головой. Как мужчина, он не мог не отметить, что Рози очень привлекательна. Интересно, что стоит за внезапным интересом Эшли к этой юной особе из лондонского туристического агентства? Он к ней неравнодушен? Так-так… очень интересно! Но когда Джеймс шепнул Кэрри пару слов о своих подозрениях, она в ответ пробормотала, что девушка уже помолвлена. Тем не менее капитан-лейтенант был заинтригован. Непохоже, чтобы Эшли в последнее время интересовался девушками. Надо признать: на Рози Беннет при-

ятно посмотреть.

«Надо будет поддразнить старину Эшли!» — посмеивался он про себя.

Все сошлись на том, что Тимкин — идеальное имя для жеребенка. Звучит очень романтично и напоминает о старой Англии.

Только Синтия молчала и нервно курила, не отводя тяжелого, полного зависти взгляда от Рози, которая, казалось, приковала к себе всеобщее внимание.

«Чосера знает. Подумаешь! Тоже мне интеллектуалка выискалась. Эта девица строит из себя невесть что, а на самом деле она просто ничтожество в дешевых туфлях и с сумкой из кожзаменителя. Ничего в ней нет, кроме смазливой внешности (но, правда, в этом ей не откажешь)».

Эшли откупорил бутылку. Пробку он положил в карман — на память об этой минуте. Появился Луиджи со стаканами.

Эшли предложил Рози смочить бархатный нос жеребенка шампанским. Так она и сделала, а потом, приняв величественную позу и положив руку с тонкими длинными пальцами на голову малыша, произнесла:

— Я даю тебе имя Тимкин, сын Медовой Блондинки.

— За Тимкина! — сказал Эшли, поднимая свой бокал.

— За Тимкина! — эхом откликнулись Дория и все остальные.

Даже в эту минуту Синтия не могла не думать о том, какие красивые руки у Рози и какие уродливые, с квадратными, коротко подстриженными ногтями, у нее. Почему она не такая, как эта красотка? Почему Эшли никогда не смотрит на нее так нежно и ласково?

Насколько это у него серьезно? Он привез эту Рози сюда, потому что влюбился в нее без памяти? Синтия знала, что когда-то давно Эшли любил одну женщину, но она погибла. Дория часто говорила, что теперь он, может, и не женится никогда. Если он неравнодушен к этой чужой заурядной девице, это просто катастрофа.

Она посмотрела на Рози. Та как раз допила шампанское, погладила своего крестника и дала яблоко Медовой Блондинке. Все выходило у Рози очень мило и непосредственно, но именно поэтому в душе Синтии закипала ярость.

Положение спасла Дория: она между делом сообщила Синтии, что Рози помолвлена. Скоро выйдет замуж и уедет в Кейптаун.

— Неужели? — воскликнула Синтия, не в силах

скрыть радости.

— Очень славная девушка, не правда ли? — добавила Дория как бы между прочим. — Она нам всем очень нравится.

— Заметно. Особенно Эшу.

— Да, но он питает к ней только дружеские чувства, — заверила ее Дория. — Он знает, что Рози помолвлена. Но она оказала ему услугу и, кроме того, слишком много работает. У нее совсем не остается времени на отдых. Вот Эш по доброте душевной и пригласил ее в наше поместье — день на природе пойдет ей на пользу.

— Конечно, на пользу, — согласилась Синтия, слегка поморщившись.

«Бедная Синти, — подумала Дория. — Она никогда не изменится. Подумать только, даже ко мне ревнует. Когда же она наконец поймет: не видать ей Эшли и вообще не найти себе мужа, если она не станет терпимее и сдержаннее».

Ах, как быстро летело время в тот памятный день! Гости оставили жеребенка и вернулись под тень кедра. Луиджи подал чай, необычайно вкусные маленькие пирожные, испеченные поваром-итальянцем, и клубнику со сливками. Рози объяснили, что клубника из Франции, своя еще не поспела.

Рози была на верху блаженства. Она жалела только, что не может взять домой клубники и густых деревенских сливок, чтобы близнецы и Аннабель тоже попробовали.

Со своей обычной непосредственностью она сказала об этом Дории, на что та ответила:

— Ну, это легко исправить. Надо будет пригласить сюда ваших братьев и сестричку. Можно даже в следующее воскресенье. Тут они поедят клубники со сливками в свое удовольствие.

Рози покраснела до слез:

— Я… я вовсе не для этого сказала… Мне ужасно неловко! — И она замолчала, от смущения не в силах говорить.

— Пустяки. Я буду очень рада увидеть ваших братьев. Близнецам необходимо общаться с другими близнецами, — сказала Дория и улыбнулась брату. — Мы с Эшли поделимся с ними жизненным опытом. Правда, Эш?

Он улыбнулся ей в ответ и кивнул. Но тут же отвернулся, чтобы не видеть пылающих щек Рози.

«Боже мой! — подумал он. — Я совсем потерял голову из-за этой девушки. Не надо больше приглашать ее сюда. Добром это не кончится».

Пришла любовь — внезапная, всепоглощающая, страстная… Рассудок и логика тут бессильны.

Так бурный поток, пробивая плотину, вырывается на свободу и смывает на своем пути все препятствия, сооруженные приличием и условностями.

Когда пришла пора прощаться, Эшли Риверс — сдержанный, суровый деловой человек — вынужден был признаться, что захвачен этим потоком. Сумеет ли он выбраться на берег?

Неужели сейчас он посадит ее в машину и отправит в Лондон с шофером? Нет, отвезет сам. Небрежным тоном он сообщил, что ему позвонил очень важный клиент, который ненадолго приехал в Лондон из Копенгагена и остановился в отеле «Савой».

— Я воспользуюсь случаем и пообедаю с ним вечером. А потом вернусь. Я даже рад, что так получилось: люблю водить машину.

После чудесного дня, проведенного в мире, доступ в который был для нее доселе закрыт, Рози была на седьмом небе от счастья. Она ничего не заподозрила, Эшли решил сам ее отвезти — еще одна приятная неожиданность, еще одна причина для благодарности. Она подняла на Эшли невинный взгляд влажных глаз и воскликнула:

— Ой, как здорово! Вот спасибо!

Тонкие руки Дории сжали подлокотники крес-

ла.

«Боже мой! — подумала она. — Бедный Эш. Он на самом деле влюбился в эту девушку. Все это выдумка про клиента. По-моему, ему вообще никто не звонил».

Но так или иначе в ее сердце не было неприязни к молодой девушке.

Рози Беннет нельзя не любить. Она необыкновенно мила. Но если брат поддастся этому внезапному чувству, то его можно только пожалеть.

Те же мысли приходили в голову Эшли, когда он, поглядывая на сидящую рядом Рози, вел «ягуар» в сторону Лондона. Человек трезвый, он понимал: ему нельзя увлекаться Рози. Это было бы безумием, если не хуже. Он был даже благодарен ей, когда она заговорила о своем женихе, как бы напоминая: она помолвлена. Она спросила, сможет ли Клифф устроиться на работу, если ему придется уехать из Кейптауна.

Слушая, как Эшли отвечает на ее вопросы и как они обсуждают будущее Клиффа, никто не заподозрил бы, что он испытывает к ней нечто большее, чем просто дружеские чувства.

— Если ваш жених вернется, дайте мне знать. Думаю, я смогу ему помочь. У меня есть связи в

промышленности.

Она поблагодарила и бросила мимолетный взгляд на его мужественный профиль. Какой он все-таки красивый и обаятельный! Если только он не надевает маску сурового делового человека. Пробыв весь день в гостях у Эшли Риверса в его прекрасном поместье, она не могла не заметить, какой он очаровательный. Он произвел на нее сильное впечатление, хотя не затронул ее сердца так, как затронул Клифф. Начни она анализировать свои чувства и задумайся, почему в целом мире для нее существует один Клифф, она не нашла бы ответа. Просто так получилось — она полюбила его.

Ее Клифф не только молод и красив, но еще весел, смел и решителен. Он стоит на самом пороге жизни и обязательно добьется успеха. Его нельзя не любить. Может, у него и есть какие-то недостатки, но Рози их не замечала. Он вошел в ее жизнь, и она узнала в нем того, о ком мечтала. Но нетрудно представить себе девушку, которая полюбит Эшли Риверса, и полюбит всей душой.

Когда они подъехали к маленькому домику в Энсфилде, она застенчиво пригласила его познакомиться с родителями. Но, как всегда, когда приходила пора расставаться, он замкнулся. Ве-

селый, жизнерадостный человек, с которым она провела сегодняшний день, уступил место холодному, вежливому, сдержанному… как бы чужому. Он открыл дверцу, чтобы она могла выйти, а затем снова опустился на сиденье и положил руку на руль. Теперь лицо его было непроницаемым.

— Извините меня. Я и так немного опаздываю на встречу в «Савой». Я познакомлюсь с вашими родителями как-нибудь в другой раз.

— Конечно, — ответила она.

— До свидания, Рози, — добавил он чуть мягче. — Спасибо, что окрестили моего жеребенка. — Уголки его плотно сжатого рта немного приподнялись.

— Не забудьте прислать мне фотографию Тимкина! — крикнула она вслед отъезжающей машине.

Рози вошла в дом. Она была немного озадачена. Мистер Риверс ведет себя как-то странно. Чудной он человек, его трудно понять. Но все равно есть в нем что-то привлекательное. Он не из тех, кого легко забыть. Как и Дорию — его милую, отважную сестру.

Сколько всего надо рассказать своим! Малышка Аннабель будет в восторге, когда услышит про Тимкина.

Из гостиной доносились голоса. Наверное, вся семья собралась перед телевизором и смотрит воскресную программу. Желая скорее поделиться переполняющими ее впечатлениями, Рози влетела в комнату.

Тут она испытала неожиданное потрясение. Кровь отхлынула от лица, и сердце замерло…

У раскрытого окна — руки в карманах, в зубах сигарета — стоял светловолосый человек в сером костюме в полоску и желтом галстуке. Когда она вошла, он повернулся, вынул изо рта сигарету и сказал:

— Здравствуй, детка. Что, не ждала меня?

Она замерла, выронила из рук сумку и бросилась в его объятия:

— Клифф! Клифф!

Слезы брызнули из глаз Рози.

Она прижалась к своему жениху. Больше она никуда его не отпустит! Щеки ее пылали, сердце бешено колотилось от радости и пережитого потрясения.

Аннабель и близнецов не было дома. Мистер и миссис Беннет сидели рядышком на диване. С каменными лицами они смотрели, как их дочь обнимает будущего мужа.

А она-то думала, что он за тысячи миль от-

сюда.

ГЛАВА 7

— Почему ты не сообщил мне, что приедешь? Почему не прислал телеграмму? — повторяла Рози.

Первое потрясение уже прошло. Но сердце ее по-прежнему учащенно билось. Рози не могла оторвать восторженных глаз от Клиффорда. Он привык видеть в них любовь и преданность и ничего другого не ожидал. А вот родителям Рози, смотревшим на дочь, трудно было вынести это зрелище. Не сговариваясь, они отвернулись и обменялись многозначительными взглядами. Потом мистер Беннет не выдержал и поднялся.

— Пойду-ка в столярку, посмотрю, как там дверца от буфета, которую я клеил, — сказал он. — А ты, Маргарет, займись пока ужином.

— Хорошо, — ответила жена. Она еще раз с явным неудовольствием взглянула на Рози и Клиффорда, не отрывавших друг от друга взгляда. — Дети вернутся с минуты на минуту, — сказала она Рози. — Сегодня тепло, Уокеры пригласили их поплавать в бассейне.

Рози кивнула. Она не могла сейчас думать о

братьях и сестре. Внезапный приезд Клиффа совершенно ошеломил ее. Но тот не пропустил замечание миссис Беннет мимо ушей. Когда она вышла из комнаты, он спросил у Рози:

— Кто такие Уокеры? У вас, оказывается, есть знакомые с плавательным бассейном? Потрясно!

— Это те люди, которые недавно купили большой дом с железными воротами, вниз по Хиллкрест-авеню. Ты его видел. Говорят, у них денег куры не клюют. Миссис Уокер что-то делает для Общества Красного Креста, и мамуля ей недавно помогала. После этого они пригласили малышей плавать в их бассейне.

— Скажи, что я тоже малыш, пусть они и меня пригласят, — пошутил Клиффорд.

Но Рози его почти не слышала. Она упивалась счастьем. Какое блаженство после долгой разлуки снова видеть его, снова слышать родной голос! Как она по нему скучала! Как ей недоставало его! Он совсем не изменился, разве только теперь, после Эшли Риверса, не кажется таким высоким. Он сильно загорел под южноафриканским солнцем, и только светло-голубые глаза, обрамленные длинными светлыми ресницами, выделялись на смуглом лице. Глаза были сонными, веки припухли. Густые льющиеся волосы в беспорядке

спускались на плечи. Она ведь говорила, чтобы он постригся. Теперь, глядя на него вблизи, она заметила, что выглядит он не очень хорошо: под глазами темные круги, скулы обтянуты кожей.

Радость внезапно сменилась страхом.

— Клифф, почему ты вдруг вернулся? Случилось что-нибудь?

— Давай сначала поцелуемся, — предложил он.

Голос тоже был сонным. Когда он обнял ее за талию и крепко прижал к себе, Рози закрыла глаза. Он поцеловал ее, и у нее закружилась голова.

— Клифф, любимый мой, ненаглядный Клифф, — шептала Рози, и глаза ее снова наполнились слезами.

Он отстранился и рассмеялся немного нервным мальчишеским смехом, который ей так понравился, когда они встретились в первый раз.

— Не надо плакать, глупышка. Можно подумать, что я не вернулся, а наоборот — уезжаю.

Она улыбнулась и вытерла слезы:

— Я знаю, что это глупо, но никак не могу прийти в себя от неожиданности.

— Сейчас ты узнаешь кое-что такое, от чего тебе будет еще труднее прийти в себя, — мрачновато произнес он.

— В чем дело, Клифф?

— Давай присядем, — предложил он и добавил: — Ты не предложишь мне чего-нибудь выпить?

— Боюсь, что нет, милый. Ты же знаешь, папа этого не одобряет. У нас в доме не найдется даже бутылки шерри.

Клиффорд скривился. Ну конечно, чего еще ждать от этого старого ханжи — его будущего тестя. Вообще, папаша с мамашей его недолюбливают. Да ну их! Совсем отстали от жизни. Что такого в одной-двух кружке пива или рюмке шерри? Он же не просит джина или виски, но у них тут не найдется ничего крепче кока-колы, которую и предложила ему Рози. Он милостиво согласился, развязал галстук и расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке:

— Ну и духотища сегодня!

Она посмотрела на него встревоженно. На лбу блестят капли пота, да и вообще он неважно выглядит.

— Клифф, милый, ты не заболел? Ты вернулся из-за болезни?

— Нет, я здоров. Устал только как собака. Просто каким-то чудом мне удалось достать билет на самолет, и последние двадцать четыре часа я провел в воздухе. В самолете было народу

битком, жара ужасная. Приехали в Англию — и здесь жарко. Только тут сыро. В Южной Африке гораздо суше.

— У нас это первый по-настоящему теплый день.

— Ты обещала мне принести кока-колу, детка.

Рози влетела на кухню в тот момент, когда миссис Беннет открывала банку с персиковым компотом.

— Мне нужно два стакана и бутылку кока-колы. Ой, мамочка, как я счастлива, что Клифф вернулся!

Миссис Беннет смотрела на пылающее, разгоряченное лицо дочери с легкой досадой:

— Он уже сказал тебе, почему он приехал?

— Еще нет. У нас не было времени…

— Ах вот как! — произнесла миссис Беннет голосом, не сулящим ничего хорошего.

И опять радость встречи куда-то пропала. Рози взяла бутылку, два стакана и пошла в гостиную. В коридоре она заметила два чемодана с наклейками «Кейптаун» и «Бритиш Эруэйз». Рядом стоял длинный узкий чехол, в котором Клифф обычно держал гитару. Похоже, он приехал надолго, если привез с собой все свои вещи.

Клиффорд налил кока-колу, поднял свой бокал

и улыбнулся невесте:

— Я пью этот чудесный напиток за твои лучистые глазки, душа моя.

— Извини, но ничего крепкого у нас нет.

Он достал носовой платок, вытер губы и протянул к ней обе руки:

— Это ерунда. Важно, что я снова вижу тебя. Ты еще больше похорошела.

Она забыла обо всем и таяла от счастья в его руках. Он целовал и гладил ее густые длинные волосы цвета меди, которые ему так нравились.

— Господи, Рози, да ты настоящая красавица. Раньше я этого не понимал, потому что привык к тебе, а теперь ясно вижу: ты просто класс. Я в тебя по уши влюблен.

Она блаженно вздохнула и потерлась щекой о его щеку:

— Как мне было плохо без тебя, Клифф! Время тянулось бесконечно. Ты даже представить себе не можешь. Я люблю родных, но все время чувствовала, что жива только наполовину. Ты моя вторая половина, Клифф.

— А ты моя, — задумчиво сказал он. Его пальцы по-прежнему играли ее волосами, а второй рукой он обнимал ее за талию. Потом он добавил: — Знаешь, все получилось не так, как я рассчи-

тывал. Я ведь хотел, чтобы ты приехала ко мне в Кейптаун, мы бы поженились и жили там.

— Почему ты приехал, милый? Ты мне так еще не рассказал.

— Я потерял работу, — ответил он.

Она выпрямилась и уставилась на него широко открытыми глазами:

— Потерял работу? О Клифф! Это ужасно!

— Я в этом не виноват, — сказал он сердито. — Разве я не предупреждал тебя, что в случае, если Южная Африка выйдет из Содружества, ситуация очень осложнится?

— Да, ты говорил, но…

Он перебил ее:

— Вот так и получилось. На фирме решили оставить только тех сотрудников, которые родом из Южной Африки. А я англичанин, ты же знаешь. Родился и вырос в Бирмингеме. Теперь, когда Фервурд пришел к власти, южноафриканские фирмы стремятся избавиться от англичан. Так уж вышло. Честно говоря, когда я писал тебе последнее письмо, то уже знал, что мне придется уволиться, но у меня просто духу не хватило сообщить тебе об этом. И тогда я еще не решил, что делать дальше.

Рози по-прежнему не сводила с него глаз. Она

чувствовала себя обманутой.

— Ты хочешь сказать, — спросила она, — что у тебя нет никаких шансов найти там работу?

— Никаких, — подтвердил он. — У тебя нет сигарет?

— Нет, извини, милый. Папа курит трубку…

— Да ладно. Мне просто не хотелось возиться, открывать сумку. Вообще-то я купил сигареты. И еще я купил тебе подарочек.

— Спасибо огромное, — машинально ответила она, но мысли ее были заняты другим. Она продолжала расспросы: — Ты хочешь сказать, что уехал из Кейптауна навсегда?

— Да.

— Но я не понимаю! — воскликнула она, все еще не веря. — Ты же всегда говорил, что не станешь жить в этом климате, что в Южной Африке гораздо лучше, чем здесь, и так далее.

Он отбросил падавшие на глаза волосы и коротко хмыкнул:

— В моем положении выбирать не приходится. Ведь у меня в кармане пусто.

— О Клифф! — выдохнула она.

— Извини, что привез такие плохие новости. Если бы не эти проклятые события в стране, я по-прежнему работал бы в фирме. Ты приехала

бы ко мне и мы бы поженились, как и хотели.

— Но я все равно не понимаю, — опять возразила Рози. — Только что, по дороге домой, я говорила об этом с мистером Эшли Риверсом, и он сказал, что все эти географические или политические изменения не должны сказываться на деле. Любой квалифицированный инженер останется на работе, независимо от того, чей он подданный. Мистер Риверс считает, что, несмотря на перемены, хозяева не станут увольнять хорошего работника только из-за того, что он англичанин.

Клиффорд покраснел. Потом он встал и, от волнения забыв, что просил сигареты у Рози, вытащил из кармана пачку. Его голубые глаза сузились.

— Могу я спросить, кто такой этот мистер Эшли Риверс и откуда, черт возьми, он знает, что творится в Кейптауне?

Отчаяние уже почти совсем вытеснило в душе Рози ту безумную радость, которую она испытала при виде Клиффорда. Она ответила:

— Мистер Риверс — это тот человек, который привез меня домой. Я провела сегодняшний день в его загородном доме под Биконсфилдом. Он живет там с сестрой.

— Твои родители мне сказали. Я даже видел,

как ты приехала. Клевый «ягуар», ничего не скажешь. Я и сам от такого не отказался бы. И этот тип, за рулем, тоже ничего. Не думал, что тебе нравятся мужчины его возраста.

Сердце Рози болезненно сжалось.

— Клифф! — воскликнула она. — Что ты говоришь?

— Мне остается признать, что явился не вовремя: у тебя как раз наклевывается неплохой вариант. Что ж, поздравляю. У меня никогда не будет столько денег, сколько у этого типа.

Рози вдруг ужасно рассердилась и даже обиделась. Она вскочила на ноги:

— Ты с ума сошел! Как ты можешь так говорить?

Клифф закурил сигарету и угрюмо молчал. Он даже не смотрел в ее сторону.

Она снова заговорила:

— Неужели ты ревнуешь?

— А разве у меня нет для этого причин?

— Клифф, ты просто рехнулся, — воскликнула она. — Как ты можешь ревновать к такому человеку, как мистер Риверс, только из-за того, что я гостила у него и его сестры в деревне?

— Почему он выбрал именно тебя? Не говори мне, что он катает тебя на своем шикарном ли-

музине для того, чтобы порадовать свою сестру.

Рози задохнулась от негодования. За то короткое время, что они были знакомы, он ни разу не позволил себе разговаривать с ней таким тоном. Никогда прежде он при ней не сердился.

Она решительно возразила ему:

— Ты не должен так говорить. Это недостойно тебя. Кроме того, я ведь писала тебе о мистере Риверсе. Не ты ли советовал мне поддерживать с ним дружеские отношения? Ты еще писал, что это может пригодиться. И после этого ты говоришь мне подобные вещи?

Выражение его лица смягчилось. Он смотрел на нее любящим, виноватым взглядом. Потом затушил сигарету, подошел и обнял ее:

— Прости меня, моя хорошая. Так вымотался в дороге. Да еще вся эта нервотрепка с поспешными сборами. Приятно, думаешь, когда тебе ни за что ни про что дают коленом под зад? Поверь мне, я совсем одурел от всего этого. Знал только, что должен вернуться к тебе. Ты единственное, что у меня еще осталось в жизни. Понимаешь?

Рози кивнула. Она прижалась к его груди, чтобы спрятать выступившие на глазах слезы, но от его слов на душе снова стало светло и радостно. Так сильно любила его, настолько была под вла-

стью его обаяния, что не могла заглянуть ему в душу поглубже. Он спешил к ней! Все остальное неважно. Его мир рухнул. Поэтому она просто обязана поддержать и утешить его, иначе ее чувство недостойно называться любовью.

Он вновь заговорил, гладя ее волосы:

— Ты даже не представляешь, как я тебя люблю. Мы ведь решили пожениться почти сразу, как познакомились. А потом я уехал. Но, клянусь тебе, с тех пор, как мы расстались, я ни о чем думать не мог. А потом приезжаю и вижу: ты выходишь из «ягуара» с этим миллионером. Я чуть не умер от ревности.

Рози подняла на него заплаканное лицо. Глаза ее лучились. Она улыбнулась сквозь слезы.

— Клифф, глупенький, как тебе могло такое в голову прийти? Ты даже не знаешь мистера Риверса. Его не интересуют молоденькие девочки вроде меня. Он пережил огромную трагедию и теперь, наверное, не женится никогда. Ведь я же писала тебе о нем, разве ты не помнишь?

— Да, теперь припоминаю. Я просто дурак набитый. Я был в шоке. Конечно, он же директор, известной фирмы «Томас Риверс и сын». Подумать только, где ты его подцепила?

Рози решила не обращать внимания на его тон.

Она пояснила:

— Я тебе писала. Похоже, ты не читал моих писем. Он клиент нашего агентства. Я познакомилась с ним, когда он пришел к нам за билетом. В тот день мистер Трамм болел, я его замещала.

— И произвела на него такое впечатление, что он пригласил тебя в гости? — с любопытством спросил Клифф.

Рози кивнула.

Ей вдруг вспомнился сегодняшний день: то внимание и забота, которыми Риверсы окружили ее. Надо же, как Клифф отличается от Эшли. Но не стоит их сравнивать. Клифф молод и горяч. Он будущий муж, и ее сердце принадлежит ему. Конечно, у него, как и у всех, есть недостатки, с которыми ей еще предстоит столкнуться. Глупо думать, что можно выйти замуж за идеального мужчину. Но она любит своего Клиффа, и он платит ей взаимностью. Ему не повезло в жизни, но это не уменьшит их чувств, это ничего не меняет. Наоборот, они должны держаться вместе. Папа и так обрушится на бедного Клиффа из-за того, что тот потерял работу. Все опять не складывается. Клифф рядом, но их свадьба далека как никогда.

А Эшли просто удивительный человек, с которым ее случайно свела судьба. У Клиффа нет

никаких оснований для ревности. Она даже смутилась от этой мысли.

— Не сердись, моя хорошая, — шептал ей на ухо Клифф. — Давай поцелуемся еще раз.

Она прижалась к нему, сгорая от любви. Потом он отпустил ее, подошел к окну, выглянул и глубоко вздохнул:

— Ух! Неужели можно привыкнуть к такой духоте? Просто дышать нечем.

— В Лондоне еще хуже, чем в Энсфилде, можешь мне поверить.

— Сначала я буду жить здесь.

— Здесь?

— Ну не у тебя, разумеется. У вас очень тесно. За те два часа, что я тебя ждал, твоя мать нашла мне комнату неподалеку, через два дома от вас.

— У миссис Фостер?

— Угу. Очень симпатичная старушка. У нее внук за границей, и она сдала мне его комнату.

Рози подняла на него сияющие глаза.

— Здорово, что мы будем жить так близко, правда, Клифф?

— Да, но я, наверное, целыми днями буду бегать в поисках работы.

— Ты уже точно решил, что не вернешься в Кейптаун?

— Абсолютно точно. В фирме жалели, что так вышло, — ответил Клифф, избегая смотреть Рози в глаза. — Но я не один такой. В управлении решили, что теперь у них будут работать только южноафриканцы.

Рози покачала головой. Ей все еще не верилось. Ведь Эшли Риверс уверял ее, что этого не случится.

Клиффорд продолжал:

— Может, все только к лучшему. Твои родители обрадуются, если я найду работу здесь и не увезу тебя к черту на кулички в другую страну.

— Ну конечно.

— Кстати, — сказал он, глядя на тлеющий кончик сигареты, — ты в хороших отношениях с этим мистером Риверсом?

— В каком смысле в хороших?

— Я хочу сказать, что ты ему нравишься и все такое. Конечно, по-дружески, — поспешно добавил он, чтобы не сердить Рози.

— Ну?

— Замолви за меня словечко.

— То есть ты хочешь сказать, что у тебя ничего нет на примете? Ты приехал просто наудачу? — встревоженно спросила она.

Он кивнул.

— Ты жалеешь, что я приехал? — спросил он, криво ухмыльнувшись. — Теперь, когда узнала, что я на мели, ты будешь относиться ко мне по-другому?

— Ну конечно же нет, — возмущенно ответила она.

На этот раз нежность, с которой он посмотрел на Рози, была непритворной. Сильные чувства вообще были ему несвойственны. Он не принадлежал к сильным, страстным натурам. То, что он сказал Рози, было правдой меньшей чем наполовину. Она услышала не всю историю, а только ее часть, и то в приукрашенном виде. Но Клифф считал, что только полный идиот позволит топтать себя ногами. Он понял это уже давно, еще когда жил в Бирмингеме. Ему тогда было восемнадцать. Приглашая на танец девушку, он держался гордо и самоуверенно, и такая тактика приводила к успеху. Красивая внешность, нагловатые голубые глаза, гитара — все это делало его неотразимым.

Рози не знала, что он пренебрег советом своего дяди и не пошел учиться на инженера. С его точки зрения, учение — слишком тяжелый труд. А потом умерла его тетка со стороны матери и оставила ему несколько сот фунтов. Этот небольшой капитал окончательно погубил Клиффа. Он

почувствовал себя богатым, швырял деньги направо и налево, чтобы произвести впечатление в кругу друзей. Он действительно устроился в Бирмингеме на инженерную работу, но у него не было ни опыта, ни квалификации. В конце концов ему подвернулся случай поехать в Кейптаун с приятелем из Южной Африки. У приятеля дела пошли гораздо лучше, чем у Клиффа, и он обосновался в Родезии. А Клифф менял одну работу за другой, потому что был ленив и вел себя вызывающе. Кроме того, он был безумно тщеславен. В сердечных делах он был также неразборчив и непостоянен: девушки сменяли одна другую с поразительной быстротой до тех пор, пока он не приехал домой на похороны дяди и не встретил Рози. Рози сильно на него повлияла. Он по-настоящему полюбил ее, насколько вообще был способен любить. Ее красота покорила Клиффа. Ему никогда не было с ней скучно. Он сделал ей предложение, твердо намереваясь вернуться в Кейптаун и устроиться так, чтобы она могла приехать и стать его женой. Но его грубость и самонадеянность привели к тому, что его уволили из фирмы. Получилось это не из-за того, что к власти пришел Фервурд. Всему виной был дурацкий спор, который Клифф затеял с главным инжене-

ром, а потом еще и нахамил тому. На следующий день Клиффу показали на дверь. После этого он обнаружил, что у него такая репутация в Кейптауне, что остается только вернуться в Англию.

В самолете Клифф разговорился с соседом, который рассказал, что в Англии сейчас плохо с работой, но Клифф в ответ только протянул: «Наверняка что-нибудь подвернется». Самоуверенности в нем не убавилось.

— Я знал, что могу положиться на тебя, моя радость. Надеюсь, этот Риверс сумеет как-нибудь помочь.

Рози кивнула. Честно говоря, ей не хотелось обращаться к Эшли Риверсу так скоро. Будет немного неприятно говорить, что Клифф потерял работу. Но, разумеется, она сделает все, что от нее зависит.

— Когда ты снова с ним увидишься? — продолжал настаивать Клифф.

— Не знаю.

— А ты не могла бы с ним как-нибудь связаться?

Щеки Рози покрылись румянцем.

— Думаю, могла бы… — начала она, — но…

— Для меня это очень важно, — перебил Клифф, взяв ее руку и поднося к губам.

Всякий раз, когда Клифф целовал ей руку, у Рози замирало сердце. Немногие парни на такое способны. И она взяла его руку и прижалась к ней губами.

— Клифф, дорогой мой! Обещаю тебе, что позвоню Эшли, — сказала она.

— Что я слышу! Он уже Эшли, — заговорил Клифф, подражая ирландскому акценту. — «Бегорра, душа моя, в хорошем месте закинула ты сети».

— О чем ты говоришь, не понимаю! — воскликнула она в крайнем смущении.

Он засмеялся, сгреб ее в охапку и снова поцеловал.

— Ты как ребенок иногда, моя маленькая Рози!

В этот момент в комнату влетели, размахивая полотенцами, Аннабель, Мики и Робин с еще влажными волосами.

— Мы замечательно поплавали, — провозгласил Мики.

Потом наступило молчание. Дети уставились на Клиффорда, который, желая угодить Рози, тут же принял вид доброго дядюшки. Он не страдал особой любовью к детям, а к близнецам у него и вовсе не лежало сердце. Они копия своего папаши. И не хотят, чтобы Рози досталась ему. Он

предпочитал Аннабель. С хорошенькой девочкой возиться приятнее, чем с шумными мальчишками. Малышка тоже питала к нему симпатию. Вот и сейчас она подбежала, чмокнула его в щеку и спросила:

— Ты поиграешь мне на гитаре, Клифф?

— О чем разговор, моя радость?

Он посадил девочку к себе на колени и взлохматил ее влажные кудри.

— Вот черт, — шепнул Мики на ухо Робину. — Зачем он только вернулся!

Рози услышала и сжала губы.

— Мальчики, идите мыть руки, — строго сказала она. — Сейчас будем ужинать. Я пока помогу маме накрыть на стол.

ГЛАВА 8

Две недели спустя Эшли Риверс вошел в офис фирмы «Томас Риверс и сын», чувствуя, что погода влияет на него не лучшим образом.

Офис располагался в современном сверкающем огромными окнами здании, какие в последнее время повырастали по всему Лондону.

Фирма Эшли занимала два верхних этажа. В его собственном кабинете стены были обшиты светлым деревом, на полу лежал темно-зеленый ковер. Через белые венецианские жалюзи открывался великолепный вид. Но сегодня, в последний день июня, было пасмурно, город терялся в туманной дымке. Повышенная влажность раздражала Эшли. На его заводе в Слу рабочие объявили забастовку. Вместе с компаньоном Джеком Уинтрингемом они постарались уладить конфликт и с трудом уговорили людей выйти на работу. Все началось с того, что Джек уволил одного мастера, обвинив его в грубости. Эшли не оправдывал мастера: тот на самом деле вел себя по-хамски. Но и Джек часто поступал легкомысленно, в чем Эшли в очередной раз убедился.

Совершенно ясно, что мастер знает своих людей лучше, чем Джек. В конце концов пришлось восстановить мастера на работе. Джек сердился на Эшли, и вчера вечером они расстались довольно холодно.

Два дня ушло на улаживание конфликта, теперь на столе его будет ждать гора писем. Столько деловых встреч отложено — придется пересмотреть график. Единственное, чего ему недоставало, так это промозглой сырости. Вдобавок ко всем несчастьям заболела Дория. Она уже неделю не вставала с постели, верная Дикки не отходила от нее. Доктор сказал, что с ней ничего серьезного, просто устала от недавней жары. Но всякий раз, когда Дории хоть немного нездоровилось, Эшли очень волновался.

В мрачном расположении духа он вошел в офис и в ответ на приветствие «доброе утро» секретарши пробурчал что-то невразумительное. Мисс Тейлор — невзрачная старая дева, но очень толковая секретарша. Он был ею доволен, хотя временами ее приветливость и деловитость раздражали его — как сейчас. Усевшись в кресле и вытянув ноги под столом, он глянул на доску, на которой мисс Тейлор оставляла для него сообщения. И сразу выражение его лица изменилось.

«Звонила мисс Беннет и хотела поговорить с мистером Риверсом».

— Когда звонила мисс Беннет?

— Вчера, во второй половине дня.

— Она сказала, что ей нужно?

— Нет, кроме того, что срочно хочет видеть вас, если у вас найдется свободное время. По-моему, она звонила из агентства Трамма.

— Что вы ей сказали?

— Я сказала, что вы очень заняты и у вас нет ни минуты свободной… — начала было мисс Тейлор, но Эшли перебил ее:

— Позвоните в агентство Трамма. Я буду говорить с мисс Беннет.

— Сейчас, мистер Риверс.

Мисс Тейлор удивленно подняла брови и удалилась в свою комнату. Она видела, что босс сегодня не в духе. Ну и ладно. Она работает с ним уже пять лет и неплохо его изучила. Это замечательный человек. Она трепетала, когда начальник пребывал в плохом настроении, и обожала его, когда он был в хорошем. Другого такого нет. Разве сравнишь его с ленивым и самоуверенным мистером Уинтрингемом! Мистер Эшли так добр и великодушен! Год назад у мисс Тейлор тяжело заболела мать, и надежды на

выздоровление не оставалось. Мистер Эшли прислал своего собственного специалиста и оплатил операцию, которая прошла удачно. Тем, что ее мать сейчас жива, она обязана своему боссу. И уж ей-то отлично известно, как часто он делает добрые дела, ничего не требуя взамен. Просто говорит ей: «Пошлите такому-то чек».

И все-таки сегодня мисс Тейлор заволновалась: похоже, она напрасно отшила эту мисс Беннет. С чего вдруг босс вздумал заниматься секретаршей Трамма, когда других дел по горло?

Телефон на столе зазвенел, и Эшли снял трубку. Теперь он снова был собран, не то что в тот момент, когда входил в офис.

Он сам удивился, как обрадовал его этот милый знакомый голос с придыханием. Свет и тепло, исходящие от Рози, чувствовались даже по телефону. В свободное время он много думал о ней, а однажды ночью она ему даже снилась. Дурацкий бессмысленный сон. Он держал ее в объятиях. Гладил шелковистые каштановые волосы и говорил ей: «Тимкин… Милый мой Тимкин!»

Глупость несусветная. Он звал ее тем именем, которое она дала жеребенку. Она потянулась к нему губами, он поцеловал ее. Эшли ощутил этот поцелуй всем своим существом и в следующий

момент проснулся. Потом сел, зажег свет и до рассвета читал, куря сигару. Завтракая в постели, он твердо решил выбросить Рози из головы.

Но все-таки он улыбался, вспоминая тот глупый сон. Тимкин! Милая, славная Рози! Молодость, очарование, невинная прелесть — все было в этой девушке.

Он сказал:

— Здравствуйте, Рози. Мне передали, что вы звонили.

— О, здравствуйте, мистер Риверс. То есть... я хотела сказать... Эшли.

— Всегда говорите то, что хотите сказать, — поддразнил он ее. Он уселся поудобнее в кресле и принялся рисовать в блокноте смешные рожицы.

В трубке он услышал смешок Рози.

— Хорошо, Эшли. У меня произошли некоторые события, я бы очень хотела с вами поговорить, если только у вас найдется время.

— В чем дело?

— Клифф — мой жених — вернулся домой.

Эшли перестал рисовать рожицы:

— Вы хотите сказать, что он в Лондоне?

— Да.

— Мне казалось, что вы собирались ехать к

нему.

— Да, собиралась, но теперь все переменилось. Клифф потерял работу.

Эшли поджал губы.

— Почему, позвольте спросить?

— Он сам вам объяснит. Я не знаю всех подробностей… — послышался немного смущенный голос Рози. — Ну… то есть… если вы согласитесь с ним увидеться. Я как раз по этому поводу звонила. Вы говорили, что сможете помочь… если понадобится. Понимаете, ему надо найти работу. Он уехал из Южной Африки навсегда. Для меня это, конечно, полная неожиданность…

Эшли слушал с широко открытыми глазами. Он был удивлен и немного тревожился за Рози.

— Как, по-вашему, это разумно?

— Честно говоря, не знаю. Нам обоим… Нам обоим очень хотелось бы посоветоваться с вами. Но ваша секретарша сказала, у вас там забастовка… или что-то такое, поэтому я понимаю…

— Я поговорю с вашим молодым человеком, — прервал ее Эшли. — Я обещал вам помочь и сдержу свое слово.

— Мне в самом деле ужасно неудобно беспокоить вас… — В ее голосе снова послышалось замешательство.

Эшли мысленно представил себе Рози Беннет. Милое, раскрасневшееся от смущения личико и глаза, как васильки в утренней росе. Вот дьявол, он из-за нее совсем спятил. И этот глупый сон! Теперь он заговорил отрывисто и резко.

— Мне это нетрудно. Пришлите Клиффорда ко мне в офис. Но не сегодня. Сегодня я занят. — Эшли перелистнул страницу еженедельника. — Так… Завтра в половине первого. А потом я приглашаю вас обоих пообедать со мной, если вы не против.

— О Эшли. Как это любезно с вашей стороны… — начала она.

— До свидания, моя дорогая. У меня еще дел невпроворот.

И он повесил трубку. Потом открыл ящик для сигар, достал одну — тонкую, коричневую, такие ему особенно нравились — и хмуро повертел ее в руках. Если бывают на свете идиоты, то он один из них. Держаться бы ему подальше от девушки. Если уж приспичило помочь жениху, то совсем не обязательно приглашать их в ресторан. Но так хочется ее увидеть! А что до ее парня… Как, черт побери, могло случиться, что он внезапно лишился работы и вынужден был уехать из Кейптауна?

Эшли беспокоился за Рози.

Вечером Рози рассказала Клиффорду, что она

обо всем договорилась. Она была полна надежд и радостных ожиданий.

— Мне, конечно, неловко было беспокоить Эшли Риверса, но он отнесся к этому абсолютно нормально, и завтра к половине первого ты должен прийти к нему в офис.

— Ну… не знаю, смогу ли я, — начал Клифф. — Я обещал, что буду репетировать с Холом Хенсоном и ребятами.

Рози изумленно уставилась на него:

— Но ты же не можешь не явиться на встречу с Эшли! Он, наверное, предложит тебе хорошую работу. Он ведь глава фирмы. Разве ты не понимаешь, как это важно?

— Ну хорошо, хорошо, — протянул Клифф и с ленивой улыбкой коснулся ее уха.

— А потом мы приглашены пообедать с ним. Это такая честь! — добавила Рози.

Он и сам знал, что это честь, причем немалая. Знал он и то, что попасть на собеседование к одному из самых влиятельных людей в промышленности — большая удача. В глубине души он был доволен. Но Клифф не считал нужным гнуть шею перед кем бы то ни было. Он, Клифф Патерсон, ничуть не хуже других (так, по крайней мере, он сам считал). Желая поддразнить Рози,

он заявил:

— Полагаю, его светлость пригласил нас отобедать с ним, чтобы пялиться на мою будущую жену.

На минуту Рози онемела, а потом накинулась на него:

— Ты просто невыносим. Зачем ты говоришь такие гадости? Это низко и, кроме того, это неправда. Эшли Риверс никогда не пялится на меня.

Клифф засмеялся и притянул ее к себе:

— Мне нравится, когда твои глаза мечут молнии как сейчас, и моя милая, нежная Рози становится дикой кошкой. На это стоит посмотреть.

— А на тебя, когда ты такой циничный, смотреть противно… — начала она, но он не дал ей договорить, закрыв рот поцелуем.

И Рози снова растаяла:

— Клифф! Я так люблю тебя, — выдохнула она. — Пожалуйста, не говори мне такие ужасные вещи даже в шутку.

— Договорились. Я буду кроток, как ангел, только чтобы порадовать тебя. Я тоже волнуюсь из-за предстоящей встречи с большим боссом.

— Ты должен получить работу, иначе мы не сможем пожениться, правда, Клифф?

— Это точно.

— Знаешь, мне тут недавно предложили маленькую квартирку в Баттерси, — смущенно продолжала она. — Ее сдает приятель Берил и просит недорого. Как бы мне хотелось, чтобы мы поженились и зажили там. Хотя я и люблю мою семью, но все-таки жду не дождусь, когда же мы наконец поселимся отдельно.

Она была вся такая родная и уютная, так приятно было ее обнимать, что он ответил с неподдельной теплотой в голосе:

— Я тоже хотел бы этого, детка. Не думай, что мне нравится жить у этой старушки и знать, что в твоем доме мне не очень-то рады.

— Да, жалко, что у тебя не сложились отношения с моими родителями, — грустно сказала Рози.

— Теперь, когда я потерял работу, они стали относиться ко мне еще хуже.

— Милый, это все потому, что они желают мне добра.

Клифф в задумчивости грыз ногти.

Все складывалось для него как нельзя хуже. Денег у него оставалось меньше, чем он сказал Рози. Он уже промотал большую часть своего маленького наследства. Немало потратился он

и на очаровательную молодую вдову, с которой познакомился незадолго до отъезда из Кейптауна. Рози по-прежнему считает, что они скоро поженятся, но на это нет никакой надежды.

Они разговаривали в комнатке миссис Фостер. Это единственное место, где они могли побыть вдвоем. На столе стоял ужин: яичница с жареной картошкой. Добрая старушка пригласила к столу и Рози. Она совсем разбаловала Клиффа. Красивый молодой человек с гитарой совершенно очаровал ее. Она говорила, что ему бы на сцене петь, а не возиться с какими-то машинами.

Клифф всей душой соглашался с миссис Фостер. Он страстно мечтал попасть на эстраду и стать знаменитым. Между прочим, знакомые девушки говорили ему, что он похож на Адама Фейта.

Вернувшись в Лондон, Клифф присоединился к небольшому ансамблю, игравшему на вечеринках. Они имели успех и даже выступали в одном или двух дешевых клубах. Его лучшим другом стал Хол Хенсон — пианист, организовавший ансамбль. Но играть в приличных ресторанах им не позволял их любительский уровень. И вообще это очень нестабильный заработок. А Рози не очень-то жалует Хола Хенсона и его ансамбль.

— Ты должен получить место: ведь ты же ква-

лифицированный инженер, не может быть, чтобы твои знания не пригодились, — совсем недавно говорила она.

Клифф с ней соглашался, но про себя знал: никакой квалификации у него нет. В разговоре с Эшли Риверсом в этом придется признаться. Думая об этом, Клифф чувствовал себя не в своей тарелке.

Однако Рози не догадывалась, какие тревожные мысли обуревают Клиффом. Она смотрела в будущее с надеждой.

— Ты обязательно понравишься Эшли, и он даст тебе работу, — сказала она с трогательной верой.

— Рози, ты просто прелесть, — с чувством произнес он, и в тот момент он был совершенно искренним.

Рози всегда оказывала на него положительное влияние. Хотя временами он жалел, что пообещал жениться. Но иначе ему никак не заполучить эту красотку. Конечно, родители ее были строгих правил и у нее есть свои моральные принципы. За это Рози можно только уважать. Но будь она посговорчивее — как некоторые другие девчонки, — не пришлось бы навсегда прощаться со свободой. Ребята из оркестра придерживаются тех же взглядов. Хол уже был женат и развелся, а у двух других — гитариста и ударника — есть

подружки, на которых они вовсе не собираются жениться.

За ужином Рози снова заговорила о квартирке в Баттерси.

— Давай сразу поженимся и начнем жить отдельно — если Эшли предложит тебе работу, я имею в виду. Наверное, надо снять эту квартирку. Когда еще нам подвернется такое дешевое жилье. Ах, Клифф, я ждала бы тебя вечерами с работы, заботилась бы о тебе!

— Конечно, — отвечал он с улыбкой, глядя в ее сияющие глаза. — Из тебя бы получилась самая лучшая на свете жена, но с этим надо подождать.

Она прикусила губу. Его можно понять, но до чего же обидно, что он отверг ее предложение. Наверное, она слишком романтична. А Клифф реалист. Но как, должно быть, здорово любить человека, который сразу умчит тебя на край света, не думая ни о каких деньгах. Ей хотелось поставить это решение Клиффу в заслугу. На самом деле, не может же он забрать ее из дома, если сам еще нетвердо стоит на ногах.

Потом она сидела на диване, поджав ноги, а Клифф играл ей на гитаре. Его нежный, завораживающий голос проникал в самое сердце. Она

смотрела на него с обожанием, а он заливался: «Куда пропали все цветы...»

— Ах, Клифф! Какой ты замечательный!

Она была безнадежно, слепо влюблена в него.

Идя на собеседование к Эшли Риверсу, Клифф тоже думал о Рози с любовью. Он строил грандиозные планы на будущее. Он произведет впечатление на Эшли Риверса, и тот даст ему такую потрясающую работу, что Рози будет жить не в этой дыре, в Баттерси, а где-нибудь в Кенсингтоне или Найтсбридже. Они купят «ягуар». Не одному же Эшли Риверсу разъезжать на «ягуарах». А вечером он по-прежнему будет играть в ансамбле. У него есть сразу два козыря: инженерная работа и гитара. Он еще покажет, на что способен Клифф Патерсон.

Мисс Тейлор провела Клиффа в кабинет директора. Клифф одарил ее обаятельной улыбкой, которую пускал в ход всегда, когда имел дело с женщинами, даже с невзрачными серыми мышками в очках. И был вознагражден: ресницы мисс Тейлор дрогнули, а щеки слегка порозовели. Он знал, что производит неотразимое впечатление на женщин, и это тешило его самолюбие.

Но пробыв в кабинете директора фирмы «Томас Риверс и сын» всего несколько минут, Клифф

сразу утратил прежнюю самоуверенность. Ему пришлось спуститься с заоблачных высот своих мечтаний на грешную землю, как только Эшли начал задавать вопросы.

Пришлось признаться во всем: что у него нет никакого диплома, что несколько лет назад, в Бирмингеме, он прошел краткий курс обучения и с тех пор работал только в небольших фирмах, что потерял работу в Южной Африке не из-за политических перемен, а из-за того, что, как он выразился, поцапался с начальством. Он не стал всего этого отрицать, потому что знал: наври он мистеру Риверсу сейчас, тот быстро выяснит правду по своим каналам в Кейптауне.

Блестящие испытующие глаза и отрывистая речь немного подавляли Клиффа. Таким, как Эшли Риверс, ему никогда не стать. Перед ним сидел уверенный в себе, богатый и процветающий человек. Такого не обманешь. Можно пустить пыль в глаза приятелям, но Эшли Риверсу — никогда!

«Как только Рози ухитрилась завести с ним дружбу?» — подумал Клифф.

Эшли разглядывал Клиффа Патерсона с тайным любопытством. Молодой человек не понравился ему с первого взгляда. И не потому, что он

жених Рози. Возможно, он отнесся к Клиффу с предубеждением и даже немного враждебно, но в его любви к Рози не было ни капли эгоизма. Он совершенно искренне хотел, чтобы ее избранник оказался стоящим парнем, заслуживающим такой безграничной веры и преданности.

Он испытал огромное разочарование, когда в его кабинет вошел худощавый молодой человек с длинными волосами, одетый чересчур броско. Такие, наверное, нравятся девушкам. У парня были хорошие манеры, обаятельная улыбка и приятный голос. Обращаясь к Эшли, он всякий раз аккуратно добавлял слово «сэр». У Эшли даже появилось неприятное чувство, что он гораздо старше Клиффа, хотя на самом деле разница между ними была всего в несколько лет.

Больше всего его волновало, что Рози выбрала человека абсолютно ее недостойного. Клиффа нельзя даже сравнивать с ней. Как могло случиться, что она безумно влюбилась в него? Понять это невозможно. Но, сказал себе Эшли, немного найдется мужчин, способных понять, почему женщина предпочла им другого.

Но отдает ли Рози себе отчет в том, что Клиффорд человек слабый и непостоянный? Знает ли она, как плохо он разбирается в своем деле? Да тут

еще какой-то дурацкий танцевальный ансамбль! Хороший инженер так выкладывается на работе, что у него не остается сил ни на какие ансамбли. Но, в конце концов, это не его дело.

Эшли откинулся в кресле и нахмурился, с горечью раздумывая, какую же работу он может предложить Клиффорду. Он должен сделать это ради Рози. Она ведь на него так надеется. И он обещал ей помочь.

— Конечно, сэр, я понимаю, что у вас сейчас может не быть для меня свободного места, — произнес Клифф самым жалобным голосом, на какой только был способен.

Эшли посмотрел на него:

— Вы собираетесь сразу же завести семью?

Клифф бросил на него хитрый оценивающий взгляд:

— Да как вам сказать, сэр. Мы с Рози, конечно, хотим пожениться, но не можем назначить день свадьбы, пока я не найду подходящее место.

«Если я не дам ему работы, то он больше нигде ее не получит. В конце концов он поселит Рози в какой-нибудь грязной дыре и загубит ее жизнь», — мрачно подумал Эшли.

Эшли был очень расстроен. Он с радостью способствовал бы скорейшей свадьбе, будь у него

уверенность, что из парня выйдет хороший муж.

Но этот самовлюбленный молодой человек не может предложить ей ровным счетом ничего. Она недолго будет счастлива с ним. Это не любовь. Просто на нее нашло затмение. Настанет день, с глаз спадет пелена, и тогда ее ждет горькое разочарование.

Проклятие! Он поднялся и подошел к окну. Перед ним открылась величественная панорама Лондона; собор Святого Павла, река, южный берег. Из труб к облакам поднимался дым.

Он всей душой желает добра любимой и спасет ее от человека, которого она выбрала. Пусть даже потом он никогда ее не увидит.

Но говорить сейчас, что он думает о Клиффорде, бессмысленно. Этим он не поможет, а только оттолкнет Рози. Но, может быть, имеет смысл оттянуть день свадьбы? Тогда Клиффорд покажет, чего стоит на самом деле. А вдруг он будет из кожи вон лезть, чтобы обеспечить ее.

ГЛАВА 9

— Ты собираешься устроить Клиффорда Патерсона на работу, Эш? — спросила Дория.

Ей стало лучше, и она уже не лежала в постели, а сидела в коляске у окна в гостиной и смотрела на террасу, ухоженную лужайку и свой любимый кедр.

День выдался холодный и не по-июльски ветреный. Эшли только что вернулся домой — намного раньше обычного.

— Я очумел, — сказал он с улыбкой. — Помнится, в годы учебы нам очень нравилось это словечко. Очумел от дел, от офиса, от верной мисс Тейлор и, естественно, от самого себя.

Его слова встревожили Дорию. Она хорошо знала своего брата, ведь он был так похож на нее. Когда в душе у них царит покой, силам нет предела. В прежние годы она сама, бывало, охотилась целый день, а потом ночь напролет танцевала. Но если что-то грызет их, они становятся нервными и рассеянными, как сейчас Эшли.

Он ответил на ее вопрос о Клиффорде Патерсоне:

— Да, собираюсь. И даже кое-что уже присмотрел. Пусть съездит на завод в Слу. Он немного разбирается в электротехнике. В Бирмингеме его, похоже, не слишком загружали — у него нет ни образования, ни диплома, По-моему, я раскусил этого мистера Патерсона. Он лентяй, каких мало, поэтому его отовсюду увольняют. К тому же очень высокого мнения о себе. Но, кажется, неплохо играет на гитаре и поет: подростки от него в восторге.

Дория только хмыкнула, когда услышала все это. Нахмурив брови, она стала следить за двумя желтыми бабочками, кружащими среди розовых кустов. Милые создания!

— Послушай, Эш, — внезапно сказала она. — А почему бы нам не пригласить сюда их обоих? В субботу у нас будут Мортимеры, а в воскресенье — пожалуйста. Пусть Рози привезет своих братишек. Мы ведь обещали им встречу со взрослыми близнецами, помнишь? И клубнику со сливками, — лукаво добавила она.

При этих словах Эшли, бродивший по комнате с угрюмым видом, остановился и улыбнулся сестре:

— Дория, ты просто чудо. Неужели тебе охота возиться с целой оравой гостей?

— Ну конечно. Рози божественна, и теперь мне любопытно взглянуть на легендарного Клиффа.

Эшли возвел глаза к небу:

— Еще скажи, что для счастья тебе не хватает малолетних крикунов и Клиффовой гитары.

— А что, и скажу.

— Ни за что не поверю! — отрезал Эшли.

— Хочу Рози, детей, Клиффа и — обязательно! — гитару, — настаивала она.

Эшли покачал головой. Он не уставал удивляться трогательному мужеству своей парализованной сестры. Какой у нее измученный вид! Лицо такое худенькое, что кажется прозрачным. В глазах — лихорадочный блеск от скрываемой боли и напряжения. Но Эшли не сомневался, что ее предложение искренне. Ей всегда приятно порадовать брата.

Он чувствовал себя виноватым и стыдился своей слабости, но мысль о Рози грозила стать навязчивой. Ни работа, ни обычные развлечения, ни общество сестры и друзей не могли заставить его забыть о ней.

Естественно, он понимал, что должен проявить силу воли и подавить чувство, которое поразило его так неожиданно. Вырвать с корнем, уничтожить в зародыше. Но он был словно под

гипнозом. Рози, сама того не ведая, околдовала его. Сила воли и здравый смысл были бессильны перед этим наваждением.

Он не помешал Дории послать приглашение.

Рози получила его два дня спустя, в субботу.

Они позавтракали, и она уже принялась за уборку в спальне близнецов, где, по словам миссис Беннет, царил разгром. Но тут прибежала малышка Аннабель с письмом. Рози взглянула на голубой конверт со штемпелем «Биконсфилд», подписанный незнакомой рукой, и зарделась.

Конечно, она догадалась, кто прислал это письмо! Торопливо распечатала конверт и повернулась к матери.

— Мама, представляешь, это от Дории Риверс! Она приглашает Клиффорда, меня и близнецов на ленч в будущее воскресенье.

— Боже мой! — воскликнула миссис Беннет. — Неужели и мальчишек!

— Да. Она обещала, что пригласит Мики с Робином познакомиться с ней и ее братом. Они ведь тоже близнецы.

— А я поеду? — спросила Аннабель.

— Боюсь, что нет, милая, — сказала Рози.

— Не огорчайся, дочка, — добавила миссис Беннет. — Попросим папу сводить нас куда-нибудь.

— Я не могу привезти туда троих детей, — объяснила Рози сестренке. — Это чересчур много. Но, может, в другой раз тебя тоже пригласят.

Аннабель была натурой жизнерадостной и, ничуть не расстроившись, побежала играть с соседской девчушкой.

А Рози продолжила уборку. Она ловко застелила постели близнецов. Это были не обычные кровати, а в два яруса: одна над другой.

Миссис Беннет покосилась на свою красавицу дочку и сказала:

— Что-то Риверсы к тебе очень внимательны.

Прежде чем ответить, Рози поразмыслила. Ей вдруг пришло в голову, что мать права.

— Да, и в самом деле. Но мисс Риверс очень добрая. Я в жизни не встречала таких удивительных людей. Наверное, она слишком заботится об окружающих, но ведь это помогает ей преодолеть собственную боль.

— Знаешь, дочка, может, я сую нос не в свое дело, но, по-моему, мистер Риверс интересуется тобой, — осторожно поделилась миссис Беннет своим мнением.

Рози, стоя на коленях, вытирала пыль с галошницы. Она поглядела на мать сначала с изумлением, потом с досадой:

— Да ты что, мама! Придет же такое в голову.

Миссис Беннет покачала головой:

— Я говорю то, что думаю.

— Да не может такого быть! Это невероятно!

— Доченька, а что же в этом невероятного? Мужчина увлечен красивой девушкой — вот и все.

— Мама, ну что ты в самом деле! — воскликнула Рози с пылающими щеками.

На этом разговор закончился, но вечером, когда за Рози зашел Клифф (они собирались в кино), она дала ему прочесть письмо Дории. Клифф сказал почти то же самое, что миссис Беннет:

— Похоже, мистер Риверс не прочь за тобой приударить.

Рози уже успела обдумать слова матери. На душе у нее было гадко. Ей не нравилось, что про ее дружбу с близнецами Риверсами говорят такие вещи. Возмущали и едкие замечания Клиффа — то ли в шутку, то ли всерьез.

— Да, великий Эшли Риверс пал жертвой твоих прелестей.

Рози вспыхнула:

— Ничего подобного! Он просто очень славный человек и…

— Славные люди тоже влюбляются. Вот я, на-

пример, чертовски славный — и на тебе, туда же! — шутливым тоном обронил Клифф.

— Да знаю, глупый! Я просто хочу сказать, что нас приглашают в гости по дружбе, а не из-за того, что Эшли Риверс испытывает ко мне какие-то чувства.

— Ладно. Но я буду за тобой приглядывать, крошка.

— Это лишнее! Ты что, мне не веришь?

— Верю, верю, — с ленивым удовлетворением сказал он и притянул ее к себе.

— Так мне принять приглашение?

— Конечно, — произнес он, растягивая слова. — Почему нет? Я выступаю за дружбу с начальством.

Рози прижалась щекой к его щеке, ощутила прежнюю волнующую теплоту его объятий и успокоилась.

— Не говори «гоп», — пробормотала она. — Он тебе еще не начальство.

— А вот и неправда. Уже начальство.

Рози отстранилась и поглядела ему в лицо:

— Не может быть!..

— Может, — сообщил Клифф, улыбаясь до ушей. — Сегодня утром я был у него в конторе. Он подыскал мне местечко.

— Ой, Клифф! — воскликнула Рози. — Как здорово! А что за работа? Когда? Где?

— Пошли присядем, я тебе все расскажу.

Он взял ее за руку, и она стала внимательно слушать.

Обычно Эшли Риверс не появлялся в офисе по субботам, но на сегодня у него была назначена встреча, и заодно он пригласил Клиффа. Клифф знал об этом еще накануне, но Рози ничего не сказал (когда надо, он мог быть очень скрытным). Надеялся сделать ей приятный сюрприз. Мистер Риверс устроил его на завод в Слу. Работа будет по большей части бумажная, им нужен специалист по электротехнике и торговым операциям. Эшли был уверен, что Клиффу окажется по плечу и то, и другое.

— Понимаешь, я сразил его наповал. У меня прекрасные манеры, в технике я разбираюсь, повидал мир и знаю людей. Диплом — не самое главное, — гордо заявил Клифф.

— Ого, да ты уже зазнался! — рассмеялась Рози.

— Так или иначе, я ловко обработал великого мистера Риверса.

— Ты будешь ездить в Слу каждый день?

— Вообще-то мистер Риверс предложил мне пока место в общежитии. Он хочет, чтобы я жил

поближе к работе, а с начальством не спорят. Вот увидишь, я добьюсь фантастического успеха и сразу пойду на повышение.

— Любимый, от скромности ты не умрешь, — покачала головой Рози.

— Скромность только вредит карьере.

— Пожалуй, ты прав. Действуй так, как считаешь нужным. Скажи лучше, достаточно ли будут тебе платить, милый? Сможем ли мы наконец пожениться и снять себе квартирку? Мне так хочется поехать с тобой в Слу, и поселиться там.

Он быстро взглянул на нее и опустил глаза. Не очень-то ей понравится то, что он скажет. Эшли, с неизменной сигарой в зубах, сидел за большим письменным столом. Он пристально посмотрел на молодого человека. Клиффу не понравился его испытующий взгляд. Эшли был единственным человеком, способным поставить его на место. Он спросил:

— Вы ведь пока не собираетесь жениться, а, Патерсон?

Клиффорд сразу смекнул, что у него на уме, и бойко ответил:

— Рози торопит с этим, сэр, но, я думаю, надо сначала прочно встать на ноги.

Мистер Риверс поглядел на свою сигару. На

лице его появилось загадочное выражение:

— Вполне с вами согласен. Пока освоитесь на новом месте, вам придется отдавать почти все время работе, — сказал он. — Мне не нужны сотрудники, которые каждую минуту глядят на часы и думают о том, как бы поскорее умчаться домой. Возможно, вам придется иногда оставаться на заводе допоздна — разумеется, за отдельную плату. Ваш будущий руководитель, заместитель директора в Слу мистер Форд, проработал у нас пятнадцать лет и всецело предан фирме. От вас он ждет такой же преданности делу и в офисе, и в цехах. Вы понимаете?

— Да, сэр, и я согласен, — ответил Клиффорд.

— В таком случае я предлагаю вам подписать контракт, в котором вы обязуетесь оставаться холостяком в течение года с момента найма.

Клиффорд снова согласился, даже не задумавшись, как на это посмотрит Рози. Дело — верное. Рекомендация такого человека, как мистер Риверс, ценится на вес золота. Ради благополучия Рози — да и своего собственного — надо принять его условия. Он и сам не торопится связывать себя брачными узами. Как бы ни был Клифф влюблен, ему не хотелось терять свободу и уходить из маленького ансамбля, в котором он играл

вечерами. Женатикам там не место. Как весело они проводили время в танцклубе! А ведь он мог бы работать и там, и в Слу. Купил бы автомобиль и приезжал после работы поиграть в ансамбле. Глядишь, завелись бы деньжата.

Клифф очнулся от раздумий и понял, что Рози спрашивает про жалованье. Когда он назвал сумму, она пришла в восторг:

— Вот это да! В Кейптауне ты получал куда меньше, правда?

— Да, ведь теперь я на более ответственной должности. И самому мне она больше по душе. Работать в конторе и в отделе сбыта, а не в цехе.

— Как здорово, милый! Эшли Риверс ужасно добр к нам.

— Ради твоих прекрасных глаз, дорогая, — проговорил Клифф.

Рози досадливо выдернула руку из его руки. Ей претили постоянные намеки на влияние, которое она якобы оказывает на мистера Риверса. Гадкие намеки. Тревожащие. Заставляющие думать о том, о чем и думать не хочется. И главное — несправедливые. Полнейшая несусветная чушь. Но если Клифф верит во все это, как он может принимать помощь от мистера Риверса! Рози чувствовала себя оскорбленной.

Она так расстроилась, что высказала все это Клиффу:

— Я не могу видеть, как ты извлекаешь выгоду из расположения ко мне мистера Риверса. Это… это некрасиво!

Клиффорд расхохотался и чмокнул ее в щеку:

— Временами ты сущая пуританка, замечаешь? Святая невинность.

— Вовсе нет, но я не хочу, чтобы это было правдой. Не хочу, чтобы ты строил свою карьеру на таких вещах, — сбивчиво объяснила она.

— Не принимай это близко к сердцу, детка. Мне наплевать, как на тебя смотрит мистер Риверс. Ты же моя, верно?

Но и это ее не обрадовало.

— Конечно, только…

— Да ладно тебе, — оборвал ее Клифф. — Мне казалось, ты будешь довольна, что я нашел работу.

Она сказала, что довольна, но думала о другом. О том, что не только Клиффорд, но и мама намекали на отношение к ней мистера Риверса.

Она даже попыталась представить, что это правда. И сама испугалась своих мыслей. Эшли — необыкновенный, удивительный человек — интересуется ею?! Какой ужас! Как же ей быть? Рози не хотелось думать об Эшли так. Она ви-

дела в нем только очень милого и порядочного человека, с которым — как и с его сестрой — ее связывает добрая дружба. Ей было жалко порывать с ними. И она, возмутившись, решила, что все останется по-прежнему. Мама и Клиффорд совершенно не правы.

Ошибку Клиффорда Рози объяснила тем, что он ее очень любит. Естественно, ему кажется, что все мужчины должны на нее заглядываться. А мама, конечно, всегда переоценивала ее внешние данные и успех. В конце концов к Рози вернулось обычное чувство юмора, и она рассмеялась. Придумают же — Эшли Риверс влюбился в нее!

И тут Клиффорд сообщил ей такое, чего она никак не ожидала:

— Боюсь, мы сможем пожениться только через год, детка.

У Рози похолодело внутри.

— Через год… — повторила она, не веря. — Клифф!..

— Вот досада, скажи?

— Не может быть.

— Пойми, солнышко, мужчина должен делать карьеру. Здесь не Кейптаун. Там нам достаточно было купить бунгало и жить себе припеваючи, особенно не тратясь ни на что. Там юг, тепло. А в

Англии денег понадобится куда больше.

— Но, Клифф, тебе же будут платить такое большое жалованье!

— Да, но…

— Квартиру тебе так или иначе придется снимать, — перебила она. — Без прислуги, ведь вести хозяйство могу и я. Или ты больше меня не любишь? Ты все еще хочешь на мне жениться? Если нет, лучше признайся сразу.

Ее лицо пылало, в глазах стояли слезы. Клифф стал ее утешать. Ему больше не о чем беспокоиться: всю вину можно свалить на мистера Риверса.

— Скажи спасибо своему ненаглядному Эшли, — заявил он. — Это из-за него все застопорилось. Ему, видите ли, нужны молодые работники, но только неженатые. Он и договор меня заставил подписать.

Рози взорвалась:

— Никакой он не мой ненаглядный! Не смей так говорить! По-моему, это низко — требовать, чтобы ты не женился целый год.

— Я огорчен не меньше твоего, — ласково сказал Клифф. — И ты прекрасно знаешь, что я люблю тебя по-прежнему и с нетерпением жду нашей свадьбы. Детка, я ужасно хочу быть с тобой, но вдобавок я хочу доказать тебе и твоему

папаше, который убежден в моей никчемности, что из меня выйдет толк. Тогда мне и самому будет легче решиться на такой шаг, как женитьба.

Он попытался обнять Рози, но она отстранилась и продолжала сидеть, стиснув руки и ничего не видя перед собой. Ее мечты разбивались одна за другой. Романтические идеалы тускнели. Где ее Клифф, тот, с кем она танцевала, кто был так влюблен, кому не терпелось увезти ее в Кейптаун? Этот холодный, расчетливый юноша казался незнакомцем.

Беленький домик, который она так часто обустраивала в мечтах; счастливая семейная жизнь с Клиффом, которую она так часто представляла, — все было далеко в прошлом и ничего в будущем. Ничего, кроме долгих месяцев ожидания, надежд и редких встреч, если он выкроит для нее время. Ведь он будет жить в Слу и работать до позднего вечера. Никогда в жизни она не была так обижена и разочарована.

— Мне не верится, — сказала она стеклянным голосом. — Целый год. Ох, Клифф!

— Да, скверная история. Но ведь мы будем видеться, и потом, ты же знаешь, это все ради тебя, любимая.

— Наверное, мы сможем видеться только по вы-

ходным. Ты же будешь часто работать допоздна.

Клифф кивнул. Пусть Рози думает, что он по горло завален работой. Можно будет пореже наведываться к ней домой, болтать с ее занудами-предками, водить ее в кафе и кино. И так уже кучу денег на это угрохал. Куда лучше взять гитару и отправиться в танцклуб, к ребятам.

Должен же он порезвиться напоследок, прежде чем надеть ярмо семейного человека! А через год — делать нечего — женится на Рози. Из нее выйдет восхитительная женушка. К тому же у всех окрестных ребят от ее мордашки голова кругом. Клифф был по-прежнему влюблен в Рози, но не собирался ради нее идти на жертвы. Это было не в его духе.

— Выше нос, дорогая, — сказал он. — Конечно, по-дурацки получилось, но, думаю, это даже к лучшему.

У нее задрожали губы.

— Я все выскажу мистеру Эшли Риверсу. По-моему, он поступает непорядочно. Неужели он не понимает?..

— Не смей ему ничего говорить, — резко оборвал ее Клифф. — Я не хочу потерять это место. Мне в жизни лучше не найти. Если ты вмешаешься, он и передумать может. Он наниматель,

это его дело — ставить условия.

Рози молчала несколько мгновений, пытаясь взять себя в руки. Новость потрясла ее до глубины души. А Клифф воспринял ее так спокойно! И мистер Риверс — какая неожиданная жестокость! Конечно, такому большому человеку дела нет до чувств и планов наемных работников, но он был так добр к ней, помог Клиффу устроиться — зачем же препятствовать их женитьбе?!

Рози говорила себе, что излишне сентиментальна. И она знала за собой это. Но ждать так долго — целый год! — просто невыносимо.

Конечно, здесь ее дом, родные. Она их любит. Но Рози хотела замуж, хотела иметь собственный дом. Она вспомнила о приданом в нижнем ящике комода, о своих хлопотах и едва не расплакалась. Ей было даже горше, чем летом, когда Клифф написал, что они не смогут пожениться этой осенью.

Тут до ее сознания дошло, что Клифф что-то говорит ей:

— Рози, послушай, давай не будем из-за этого раскисать. Я думал, ты поймешь. Ведь это ты помогла мне найти работу, а теперь хочешь испортить все удовольствие. Подумаешь — год переждать.

Рози наконец очнулась. Она снова взяла жениха за руку и улыбнулась ему сквозь слезы:

— Извини. Я просто глупая. Расстроилась очень — вот и все.

Клиффорд повел ее в кафе. Он заметно повеселел и хохотал так заразительно, что Рози тоже почти успокоилась. Но ее по-прежнему терзала мысль об Эшли Риверсе. Добряк-благодетель вдруг обернулся равнодушным бизнесменом, которому ничего не стоит потребовать от работника, чтобы тот не женился целый год.

Вечером, когда родители заметили необычную бледность и заплаканные глаза Рози, она рассказала им обо всем. Они переглянулись, затем мистер Беннет кашлянул и произнес:

— Не хочу тебя расстраивать, дочка, но, по-моему, мистер Риверс абсолютно прав. Незачем молодому человеку спешить с женитьбой, пусть сначала ума наберется.

— Вы с самого начала были против Клиффа, так что эта задержка вам только на руку! — вырвалось у Рози, и все горе прошедшего дня опять поднялось у нее в душе.

Она редко позволяла себе так разговаривать с отцом. Маргарет Беннет прикусила губу и бросила взгляд на мужа.

— Послушай, доченька, мы же хотим как лучше… — начала она.

— Да знаю, знаю! — перебила Рози. — И прекрасно вас понимаю, но я люблю Клиффа и хочу за него замуж. Год — это очень долгая отсрочка.

— Год быстро пролетит, а за это время вы лучше узнаете друг друга, — сказала миссис Беннет, пытаясь утешить дочь.

В душе Маргарет считала, что мистер Риверс оказал семье Беннет неоценимую услугу, но не стала говорить об этом Рози, чтобы не расстраивать ее. Она просто рассказала старую историю о сыне подруги, студенте-медике, который рано женился, проводил все свободное время с женой и в результате провалил экзамены.

— Ты же хочешь, чтобы Клифф преуспел, — закончила она. — Так не порти ему карьеру.

Рози не согласилась с матерью, но промолчала. Что толку спорить! Родителям ее ни за что не понять. Тысячи молодых людей женятся и выходят замуж, ничуть не усложняя себе жизнь. Как объяснить маме с папой, что сильнее всего ее огорчила не отсрочка, а та легкость, с какой Клифф принял условие Эшли Риверса. Выходит, он нуждается в ней не так сильно, как она в нем. Конечно, он рассуждает о карьере, о богатстве

— но что значит для девушки богатство по сравнению с любовью, с радостью совместной жизни?

Рози легка спать расстроенная. Через неделю, когда она с женихом и близнецами отправилась в Чейнфилд, на душе у нее по-прежнему было смутно.

Клиффорд был в новом сером костюме и голубой сорочке со значком южноафриканского спортивного клуба, на который он, честно говоря, не имел никакого права. Рози и ее отец заставили-таки его укоротить волосы, и он был аккуратно подстрижен — словом, выглядел великолепно. Мики и Робина тоже нарядили по-праздничному: в серые фланелевые тортики и белоснежные рубашки, которые стали предметом шуток за завтраком. Папа сказал, что близнецам впору рекламировать по телевизору мыльные хлопья. Мальчики были очень похожи: тщательно причесанные каштановые волосы, симпатичные веснушчатые мордашки.

Им редко доводилось ездить на поезде, и путешествие в Биконсфилд привело их в восторг. Всю дорогу они возбужденно переговаривались.

Одна Рози была молчалива и подавлена. Только бы мистер Риверс этого не заметил! Ведь он вправе ждать от нее благодарности, а она не в

силах подавить возмущение.

Клиффорд сидел рядом, держал ее за руку.

— Что ты хмуришься, детка? Ну-ка, улыбнись.

Она слегка улыбнулась. Подняла подбородок повыше:

— Нет, все в порядке.

— Ты обворожительна, — сказал Клифф, полным восхищения взглядом окидывая ее тоненькую фигурку.

Воскресный день выдался почти такой же теплый и ясный, как в первый приезд Рози в гости к Риверсам. На Рози было ситцевое платье сиреневого цвета, короткий синий жакетик и синяя соломенная шляпка, красиво оттеняющая ее блестящие длинные волосы. Клиффорд не мог отвести глаз от своей невесты. В такие мгновения ему хотелось сыграть свадьбу немедленно, и он злился на жизнь за то, что не так богат и могущественен, как Эшли Риверс, и не может позволить себе одновременно жену и «роллс-ройс».

Клифф решил вести себя с Рози подчеркнуто внимательно, но и о близнецах не забывать. Малыши вопили от восторга, глядя, как он изображает известных киноактеров. У него и правда здорово получалось. Это он умел.

Слушая смех близнецов, Рози постепенно раз-

веселилась и тоже стала смеяться.

Но целый год ожидания — если бы она могла забыть о нем!

ГЛАВА 10

Ленч подошел к концу.

Рози не могла не признать, что все очень вкусно, стол накрыт безупречно, а столовая красивая и уютная.

Эшли показался ей более сдержанным и сосредоточенным, чем в прошлый раз, но роль хозяина он играл отлично. Он был предупредителен к Клиффу и говорил с ним как с равным, невзирая на их будущие отношения хозяина и работника.

Близнецы немного притихли в непривычной обстановке и вели себя хорошо. Тем более что им принесли обещанную клубнику со сливками. С мальчиками превосходно управлялась Дикки. Она умела общаться с детьми. И сама Дория не осталась в стороне: она развлекала ребят с энергией здоровой и счастливой женщины.

Клифф вел себя так, что Рози не в чем было его упрекнуть. Величественное поместье Риверсов произвело на него впечатление, и он держался необычно скромно и не так много хвастался. Он пустил в ход все свое обаяние, пытаясь понравиться женщине в инвалидном кресле. Она была

молода и красива. Какая жалость, что она никогда не ответит на его многозначительный взгляд. Но он был доволен, услышав, как она говорит Рози:

— Я рада, что брат нашел вашему жениху работу. Уверена, он добьется большого успеха.

После ленча Дория попросила Клиффорда отвезти ее к бассейну. Мики, Робин и Клифф собирались купаться.

Рози осталась наедине с Эшли. Он сказал, что сводит ее в конюшню навестить крестника.

Они пошли через старинный, вымощенный булыжником дворик к заднему крыльцу и службам. Рози была молчалива и задумчива.

Конечно, ей очень понравился ленч и то, как по-доброму мистер и мисс Риверс отнеслись к Клиффу. Сердце ее переполняла благодарность, но на уме было другое. Она едва сдерживала свои чувства.

Это не укрылось от Эшли. Во время ленча Рози сидела рядом с ним, они разговаривали, но Эшли заметил неуловимую перемену в ее отношении к нему.

Она улыбалась. Смеялась его шуткам. Участвовала в общем веселье по поводу забавных реплик Мики и Робина. Но Эшли видел — перед ним уже не та Рози, что смело поднимала на него сияющие

глаза две недели назад.

Разумеется, он знал причину этой перемены.

Знал и намерен был объясниться с Рози. С ужасающей ясностью он наблюдал и перемены в самом себе. Рассудительный мужчина превратился во влюбленного юнца. Милая, простодушная девушка так завладела им, что он не мог видеть ее рядом с Клиффордом Патерсоном. Как ни старался Эшли, он не сумел возбудить в себе симпатии к этому юноше. Было в Клиффорде что-то такое, особенно когда он улыбался, от чего Эшли хотелось заскрежетать зубами.

«Боже мой, — думал он. — Что ей стоило найти человека получше, более достойного ее руки! Я бы тогда не сомневался».

Они подошли к деннику Тимкина. Рози встрепенулась и с прежним воодушевлением кинулась к своему крестнику.

— Как он подрос! — воскликнула она и поцеловала жеребенка в нос. — Лапочка ты моя!

— Тимкин, — сказал Эшли, вынув изо рта сигару. — Поздоровайся со своей прекрасной крестной.

Рози закусила губу. Неужели Эшли Риверс считает ее прекрасной? Впрочем, это его дело. Пусть считает, если хочет. Ее это не касается.

Потом он произнес вполголоса:

— Рози, вы на меня сердитесь?

Она вспыхнула до корней волос и, запинаясь, ответила:

— Нет, что вы, не сержусь… Как же я… вы же… так помогли нам с Клиффом. — Девушка молчала в смущении.

— И все-таки вы сердитесь, — возразил он тихо. — Ведь я отсрочил вашу свадьбу. Рози, — продолжал Эшли, — я понимаю, что вы хотели пожениться немедленно. Но, прошу, поймите и вы меня: Патерсон только начинает карьеру и должен полностью отдаваться работе. Я не могу взять на завод человека, который будет работать от звонка до звонка. Сверхурочные мы оплачиваем, так что Патерсон получит возможность зарабатывать дополнительно. А если бы вы поженились, ему пришлось бы спешить каждый вечер домой, к вам. Он старше большинства наших стажеров, но и оклад будет получать не стажерский. Я учитываю его прошлый опыт и знания. Надеюсь, вы сочтете мои действия разумными и не будете держать на меня зла.

Рози подняла на Эшли глаза — такие прекрасные, что у него перехватило дыхание, — и мягко улыбнулась:

— Конечно, я все понимаю. Не стану врать, поначалу я очень расстроилась, но теперь мне лучше.

— Вот и славно, — сказал он. — Значит, мы остались друзьями.

Рози обомлела. Эшли Риверс дорожит ее дружбой?! Она вскинула глаза и поймала его взгляд. Мгновение они смотрели друг на друга. Внезапно Рози почувствовала, что пол уходит у нее из-под ног. Она словно повисла в воздухе. И все ее планы, надежды, мечты вдруг разбились на мелкие кусочки и закрутились вокруг нее. У Рози потемнело в глазах. Она не знала, что с ней. И тут в ее затуманенном мозгу молнией блеснуло воспоминание: мама и Клифф. Как они тогда сказали? «Эшли Риверс тобой интересуется...»

Когда она очнулась, Эшли уже не смотрел на нее. С неизменной сигарой в зубах он ласкал жеребенка. Рози ощущала терпкий запах крепкого табака. Вся дрожа, она оторопело глядела ему в спину. Ей захотелось повернуться и убежать. В душе царила сумятица. Нет, во всем виновата ее неуемная фантазия. В проницательном взгляде Эшли не было ничего необычного — вернее, ничего такого.

Тем временем Эшли тоже мучился сомнени-

ями. Он не сказал Рози всей правды и скрыл причину, побудившую его внести в контракт Клиффорда пункт об отсрочке женитьбы. Скрыл, что испытывает недоверие и неприязнь к молодому Патерсону и считает его плохой партией для Рози.

Он вел себя как ревнивый болван, который хочет отбить у соперника невесту и жениться на ней. Но, разумеется, таких планов у Эшли не было и в помине. Он знал, что Рози любит Клиффорда Патерсона, и не надеялся на перемену в их отношениях. А сказать Рози, какое мнение он составил о ее женихе, Эшли не позволяла щепетильность. Единственное, что было в его силах, — это испытать юношу. Ради Рози. Через год все станет ясно. Она увидит, преуспел ли ее жених на заводе и, главное, хочет ли она по-прежнему выйти за него замуж. Если все пойдет хорошо и Рози не передумает, то Эшли признает свою ошибку. Тогда он перестанет волноваться за будущее девушки.

Вот что было на уме у Эшли; у Эшли на душе. Но когда Рози глянула на него своими удивительными глазами, когда встала рядом — грациозная, прекрасная и милая, — он вдруг понял, что этот год и для него будет годом больших испытаний.

Вечером, когда гости уехали, он решил посове-

товаться с Дорией.

Близнецы повеселились на славу. Прощаясь, Дория подарила каждому по игрушечному подъемному крану, купленным специально к их приезду. Клифф вдоволь поплавал и восхитил всех своим мастерством. Даже мисс Диксон сказала Рози:

— Какой у вас неотразимый жених!

Расставаясь с Рози, Эшли пожал ей руку и дружески улыбнулся. Все снова было хорошо, а неприятное объяснение в конюшне ей только приснилось.

Эшли хороший друг Рози и Клиффа. Клифф будет у него работать, а Рози — терпеливо ждать, пока пройдет год вынужденного одиночества.

Но оставшись с Дорией, Эшли сбросил маску. В его глазах была боль, голос звучал отрывисто.

— Мне не нравится Патерсон и безумно нравится Рози! — сказал он.

Хрупкие пальчики Дории коснулись его руки.

— Бедный ты мой. Этого я и боялась…

— Она божественна, Дория.

— Я понимаю твои чувства. Она очень красива и мила. Но, дорогой, что нам до нее.

— Ничего. В том-то все и дело.

— Она боготворит своего Клиффа. Живет для

него. Боюсь, тебе не на что надеяться.

Он задумчиво принялся ходить взад-вперед по библиотеке, где они пили вечерний кофе. Дикки ушла в комнату Дории. Впервые за весь день Эшли остался с сестрой наедине. Он не собирался делиться с ней переживаниями, но несчастье сделало его разговорчивым. К тому же у них никогда не было секретов друг от друга — так зачем скрывать?

— Есть надежда или нет, мое чувство к Рози от этого не изменится, — сказал он.

Дория поплотнее закуталась в белую пуховую шаль. Вечер был прохладный, но Дория зябла не от холода, ее, словно ледяной иглой, пронзила жалость к брату. Ей было больно смотреть на него, так он побледнел и осунулся.

— Эш, милый, — жалобно сказала она. — Я передать не могу, как мне тебя жаль. С самой смерти Вероники я ждала, что ты найдешь себе невесту. И надо же такому случиться!

Эшли усмехнулся:

— Такова жизнь, сестричка. А я — чертов упрямец. Ты, наверное, гадаешь, что я нашел в этой Рози Беннет?

— Милый, я тебе уже говорила: Рози — чудесная девушка. А почему А любит Б или Б любит

В, понять несложно. Труднее объяснить. Ты же удивлялся, что я люблю Руперта.

— Это точно.

На мгновение к ней вернулась прежняя боль.

— Эш, попытайся забыть о ней. Я не хочу, чтобы ты мучился, как я тогда.

— Не бойся, я возьму себя в руки. Клянусь, я не переживал бы так, будь у нее приличный жених.

— Тебе он не нравится?

Эшли помолчал немного, задумчиво глядя на нее.

— А тебе нравится? Я говорю не о его наружности, он в самом деле красавчик, особенно когда пострижен, — сухо сказал Эшли. — Он эффектно смотрелся у бассейна.

— Бедняжка Дикки была убита наповал, — со смехом вставила Дория. — Она назвала его юным Адонисом.

— Да, этого у него не отнять. И все-таки нравится он тебе?

— Нет, — призналась Дория виновато. — Не нравится. Высокомерен, заносчив. Не люблю этого в мужчинах. Слишком занят собой… Но если он предан Рози, если будет стараться ради нее, такие недостатки можно пережить.

Эшли кивнул:

— Можно. Но, если я прав, со временем Рози разочаруется в нем.

— Хочешь, чтобы они расстались? — тихо спросила Дория.

При этих словах краска бросилась в лицо Эшли.

— Я хочу, чтобы она была счастлива. Больше ничего, — сказал он резко.

— Я тебе верю, милый.

— Не хочу казаться лучше, чем я есть, — продолжал он, — и признаюсь: да, я предпочел бы, чтобы Рози рассталась с женихом, но только по собственной воле.

— Тогда ты попросишь ее руки? — Дория внимательно посмотрела на брата.

После минутного колебания он ответил:

— Да, попрошу. Ты считаешь, что это неприемлемо?

— Почему? Лишь бы ты был с ней счастлив.

Он погладил ее по волосам:

— Ты так добра ко мне, Дория.

— Ты столько для меня сделал, милый! Разве я могла бы без твоей поддержки пережить все несчастья!

— Не будем больше о Рози, — сказал он. — Пока о женитьбе речи нет. Вполне возможно, Патерсон

опровергнет все мои выводы и станет ей хорошим мужем. И тогда — поверь мне, Дория, — я отойду в сторону. Ради Рози.

Этим вечером Рози впервые за много дней была счастлива. Мама предложила Клиффу остаться поужинать, тот согласился. За столом сидели тихо, без обычных споров между мистером Беннетом и молодым Патерсоном.

Клифф находился в приподнятом настроении. Он сообщил, что в Чейнфилде замечательно, что мистер и мисс Риверс очень милые люди и что ему не терпится приняться за работу.

Он был предупредителен к миссис Беннет, даже помог ей убрать со стола. Аннабель он рассказал давно обещанную вечернюю сказку, подыгрывая себе на гитаре, — да так, что вся семья заслушалась. Проведя целый день на воздухе у воды, Клифф выглядел свежим и загорелым. С Рози он был особенно нежен, и та трепетала от счастья. К ней вернулся ее прежний Клифф, которого она когда-то увидела и полюбила. После его ухода она сказала матери, что теперь дела пойдут на лад.

— В последнее время Клифф ходил сам не свой. Вы с папой на него сердились, но ведь это все из-за того, что он был без работы и очень переживал. Что-то вроде комплекса неполноценности.

Видишь, как он сразу переменился? Близнецы от него в восторге: он их развлекал всю дорогу — туда и обратно. И Риверсы о нем высокого мнения. По крайней мере Дория. Да и Эшли не взял бы его на такую серьезную должность, если бы в нем сомневался.

Миссис Беннет вздохнула. Она была женщина легковерная, вдобавок ей очень хотелось, чтобы дочка оказалась права. Рози говорила так убежденно, а Клиффорд за ужином был так очарователен, что лучшего жениха и не надо.

Маргарет Беннет поцеловала свою синеглазую дочку:

— Деточка, ты же знаешь, как мы печемся о твоем благополучии. Я уверена: если Клифф удержится на работе, все пойдет хорошо. Какой он красавчик! Бронзовый загар, золотые волосы. А нашей Аннабель уж очень его сказка понравилась, да еще под музыку.

— Да, Клифф любит детишек. Мамочка, я ужасно счастлива. Думаю, мы скоро поженимся и у нас будут свои дети.

Она мечтала о том, о чем мечтает каждая девушка. С непоколебимой верой в любовь и счастливое замужество.

Никто на свете не подорвал бы ее доверие к

Клиффорду Патерсону, не заставил бы отказаться от намерения стать его женой, матерью его детей. У нее не было в этом ни капли сомнения.

Расчесывая на ночь густые волосы и глядя на свое отражение в зеркале, Рози даже не очень расстраивалась из-за завтрашнего отъезда Клиффа в Слу. Первое время он будет жить в общежитии, пока не найдет жилье. Она будет скучать без него, без их вечерних прогулок, ставших привычными с тех пор, как он поселился в Англии. Клифф убеждал ее, что разлука будет недолгой. В субботу он к ней заедет. Рози так обрадовалась, что миссис Беннет поддалась на ее уговоры и позволила Клиффорду оставаться у них на выходные. Он будет спать в комнате Рози, а сама Рози — на раскладушке в спальне Аннабель.

— Я все сделаю, чтобы добиться успеха и устроить нашу совместную жизнь, моя синеглазка, — сказал он на прощание.

Она ему поверила — почему бы нет? У него всегда была масса планов на будущее. В конце лета он вдруг предложил ей съездить в Дьеп на пароме из Нью-Хейвена:

— Полюбуемся прекрасной Францией — вдвоем и почти задаром. Отличная идея!

Роза смутилась:

— Да, отличная, но мама с папой мне ни за что не позволят…

— Ну, твои старики — это сила! — расхохотался Клифф. — Не волнуйся — обстряпаем.

В такие мгновения она слегка конфузилась: уж очень его представления о том, как надо себя вести, отличались от ее собственных. Но она говорила себе, что он, пожалуй, прав и что родители живут вчерашним днем. В наше время многие обрученные ездят в отпуск вместе. Почему бы и ей не съездить с Клиффом?

Они обстряпают…

Но когда она легла в постель и погасила свет, в ее голове зароились другие мысли. Она вспомнила Чейнфилд, конюшню, своего крестника Тимкина и Эшли Риверса. Как серьезно он смотрел на нее. «Рози, вы на меня сердитесь?..»

Еще бы не сердиться, когда он отложил их с Клиффом свадьбу на целый год. Теперь она поняла, что, судя по всему, он поступил правильно. Любовь ослепляет, и истинное положение дел виднее со стороны. Было бы глупо жениться очертя голову, без работы и без гроша за душой.

Но как он на нее смотрел! Неужели мама и Клиффорд были правы и Эшли действительно ею интересуется?

Она надеялась, что нет. Лучше бы этого не было!

Она долго не могла уснуть.

ГЛАВА 11

Это было в конце августа. Придя утром в агентство Трамма, Рози увидела, что Берил сидит за ее столом и пытается одновременно отвечать по телефону и беседовать с клиентом. Берил приветствовала Рози с явным облегчением и проследовала за ней в маленькую комнатку, где девушки раздевались:

— Ой, как хорошо, что ты пришла! Ты сегодня здорово опоздала.

— Да, — сказала Рози. — Я что-то неважно себя чувствую.

— Ты не простудилась? — спросила Берил встревоженно.

Посмотрев на подругу пристальнее, она заметила, что та действительно плохо выглядит. Бледная, осунувшаяся, под глазами круги. Берил вспомнила, что за последние две недели Рози опаздывает не в первый раз. И заметно похудела.

— Старый Трамм просто на ушах стоит. Эта жуткая леди Мурфорд закатила ему скандал: и отель на Мальорке оказался грязный, и кормили там плохо, и все было не так. И еще твой ухажер

два раза заходил, тебя спрашивал.

Рози, которая причесывалась перед зеркалом, резко обернулась:

— Кто, Клифф?

— Ты что? Он ведь в Слу, разве нет?

Блеснувший было в глазах Рози свет погас. Она снова стала причесываться:

— Да, конечно. Так кто заходил?

— Мистер Уисли — молодой человек с Кингс-роуд, ты месяца два назад устраивала ему поездку в Рим. Он собрался в конце сентября ехать куда-то еще и… — Берил хихикнула, — по-моему, был бы не прочь, если бы ты поехала с ним. Ты ему явно приглянулась. Я побегу обратно, а ты поговори с этой молодой парой. Они хотят отправиться в свадебное путешествие в Торремолинос.

Рози еще задержалась перед зеркалом. Ей хотелось хоть немного побыть одной. Она не знала, как переживет этот длинный день. Надо быть приветливой с посетителями, выслушивать их оживленные расспросы, их планы на отпуск, подбирать им поезд, бронировать билеты на самолет, рекомендовать отели — и все это с сияющей улыбкой. Господи! Если бы это было обычное недомогание, простуда или мигрень. Рози действительно чувствовала себя плохо. Мама

уговаривала ее остаться в постели, позвонить мистеру Трамму и сказать, что она заболела. Но Рози отказалась. Она знала, что сейчас сезон отпусков и она очень нужна в агентстве. Нельзя подводить мистера Трамма. К тому же она ведь не больна. Просто измучена. Так измучена и встревожена, что ей трудно сосредоточиться на работе.

Конечно, дело в Клиффе.

Какая она глупая: подумала, будто это он заходил в агентство. Клифф в Слу. Клифф всегда в Слу, даже после работы. Эту горькую истину она осознала недавно. Как осознала и то, что он изменился. Изменилось все. Вся жизнь.

Она мужественно держалась все утро; как обычно, беседовала с клиентами. Некоторые действительно собирались ехать в отпуск, другие пришли просто разузнать и понапрасну тратили ее время. Боль в сердце и головная боль не отступали. Собственно, первая и порождала вторую.

День был на редкость суматошный. Над Лондоном висело влажное марево, такое же тяжелое, как тоска у нее на сердце. На Слоун-стрит нечем было дышать.

Она неотступно думала о Клиффе. Всякий раз, как звонил телефон, она надеялась, что Клифф вырвался с работы, чтобы позвонить. Но это снова

был не он. Она пыталась разобраться, что происходит, пыталась отыскать хоть какое-нибудь лекарство от боли.

Когда началась эта боль? Когда все изменилось так бесповоротно? Всякий раз, как в работе выдавалась передышка и удавалось сдержать болтовню Берил, Рози подпирала рукой раскалывающуюся голову и принималась искать ответ. Конечно, такие вещи происходят не вдруг — они проникают в жизнь медленно, исподволь, как яд в кровь.

Первый уик-энд, когда Клифф приехал из Слу, прошел замечательно. Ее родители вновь смягчились, увидев, как заинтересован он новой работой. Клифф был очарователен с мамой, воздерживался от споров с папой и, как всегда, вызвал бурный восторг у детей.

В субботу они устроили вечеринку. Папа демонстративно ушел в спальню, зато мамуля была просто прелесть, угостила их кофе с бутербродами и не возражала против того, что Клифф принес несколько бутылок пива.

Пришли Кларисса Мартин, ее парень и еще несколько человек, один из них приятель Клиффа по ансамблю. Клифф согласился сыграть на гитаре, а его друг на кларнете. Все танцевали.

Было очень весело.

После того как все разошлись, Рози с Клиффом проговорили до двух часов ночи. Он рассказывал о своей новой работе. По его словам выходило, что сослуживцам он понравился. Только вчера он виделся с Эшли Риверсом — тот поздравил его с удачным началом.

— Скоро они увидят, чего я стою, — хвастался Клифф.

Рози верила и гордилась им.

Только когда его поцелуи стали слишком страстными, а ласки перешли определенную грань, она отодвинулась.

— Пожалуйста, не надо все портить, Клифф, милый, — попросила она.

— Ах ты моя скромница, — поддразнил он. — Ты явно не одобряешь добрачные связи.

— Конечно, — твердо ответила она, заливаясь румянцем.

Клифф не стал спорить. Мол, не обращай внимания. Просто он так ее любит, что не знает, как будет терпеть целый год. Когда она заметила, что ей тоже не нравится ждать, он с улыбочкой сказал:

— Тогда уговори своего дружка, большого босса, пусть удвоит мне жалованье и разрешит же-

ниться.

Она восприняла это как шутку.

Но прошла неделя-другая, и она начала тревожиться: все ли подобные замечания — шутки. И вообще сколько в его россказнях твердой уверенности в себе, а сколько пустого хвастовства?

На следующей неделе Клифф пару раз позвонил из Слу, но в субботу не приехал. Он сказал, что ребята из ансамбля попросили выступить вместе с ними. Надо подрабатывать, а то он ничего не скопит, она сама понимает. Она поняла, хотя очень огорчилась, что не увидит его. Но ее родители недоумевали, как это так: жених берется подрабатывать и из-за этого ему некогда видеться с невестой. Рози чувствовала, что они недовольны. Это ранило ее самолюбие.

В воскресенье Клифф приехал, но на полтора часа опоздал к ленчу, чем обидел всех. Был он бледный и опухший, словно не в ансамбле играл, а квасил, пошутила Рози.

К ее крайнему изумлению, он, вместо того чтобы рассмеяться, сердито огрызнулся:

— Ох уж эти мне трезвенники! Вы все думаете, что если человек не прочь выпить рюмочку, он только и делает, что напивается. Бога ради, не превращайся в ханжу. Я этого не вынесу!

Рози извинилась и замолкла. Тогда и он в свою очередь извинился, а вечером повез ее на прогулку.

Он купил маленький автомобиль. Для Рози это было приятной неожиданностью — теперь он мог возить ее на реку или за город, когда позволяла погода. Однако она не понимала, как он купил автомобиль, если и правда на всем экономит. Он объяснил, что купил его в рассрочку, а чтобы сделать первый взнос, продал последние из дядиных акций.

— Автомобиль мне нужен для работы. Я буду у Томаса Риверса агентом по продаже. Бензин мне оплачивают, так что дело верное.

Только позже от самого Эшли она узнала, что бензин ему не оплачивают и расходы на автомобиль покрывать не намерены.

Она не видела Эшли месяца два, но в конце августа он сам позвонил ей на работу и предложил встретиться, как обычно, в Карлтон-Тауэрс в шесть часов. Он сказал, что они с Дорией часто о ней вспоминают. Дория живо интересуется Рози и ее помолвкой.

Рози охотно согласилась встретиться. Уж Эшли-то расскажет ей о Клиффе и о том, как он справляется на работе.

Ей нравился Эшли Риверс, а перед Дорией Риверс она, по собственному выражению, просто преклонялась. Поэтому и приняла приглашение, а вовсе не из-за того, что Клифф просил ее поддерживать отношения с боссом. По правде говоря, она радовалась, что увидит его — высокого, элегантного, с сигарой в руке. При встрече он тепло улыбнулся, позже поднял бокал за ее здоровье. Выслушав новости о мисс Риверс и Тимкине, который быстро вырастает из крошечного жеребенка, Рози перевела разговор на Клиффорда.

— Можно мне спросить, как идут дела у Клиффа?

Эшли какую-то секунду смотрел поверх ее головы на пару, которая только что вошла в бар. Он затруднялся с ответом, потому что не слышал о Клиффорде ничего утешительного. Он хотел бы знать, насколько это затронуло саму Рози. После того как Клифф проработал месяц под непосредственным началом Джима Форда, у Эшли сложилось впечатление, что от парня больше мороки, чем пользы.

Искусной игрой на гитаре, развязным поведением, солеными шуточками Клифф завоевал некоторую популярность у молодых сотрудников фирмы. Но его красивая внешность и обаяние вы-

звали нездоровый интерес у девушек, особенно двух младших машинисток.

Только вчера Форд сказал:

— Я знаю, ты принимаешь участие в этом мистере Патерсоне, но скажу честно, я от него не в восторге.

— Он плохо работает?

— Сносно, если старается, — выразительно отвечал Форд, — но если представляется случай увильнуть от трудной работы, он это делает. Я испытал его в двух отделах. В механике он не Бог, слишком поверхностно образован. Опытные сотрудники не хотят с ним работать. В отделе продаж он вроде справляется получше, но там ему нечего делать, сам знаешь — большую часть работы выполняют старые сотрудники. Сейчас я поставил его работать с молодым Аркелом, но он, похоже, и там набедокурил.

— Что еще? — устало спросил Эшли.

Форд не впервые жаловался на Клиффорда, и Эшли это уже начинало утомлять. Конечно, если бы не Рози, он уволил бы этого парня давным-давно. Едва начав работать в Слу, Клиффорд сразу показал себя с худшей стороны. Он оказался хвастуном и задирой. Подумать только — и он обручен с одной из самых замечательных деву-

шек на свете!

Всякий раз, думая о Рози и Клиффорде Патерсоне, Эшли морщился. Ему самому в этом месяце пришлось несладко. Помимо обычных дел фирмы, надо было разбираться в своих сердечных делах. Его душа отказывалась принимать одиночество и пустоту прежнего холостяцкого существования. Он безумно любит Рози Беннет. Чтобы сделать ее счастливой, он старался побороть свои чувства и помочь молодому Патерсону. Но Эшли обязан считаться с мнением такого опытного руководителя, как Джим Форд.

А новые неприятности с Клиффом (и Эшли этому не удивился) касались молоденькой машинистки в его отделе. Форд считал, что не обязан покрывать Клиффорда Патерсона, грубого и развязного молодого человека, которого постоянно приходилось ставить на место. Он выложил боссу все начистоту:

— Патерсон помолвлен, если я не ошибаюсь. Но… глядя на то, как он ведет себя с Маурин О'Рейли, этого ни за что не скажешь.

Эшли пришлось спросить, кто такая Маурин О'Рейли. Форд напомнил: это хорошенькая маленькая ирландка, страшно независимая, у нее еще волосы с начесом, большие глаза и дерзкая

улыбка. В фирме работает год. Только что исполнилось восемнадцать. Из приличной семьи, местная.

— Этот Патерсон вскружил ей голову. Раньше она дружила с Аркелом, теперь тот злится.

У Эшли упало сердце. Мало того, кто Клифф — лодырь и неумеха, он еще изменяет Рози — своей будущей жене. Это просто гнусно.

Однако, не желая показать Форду, что принимает эту историю близко к сердцу, Эшли свел все к нескольким ничего не значащим фразам.

— Пусть сами разбираются. Не хватало нам только лезть в любовные дела подчиненных. Повозись еще с Патерсоном, Форд. Может быть, сделаешь из него что-нибудь путное.

Форд нехотя согласился…

Сейчас в баре Эшли смотрел на Рози, смотрел в ее нежные васильковые глаза, перед которыми не в силах был устоять, и чувствовал на сердце тяжесть. Он заметил, что Рози очень сдала. Он готов был поклясться, что со времени поездки в Чейнфилд она еще больше похудела.

— Как Клифф? — повторила она немного встревоженно. Ее тревога, худоба, круги под глазами вызвали у Эшли беспокойство.

— Прежде чем я отвечу, скажите, что думаете

вы? Как он вам кажется?

— Он доволен. Говорит, его уже немного повысили — я так этому рада! — и что бензин ему оплачивают, а это большая поддержка. Спасибо огромное, Эшли… — Имя его Рози произнесла довольно робко.

Он изумленно уставился на нее. Что, скажите на милость, можно на это ответить? Ну и болтун этот Клиффорд! Никто его не повышал, никто не оплачивает ему бензин, довольна им только молодежь.

Невероятным усилием воли Эшли сдержался и не высказал этого вслух. Чего он на дух не выносил, так это лжи. Что бы ни происходило в жизни, надо говорить правду. Патерсон, похоже, на это не способен. Эшли не хотелось разочаровывать Рози. Разве он не сделал все, что от него зависело? Но есть вещи, которых он допустить не может, и черт побери, он тоже человек. Он любит эту девушку так сильно и так глубоко, что сам напуган этим чувством.

Внезапно он вынул изо рта сигару и заговорил резко:

— Хотя я всемерно хотел бы помочь вашему жениху, я не могу позволить, чтобы вас вводили в заблуждение, мое дорогое дитя. Насколько мне

известно, его не повышали в должности и фирма не оплачивает ему бензин. Кстати, Форд удивился, когда Патерсон сказал, что может содержать автомобиль на свое жалованье и что унаследовал деньги от дяди.

— Он унаследовал, только немного и давно… — начала Рози и осеклась.

Эшли заметил, как мало краски осталось на ее обычно ярком лице. Прямо на глазах она побелела и сникла. И все же она так прелестна… так молода в этом прямом кофейного цвета платье — кажется, оно называется рубашка? Нелепый фасон, но ей идет. Когда она в белых перчатках и босоножках на высоких каблуках вошла в бар, она была неотразима. В баре много других девушек, гораздо наряднее и богаче одетых, но Рози, без сомнения, затмевает их всех.

Она снова заговорила:

— Вы уверены, что его нисколько не продвинули и не давали никаких льгот на бензин?

— Уверен. Он водит машину не для работы и жалованье получает прежнее. Дорогая моя девочка, он служит у нас только с первого июля.

Она кивнула. Клиффорд проработал в фирме «Томас Риверс и сын» ровно восемь недель. Конечно, она верила каждому слову Клиффа. Теперь

она замолкла, к горлу подступил комок. Она не знала, как ей дальше пить шерри и говорить с Эшли. Она жалела, что пересказала слова Клиффа. Просто чудовищно, что Клифф ей все наврал. Может быть, он просто хотел произвести на нее впечатление? Неужели он не предполагал, что она будет говорить о нем с мистером Риверсом?

Вскоре она ушла. Риверс не смог убедить ее выпить второй бокал или еще побеседовать о Клиффорде, так что дальнейшего разговора не получалось. Пожимая ей на прощание руку, он выразил надежду, что у Клиффа дела пойдут хорошо.

В Чейнфилд Эшли вернулся с таким чувством ярости, что готов был раздавить Клиффа, как букашку. Вспоминать, как проступило в глазах Рози испуганное потрясение, как вся она сникла, было невыносимо.

Рози шла домой как во сне. Мысль, что она больше не может верить Клиффу, ужасала ее. При всей своей преданности ему, она ни на минуту не усомнилась в словах Эшли. Зачем ему лгать? Ее обожаемый Клифф оказался хвастуном и обманщиком: вместо того чтобы копить деньги на свадьбу, он тратится на автомобиль и бензин ради собственного развлечения.

В последнее время она редко его видела. Он отговаривался тем, что у него репетиции, что он зарабатывает деньги на будущий дом или работает сверхурочно. Пообещав позвонить, он часто забывал, потом оправдывался, дескать, не мог, Форд совсем загонял его на работе (Клифф признавался, что ненавидит Форда).

— Ноги бы моей там не было, только вот друга твоего Риверса не хочу огорчать, — заявил он как-то Рози. — Я легко нашел бы себе работенку получше.

Прежде Рози доверчиво и с уважением выслушивала подобные замечания. Теперь все переменилось. Она не знала, верить ли ей, определенно чувствовала, что Клифф от нее ускользает. Она ни с кем не делилась своими тревогами. Перед домашними она продолжала восхвалять Клиффа. Только по ночам, оставшись одна в спальне, она заливалась горькими слезами.

Рози ждал еще один удар. Она передала Клиффу слова Эшли Риверса, и между ними произошло неприятное объяснение.

Это было в воскресенье утром. Клифф приехал на свидание (опоздав, по обыкновению) и милостиво согласился отвезти ее в Ричмонд-парк.

— Там мы перекусим, — сказал он, — а потом

мне опять надо в Слу.

— Ты хочешь сказать, что вечером тебя не будет? — воскликнула она.

— Никак не получится, детка. Опять сверхурочные.

— В воскресенье?

— А что такого? В почтенной фирме Томаса Риверса выходных не признают. Хочешь заработать побольше — милости просим повкалывать в воскресенье. Правда, деньги платят хорошие.

Она промолчала, но про себя отметила: Клифф, похоже, совсем не огорчен, что они так мало будут вместе в воскресенье. По дороге в Ричмонд он даже напевал.

«Когда ирландка улыбнется…» — мурлыкал он, потом объяснил:

— Старая песенка. Крутится в голове. Мы с ребятами делаем аранжировку под твист.

Клифф лгал. Песенка крутилась у него в голове, потому что сам он в это время крутил любовь с маленькой ирландкой Маурин. Да так крутил, что небу было жарко. Эта рыжая — настоящий вулкан. Клифф гулял со многими девчонками, но с такой, как Маурин, — никогда. Полная противоположность бедняжке Рози (вот кем она для него стала — бедняжкой Рози), такой благовоспитан-

ной, такой порядочной, даже несколько занудной со всеми ее принципами. Это ж надо — в наше время верить в целомудрие до брака и святость семейных уз — после. Да еще собирается нарожать кучу детей. За милю видно, что она станет копией своей мамаши: близнецы, хозяйство и все такое. Он, наверное, сдурел, если вздумал на ней жениться. Конечно, она очень хороша, это его и сразило. Но что толку от ее красоты? Ну поцеловались, ну потискались на диване, ведь мужчине этого мало. То ли дело Маурин — младше Рози на два года и без предрассудков. Влюбилась в него, как кошка, и сама повисла у него на шее.

Теперь он снимал в Слу комнату и по вечерам приводил туда Маурин. Вот это был кайф! Конечно, он не собирался жениться на ней. Еще чего не хватало! Он вообще раздумал жениться. Клиффорд Патерсон усвоил про себя твердо — он не создан для брака.

Теперь надо разорвать помолвку с Рози. Она хорошая девчонка, жалко ее огорчать, но придется, и тянуть глупо — чем дольше он будет откладывать, тем глубже увязнет. А тут еще ее папаша буравит взглядом и учит: бросай, дескать, пить, копи на черный день и все в том же духе. И развязаться с Рози надо осторожно — из-за Эшли

Риверса. Ведь работу он получил через Рози, и босс за ним приглядывает. Много раз Клиффа подмывало сказать Джиму Форду все, что о нем думает, и хлопнуть дверью. Но духу не хватало. Клифф понимал — уйди он с хорошо оплачиваемого места, придется туго — особенно если Риверс откажет ему в рекомендациях. Все этот чертов недостаток технических знаний. Что до ансамбля… Он, конечно, не сказал Рози, но маленький ансамбль, в котором он играл, распался. Пианист заболел. Другие ребята не смогли прожить на небольшой заработок и нанялись на постоянную работу. Клиффу пришлось признать, что солиста из него не получилось: для этого надо лучше играть на гитаре. Он по-прежнему ссылался на репетиции, чтобы объяснить Рози, почему не появляется по вечерам, которые на самом деле проводил с Маурин.

Тут между ним и Рози произошла первая серьезная ссора.

Она сказала, что он наврал и про повышение, и про бензин, а Клифф на нее набросился:

— Какого дьявола ты пересказала это Риверсу? Я думал, это останется между нами. Ты просто дура набитая, — обругал он ее.

Рози, сидевшая рядом с ним в автомобиле, по-

чувствовала себя так, словно ее ударили по лицу. Она не ожидала услышать от него такое.

Оправившись от первого потрясения, она стала защищаться:

— Не смей так говорить со мной, Клифф. Я этого не потерплю. По-моему, это гадко с твоей стороны.

— Ты что, слов таких никогда не слышала?

— Клифф!

— Тоже мне недотрога, слова ей не скажи. Чертовски надоела твоя благовоспитанность. Тебе надо не со мной встречаться, а в воскресной школе преподавать.

Рози побелела. Ей стало дурно, и она боялась шелохнуться, чтобы не стало еще хуже. Немного придя в себя, она сказала:

— Я не верю своим ушам. Ты мне бессовестно соврал, а теперь еще и дерзишь. Ты…

Она смолкла, потрясенная. Теперь и Клифф немного поостыл и взял себя в руки, Совсем порвать с Рози он пока не может, кроме того, временами ему еще было совестно. Совесть проснулась и сейчас, когда он увидел боль в ее глазах. Глаза у Рози красивые, хотя и не такие яркие, как у Маурин. Но Маурин — сучка. А Рози — хорошая. Слишком хорошая для него. Он пой-

мал ее руку и заговорил совсем другим голосом:

— Ну прости, пожалуйста. Я правда сволочь. Ты уж извини. Я не хотел тебя оскорблять.

— А зачем ты мне врал?

— Хотел произвести на тебя впечатление. Когда так сильно любишь, хочешь казаться лучше, — не задумываясь ответил Клифф, чтобы успокоить ее.

Его слова успокоили ее лишь отчасти.

— Но когда любишь, нельзя говорить неправду! Это глупо! Любимому человеку надо доверять и знать, что тебе тоже доверяют. Я теперь ни в чем не смогу тебе поверить.

— Верь мне, — сказал он прежним ласковым голосом и обнял ее за талию. — Клянусь, что не врал тебе до того и никогда больше не буду. Я правда хотел произвести на тебя впечатление, и меня действительно вот-вот повысят.

Она сидела как каменная, не отвечая на его ласки.

— Ты поставил меня в дурацкое положение перед Эшли.

— Я по-прежнему считаю, тебе не надо было выбалтывать, что говорилось между нами, Рози.

— Мне так не кажется. Я думала, все, что ты говоришь, — чистая правда.

— Вот увидишь, в самом скором времени это будет правдой. Форд от меня в восторге, и бензин мне скоро начнут оплачивать.

Она пристально смотрела на него и не знала, верить ли ему. Мир ее мечтаний рухнул в одночасье. Может быть, она зря идеализировала Клиффа, зря видела его в розовом свете? В конце концов, он всего лишь человек, и даже влюбленная женщина не должна обожествлять своего жениха. Возможно, он действительно врал ей из желания казаться лучше. Как он просчитался! Она ценила бы его гораздо больше, если бы он не врал, даже если его дела в фирме оставляют желать лучшего. Что бы ни случилось между ними, прежнего доверия не воротишь.

Он просил прощения, и она его простила. Когда он прижался лицом к ее плечу, она испытала странное, тревожное чувство, словно это не будущий муж, а маленький нашаливший мальчик, который сознался в своем проступке и явно боится наказания. Она гладила его волосы, а он все просил и просил прощения. Когда он наконец поднял голову, лицо у него было красное и пристыженное. Он улыбнулся смущенной, трогательной улыбкой:

— Ты, наверное, считаешь меня негодяем. Бо-

юсь, я действительно увлекся и немного загнул. Выделывался. Но я еще покажу всем, на что я способен, Рози.

В эту секунду ей пришла в голову ужасная мысль: «Кажется, мне все равно… кажется, я уже не хочу за него замуж…»

В понедельник утром в агентстве Трамма дел было немного, и тягостные воспоминания об этой сцене преследовали ее. Она поняла, как больно видеть крушение своих самых заветных надежд, как мучительно сомневаться. Ее смущало, что он быстро пришел в себя и развеселился. Похоже, он считал, что достаточно поцеловаться — и на старом будет поставлен крест. На прощание Клифф уверил ее, что он первоклассный работник — скоро он всем это докажет.

Она немного успокоилась и взбодрилась, но тут он опять ее огорчил.

— Слушай, детка, — сказал он, отводя глаза, — ты не могла бы передать мистеру Риверсу, что ошиблась и что я не говорил тебе ни про какое повышение, а? Я, мол, только предположил, что мне будут оплачивать бензин, а тебе показалось, будто я сказал, что уже оплачивают… Ну ты понимаешь, Рози? Помоги мне, ладно? А то босс будет думать, будто я нарочно тебя обманул.

Он ведь не поймет, что я просто хотел немного порисоваться.

Она заколебалась, не зная, что ответить. Это уж слишком. Но и ханжой выглядеть не хочется. Противно лгать, но, может, попробовать и немного оправдать Клиффа в глазах Эшли? Невыносимо думать, что она своими неосторожными словами погубила его карьеру.

Она пообещала по возможности исправить дело, когда увидится с Эшли.

Но Клиффа это не удовлетворило:

— Тебе надо позвонить ему, детка. Это будет только справедливо. А то он и дальше будет плохо обо мне думать. И еще Форду расскажет. Форд и так косо на меня смотрит.

Рози вновь испытала мучительное разочарование. Разве Клифф не говорил только что, будто Джим Форд считает его лучшим молодым специалистом за всю историю фирмы?

Но Клифф смотрел на нее чистыми голубыми глазами. В них была та же детская мольба. Сердце ее растаяло. Она согласилась. Пообещала при первой возможности связаться с Эшли.

Но сегодня она никак не решалась позвонить мистеру Риверсу на работу. Слишком все это гадко.

Тут заявился Джон Уисли. Он собрался ехать в Афины. Архитектура Рима так его потрясла, что он вознамерился посетить и Грецию. Он вообще без ума от старины. Потом — как и предупреждала Берил — он постарался перевести разговор на более личные темы.

— Прелестная мисс Беннет не надумала осмотреть памятники старины? — спросил он, глядя ей прямо в глаза. — Она не хочет отправиться в небольшое путешествие?

Рози было не до флирта. Она резко сказала:

— Когда вы хотите лететь обратно, мистер Уисли?

Он скривился:

— Я вас чем-то обидел?

— Нет, — ответила она, краснея, — но я очень занята.

— Может быть, после работы, когда вы будете не так заняты, сходим в кафе? Я бы рассказал вам, как провел отпуск в Риме.

— Нет, я всегда занята.

— Всегда?

— Всегда, — ответила она, склоняясь над блокнотом, в котором делала пометки.

— Ой-ой-ой. Мне не везет, — сказал он со вздохом.

Когда он ушел, Берил, слышавшая все, хихикнула:

— Ну, Рози, опять ты его отшила. Бедняга совсем скис.

Рози не ответила, только сжала губы. Как объяснить Берил, что ни Джон Уисли, ни какой другой мужчина ее не интересуют. Сейчас ее вообще ничего не интересует. Она чувствовала себя совершенно потерянной. Она так безрассудно верила в любовь. Однако разлюбила человека лишь за то, что он лжет и хвастает. Но прежнее обожание прошло… ее кумир сам себя развенчал. А Рози была из тех, кто любит безоговорочно — иначе и любить не стоит. Он унизил ее, оскорбил ее семью — можно ли такое забыть?

До конца рабочего дня она изводила себя сомнениями. Наконец дошла до того, что стала во всем обвинять себя. Это она пересказала Эшли слова Клиффа, не предназначенные для посторонних ушей. Она должна это исправить. Надо сделать как велел Клифф и позвонить боссу.

Но звонить ей не пришлось.

Она собиралась закрывать агентство — Берил уже ушла, — и тут дверь открылась и вошел Эшли.

ГЛАВА 12

— Сегодня я не еду в Чейнфилд, — сказал Эшли, после того как они обменялись приветствиями. Он взглянул на заманчивые, хотя и несколько аляповатые, плакаты по стенам. — К вам зайдешь, все равно что за границей побываешь. На сегодня с работой покончено?

— Да, я как раз собиралась домой. Вы случайно меня застали.

— Я надеялся вас застать. Вечером у меня деловой обед, но до того мне хотелось с вами повидаться. Нам надо поговорить, Рози.

— Пожалуйста, садитесь, — сказала она.

Сама она сидела за рабочим столом. Эшли опустился на стул для посетителей. Он сразу заметил, как сильно изменилась Рози. Он был потрясен. Что с ней? У нее такой вид, словно она попала в шторм.

Она захлопала ресницами. Куда подевалась ее прежняя открытость?

— Я… я собиралась вам звонить, Эшли. Я рада, что представился случай поговорить.

Он прикусил губу, хотел достать сигару, потом

передумал. Откинулся на стуле, нахмурился и задумчиво поглядел на девушку:

— Полагаю, вы виделись с женихом после нашей встречи — во вторник, кажется?

— Да. Мы виделись в воскресенье. Насчет этого я и хотела с вами поговорить. Я хотела сказать, что ввела вас в заблуждение, когда сообщила, что Клиффа повысили… и про бензин.

Она торопилась, сбивалась и ручкой чертила в блокноте какие-то фигуры. Сердце у нее колотилось. Эшли увидел, что от волнения у нее на лбу выступили капельки пота. У нее такой красивый лоб, гладкий, обрамленный густыми каштановыми волосами. Какие у Рози замечательные волосы. Какая она красивая и печальная! Бедняжка — не умеет лгать. Лепечет о недоразумении: мол, на самом деле Клифф сказал, что думает, будто его повысят и будут оплачивать бензин, и она не хочет, чтобы Эшли решил, что Клифф хвастал зря…

Эшли слушал не прерывая. Потом тихо сказал:

— Хорошо, дорогая моя. Не волнуйтесь. Может быть, это я вас тогда неправильно понял. Забудем об этом. Я уверен, ваш жених не стал бы вас обманывать.

Но Эшли не сомневался: Клифф врал. И еще он

знал о Маурин О'Рейли, и это было хуже всего. Но рассказать Рози о Маурин — все равно что выстрелить ей в сердце. Бедная Рози… и бедный Эшли, ему сейчас не намного легче.

Сказав это, он увидел, как напряжение на ее лице исчезло.

— Я рада, что вы меня поняли, — ответила она все с той же непривычной для него нервозностью. — Мне не хотелось бы, чтобы вы плохо думали о Клиффе.

Эшли промолчал. Он вспомнил, зачем пришел. Сделать это посоветовала ему Дория. Он все ей рассказал, и Дория очень огорчилась:

— Нельзя, чтобы милая девушка страдала, как я из-за Руперта. Эш, дорогой, мы не можем этого допустить. Мы должны что-нибудь придумать.

— А что мы можем? Парень — трепло и недостоин ее любви. Она слепо верит в него, хотя уже начинает прозревать — по крайней мере, мне так кажется.

— А я уверена, в Клиффе что-то есть. Давай попробуем это выявить. Сделай что-нибудь, чтобы направить его на верный путь и чтобы они были вместе.

— Ты многого хочешь, — сказал Эшли.

Тут Дория взяла его за руку и заговорила со-

чувственно:

— Знаю, Эш. Я знаю все, но ведь ты с этим справишься, правда? Ты не встанешь между ними. Тебе не позволит совесть.

Он хрипло сказал:

— Я могу это сделать. Но он разобьет ей сердце.

— Тебе совесть не позволит, — настаивала Дория. — Ты себе не простишь. Вспомни, что было со мной, когда ушел Руперт. Может быть, Клиффорд действительно любит Рози и будет в отчаянии, если она его бросит. Надо придумать, как сделать лучше им обоим.

— Хорошо, а как насчет машинистки? Ты думаешь, он искренне любит Рози и в то же время ухаживает за другой?

Дория иронично улыбнулась:

— Дорогой, я знаю людей. Даже я научилась принимать мужчин такими, как они есть. Они ветренее женщин. Клифф хорош собой и легкомыслен. Это главный его недостаток. Он, не задумываясь, приударит за любой хорошенькой девушкой. Но любит он Рози. Он еще остепенится и будет ей хорошим мужем.

— Ты стараешься во всех видеть хорошее, Дория.

— Не скажу, чтобы мне особенно нравился

Клиффорд Патерсон. Конечно, он очень симпатичный, Дикки тоже так думает. Но я понимаю, что Рози заслуживает лучшего мужа. У нее, однако, такой замечательный характер, что она из него что-нибудь сделает. Я думаю, если мы направим его на верный путь, он еще покажет себя с лучшей стороны. Ты обязан ему помочь — ради Рози.

— Разве мало я для него сделал?

— Дорогой, — сказала Дория, — тебе еще больнее будет видеть ее несчастной.

Он согласился. Дория умница, она всегда права. Однако она не знает, а он не может ей сказать, как завидует он Клиффорду Патерсону, возлюбленному и будущему мужу Рози. Но нельзя же требовать от него, чтобы он подталкивал Рози к браку с Клиффордом.

И все же он здесь, вновь пытается успокоить ее, утешить. По просьбе Дории решился на самое трудное. Снять запрет на женитьбу. Это, сказала Дория, главная причина всех неприятностей Рози. Парня тянет к девушкам, и холостяцкая жизнь в Слу не доведет его до добра. Не лучше ли ему жениться и зажить своим домом? В конце концов, разве Рози не вышла бы за него осенью в Кейптауне, если бы не вмешалась политика?

Эшли сначала отчаянно сопротивлялся. Запрет был для того и наложен, чтобы выяснить, чего этот Клифф стоит, и дать Рози побольше времени его узнать. Дория выслушала брата, поглядела на него страдальческими глазами и покачала головой.

— Нет, Эш, нет, дорогой, в глубине души ты знаешь, что препятствуешь их свадьбе, потому что любишь ее. Прости меня, если я делаю больно, но будет еще больнее, если ты не признаешься себе в этом, не посмотришь на вещи трезво, как советуют американцы.

Он еще немного поспорил и сдался, зная, что она права. Ему это как острый нож, но если вырвать лезвие, рана станет еще мучительнее.

Теперь в тишине агентства он рассказывал Рози о своем решении.

— Я чувствую, что был не прав, когда назначил вам определенный срок. Может быть, вам стоит пожениться сейчас и зажить своим домом. Я вижу, вам грустно, что он в Слу, а вы у своих родителей… — робко заключил он.

Он видел, как она оживилась и обрадовалась. Они с Клиффом поженятся прямо сейчас — это, конечно, выход. Когда они заживут вместе, она поможет Клиффу преодолеть его слабости. Она

будет советовать ему, подбадривать его, все свободное время он будет принадлежать ей — безраздельно. Необходимо, чтобы они соединились. После этого все должно повернуться к лучшему.

— Вы очень добры, Эшли! — воскликнула она.

Теперь он вытащил сигару и отрезал кончик. Господи, как же все трудно, хотя Дория и считает, что это правильно. Слишком правильно. Почему бы не рассказать Рози правду и не спасти ее от Клиффорда? Разве это не будет для нее избавлением? Что, если Дория в конечном счете окажется не права и Клиффорд проявит себя полным ничтожеством? Что, если он будет изменять Рози и после свадьбы?

Эшли никогда еще не переживал подобных мучений. Он страстно мечтал заключить Рози в объятия и не выпускать, любить и защищать ее, подарить ей весь мир. Его не радовали слова признательности, которые она произносила, не радовал свет, снова вспыхнувший в ее глазах. Вдруг лицо ее изменилось, голос стал неуверенным.

— Конечно, Клифф может и не согласиться. Вдруг он захочет подождать год, как указано в контракте, — произнесла она тихо.

Эшли встал.

— Дурак он будет, если упустит свой шанс, — сердито сказал он.

Рози смотрела на Эшли снизу вверх и не могла разобраться в себе. Она безгранично признательна Эшли. Без сомнения, он освободил Клиффорда от данного обещания ради нее. Не потому, что ему этого хочется, а ради нее. Глядя на Эшли с благодарностью и уважением, Рози думала: какой он сильный, как счастлива будет девушка, которую он полюбит и назовет своей женой. Уж ей-то никогда не придется изводить себя сомнениями. Он действительно честный и благородный человек. Сейчас так мало благородных людей.

Только вчера ее отец говорил, что нынешняя молодежь — поколение Рози — восторгается талантом и успехом. А ведь было время, когда молодые люди преклонялись перед героями, перед доблестными людьми, совершившими чудеса отваги и благородства.

Эшли тоже молчал. Он не знал, о чем она думает. Только знал, что Дория по-своему права: он не мог бы встать между Клиффордом и Рози и жить потом как ни в чем не бывало.

Он заставил себя сказать:

— Ну, дорогая моя, вы рады?

— Очень, — отозвалась она с прежним приды-

ханием. Глаза ее лучились, как и в те давние дни, когда она, сама того не зная, пленила его сердце.

Вечером Рози написала Клиффу письмо.

После того как он вернулся в Англию, она писала ему редко, но помнила свои длинные-предлинные любовные письма в Кейптаун. В них она изливала свое сердце. Вот и последнее письмо было наполнено любовью и томлением.

«…Я чуть не упала, когда Эшли сказал, что нам не придется ждать год. Он убедил меня, что лучше будет жить вместе, а ты знаешь, как я всегда об этом мечтала. Дорогой мой, ненаглядный Клифф, как получишь письмо, сразу позвони мне, скажи, когда мы назначим наше торжество. Я помню, как ты целовал меня на прощание, как ты смотрел на меня. Я знаю, что ты разделяешь мои чувства…»

Клифф получил письмо, когда уже собирался на завод. Он не успел его прочитать. Накануне он выпил лишнего в пивной у реки — с Маурин. С утра у него была тяжелая голова и плохое настроение.

Он твердо решил хорошо работать и вести себя покладисто, без обычной наглости. Преисполненный благими намерениями, он получил от Джима Форда указания на день, пошел умыться-

причесаться и заодно прочел письмо от Рози.

Нежное влюбленное послание и содержащаяся в нем потрясающая новость произвела совсем не то впечатление, на какое рассчитывала Рози. Напротив, Клифф пробежал письмо глазами, едва ли прочитав те строки, в которых она изливала свою любовь. Ему стало ясно, что он влип. Рози, конечно, не виновата, но все равно это совсем не кстати. Нет, он не позволит себя окрутить. Ему было на руку, что свадьба с Рози отложена на год. Теперь, когда у него появилась Маурин, он радовался, что не должен выполнять данных Рози обещаний. Какого дьявола босс передумал? Неужели это Рози на него нажала? Наверное, она.

Все утро его изводили злость и тревога. Его бесило, что он зависит от расположения Рози. Он жалел, что поступил на эту работу. Но платят чертовски здорово, а он сейчас так нуждается — и с Маурин на автомобиле разъезжает, и на Рози иногда тратится. Ему нельзя уходить из Слу.

Но он не позволит Рози окрутить себя.

Из-за скандальной связи с Маурин О'Рейли у него были нелады с начальством, поэтому он не решился поговорить с ней на работе. Однако, проходя мимо ее стола, он передал ей записку, где предлагал встретиться в обеденный перерыв

в маленьком придорожном кафе, куда другие сотрудники фирмы не ходили, предпочитая столовую подешевле.

В кафе Клифф заказал им по омлету и за обедом рассказал Маурин последние новости.

Маурин широко открыла огромные, густо подведенные глаза с длинными ресницами — еще длиннее, чем у Рози.

Она выдохнула:

— Ты ведь не пойдешь у нее на поводу, Клифф?

— Не бойся, — пробурчал он, сложив руки на груди. Сигарета повисла в уголке его рта.

Маурин бросила на него провокационный взгляд:

— Кому нужны обручальные кольца? Ханжа эта твоя Рози. Лично я замуж не собираюсь: сначала надо погулять.

Клифф заметно повеселел. Он взглянул на Маурин. Она чертовски хороша и как раз в его вкусе; а что порядочности у нее как у уличной кошки, так это только к лучшему. Он прямо так ей и сказал. Любить Маурин просто. Младше Рози, а мужчин уже понимает. Предки ее пилят, но она на них плюет. Никакой романтической чепухи. Современная девчонка, без комплексов. Клиффу

наскучил идеализм Рози, ее представления о нравственности. Он ее не понимает. Сама виновата, что он ее разлюбил. Была бы она как Маурин, он бы, может, и не бросил ее.

Она, конечно, красивая. Но ей надо было родиться в те времена, когда мужчина играл на гитаре под балконом своей возлюбленной и пел серенады. Маурин предпочла бы, чтобы он влез к ней в окно. А почему бы и нет?

— Как-нибудь выкручусь, крошка, — сказал он, продолжая жевать.

Она хихикнула:

— Не сомневаюсь.

— Ты класс, — сказал он, подражая американскому выговору.

Маурин запела:

Поцелуй меня скорее, отгони сомненья прочь,

Обними меня покрепче, будь со мною в эту ночь.

Клифф посмеялся вместе с ней, оставив без внимания особый нажим на последние слова.

Она действительно класс. Вот еще — связываться с Рози, обременять себя домашними заботами и отказываться от таких девчонок, как Маурин.

Это не для него! Надо придумать, как отделаться от Рози. Пусть и не мечтает о свадьбе!

Клифф был исключительно самоуверен и ничуть не заботился об остальных.

Вчера они с Маурин были на вечеринке. Клифф с большим успехом играл на гитаре и пел. Он встретил там человека, который может ему пригодиться, — театрального агента по имени Майкл Коэн. Коэн сказал Клиффу, что тот не только красавец, но и обладает необходимыми для звезды вокальными данными. Глупо, чтобы такой талантливый парень работал за мизерное жалованье и годами добивался хорошей должности, занимаясь делом, к которому у него душа не лежит, делом, в которое его против воли запихнули в юности. Майкл Коэн устроит Клиффу прослушивание у известного импрессарио на телевидении, а потом, возможно, даже на воскресном ночном шоу в Палладиуме. За одну ночь он может сделать себе имя. Коэн льстил Клиффу, говорил, что из него выйдет второй Фрэнк Ифилд. Он отлично поет в народной манере. Он может легко перещеголять любых певцов, выступающих под гитару.

Так что Клифф вновь преисполнился сознанием собственной значимости. Он надеялся, что со

временем будет свысока смотреть на таких, как Эшли Риверс. Но только не сейчас. Пока еще рано рвать с Рози Беннет.

Поэтому он придумал ловкий, по его мнению, план, как оттянуть разрыв с Рози до тех пор, пока он не уйдет с завода. А уж если прослушивание пройдет успешно и Коэн устроит его на телевидение или на сцену, ему уже будет все равно.

Клифф позвонил Рози. Он с жаром поблагодарил ее за письмо и за «хорошие новости».

— Потрясающе, да? — прозвучал ее радостный голос.

— Абсолютно.

— А ты не удивился?

— Ясное дело, удивился.

— По-моему, мистер Риверс, то есть Эшли, ужасно милый.

Она так и не привыкла называть его по имени.

— Чертовски, — протянул Клифф.

— Как ты думаешь, когда нам это устроить? — спросила она робко.

— Когда захочешь, — отвечал он беспечно. — А что говорят твои родители?

— Они уже смирились, — со смехом сказала она.

«Жалость какая», — подумал Клифф.

Он продолжал обсуждать с Рози предстоящую свадьбу, стараясь заговорить ей зубы. Через месяц — предположила она. Да, это ведь будет первое октября. Он сам предложил эту дату, она радостно согласилась.

— Я думаю, это замечательно. Сейчас я буду все свободное время искать для нас жилье. В том районе, где мы хотели, уже, конечно, не получится. Надо поискать в Слу. Давай будем смотреть объявления.

Клифф на секунду замолк. Ему не хотелось, чтобы дела заходили так далеко. Он все же немного уважал Рози и ее чувства. Ему бы не хотелось, так сказать, довести ее до алтаря, а там сбежать. Она слишком в нем уверена. Ей и в голову не приходит, что он больше ее не любит. Если бы она не была так чертовски наивна и так мила, бросить ее было бы гораздо легче. Иногда он вспоминал ее умопомрачительную красоту и то, как вся она словно светилась изнутри — и задумывался, не упускает ли он свое счастье? Рози — стоящая девушка.

Но Клифф сейчас знал себя лучше, чем тогда, в Южной Африке. По крайней мере, нужно быть честным с самим собой. Брак — не для него.

Маурин его понимает. Жаль, не понимает Рози.

Жаль, он не может рассказать ей правду. Но он залез в долги — кредит за машину, счета. Он не может объясниться с Рози, пока не подпишет контракт с Майклом Коэном. Все зависит от прослушивания. Надо будет сидеть вечерами дома и до посинения практиковаться в игре на гитаре.

Он услышал голос Рози:

— Клифф, ты здесь?

— Конечно.

— Я думала, ты положил трубку.

— Ну, мне действительно пора. Я звоню из автомата, здесь еще трое стоят, на меня пялятся.

— Ой, Клифф, — сказала она разочарованно. — А вечером ты ко мне заедешь?

— Нет, детка, сегодня я в Энсфилд не выберусь, мне надо…

Он смолк. Он чуть не проговорился, что будет играть на гитаре. Но ей нельзя говорить о прослушивании. Она не одобрит. Она скажет: он должен и дальше работать в фирме «Томас Риверс и сын». Вот в чем беда с Рози. Она всегда права, конечно, а это раздражает. То ли дело Маурин! Маурин не говорит правильных слов, она млеет от страсти — а что еще мужчине надо?

Клифф кое-как объяснил Рози, почему не приедет в Энсфилд ни сегодня, ни завтра, но пообещал

быть в субботу и остаться на воскресенье. К этому времени, сказала она, они, вероятно, уже найдут квартиру, так что можно будет ее посмотреть, а заодно поговорить о свадьбе. Сегодня вечером она расскажет маме с папой и уверена, что они ее поддержат и не будут портить ей настроение.

Голос ее срывался от счастья. Вчерашние тревоги и опасения отступили. Она вновь безгранично любит Клиффа. Ее переполняла благодарность к Эшли Риверсу — ведь это он разрешил им пожениться!

— Ты поблагодаришь его, когда увидишь, Клифф, ненаглядный? — были ее последние слова.

— Само собой, — сказал Клифф, хотя, естественно, не намеревался этого делать. Он с удовольствием послал бы Эшли Риверса подальше.

Сказав Рози, что обожает ее и ждет не дождется октября, Клифф вышел из телефонной будки и направился в конец улицы, где его ждала Маурин.

Рози сообщила семье новость.

Мистер и миссис Беннет обменялись взглядами. Уолтер Беннет снял очки, протер их и с сомнением покачал головой.

— Да, доченька… полагаю, мистер Риверс прав… вам, молодым, надо жениться, а год — это

слишком долго, — сказал он со вздохом. Однако вздохнул он глубже, чем намеревался. За последние несколько месяцев Клифф Патерсон отнюдь не вырос в его глазах, и они с Маргарет тревожились за свою девочку. Рози бледна и печальна.

Она стала молчаливой, и мать не раз замечала, что Рози изменилась. Впрочем, сегодня она светится, как в добрые старые времена. Она без умолку твердит о Клиффе и о свадьбе, назначенной на первое октября.

Маргарет Беннет эта внезапная перемена в планах немного удивила. Почему мистер Риверс передумал? Он ведь считал, что молодым людям лучше подождать? Наверное, Клифф произвел на него хорошее впечатление — как серьезный работник и человек, способный содержать семью.

Так что мать и дочь провели счастливый вечер. Они говорили о церкви, где Рози будет венчаться, о свадебном платье. В подружки решили пригласить Клариссу Мартин и, наверное, маленькую Берил из агентства — она очень привязана к Рози. Конечно, Аннабель понесет шлейф.

Они просидели почти до полуночи — для Беннетов это был очень поздний час, — обсуждая предстоящую свадьбу и составляя списки гостей. Рози была счастлива и взволнована. Она столь-

ко стремилась к этому дню, столько мечтала о нем. Когда-то она думала, что это произойдет в Кейптауне. Но так еще лучше — свадьба в родном доме, в окружении родных и близких.

Первым в список гостей внесли великого Эшли Риверса. Жалко, что нельзя вписать и Дорию — она из усадьбы не выезжает. Рози надеялась, что Эшли придет. Всякие опасения насчет его чувств к ней рассеялись. Конечно, это была чепуха. Ведь он сам и разрешил эту свадьбу. Он просто замечательный друг.

Впрочем, самого замечательного друга вовсе не радовало решение, которое он принял по настоянию сестры. Его опять встревожили слухи о романе Клиффа с машинисткой из Слу.

— Мне кажется, тебе бы стоило под каким-нибудь предлогом удалить девушку из офиса, — сказал он Джиму Форду по телефону. — Похоже, все неприятности у Клиффорда из-за нее.

— Прошу прощения, сэр, — был ответ, — но, на мой взгляд, правильнее было бы избавиться от господина Патерсона. Девушка, может, и наделала глупостей, но виноват он. Она отличная машинистка, и несправедливо было бы…

Эшли, которого вся эта история крайне раздражала, резко оборвал разговор:

— Решай сам, Форд.

Джим Форд повесил трубку, смущенный и расстроенный. Он не понимал, почему босс защищает этого битника — так Джим называл про себя Клиффорда Патерсона. Что-то тут не так.

Вечером Эшли вновь откровенно поговорил с Дорией:

— Ты знаешь, я жалею, что ты убедила меня снять запрет на женитьбу. Конечно, когда я сказал об этом Рози, у нее засияли глаза, но я чувствую, что делаю плохо. Был бы парень только плохим работником — что-то еще можно было бы сделать. Но он связался с другой девушкой — это-то меня больше всего и бесит. Что сказала бы Рози, узнав правду?

Дория прикусила губу. Она и сама начала тревожиться. Прежде она действовала под влиянием порыва, из желания сделать Рози счастливой. В усадьбе Клифф старался показать себя с лучшей стороны. Дория не видела его таким, каким знает брат. Она убеждала себя, что бедненький Эш находится под влиянием собственных несчастных чувств к Рози — чувств, обнаружить которые ему не позволяют честь и достоинство. Действительно, непорядочно было бы встать между женихом и невестой — тем более что Эш гораздо богаче

Клиффа и гораздо больше может предложить Рози. Однако Рози, без сомнения, преданно любит своего жениха. Богатство и положение в обществе ее не ослепят.

Дория печально поглядела на брата. Никогда еще она не видела его таким подавленным.

— Эш, неужели ты так переживаешь из-за этой девушки? Неужели? — спрашивала она с болью и состраданием.

Он сжал зубы:

— Да. Это невыносимо.

— Я всегда хотела, чтобы ты полюбил кого-нибудь и женился, Эш. Чтобы ты не был прикован ко мне. Если бы только это была другая девушка, свободная.

— Вроде Синтии Ховард? — горько спросил он.

— Бедная Синтия очень тебя любит.

— Но ты же не хочешь, чтобы я на ней женился?

— Из нее еще может выйти хорошая жена.

— Не для меня, дорогая, — перебил он, ласково гладя ее белокурую голову. — Просто ты знаешь, что она ко мне неравнодушна, и, как всегда, сочувствуешь страдающему человеку. Ты хочешь, чтобы все были счастливы. Но это невозможно. Кто-то всегда должен оставаться за бортом.

В глазах Дории стояли слезы.

— Какая ужасная мысль.

— Извини, дорогая, — Эшли коротко хмыкнул. — Не сомневаюсь, мистер Клиффорд Патерсон еще удивит нас, став превосходным мужем для Рози, и наши усилия связать их священными узами брака увенчаются блестящим успехом!

Однако их усилия не увенчались успехом: отношения Рози Беннет и Клиффорда Патерсона приближались к неминуемому краху.

ГЛАВА 13

Еще неделю Рози наслаждалась безоблачным счастьем. Не то чтобы она часто виделась с Клиффом — он был все время занят, правда, звонил регулярно. Два раза он заезжал в Энсфилд, был любезен с ее семьей и возил Рози прогуляться. В остальное время, если верить его словам, он работал.

Рози окрыляла мысль о близкой свадьбе. Вместе с Клариссой она предприняла несколько походов по магазинам. Мама начала шить свадебное платье из белого гипюра. Рози всегда мечтала о таком свадебном платье. Кларисса придумала, что подружки будут в васильковом — под цвет невестиных глаз. На все это требовалось уйма денег, но папа, преодолев предубеждение против Клиффорда Патерсона, раскошелился на наряды. Аннабель ликовала. За всеми этими хлопотами Рози не замечала, как редко Клифф бывает у нее.

Мистер Трамм оказался совершенным лапочкой и в благодарность за хорошую работу пообещал солидный чек. Ему было очень жаль ее отпускать. Он надеялся, что, вернувшись из

свадебного путешествия, она вновь выйдет на работу. Но Рози собиралась жить в Слу, где Клиффу будет ближе к заводу, так что в агентство возвращаться не собиралась.

Однако в жизни, а особенно в делах сердечных, нет ничего постоянного, и Рози предстояло вскоре в этом убедиться. Любовь подобна океану, у которого есть приливы и отливы. В жизни Рози как раз начинался отлив.

И вот однажды ей позвонила Дория — было воскресное утро и Рози сидела дома.

Дория приглашала Рози приехать в Чейнфилд в следующий уик-энд. Сентябрь выдался прекрасный. Эшли улетает в пятницу по делам в Швецию и пробудет там до вечера воскресенья. Обычно в его отсутствие о Дории заботилась мисс Диксон, и Эшли не о чем было беспокоиться. Но у мисс Диксон неприятности. Ее единственной сестре Энн, матери четверых детей, срочно потребовалась помощь. Ее двухлетний малыш сломал ногу. Энн ухаживает за ним, ей одной трудно, а рядом никого нет. Она умоляла сестру, чтобы та отпросилась у мисс Риверс хоть на несколько дней, пока не отыщется другая помощница.

— Конечно, я сказала Дикки, чтобы она ехала к сестре, — объяснила Дория. — Она хотела

прислать мне сиделку из города, но я наотрез отказалась. Терпеть не могу больничных сиделок, да мне и не нужен такой уход. Мне вдруг пришло в голову, что я могу позвать вас. Дикки вернется в понедельник. Она надеется к этому времени найти помощницу для Энн.

Розы залилась румянцем. Сердце ее забилось от радостного волнения.

— Это так мило с вашей стороны, мисс Риверс… Дория.

— Вы мне очень симпатичны, Розы, — мягко сказала Дория. — И я знаю, как вам нравится наша усадьба. Я не доставлю вам много хлопот: нужно только иногда передвинуть мое кресло и помочь мне лечь в постель. А мне приятно будет побыть с вами И Тимкин обрадуется своей крестной. Вы увидите, какой он уже большой.

— Ой, как замечательно!

— Так вы приедете?

— Если я буду вам полезна, конечно!

— Уверена, и брату, и мисс Диксон будет спокойнее, если со мной останетесь вы. Кстати, — прибавила Дория, — они угрожали прислать мне соседку, мисс Ховард, а уж этого я бы никак не вынесла!

— Вы так добры, — сказала Розы.

— Вы мне расскажете, как идет подготовка к свадьбе.

— Обязательно!

— И Клиффа тоже пригласите. Может быть, он приедет в субботу вечером и останется на ночь?

Последнюю фразу Дория произнесла не без трепета. Эшли так враждебно настроен по отношению к Клиффу. Бедняжка Эш, он болезненно воспринимает все, что касается Рози.

Он был недоволен.

— Я буду очень рад оставить тебя на Рози, но мне не хотелось, чтобы приезжал ее молодой человек. Ладно, ты так безнадежно сентиментальна, моя Дория, Делай по-своему. Только не рассказывай мне потом, как они были счастливы.

Дория покачала головой.

— Ты сам себе противоречишь. Ты не меньше меня хотел помочь Клиффорду ради Рози. Ты желал ей счастья, а теперь…

— Ладно, не обращай внимания, — оборвал он.

Непривычная резкость его слов подействовала на нее угнетающе.

Дория искренне привязалась к Рози Беннет: она с нетерпением ждала, что эта милая девушка приедет к ней на выходные. Но из-за Эшли она жалела, что познакомилась с Рози, — лучше бы

этого не было. Если бы не твердые моральные принципы, которыми всегда руководствовалась Дория, она попробовала бы отговорить Рози от брака с Клиффордом и обратить ее внимание на Эшли. Впрочем, это невозможно. Дело даже не в том, что Рози обручена. Она любит Клиффа. Ничего тут не попишешь.

События развивались все стремительнее. Рози обрадовалась приглашению. Родителям было лестно, что их дочь проведет выходные в таком замечательном месте.

Маргарет Беннет сказала мужу:

— Смотри-ка, какого мисс Риверс высокого мнения о нашей дочке. Рози поедет туда в пятницу, так что она прекрасно отдохнет.

— Клифф едет с ней? — спросил Уолтер Беннет.

— Не знаю, дорогой.

Позже Маргарет спросила об этом дочь. Рози, сияя от радости, ответила:

— Да, наверное. Погода чудесная, и Дория сказала, что Клиффа заждался бассейн. В прошлый его приезд Дорию привело в восторг то, как он ныряет.

Вечером Рози приводила в порядок нарядное платье, которое собиралась надеть для загородной поездки. Предстояло еще почистить белую

сумку, вымыть голову.

К ужину ждали Клиффа, однако он позвонил утром и сказал, что не приедет:

— Очень обидно, но меня посылают в Бирмингем, и отказаться никак нельзя.

— В Бирмингем? — в отчаянии повторила Рози. — Зачем?

— Временно заменить заболевшего сотрудника. Они считают, что я сделаю это лучше других. Конечно, я рад снова побывать в Бирмингеме, ведь я там вырос.

— Но зачем уезжать в конце недели?

— Приказ, детка.

— Ой, ты меня так расстроил! — воскликнула Рози.

— Я тоже расстроен, но меня не будет всего два дня. В субботу я приеду к вам в Чейнфилд.

— Хорошо, — вздохнула Рози и добавила: — Я понимаю. У тебя пока своя жизнь, и ведь совсем скоро мы будем всегда вместе. Но все равно жаль, что мы не увидимся сегодня.

Он сказал, что обожает ее, и напомнил: она сама настаивала, чтобы он больше работал. Рози, чувствуя себя пристыженной, вытерла слезы. Клифф еще наговорил много ласковых слов и пообещал, что сегодня же вечером напишет ей

из Бирмингема:

— Это будет как в прежние дни, когда я писал тебе из Южной Африки.

Однако, услышав в трубке гудки, Рози ощутила разочарование и беспокойство. Она чувствовала, что Клифф отдаляется от нее, что он сейчас гораздо дальше, чем когда был за тысячи миль в Кейптауне. Что случилось? Неужели доверие и любовь подорваны настолько, что их не восстановишь? Она простила Клиффа, поверила, что он лгал и хвастался, чтобы произвести на нее впечатление. Она простила ему вспышку в Ричмонд-парке, когда он ее обругал. Она забыла все — так захватила ее радость от предстоящей свадьбы. Почему же сегодня она чувствует себя такой обиженной? Почему она так расстроилась из-за того, что Клифф не сдержал обещания приехать сегодня вечером? Они не увидятся целых два дня! Не будет волнения при встрече… горячих, страстных поцелуев… ощущения близости. Не будет разговоров о будущей совместной жизни, милых бесед, которые так дороги влюбленным.

Рози с ужасом почувствовала, что глаза ее снова наполняются слезами. Еще больше пугали ее навязчивые сомнения. Она совершенно перестала доверять ему. Ужасно, но она сомневалась,

действительно ли он едет в Бирмингем.

Вечером она зашла к Клариссе и открыла подруге свое сердце. Кларисса впервые встревожилась:

— Никогда не думала, что ты сомневаешься в Клиффе. Вы всегда казались такими влюбленными.

— Наверное, я глупая.

Оттого, что она открылась Клариссе, самой преданной и верной подруге, Рози немного полегчало.

— Знаешь, — сказала Кларисса, — я ничего прежде тебе не говорила — ты была без ума от Клиффа, а я и все наши девушки считаем его очень красивым. Но моя мама почему-то решила, что он тебя недостоин. Она и твоей маме говорила об этом.

Рози бросилась защищать жениха:

— Чепуха! Почему Клифф недостоин меня? Чего во мне такого особенного?

— Не будем спорить. Давай лучше поговорим о Клиффе. Ты расстроилась из-за того, что он слишком много работает и не может с тобой встретиться, или из-за чего-то другого?

Рози опустила голову. Так она и сидела — волна густых каштановых волос закрыла ее раскрас-

невшиеся щеки.

— Я понимаю, что я дурочка. Но видишь ли, Кларисса, когда узнаешь, что кто-то солгал, начинаешь подозревать.

— Ну, дорогая, это поправимо. Позвони в Слу — придумай какой-нибудь предлог — и узнай у мистера Форда бирмингемский адрес Клиффа. Ты проверишь, едет ли он сегодня и зачем.

Рози вспыхнула.

— Я не могу этого сделать, — сказала она дрожащим голосом. — Если Клифф узнает, он обидится.

— Ну ты ему веришь или нет? Что ты думаешь на самом деле? Ты подозреваешь, что у него другая девушка?

— Нет, конечно нет. Ладно, не обращай внимания на мои слова, просто я схожу с ума! — воскликнула Рози.

— Ну, дорогая, когда любишь, надо доверять любимому. Если ты начнешь ревновать, это конец.

Рози согласилась. Конечно, она не будет звонить мистеру Форду. Клифф решил бы, что она его выслеживает, и ужасно бы разозлился. А насчет другой девушки — это, конечно, исключено. Просто ей так сильно хочется его видеть!

Разговор с Клариссой положил конец ее сомнениям.

В четверг она получила письмо от Клиффа — поспешное и не слишком нежное. Он писал, как рад снова оказаться в Бирмингеме и повидать старых друзей. Письмо он закончил по старинке: «Люблю, обожаю. Твой Клифф».

На следующее утро, перед отлетом в Швецию, Эшли зашел в агентство Трамма. Самолет улетал в полдень. День был непогожий — дул ветер и дождь лил как из ведра.

Эшли был в темно-сером плаще. На его волосах блестели капли дождя. Он был бледен и озабочен. Рози заметила это, но ничего не сказала. Не ее дело, почему он мрачен. Берил, поздоровавшись с Эшли Риверсом, удалилась в кабинет мистера Трамма. Начальник еще не приходил.

Эшли сказал:

— Я хотел убедиться, что все в порядке и вы действительно едете в Чейнфилд.

— О да, еду, конечно. Я так тронута, что вы доверили мне Дорию.

— Я вам очень благодарен, — сказал он.

Глядя в сияющие глаза Рози, Эшли помрачнел еще больше. Эти васильковые, светящиеся невинной живостью глаза обладали необъяснимой властью над ним. Он завидовал Рози.

Как замечательно сознавать, что жизнь пре-

красна. В присутствии Рози он чувствовал себя старше своих лет и терял уверенность в себе. Невыносимо было сознавать: она лучится оттого, что влюблена в Клиффорда Патерсона.

— Как Дория? — спросила она.

— С нетерпением ждет вас.

— А когда вы вернетесь?

— Я вернусь в воскресенье и успею с вами поужинать. А потом мой шофер отвезет вас в Энсфилд.

— И Клиффа?

— И Клиффа, — покорно повторил он. Лицо его ничего не выражало. — Собственно, я пришел сказать вам, что мой автомобиль заедет за вами в Энсфилд и доставит в Биконсфилд. Клифф, я полагаю, доберется сам.

— Да, — кивнула она. — Он приедет в субботу на машине прямо из Бирмингема.

Зазвонил телефон.

Рози извинилась и сняла трубку. Мистер Риверс продолжал сидеть. Он никак не мог заставить себя встать и уйти прочь из агентства. В памяти всплыли строчки из стихотворения, которое он читал в юности:

> *А ту, что мелькнула лишь раз предо мной,*

Я буду любить до могилы сырой.

«Неужели так будет и со мной?» — с невыразимой мукой думал он. Это полный жизненный крах, это безумие. Он так не страдал, даже когда погибла Вероника. Эта всепоглощающая страсть, которую он испытывал к Рози Беннет, — его величайшая любовь. Он всегда считал себя человеком железной воли. Теперь же на собственном мучительном опыте узнал, что даже железо гнется в огненном горниле беззаветной любви.

Он так погрузился в свои мысли, что не слышал, о чем говорила по телефону Рози. Очнувшись, он был поражен произошедшей с ней переменой. Только что ее золотисто-розовое лицо сияло — теперь в нем не осталось ни кровинки. Зрачки расширились, так что глаза почти утратили свой дивный васильковый оттенок. Руки дрожали — длинные тонкие пальцы теребили друг друга.

Эшли невольно поднялся:

— Что стряслось, Рози?

Она ответила не сразу. Она онемела, словно от удара. Потом сказала скучным бесцветным голосом:

— Можно я позвоню вашей сестре и предупрежу, что приеду одна?

Эшли непривычно нахмурился и взялся за

сигару:

— Клифф с вами не едет?

— Да.

— Что случилось?

Он наблюдал за ней, зажав сигару в зубах. Пальцы ее были судорожно сжаты. Рози не смотрела на Эшли. Веселости и воодушевления как не бывало.

— Я не понимаю, — поколебавшись, жалобно сказала она.

Рози была так взволнована, что не могла говорить. Она пыталась взять себя в руки и не разрыдаться у Эшли на глазах. Ей было безумно стыдно отдаться сейчас накатившему на нее горю.

Когда телефонистка сказала, что сейчас будет говорить Бирмингем, Рози думала, что услышит Клиффа. Она с нетерпением ждала его. Но заговорила девушка… тонким невыразительным голосом. Она представилась сотрудницей бирмингемского филиала фирмы «Томас Риверс и сын» и сказала, что мистер Патерсон просит извиниться перед мисс Беннет и передать ей, что не сможет приехать. Его срочно отправили в Глазго, он не успеет вернуться. Он позвонит ей в воскресенье.

Рози задала еще несколько вопросов — может ли она связаться с мистером Патерсоном, есть ли у него в Глазго телефон и так далее. В ответ — тишина, словно кто-то прикрыл трубку рукой, а потом… — Рози могла бы поклясться, что услышала смешок… женский смешок… — и потом девушка сказала, что мистер Патерсон телефонного номера не оставил; затем в трубке загудело.

Рози расстроилась и смутилась ужасно. Она не знала что и думать. Почему вдруг такая внезапная перемена в планах?.. Клифф даже не позвонил сам… и этот смешок… причинивший Рози нестерпимую боль и пробудивший в ней самые дикие подозрения.

— Рози, — услышала она тихий интеллигентный голос Эшли, — может быть, вы скажете мне, что случилось?

Она вскочила.

— Не знаю! Не знаю… это-то и ужасно! — Щеки ее пылали красными пятнами, голос срывался.

— Почему Клиффорд не приедет?

— Он… девушка из вашего бирмингемского филиала позвонила и сказала, что его… ни с того ни с сего отправили в Глазго.

— В Глазго? — повторил Эшли с изумлением и вынул изо рта сигару.

— Да, так сказала ваша сотрудница.

Смешок… почему девушка хихикнула?

Эшли помрачнел. Он сразу понял, что Клифф солгал, мало того — попросил солгать какую-то девушку. На него накатила горячая волна гнева. К чему быть великодушным и снисходительным к Клиффу, оберегать его помолвку с Рози? Ладно бы еще тот вел себя достойно и старался выбиться в люди! Но чтобы он сломал Рози Беннет жизнь — нет уж!

Эшли сказал:

— Я хотел бы поговорить с Бирмингемом. Можете вы соединить меня отсюда? Разговор я оплачу.

Рози посмотрела на часы. Эти часы на кожаном ремешке подарил ей папа. Во время прошлого свидания Клифф спросил, какой подарок она хотела бы получить на свадьбу. Она ответила: часы с золотым браслетом, если это не слишком для него дорого. Он снисходительно махнул рукой и пообещал.

— До одиннадцати мистер Трамм не придет, — сказала Рози тем же бесцветным голосом. — Сейчас только десять, пройдемте в его кабинет.

Берил выскользнула из кабинета, с любопытством глядя на Рози и мистера Риверса. Рози сняла трубку с телефона мистера Трамма.

— Что вы собираетесь делать, Эшли? — спросила она, попросив телефонистку соединить с Бирмингемом.

— Я узнаю, почему Клиффорда отослали в Шотландию. Сам я ума не приложу, зачем бы это понадобилось, разве что у Бирмингема есть свои, неведомые мне, причины. А если его действительно отослали, я велю немедленно вернуть его обратно, чтобы выходные он провел с вами в моем доме.

Однако Эшли знал, что в глубине души чувствовала Рози: что-то не так, Клифф темнит. Темнит, рассчитывая, что Рози не усомнится в его словах, и не подозревая, что его может проверить сам Эшли.

Пока Эшли разговаривал с управляющим в Бирмингеме, Рози смотрела на узкую улочку, тесно уставленную припаркованными машинами. Лил дождь. Она думала: до конца жизни ей запомнится это пасмурное сентябрьское утро, серый ряд мокрых машин и стук дождевых капель по стеклу. Ей хотелось повернуться и остановить Эшли, пока он еще ничего не узнал. Если выяснится, что Клифф жестоко обманул ее доверие, она этого не переживет.

Но поздно. Эшли уже повесил трубку и назвал

ее по имени. Лицо его было сурово, глаза выражали сострадание.

Он сказал:

— Вам будет больно, дорогая моя, но пора узнать правду. Сейчас я все расскажу.

Рози затрепетала:

— Что там? Говорите же!

— Ваш недостойный друг не уехал в Глазго. Девушка из офиса сюда не звонила. Видимо, вам звонили из автомата. Мистер Уильямс поинтересовался у своих сотрудников. По-видимому, Патерсон вообще не заходил сегодня в офис. Однако молодой человек по фамилии Джарвис, который работает с Клиффом, похоже, в курсе дела. Клифф ему несимпатичен, поэтому он выложил мистеру Уильямсу все как есть.

Рози затрепетала еще сильнее. Она уцепилась за большой рабочий стол мистера Трамма, словно боялась упасть:

— О господи… что он сказал… что все это значит?

— Похоже, дело плохо, дорогая моя. Джарвис сказал Уильямсу, что вчера вечером видел Клиффорда в пивной. Тот был пьян и хвастался Джарвису, что две девушки от него без ума. Одну зовут Маурин, она едет с ним в Бирмингем.

Выходные они проведут в гостинице. Другая его девушка — очевидно, вы, Рози, — считает, будто окрутила его раз и навсегда, но она ошибается. Он надеется, что вскоре получит возможность ей это сказать, а потом плевать он хотел на Риверса и инженерную работу — он будет петь на сцене. Возможно, не будь он так пьян, он бы не проболтался. Идиот. Полный идиот! — закончил Эшли и грохнул по столу кулаком.

Рози покачнулась. Испугавшись, что ей плохо, Эшли торопливо подошел и обнял ее за плечи:

— Вы в порядке?

Она кивнула.

— Боюсь, это ужасное потрясение для вас, бедная маленькая Рози.

— Этого не может быть, — вымолвила она и закрыла лицо руками.

— Мне очень жаль, дорогая.

— Это невозможно! Зачем он позволил мне готовиться к свадьбе?

— Без сомнения, у него были свои причины, и мы их со временем узнаем. Но ясно, что жениться он не собирается. Боюсь, ваш драгоценный Клифф оказался бессовестным лгуном и ничтожеством, Рози. Он и лгал-то неумно. Эта история с Глазго шита белыми нитками. Джарвис ясно сказал Уи-

льямсу, что Клифф спутался с другой девушкой, Маурин, и твердо намерен порвать с вами, Рози. Мне очень жаль. Вы должны знать правду. Вам нельзя и дальше оставаться в неведении.

Сердце Рози колотилось. Ее знобило. Она подняла глаза на Эшли. Он по-прежнему обнимал ее, как бы защищая.

— Кто эта… Маурин?

— Как ни печально, я знал о ней уже несколько недель. Она работает у нас в Слу. Мне жаловались на ее связь с Клиффом. Хорошенькая, рыженькая… моложе вас. Форд послал Клиффорда в Бирмингем, чтобы их разлучить.

— О господи, — упавшим голосом сказала Рози и снова закрыла лицо руками.

— Возможно, Клифф попросил Маурин позвонить, потому что боялся ваших расспросов.

Да, подумала Рози, Маурин и хихикала в телефонной трубке.

— Как он мог? — с мукой произнесла Рози. — Неужели он такой циничный? Как я могла так в нем обмануться?

Эшли погладил ее по спине: девушка выглядела совершенно убитой.

— Почему же он не разорвал помолвку и дал согласие готовиться к свадьбе? Я отказываюсь

это понимать.

Эшли внезапно осенило:

— Может быть, он решил продержаться на работе, пока не устроится на новую. Похоже, он боится, что я его уволю, как только расстанется с вами.

Перед Рози забрезжила истина. Боль наслаивалась на боль, становясь невыносимой. Клифф предстал перед ней в истинном свете — не просто лгуном, но и трусом, бабником. Она пыталась оправдать его нежелание часто видеться с ней, радостно готовилась к свадьбе, защищала его от родительских нападок, верила в него. А он хвастал в пивной, что у него две девушки. Одна — она, а другая — рыжая Маурин. И он так любит Маурин, что предпочел провести выходные в Бирмингеме с ней, а не с будущей женой в Биконсфилде. Эшли назвал его полным идиотом… Правильно назвал. Он даже не подлец — он просто слабый тщеславный глупец, который напивается допьяна и хвастает своей отвратительной наглостью перед каждым встречным.

Рози с мукой думала, что где-то в глубине души подозревала: он не тот замечательный Клифф, с которым она обручилась. Но она пыталась отогнать сомнения, потому что слишком его

любила…

— Рози… чем я могу помочь вам, бедная моя крошка?

Она слышала полный нежности голос Эшли, но жалость его была невыносима. Она вырвалась из его рук, в сердцах сорвала с пальца колечко с бирюзой и швырнула в угол:

— Я ненавижу его!.. Как он меня обманул… Как бы он теперь ни оправдывался… чтобы ни говорил… я не выйду за него замуж… Никогда, никогда, никогда!

Она истерически зарыдала. Эшли отложил сигару, подошел к ней и обнял за плечи. Он гладил ее прекрасную каштановую головку. Ему больно было видеть ее мучения. Он искренне жалел Рози, хотя сознавал: он только что услышал то, о чем страстно мечтал… Она не выйдет за Клиффорда Патерсона.

— Ну, ну, не убивайтесь так… не плачьте так горько… Рози, бедняжка моя, не плачьте, пожалуйста!..

Эти несколько минут она не сознавала, что делает. Казалось, ее захватил и понес огромный смерч. Она потеряла все: веру, любовь, счастье. Рози продолжала рыдать, не отталкивая Эшли, напротив, она неосознанно искала у него защиты

и утешения, словно у родного отца. Она двумя руками вцепилась в его плечо, припала к нему лицом.

Она рыдала:

— Я хочу умереть!

— Нет, нет, милая, — Эшли машинально говорил ей «милая». — Сейчас вам так кажется, потом это пройдет. Вы пережили ужасное потрясение и чудовищное разочарование, но боль пройдет, поверьте мне!

— Я его любила!

Эшли горестно смотрел на ее поникшую голову. Его прекрасная гордая Рози унижена и обманута. Он чувствовал, что охотно согласился бы никогда больше ее не видеть, если бы мог таким образом вернуть ей веру, вернуть то счастье, которое окрыляло ее совсем недавно.

Он все гладил ее по волосам, стараясь успокоить. Он напомнил ей, что сам когда-то пережил тяжелую утрату — умерла его любимая. Но он оправился от потрясения. Дория тоже потеряла возлюбленного. Руперт бросил ее: не захотел остаться с девушкой, прикованной к инвалидному креслу.

— Любовь иногда безжалостнее смерти, — говорил Эшли. — Но вы молоды, Рози, — молоды,

красивы и полны сил. У вас есть то, чего нет и никогда не будет у моей бедной Дории. Не убеждайте себя, будто вы потеряли все.

Рози тряхнула головой. Она что-то искала правой рукой, и Эшли, догадавшись, достал из кармана свой носовой платок.

— Подумайте, насколько хуже было бы, если бы вы вышли за него замуж, а потом узнали правду, — успокаивал он.

— Да, это было бы еще ужаснее. Он мог бы жениться на мне, лишь бы не потерять работу. Даже подумать страшно! — Она стиснула зубы. — Мне трудно поверить, что бывают такие негодяи.

— Бывали люди и похуже, — сказал Эшли с невеселым смешком.

— Мама с папой оказались правы. А я вот только сейчас поняла, как сильно ошиблась.

Она отодвинулась от него. Ему хотелось притянуть ее к себе, обнять, успокоить, но вместо этого он взял сигару и опять закурил. Сейчас ей ничем не поможешь. Боль пройдет — но со временем.

Рози перестала плакать. В томительной тишине она полезла в сумочку за расческой и пудреницей, чтобы привести себя в порядок. Теперь она заговорила тише:

— Вы говорите, что знали про эту девушку

Маурин уже давно. Почему вы не сказали мне раньше?

— Дорогая, я не считал себя вправе вмешиваться в ваши личные дела. Снимая запрет на женитьбу, я думал: парень одумается и порвет с Маурин. Должен признаться, у меня были сомнения по поводу вашей свадьбы. Но мы с Дорией желали вам счастья.

Рози сложила носовой платок и вернула Эшли. Пряча от него опухшие глаза, она горько улыбнулась в ответ:

— Счастья! С человеком, которому я не смогу доверять и который настолько меня не уважал, что изменил за месяц до свадьбы?

— Наверное, мы с Дорией были не правы. Мне лично Клиффорд никогда не нравился. Вы, вероятно, об этом догадывались. Мне страшно было думать, что вы поженитесь.

— Не понимаю, почему вы так добры ко мне… Столько для меня делаете, несмотря на занятость… и вообще, — пробормотала она отрешенно.

«Я вас люблю» — слова эти готовы были сорваться с его губ, но он сдержался. Он уже опоздал на важную встречу в офисе. Похоже, он опоздает и на следующую. Плевать. Рози и то, что происхо-

дит с ней, гораздо важнее. Этим утром он осознал, как тесно переплелись нити их судеб.

Он не мог сказать ей, как много она для него значит. Минуты уходили. Он ощущал, что с плеч его свалилось непомерное бремя: не надо больше с ужасом ждать дня, когда Рози будет принадлежать Клиффорду Патерсону.

Рози прошла через кабинет и подняла колечко, которое незадолго перед тем швырнула в угол.

Она сказала:

— Я сегодня же — сейчас же! — отошлю его Клиффу с письмом, в котором сообщу, что все знаю и между нами все кончено.

Эшли сощурил глаза и стал разглядывать пепел на конце сигары:

— Полагаю, в понедельник вечером господина Патерсона будут ждать на заводе два неприятных письма. Одно от вас, другое от меня — там будет сказано, что фирма немедленно отказывается от его услуг.

Рози растерялась. Только что она сказала, что ненавидит Клиффорда. Он так гнусно себя ведет, такой черной неблагодарностью отплатил за ее любовь и заботу. Восхищение сменилось презрением. И все же, памятуя о прежней своей привязанности, она тревожилась за его будущее.

Он получил работу благодаря ей — теперь он лишится всего. Ей стало его жаль. Впрочем, решила она, он заслужил это. Еще хвастал, что у него на примете другая работа. Он потому и юлил, что обязан ей тем, что получил место на заводе. А эта девушка… Стоило Рози подумать про Маурин, стоило вспомнить тот смешок в телефонной трубке — жалость к Клиффорду улетучилась. Обида и возмущение вспыхнули в ней, выжигая до тла прежнюю любовь.

ГЛАВА 14

— Моя дорогая, я так рада, что вы все-таки приехали ко мне, несмотря ни на что, — сказала Дория.

— Я и сама хотела приехать, особенно после того что случилось, — ответила Рози. — Тут все так красиво и спокойно и нет никого из знакомых.

Они сидели у камина в очаровательной гостиной, которую особенно любила Дория. Стены были обшиты светлым орехом, на полу лежал мягкий ковер небесно-голубого цвета, и такого же цвета были занавески на окнах. Одна стена была сплошь уставлена книгами. Над камином висел великолепный портрет женщины в костюме эпохи Ренессанса: платье из красного бархата с узкими длинными рукавами и пышной юбкой. У нее были большие блестящие глаза и прекрасное гордое лицо. Рози с первого же взгляда поняла, что это покойная миссис Риверс — мать близнецов. Дория объяснила, что портрет написан незадолго до войны. Флорентийское платье их мать надевала на бал. А драгоценное изумрудное ожерелье и браслеты сейчас хранятся в сейфе, в

одном из лондонских банков. Дория никогда их не наденет — к чему они ей, в ее положении. Драгоценности предназначаются жене Эшли — если он когда-нибудь женится.

Рози подняла глаза на портрет. Ей показалось, что красиво очерченные губы, такие же как у Эшли, улыбнулись девушке.

Наверное, миссис Риверс была прекрасным человеком, как и ее сын. Рози так и не успела поблагодарить его за доброту и поддержку в тот страшный час, когда она узнала правду о Клиффорде. Эшли хотел увезти ее из агентства, но она отказалась: не могла оставить работу. Его восхитило ее мужество.

— Может, так даже лучше. Голова у вас будет занята делами агентства.

Но дважды звонил Эшли, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Его забота совершенно растрогала ее. Эшли посоветовал провести уик-энд с Дорией, несмотря ни на что, и она ответила, что не собиралась отменять поездку.

— У меня даже в мыслях такого не было, и не только потому, что я обещала помочь. Просто я сама безумно хочу туда поехать. Мне нравится ваша сестра, и обещаю вам, что не буду портить ей настроение своим мрачным видом.

— Я знал, что вы так ответите, Рози. Большое вам спасибо. Вы сильная, вы справитесь.

Сильная. Сама она в это не верила. Ее сердце разбито, Клиффорд разбил самые лучшие ее мечты, посмеялся над ее чувствами. Никогда она не простит ему, как он с ней обошелся. Он использовал ее, чтобы удержаться на службе! А ведь когда они встретились, он говорил, что любит. И вот дошел до измены и предательства.

Примерно в половине первого Эшли снова ей позвонил:

— Скажите, Рози, где вы сегодня обедаете?

— Нигде. У меня нет аппетита.

— Я так и думал, — отозвался он. — Около часа я за вами заеду и отвезу вас в небольшой ресторанчик неподалеку. Там мы вместе пообедаем.

Он повесил трубку, прежде чем она успела что-либо возразить.

Рози рассказала обо всем Дории. Дория такой человек, которому можно говорить абсолютно все. Страдания, физические и душевные, только облагородили ее. В свою очередь и она рассказала историю своей загубленной любви к Руперту Дэлтри.

— Трудно, очень трудно вынеси эту боль, — сказала Дория. — Но ничего не поделаешь, придется.

Это пройдет, Рози. Вы держитесь молодцом. Эш звонил из аэропорта и рассказал, как мужественно вы перенесли этот удар.

Рози поблагодарила Дорию взглядом. Слез у нее не было. Бледная и подавленная, она все-таки держала себя в руках. Сейчас она застыла в оцепенении, но потом, когда очнется, боль станет еще острее. Что пользы говорить сейчас, что Клиффорд Патерсон ее не стоил. Ведь можно любить человека, который вовсе того не заслуживает.

Перед ужином они пили шерри. Дория видела, как побледнела и осунулась Рози! Куда девались звонкий смех и лучистый взор, околдовавшие Эшли?

— Я так благодарна Эшли, — тем временем говорила Рози. — Он такой замечательный человек! Он уговорил меня попробовать какое-то итальянское блюдо — это был итальянский ресторан. А потом мы пили красное вино, и он все время говорил. Не о Клиффе, нет. О себе, о вас, о разных интересных вещах. Я так увлеклась, что забыла все на свете.

— Понимаю, — отозвалась Дория. — Когда Эш в ударе, он говорит так, что заслушаешься. А нашего двоюродного брата, Джека Уинтрингема, вы знаете?

— Нет, только по рассказам Эшли.

— Он сейчас за границей по делам фирмы. Но иногда мне хочется, чтобы он никогда не вмешивался в эти дела, — со смехом сказала Дория. — Его отец, наш дядя, устроил так, что Джек и Эшли — компаньоны. Но Джек не хочет утруждать себя работой, только прибавляет головной боли брату. Мозг и сердце фирмы — это Эш.

Рози кивнула. Конечно, все держится на Эшли, это естественно. Он личность незаурядная.

Пообедав с ним, она вернулась на работу и сама удивилась, насколько лучше себя чувствует.

Как это великодушно со стороны Эшли: у него каждая минута на счету, а он столько возится с ней! А кто она такая? Никто и ничто. Теперь Рози думала не только о Клиффе. Из головы у нее не шли воспоминания о сильных руках Эшли, обнимавших ее, когда она плакала на его плече. С ним ей становилось хорошо и спокойно. Как здорово, что она дружит с таким прекрасным человеком.

Только что она обнаружила еще одно подтверждение его искреннего желания утешить. В роскошной комнате для гостей, из окон которой открывался великолепный вид на сад и озеро, обрамленное стройными соснами, Рози нашла огромный букет роз и записку:

«Я верю в вашу стойкость, Рози. Не унывайте и присматривайте за моей Дорией. Ваш Эшли».

Этот дружеский жест так растрогал Рози, что у нее на глазах выступили слезы. Но пока она гостит здесь, нельзя подавать виду, как грустно у нее на душе. Он пишет, что она стойкая. Если бы он только знал!

Перед отъездом мать спросила ее:

— Что-нибудь случилось, дочка? Ты неважно выглядишь.

Рози, заканчивая свои приготовления, медлила с ответом. Она не хотела пускаться в объяснения перед самым приходом машины Риверсов. Но мать, ни о чем не догадываясь, спросила:

— А где твое колечко? Ты его случайно не потеряла?

Рози обернулась и посмотрела матери в глаза.

— Ты все равно скоро узнаешь. Мое кольцо на почте, мама. Я отослала его Клиффорду. Моя помолвка расторгнута. Пожалуйста, отмени все приготовления. И скажи об этом папе и всем, кому сочтешь нужным. А если тебя будут спрашивать почему, скажи, что я просто передумала.

Миссис Беннет, как она потом говорила мужу, едва не упала в обморок от такого известия. Она смогла только выговорить:

— Слава богу, Рози, но почему?

Рози перебила ее:

— Мамуля, не спрашивай меня сейчас. У меня нет времени рассказывать, как все произошло. За мной в любую минуту может зайти шофер. Я обещаю, что вернусь домой в воскресенье вечером и все тебе подробно расскажу. Но только не сейчас. Это так отвратительно! Но я могу сказать тебе, что вы с папой были правы. Клифф не стоит моей любви. Он обошелся со мной просто некрасиво.

— Дорогая моя…

Рози снова перебила мать:

— Я его ненавижу, но все равно мне очень тяжело. Раз уж я обещала мистеру Риверсу поухаживать за его сестрой, то ничего не поделаешь — надо ехать. Я не хочу сейчас говорить о Клиффе. Я думаю, вы рады, что я не выхожу за него замуж. Давай прекратим сейчас это обсуждение, поговорим, когда я вернусь.

В глазах матери светились любовь и жалость, и Рози кинулась ей на шею, обняла ее, а потом выбежала из комнаты, чтобы не разрыдаться.

Дория, конечно, была уже в курсе всех событий: Эшли звонил ей из аэропорта. У нее хватило такта не упоминать имени Клиффа, но Рози решила, что лучше сама сообщит Дории эту новость.

— Моя помолвка расторгнута, Дория. Я никогда в жизни больше не увижусь с Клиффом.

Дория посмотрела на нее с бесконечной жалостью и взяла ее руку в свою:

— Бедняжка! Я уже знаю. Мне вас очень жаль. И не будем говорить на эту тему, если вам неприятно.

Но немного погодя Рози обнаружила, что ей хочется поговорить об этом. Дория — человек разумный и понимающий. Рози призналась, что больше всего ее убивает чудовищное двуличие Клиффа — он крутит любовь с Маурин, а ей разрешает готовиться к свадьбе. Он что, собирался действительно жениться на ней и в то же время, продолжать свой роман на стороне? Это слишком мерзко.

— Да, это мерзко, — согласилась Дория. — Признаться, думала о нем лучше.

— Я тоже, но теперь-то я понимаю, что он мне все время врал. А я ему верила! Например, он говорил, что не может вечерами приезжать ко мне, потому что занят на работе, и я принимала все за чистую монету, — с горечью произнесла Рози.

— Поверьте мне, моя дорогая, у вас впереди еще целая жизнь, не стоит отчаиваться, — ободрила ее Дория.

Рози взглянула на несчастную, неизлечимо больную девушку. На ней были надеты светло-голубая блузка и вязаный жакет, колени укрыты пледом, волосы прекрасно уложены и ниспадали на плечи, придавая ей совсем юный вид. Она и теперь еще очень привлекательна. Бедная искалеченная Дория! Когда-то она была прекрасна и полна жизненных сил, как и Эшли. А теперь у нее нет будущего, нет надежды встретить новую любовь, но никто никогда не слышал от нее ни единого слова жалобы.

Как же Рози смеет жаловаться на жизнь! Нет, она тоже не надеется встретить новую любовь. Но у нее остались по крайней мере силы и здоровье!

Дория спросила Рози, что та намерена делать в ближайшем будущем.

— Не знаю, — призналась Рози, качая головой, — но сегодня я подумала, что могла бы поехать куда-нибудь в джунгли и помогать такому человеку, как доктор Швейцер.

Дория в ответ только грустно улыбнулась:

— Я вас понимаю. Но как я прикована к своему креслу, так и вы прикованы к повседневной жизни, к работе, к скучным обязанностям. Слава богу, у вас прекрасная семья: братья, сестричка и родители.

Рози кивнула.

— И много друзей, которые к вам привязаны, — мягко добавила Дория.

— И вы, и мистер Риверс, то есть Эшли, так поддержали меня! — с чувством сказала Рози.

Сейчас не время говорить ей, что у Эшли были на то свои причины. Нет, сейчас еще рано. Но, возможно, это время придет… В душе у Дории вспыхнул свет надежды — надежды, что дорогой брат обретет наконец счастье с этой девушкой.

За весь вечер они больше ни слова не сказали ни о Клиффорде, ни о будущем Рози. После великолепного ужина девушки сидели перед камином, особенно радостно и ярко горевшем в тот холодный сентябрьский вечер, и рассматривали семейный альбом.

Когда Рози увидела фотографию Дории верхом на лошади, с развевающимися на ветру волосами, сердце ее болезненно сжалось. Фотографии Эшли в детстве. Снова он, но уже взрослый, на берегу моря. Рядом с ним на скале сидела красивая молодая женщина в синем бикини с белой отделкой. У женщины — длинные каштановые волосы. Дория сказала ей, что это Вероника — молодая вдова, на которой Эшли собирался жениться.

— Эшли тяжело переживал ее гибель, — вздох-

нула Дория.

— Он очень ее любил? — спросила Рози.

— Думаю, да. Но теперь, слава богу, он вполне оправился.

И снова Дория взглянула на прекрасное лицо девушки и пожалела, что не может сказать ей, как много она значит для Эшли.

— У людей случаются ужасные несчастья, и тем не менее они находят в себе силы, чтобы жить дальше. Наверное, со временем я тоже позабуду о том, что случилось со мной.

— Ну конечно. А вы еще увидитесь с Клиффордом? — вдруг спросила Дория, в порыве естественного женского любопытства позабыв о своем решении не обсуждать Клиффорда.

— Нет, если только смогу избежать встречи.

— Допустим, он скажет, что может все объяснить?

В ответе Рози прозвучала злая насмешка:

— Интересно, как это ему удастся? Он сказал мне, что его посылают в командировку в Глазго, а сам отправился развлекаться с этой девицей, Не говоря уже о тех гадостях, которые он наговорил про меня этому Джарвису в пивной.

— Все так.

— Я написала ему письмо. Он получит его в

понедельник, когда придет на работу. Тогда он узнает, что я о нем думаю.

— Эшли сообщил мне, что его вскоре уволят, — сказала Дория.

Рози передвинулась поближе к огню. В ее глазах застыла тоска.

— Понимаете, Дория, чем больше я об этом думаю, тем яснее понимаю, что у меня было совершенно ложное представление о характере Клиффа. Я знала, что иногда он бывает слишком легкомысленным, что он тщеславен и все такое, но его обаяние совершенно ослепило меня.

— Не только вас, даже мою старушку Дикки. Она сказала, что в жизни не встречала такого милого молодого человека.

— Но моим родителям он не понравился, я знаю, что у Эшли он тоже не вызывал симпатий. Мне так стыдно перед мистером Риверсом, он дал Клиффу работу, а тот его подвел.

— Он не стоил вашей любви, милая Рози. Из того, что вы о нем рассказали, я поняла, что у него в жизни нет никаких идеалов, чего не скажешь о вас.

— Теперь я понимаю, что мои моральные принципы только докучали ему, — с горечью заметила Рози.

— Бог с ним. На свете есть много мужчин, которые разделяют ваши взгляды. Не все же такие, как Клиффорд. А известно ли вам, Рози, что вы необычайно красивы? У мужчин от одного взгляда на вас перехватывает дыхание.

Рози подняла пылающее лицо и с чувством сказала:

— Меня это не радует. Я не хочу, чтобы кто-нибудь снова влюбился в меня только из-за смазливой внешности.

— Я могу вам пообещать, что настанет день и кто-нибудь полюбит вас за вашу чистую юную душу, — утешила ее Дория.

Через несколько минут Рози показалось, что Дория выглядит усталой, и она предложила ей помочь лечь в постель. Комнаты Дории находились на первом этаже, чтобы она могла свободно передвигаться по дому в своем кресле. После болезни Дории Дикки спала в соседней комнате, но теперь необходимость в этом отпала. Дории уже не требовался особый уход. Однако Рози хотела помочь ей раздеться и лечь в кровать. Она сделает это с радостью.

— Подождите несколько минут, я докурю сигарету, — улыбнулась ей в ответ Дория. — Вы пока можете подняться к себе и надеть халат, а потом

спуститесь ко мне.

— Хорошо.

Почти сразу, как только Рози вышла, позвонили у входной двери. Дория была очень удивлена, увидев, что итальянец-дворецкий провел в комнату Синтию Ховард, одетую, как обычно, в черные брюки и свитер. Ее лицо было угрюмым, одежда выглядела неряшливо. Наверное, у нее очередной кризис. Это не девушка, а клубок нервов.

Синтия взглянула на Дорию немного смущенно:

— Извините, что надоедаю вам, но сейчас нет и десяти и вы еще не ложитесь. Мне очень нужно поговорить. У вас найдется свободная минута?

— Я бы с удовольствием выслушала вас, Синтия, но я уже почти сплю и не в силах поддерживать беседу, — ответила Дория со своей обычной отзывчивостью.

Она всегда сочувствовала Синтии.

— Мама разговаривала с вами сегодня и сообщила мне, что Эш уехал в Швецию.

— Да, со мной осталась Рози Беннет, она заменяет Дикки.

Лицо Синтии вытянулось. Она вся как бы застыла. Боже, как она ревновала Эша к этой секретарше! С того самого дня, когда они пили

шампанское в конюшне и Рози окрестила жеребенка.

— А-а, — только и смогла выговорить Синтия.

— Бедняжка очень переживает, — негромко пояснила Дория. — Ее помолвка расторгнута.

Брови Синтии поднялись вверх. Нетерпеливым движением она постучала сигаретой по пачке, которую держала в руке. Вот это новость! Дория несколько раз упоминала о готовящейся свадьбе Рози. А теперь выясняется, что эта красотка, от которой Эшли без ума, свободна! У Синтии в груди разгорелось пламя ненависти.

Дория была совершенно права, когда предположила, что сегодня у Синтии очередной кризис. Она давно не виделась с Эшли и теперь была просто в отчаянии. И еще эта дурацкая ссора с дядей из-за совершенной ерунды! Она вылетела из дому в надежде обрести душевное спокойствие, поговорив с сестрой Эшли.

И вдруг Дория заявляет, что хочет спать и что у нее гостит Рози Беннет. Эта девица!

— Я вижу, что мне лучше уйти. Я пришла не вовремя. Спокойной ночи, Дория. — И прежде чем та успела ответить, Синтия выскочила из комнаты.

Рози как раз спускалась по лестнице. В своем

белорозовом халатике она была так красива, что дух захватывало. Синтии стало дурно от одного ее вида.

Рози не испытывала особого расположения к Синтии, но все-таки вежливо улыбнулась ей:

— Добрый вечер, мисс Ховард.

Синтия пристально смотрела на нее, затягиваясь сигаретой. Ее воспаленное воображение уже рисовало картину: Эшли в объятиях этой особы с тонкими белыми пальцами и огромными васильковыми глазами.

Синтию совершенно не интересовало, по какой причине расстроилась помолвка Рози. Она больше не владела собой:

— Ну что, сумела наконец втереться в семью?

Рози уставилась на нее, озадаченная:

— Что вы имеете в виду?

— Не надо таращиться на меня с невинным видом, — злобно проговорила она, — меня не проведешь. Увидела добычу покрупнее и послала своего парня подальше! А теперь хочешь показать, какая ты добренькая и ухаживаешь за Дорией. Хитра, нечего сказать.

Рози покраснела.

— Мисс Ховард!

— Я все скажу! — воскликнула Синтия вне себя

от ярости. — Пока ты не появилась, у меня еще была надежда, что Эшли женится на мне. Но он встретил тебя и совершенно потерял голову. Здорово ты все устроила!

— Но это неправда! — задохнулась от возмущения Рози.

— Нет, правда! Ты все время знала, что Эшли с ума по тебе сходит, и поэтому расстроила свою помолвку. Но ничего у тебя не выйдет. Эшли не будет счастлив с тобой. Ты ему не пара. Это в меня он должен был влюбиться, это я… — Лицо Синтии исказилось в злой гримасе, она была не в силах говорить.

На мгновение Рози онемела. На сегодня с нее достаточно! Эти обвинения Синтии так неожиданны и пугающи! Все, что она говорит, — просто ее глупые нелепые фантазии. Не может быть, чтобы Эш был влюблен в нее.

Рози нарушила молчание:

— Вы не имеете никаких оснований утверждать, что мистер Риверс влюблен в меня.

— Ах, ты этого не знала! — выпалила Синтия. — Здесь все про это знают. Еще «мистер Риверс!» Могу поспорить, вы в куда более близких отношениях…

— Я не желаю вас слушать, — решительно пре-

рвала ее Рози, не на шутку рассердившись.

Но внезапно жгучая ревность и обида, застилавшие сознание Синтии, растаяли. Припадок миновал. Прекрасное лицо Рози было перед ней как в тумане. Синтия поняла, что натворила: своими же руками лишила себя последней надежды, и теперь этого никак не исправить.

Она смешалась. Потом повернулась и выбежала вон, хлопнув за собой тяжелой входной дверью.

Рози осталась стоять, как будто приросла к полу. Она тяжело дышала, лицо ее по-прежнему пылало, сердце бешено колотилось. Она была совершенно смущена и растеряна. Слова Синтии, абсолютно неожиданные и ошеломляющие, потрясли ее до глубины души. Нет, не может Эшли и вправду влюбиться в нее. Надо же, придумала — все про это знают! Она не настолько самоуверенна, чтобы вообразить себе, будто такой человек, как Эшли Риверс, может влюбиться в нее. Но мать и Клифф тоже намекали, что Эшли к ней неравнодушен.

Неужели это правда? Рози закрыла лицо трясущимися руками. Неужели он именно поэтому согласился помочь Клиффу и вообще столько сделал для них обоих? Ведь он даже пытался ускорить их свадьбу. И все это время мечтал о ней?!

В первый момент она испытывала огромное искушение помчаться к Дории и выложить ей все, что сказала мисс Ховард. Несчастная, по-видимому, уже была не в силах сдержать свои чувства, потому что безумно влюблена в Эшли, и потому ее очень жаль.

Рози постаралась взять себя в руки. Вернувшись в гостиную, где ее ждала Дория, она сказала только, что обменялась парой слов с мисс Ховард и что Синтия ушла.

Дория тоже предпочла не высказываться по этому поводу. И выходка Синтии больше не обсуждалась. Рози полагала, что не должна огорчать и тревожить Дорию перед сном. Она пробыла у нее ровно столько, сколько было нужно, чтобы выполнить свои несложные обязанности: дать Дории горячего молока — она любила на ночь выпить молока; укрыть неподвижные ноги мягким шерстяным одеялом, а сверху еще и пуховым; убедиться, что у Дории есть под рукой все, что может потребоваться ей ночью. Дория часто просыпалась ночью, зажигала свет и читала. На столике всегда стоял термос с горячим чаем и лежали книги.

— Спокойной ночи, Рози, — на прощание сказала ей Дория. — Как мило с вашей стороны так

обо мне заботиться. Я просто в восторге.

И она притянула к себе голову Рози и поцеловала ее.

Рози застенчиво коснулась губами бледной, впалой щеки Дории.

— Ухаживать за вами — это такая честь для меня, — пылко ответила она.

— Эшли больше никому не доверил бы меня, — улыбнулась Дория. Ей и в голову не могло прийти, какую бурю чувств вызвали у Рози эти простые невинные слова теперь, после того как ей открылась правда о чувствах Эшли.

Она направилась к двери, и Дория сказала ей вслед:

— Обещайте мне, что постараетесь уснуть сегодня.

— Обещаю, — ответила Рози.

Но она никак не могла уснуть. Это был самый длинный и самый кошмарный день в ее жизни: столько событий и переживаний сразу!

Она лежала в темноте и смотрела на лунный свет, падавший на пол ее комнаты через раздвинутые занавески. Ночь была ясная, небо расчистилось после дождя. В воздухе витал аромат цветов, которые росли в ящике на балконе.

В ее голове проносилось множество мыслей.

Перед глазами стояло лицо Клиффа, хотя Рози и старалась забыть его. Теперь оно было так же ненавистно, как когда-то было дорого. В эту самую минуту он обнимает другую. Думать об этом было больно и стыдно.

И еще одно лицо стояло перед ее мысленным взором в эти долгие бессонные часы — лицо Эшли. Мужественное, благородное. Его самообладание просто необыкновенно. Ни единым словом он не уронил ни своего, ни ее достоинства. Снова и снова она вспоминала полубезумные выкрики Синтии:

«Он встретил тебя и совершенно потерял голову… Эшли с ума по тебе сходит… Ах, ты этого не знала?!»

Рози верила в это с трудом, но шестое чувство говорило ей, что это правда. Нет женщины, которая не была бы горда и счастлива, узнай она такое. Но Синтия наговорила ей еще много неприятных слов:

«Ничего у тебя не выйдет… Эшли не будет счастлив с тобой… Ты ему не пара…»

Как она посмела говорить такие вещи! У Синтии нет никаких оснований утверждать, что она, Рози, специально расстроила помолвку, чтобы выйти за Эшли.

Внезапно Рози расплакалась. Горькие слезы текли по ее щекам и капали на подушку. Все рухнуло в одночасье: любовь, свадьба… и теперь даже дружба с Эшли. Если то, что сказала Синтия, правда, она не сможет принять со стороны Эшли даже дружбы: ей будет неловко.

Грустная и усталая, Рози встретила рассвет. Она так и не смогла уснуть. Веки у нее отяжелели, и на сердце тоже было нелегко. Но она собрала волю в кулак, чтобы ухаживать за Дорией, развлекать ее и помогать во время небольшой вечеринки, которую та устраивала в субботу вечером для друзей и соседей. Гости, с которыми Рози общалась, потом говорили Дории, что в жизни не видели такой красивой и очаровательной девушки. Воскресное утро выдалась солнечным, и все отправились в конюшню, где Рози — крестная Тимкина — снова была в центре внимания.

День подходил к концу, и Рози буквально цепенела от страха при мысли, что сейчас ей придется встретиться лицом к лицу с Эшли, который должен вот-вот вернуться из Стокгольма.

Много раз она собиралась с духом, чтобы открыть Дории свое сердце и передать ей слова Синтии. Но не смогла себя заставить. Она не смогла даже ответить, когда Дория, поговорив по

телефону, сообщила ей, что Синтию Ховард отвезли в психиатрическую лечебницу — бедняжке стало совсем плохо.

— Знаете, — грустно прокомментировала Дория, — девушка немного не в себе. Жалко Ховардов, они столько из-за нее пережили.

Рози мрачно отметила про себя, что вчера Синтия точно была не в себе.

При обычных обстоятельствах Рози получила бы от сегодняшнего дня много удовольствия. Последнее время погода не баловала Англию, но в это воскресенье на чистом небе ярко сияло солнце. Дория и Рози сидели на террасе и пили чай. Рози ничем не выдавала своего волнения, но она ни на минуту не забывала о словах Синтии и обмирала при мысли о встрече с Эшли.

Но страх и эмоциональное переутомление были так велики, что Рози наконец не выдержала и призналась Дории, что чувствует себя отвратительно — это было правдой, — что у нее, наверное, температура и что ей надо срочно уехать, чтобы не заразить хозяйку. Первой мыслью Дории было уложить ее в постель и приставить Дикки ухаживать за ней, как только та вернется, но в конце концов было решено отправить Рози на машине в Лондон.

— Я буду очень беспокоиться, пока не узнаю, что с вами, — сказала ей на прощание Дория с искренней тревогой. Она и сама видела, что бедная девочка выглядит неважно. — Я думаю, Эш очень огорчится, не застав вас сегодня вечером у нас в доме.

Но эти слова еще больше взволновали Рози. Когда она целовала Дорию и выслушивала слова благодарности, у нее в глазах стояли слезы.

— Честное слово, я так рада, что повидалась с вами! Спасибо вам, что вы выслушали и утешили меня, — прошептала Рози.

Дория на секунду задержала тонкие пальцы Рози в своей руке.

— Крепитесь, дорогая. Не надо так огорчаться. И я, и Эш будем беспокоиться о вас и поддерживать с вами связь.

На обратном пути Рози сидела позади шофера, — и слава богу, потому что всю дорогу она тихонько плакала.

ГЛАВА 15

Не следующей неделе на долю Рози выпали тяжелые испытания. В воскресенье вечером позвонил Эшли. Он благодарил за то, что она прекрасно справилась со своими обязанностями. Сейчас он сам сделает все что нужно, а завтра утром приедет Дикки, она нашла замену и может вернуться в поместье. Дория говорит, что замечательно провела время в компании Рози.

— Сестра сказала, что вы уехали, потому что плохо себя чувствовали. Надеюсь, вы не заболели?

Рози чувствовала себя совершенно разбитой и уже легла в постель, когда раздался звонок. Мама позвала ее к телефону, она накинула халатик и спустилась вниз. Хорошо, что в коридоре больше никого нет и никто не видит ее лица. При звуках этого глубокого, красивого голоса у нее мороз пробежал по коже.

«Мисс Ховард сказала, что он влюблен в меня. И все это знают».

Эта мысль ужасна, но от нее захватывает дух.

Она кое-как убедила Эшли, что с ней все в по-

рядке. Они договорились, что он позвонит ей в агентство на следующей неделе.

— Я хочу, чтобы вы пообещали мне одну вещь, — сказал он напоследок.

— Какую? — спросила она.

— Вы дадите мне знать, если мистер Патерсон будет доставлять вам какие-нибудь неприятности. Я не хочу, чтобы у вас были лишние переживания. И ради бога, не делайте глупостей: не вздумайте помириться с ним и выйти за него замуж.

— Нет, ни за что! — решительно заявила она.

Рози поднялась к себе в спальню, уткнулась головой в подушку и заплакала. Ей казалось: она плачет не переставая с тех пор, как ей позвонила эта девица насчет Клиффа… с тех самых пор, как услышала в телефонной трубке этот гадкий смешок.

Она любила Клиффа, каким бы он ни был… Она его любила!

Испытания начались в понедельник с самого утра, едва только Рози вошла в агентство Трамма.

Клифф звонил из Бирмингема. Поначалу он заговорил с ней раздраженным тоном.

— Что, черт возьми, происходит? Я прихожу

утром на работу и обнаруживаю, что уволен: мне выплатили жалованье за неделю вперед и сказали, что больше не нуждаются в моих услугах. Тебе что-нибудь про это известно? Ты должна знать, ведь ты гостила у Риверса.

Рози сидела в кабинете мистера Трамма. Он еще не пришел. В последнее время мистер Трамм плохо себя чувствовал и редко приходил на работу раньше половины одиннадцатого. Теперь Рози полностью владела собой. Накануне у нее был долгий разговор с матерью. Узнав всю правду, миссис Беннет умоляла дочь больше никогда не встречаться с Клиффом. Она была согласна с общим мнением: он не стоит ее любви. И никогда не стоил.

В то утро Рози окончательно убедилась, что мать была права. Клифф говорил с ней так грубо! Ей стало совершенно очевидно, какой он наглец! Как это она раньше не разглядела!

— Я вижу, ты еще не прочел моего письма?

— Я не успел, — признался он. — Конверт такой толстый, я думал, что ты послала проспект отеля на Мальорке, в котором мы собирались провести медовый месяц.

Рози неподвижно сидела за столом, в ее душе не осталось ничего, кроме холодной ярости. Глаза

были как два куска синего льда.

— Тогда прочти его сейчас, — предложила она.

— У меня не было времени, — повторял он. — Я пулей вылетел из конторы с выходным пособием и весьма нелицеприятной запиской от твоего приятеля.

Она спросила:

— Откуда ты звонишь?

— Из автомата, и мелочи у меня осталось еще на три минуты разговора.

— Я в этом не сомневаюсь, — ледяным голосом произнесла Рози. — Но ты начни, а если не успеешь дочитать, то я оплачу конец разговора.

Потом она явственно услышала женский голос, говоривший раздраженным шепотом. Рози почувствовала, что нервы напряжены до предела. Она сказала:

— Пусть Маурин О'Рейли выйдет из автомата и подождет, пока ты поговоришь со мной.

Молчание.

Видно, для Клиффа это было как гром среди ясного неба. Потом он растерянно произнес:

— Откуда ты узнала?

Больше сомнений не оставалось. Он провел уик-энд с Маурин, и та по-прежнему была с ним.

Позднее Рози узнала, что Маурин тоже уволи-

ли, потому что в то утро она не успела вернуться в Слу. А потом мистер Форд позвонил родителям Маурин, и ее отец сам приехал за ней.

Рози услышала треск разрываемой бумаги. Потом он заговорил совсем другим, извиняющимся тоном.

— О господи! Рози, прости меня, ради бога… У меня нет слов… Послушай, откуда ты все узнала?

— Неважно. Узнала и все. Ты получил мое письмо, а больше меня ничего не интересует. Всего хорошего.

— Но, Рози, выслушай меня. Неужели ты бросишь меня?

— А ты еще сомневаешься?

— Но я тебя очень люблю, Рози. Маурин для меня ничего не значит…

Рози рассмеялась:

— Не говори глупостей. Мне просто слушать тебя противно. Скажи Маурин, что мне ее жаль. Меня абсолютно не волнует, что будет с тобой дальше. Может быть, ей это небезразлично.

— Но, Рози… Я этого не переживу…

— Меня это абсолютно не волнует, — повторила она, — да и вообще, тебе, наверное, подвернулась другая работа и поэтому ты больше не нуждаешься в моей помощи.

— О боже! С другой работой еще ничего не известно, — воскликнул он.

— Зато известно наверняка — между нами все кончено. И, пожалуйста, не приходи к моему дому и не пытайся увидеть со мной, потому что, если ты это сделаешь, дверь тебе открою не я, а папа. Всего хорошего, Клифф.

И Рози положила трубку. Она была бледна и тяжело дышала, но все-таки после разговора с Клиффом почувствовала себя гораздо лучше. Она посмотрела на свой безымянный палец. Там, где было золотое колечко с бирюзой, осталась узкая полоска незагорелой кожи. Интересно, скоро ли она исчезнет, скоро ли исчезнут воспоминания о Клиффе? Первое потрясение было велико. Оно убило в ней все чувства. Убило даже способность страдать. Ей просто стало все равно. Надо благодарить судьбу за то, что она узнала правду о Клиффе до того, как вышла за него замуж. Это спасло ее от куда большего несчастья.

Она услышала, что телефон снова зазвонил, и вышла к Берил.

— Если это мой бывший жених, то скажи ему, что меня нет и пусть он больше не звонит.

Берил уставилась на нее:

— Бывший жених! Вот так номер! Неужели ты

расторгла помолвку?

— Да, Берил. Боюсь, что пока тебе не придется покрасоваться в платье подружки невесты.

Берил, добрая душа, смотрела на нее удивленно и сочувственно. Потом послушно сняла трубку. Рози слышала, как она говорит:

— Кто ее спрашивает? — И потом: — Нет, Рози нет, а даже если бы и была, то не стала бы с вами разговаривать.

Она бросила трубку и посмотрела на Рози, которая пробормотала:

— Я так и знала, что он будет звонить еще раз. Но я ему не нужна. Это все потому, что он потерял работу и ему не дадут рекомендации.

— Рози, что случилось? — воскликнула Берил.

Рози ей все рассказала.

Рассказала она обо всем и мистеру Трамму, когда он пришел в агентство. Мистер Трамм не знал, что ему делать: то ли сочувствовать, то ли радоваться. Последнее чувство возобладало:

— Значит ли это, что вы не покидаете нас, мисс Беннет?

— Да, разумеется, мистер Трамм. Я не выхожу замуж, и мне бы очень хотелось сохранить место — конечно, если я по-прежнему вам нужна.

— Вы мне очень нужны! — радостно восклик-

нул он.

За это утро Берил несколько раз заводила с Рози речь о Клиффе.

— Я просто не могу прийти в себя. Какими низкими могут быть люди. И с кем? С тобой, такой милой и доброй. Он просто последний негодяй. Хотя теперь, после того, что я от тебя услышала, я могу тебе сказать, что никогда не считала его подходящей парой для тебя.

Рози грустно улыбнулась:

— Похоже, все просто сговорились и без конца твердят мне об этом.

— Но это правда. Помнишь, ты приглашала меня на вечеринку, где Клифф играл нам на гитаре? Он был очень мил и хорош собой, но я чувствовала, что нельзя ему доверять, и я оказалась права.

Почему же Рози не разглядела подлинной сущности Клиффа за его обаянием и красивой внешностью? Она был так очарована им, что совершенно лишилась способности что-либо замечать.

Ведь сигнал тревоги для нее прозвучал еще в тот день, когда они были в Ричмонд-парке. Тогда она простила его. Она была слепо, без памяти влюблена в него.

Просто удивительно, насколько свободнее она

почувствовала себя теперь. Ей не жалко было даже чудесного белого платья из гипюра.

Неприятные воспоминания о Клиффе заслонил благородный, мужественный образ Эшли Риверса. У нее на щеках выступила краска. Она постаралась сосредоточиться на своей работе и подумала: «Если это правда, что говорят о его чувствах ко мне, то мы не должны больше видеться».

От этой мысли Рози стало грустно. Ей будет не хватать Эшли, его телефонных звонков, их редких встреч в Карлтон-Тауэрс, его дружеского участия. Она будет скучать и по Дории, и по Тимкину, и по поместью.

Рози выпал тяжелый вечер. Детям уже сказали, что свадьба отменяется, и велели не упоминать имени Клиффа. Но за чаем Аннабель не выдержала: ей так хотелось быть подружкой невесты!

— Рози, а почему ты не выходишь замуж? — недовольно спросила она.

— Замолчи, деточка, — остановила ее миссис Беннет.

— Ничего страшного, мама, — сказала Рози, краснея, и повернулась к сестренке: — Не волнуйся, маленькая, ты еще будешь подружкой невесты на чьей-нибудь свадьбе.

Тут вмешался Робин:

— Рози, а ты что же, никогда не выйдешь замуж?

— Замолчи, Роби! — одернул его Мики.

Рози засмеялась через силу.

— Кто знает, что у нас сегодня по телевизору? — звонко спросила она.

Миссис Беннет, бросив озабоченный взгляд на дочь, поспешила отыскать в кипе газет ту, что с программой.

Все сели смотреть телевизор, и тут позвонил Клифф.

Лучше бы Рози не ответила! В трубке зазвучал знакомый голос — голос, всегда так пленявший ее. Даже теперь Рози было приятно его услышать.

— Я уже в Энсфилде. Стою на станции. Рози, мне надо с тобой увидеться. Дорогая, пожалуйста, приходи.

Она повесила трубку.

Руки дрожали, в горле стоял комок. Она едва справилась с охватившими ее чувствами. Она презирала Клиффа, но не так-то легко забыть старую любовь.

Он позвонил еще раз. Рози попросила отца подойти к телефону. Мистер Беннет заговорил холодно и резко, без обычного своего благодушия:

— Послушай, парень, Рози не желает с тобой разговаривать и тем более видеться. Будешь околачиваться возле нашего дома, не взыщи: живо покажу тебе где раки зимуют. Ты не смотри, что я с виду не силач. Справлюсь. Иди лучше подобру-поздорову, чтобы я тебя больше не видел. Все.

Уолтер Беннет вернулся в гостиную и поглядел на дочь:

— Не бойся, детка. Больше он не позвонит.

Рози пошла спать. Она неважно себя чувствовала, и назавтра ей лучше не стало. Конечно, Клифф больше не звонил ей домой, зато принялся названивать на работу. Рози попросила Берил, чтобы та каждый раз поднимала трубку. Однажды он заявился в агентство собственной персоной, и Рози пришлось отсиживаться в дамской комнате, пока не вернулась Берил и не сказала, что Клифф ушел. Она сообщила, что выглядел он кошмарно.

— Он все повторял, что ты издеваешься над ним, что он только тебя и любит, и всегда любил… Ну и прочую чушь.

— Да, и прочую чушь, — с горечью повторила Рози.

— В конце концов я его спровадила. Пригрозила, что позову мистера Трамма, — добавила Берил, очень довольная собой. Ей давно хотелось

проучить этого южноафриканского грубияна, который посмел так обойтись с милой Рози.

После этого Клиффорд засыпал Рози письмами. Она распечатала только первое. Оно не произвело на нее впечатления, хотя Клифф заверял, что любит ее по-прежнему.

«Умоляю тебя: прости. Иначе покончу с собой. Ты права, я вел себя, как последний болван, впутался в историю с Маурин — но с этим все. Рози, дорогая, не бросай меня! Вспомни, что мы значили друг для друга. Да, я знаю, меня выгнали с работы, но давай встретимся и поговорим. Я надеюсь пройти конкурс и получить место на телевидении. Ради тебя я буду работать как вол…»

Читать дальше Рози не стала. Она порвала письмо, а остальные — штук десять — отправила назад нераспечатанными.

Вскоре Клифф перестал писать, и только однажды, в середине октября, Рози получила от него открытку:

«Это ты поневоле прочтешь. Значит, я тебе не нужен? Ладно. Ты мне тоже не нужна — и Англия твоя. Собираю манатки и отбываю назад в Кейптаун. Так что можешь целоваться со своим ухажером. Думаю, этого ты и добивалась.

К. П.»

Рози с яростью порвала открытку на мелкие кусочки, щеки ее пылали. Какая гадость! И как похоже на Клиффа. Даже попрощаться по-человечески не сумел.

Рози подумала, что за недолгую жизнь в Англии Клиффорд сломал жизнь не одной Маурин О'Рейли. Наверняка были и другие. Слава богу, она не позволила ему сделать над собой такое. Слава богу, не пошла у него на поводу.

Но обидные намеки Клиффорда расстроили ее. Конечно, в его словах не было ни капли правды, но ухажер — это явно Эшли Риверс. Да как он смел такое вообразить! Она этого добивалась? Да ей и в голову не приходило.

Три недели спустя после разрыва с Клиффом Рози вдруг подумала, что давно не получала вестей от Эшли и его сестры, — с тех пор как ездила к ним на уик-энд.

Интересно, как они там. Надо спросить, когда Эшли позвонит — если позвонит. Почему он молчит? Может, случилось что?

Она послала открытку Дории. Поблагодарила за гостеприимство и извинилась, что так спешно уехала. Дория не ответила. Рози решила, что Риверсы на нее обиделись — но за что?

Кончился октябрь, прошла первая неделя но-

ября, и Англия застыла в ледяных руках зимы. Эшли и Дория по-прежнему молчали.

Рози не находила себе места. Она была очень несчастна, но не из-за разрыва с Клиффом. Это ее больше не волновало.

Она покончила с неприятными обязанностями, связанными с разрывом помолвки: написала родственникам и друзьям, всем, кого пригласили на свадьбу. После этого Рози не заговаривала о Клиффе.

Чтобы развеяться, она сходила на пару вечеринок к своей подруге Клариссе. Даже согласилась встретиться с Джоном Уисли, который не терял надежды и время от времени заглядывал в агентство. Они два раза поужинали вместе. Этот симпатичный парень был явно без ума от Рози, но она принимала его ухаживания без энтузиазма. Во второй раз он попробовал ее поцеловать. Она поцеловала его в ответ, но осталась холодна. Потом она решила больше не встречаться с Джоном.

Дома тоже отметили два события: день рождения близнецов первого ноября и праздник фейерверков — пятого. В эту ночь, как всегда, жгли костер в саду и пускали ракеты. Дети веселились вовсю. Рози казалась довольной и счастливой.

Миссис Беннет радовалась, глядя на нее.

Но Рози была несчастлива.

Ее угнетала мысль об Эшли Риверсе, о странной девушке Синтии, которая утверждала, что у них с Эшли роман.

Рози очень расстроилась, поняв, как она скучает по Эшли. К тому же ее беспокоило здоровье Дории. Может быть, они не пишут, потому что в поместье стряслось что-то ужасное? Она порывалась позвонить в Чейнфилд — теперь она знала номер, — но всякий раз давала отбой. Действительно, с чего она взяла, будто Риверсам есть до нее дело? Они принадлежат к другому кругу, к другому миру. Что им до нее? Глупо думать, что Эшли и правда в нее влюблен.

Но ей хотелось увидеться с ним. И чем дальше, тем больше.

Однажды, хмурым ненастным днем, ей пришло в голову, что Риверсы, возможно, ждут, пока она сама сделает первый шаг. В таком случае не позвонить будет просто невежливо.

На работе, улучив время, когда все разошлись на перерыв, она позвонила в «Томас Риверс и сын» и попросила позвать мистера Риверса.

— Кто его спрашивает?

— Мисс Беннет, — ответила она и почувствова-

ла, как быстро у нее забилось сердце.

Ей велели подождать.

Потом раздался мужской голос, незнакомый:

— Мисс Беннет?

— Да.

— Я понял, что вы звоните моему кузену, мистеру Эшли Риверсу? Я Джек Уинтрингем.

— Да, конечно, — пролепетала Рози. — Я о вас слышала.

— И я о вас наслышан, — заметил он. — Но ведь мы лично не встречались?

— Нет.

— Видите ли, Эшли еще не вернулся из Америки.

«Так вот он где», — подумала Рози, а вслух сказала:

— Я и не знала, что он поехал в Америку.

— Да… Собственно, поехать туда должен был я. По делам фирмы. Надвигалась одна важная конференция, а Эшли в таких вещах даст мне сто очков вперед. Заодно он там немного развеется, в его состоянии это полезно.

— Я не совсем понимаю…

— Вы что, не слышали о Дории?

У Рози перехватило дыхание.

— О Дории?! — ахнула она. — Она не… не…

— Нет, успокойтесь, она жива, но была на волосок от смерти.

— Как вы меня напугали, мистер Уинтрингем! Я очень за нее тревожусь.

— Как и все мы. Особенно Эшли. Они ведь близнецы с Дорией и с детства очень дружны. Я слышал, Дория вас расхваливала до небес. Это вы крестная того жеребенка, Тимкина?

— Да, но, прошу вас, скажите, что случилось с Дорией?

Джек был не прочь поговорить, и вскоре Рози узнала, почему Риверсы так долго ей не отвечали.

Через несколько дней после возвращения Эшли из Стокгольма Дория простудилась и заболела воспалением легких. Ее жизнь долго висела на волоске. Бедный Эшли был близок к безумию. Он почти не отходил от ее постели. Но едва Дории стало лучше, началось осложнение ее старой болезни, и четыре или пять недель никто не мог сказать, поправится ли она. В Чейнфилд съехались специалисты. Эшли нанял вторую сиделку. Он не жалел денег. Но Дория немного оживала, только когда рядом был брат, когда его рука сжимала ее прозрачные пальцы.

— Какой ужас! — воскликнула Рози. — А я ни-

чего не знала!..

— И никто не знал. Иначе Риверсов замучили бы звонками, в поместье съехалась бы куча народу. А Дории необходим был полный покой. Дикки превзошла саму себя в уходе за больной, но поговаривают, что на самом деле Дорию спас Эшли. Он ее не отпустил. Про близнецов вообще рассказывают странные вещи.

Глаза Рози наполнились слезами.

— Это чудо!

— Ну теперь дела пошли на лад. Дория поправляется, и, когда Эшли понадобился в Нью-Йорке, я уговорил его поехать и немного отвлечься. А потом позвонили вы, Рози, — можно вас так называть? — и я должен сделать вам признание.

— Признание?

— Да. Я услышал, что вы звоните Эшу, и решил с вами поговорить. Можете изругать меня вдоль и поперек, а что до Эша, он меня точно убьет. Вы ведь работаете в агентстве Трамма на Слоун-стрит? В общем, он просил передать, что ненадолго уезжает в Нью-Йорк и позвонит вам, как только вернется. Он хотел пригласить вас повидаться с Дорией. Беда в том, что он поручил это дело мне. А у меня все вылетело из головы. Рози, прошу вас, простите.

— Ну конечно. Ничего страшного, мистер Уинтрингем.

И Рози облегченно рассмеялась. Во-первых, потому что милая храбрая Дория поправляется; во-вторых, потому что Эшли, оказывается, еще помнит о ней.

Рози сама удивилась своей радости.

Джек Уинтрингем продолжал болтать легко и непринужденно. Среди прочего он сообщил и самую важную для Рози новость: Эшли возвращается в конце недели.

Сердце у нее забилось часто-часто, и она, странно волнуясь, подумала: «Еще три дня. Три дня. Потом он позвонит. Быть может».

— Слушайте, — продолжал Джек. — Почему бы нам с вами не отобедать вместе? Эшли говорит, вы самая прекрасная девушка на свете. Уж очень хочется поглядеть!.. — Его голос звучал беззаботно и совсем по-мальчишески, не то что у Эшли. Дория как-то сказала Рози, что он очень славный, только ленив и склонен к веселой жизни. Рози мягко, но решительно отклонила предложение, сказав, что ей не на кого оставить агентство.

Джек особенно не настаивал. Он еще раз извинился за забывчивость и распрощался.

Мгновение Рози в задумчивости глядела перед

собой, постукивая карандашом по стопке бланков с новыми заказами. Постепенно сердцебиение улеглось, и ей стало стыдно. Что она за дурочка такая? Кто дал ей право думать об Эшли как о мужчине, а не просто как о друге? Но она ничего не могла с собой поделать.

За долгие недели разлуки с ним Рози поняла, как много он для нее значит. И теперь ее глубокая страстная натура снова ожила. Да, Клифф убил в ней любовь — но только любовь к себе самому.

Вечером, придя домой, Рози написала дружеское письмо Дории.

Она завершила его так:

«Знаю, что вы, по доброте своей, принимаете во мне участие, поэтому скажу вам: я ничуть не жалею о разрыве с Клиффом. Он вернулся в Южную Африку, и больше мы с ним не увидимся. В прощальном письме он наговорил мне гадостей, так что я получила суровый урок.

Надеюсь, вы позволите мне как-нибудь приехать повидаться с вами, когда вы поправитесь.

С любовью, Рози».

Имени Эшли она не упомянула из стеснительности.

Она отправила письмо в среду, а в четверг вечером ей позвонила Дория. Ее голос звучал твердо

и весело.

— Спасибо за письмо, милая Рози. Слава богу, у вас все хорошо, — сказала она.

— Рада, что вам лучше. Вы так сильно болели.

— Да, не стану притворяться. Я бы сдалась, если бы не Эш. Он почти не отходил от меня.

— Я рассказала об этом своим братишкам, — волнуясь, заговорила Рози. — И о том, как много близнецы значат друг для друга. Они слушали разинув рты, а вечером я зашла к ним в комнату и застала их за игрой. Они играли в вас с Эшли. Робин лежал в кровати с закрытыми глазами, а Мики сидел рядом и умолял его не умирать.

Дория рассмеялась:

— Какая прелесть! Передавайте им привет. Да, кстати, Эшли послезавтра возвращается. Почему бы вам не заглянуть к нам в воскресенье?

Рози так и подскочила.

— Ну что вы… Он не успеет вернуться, а тут я… — начала она.

— Чепуха, — перебила Дория. — Его не было всего неделю. И я уверена, он будет рад вас видеть. Приезжайте.

Рози смущенно поблагодарила, Под конец Дория предупредила ее, что погода плохая, и советовала одеться потеплее.

— Наденьте брюки и толстый свитер, иначе замерзнете. Не бойтесь, мы с Эшли тоже будем одеты просто. Развлекаться не будем, мне пока нельзя, но не терпится вас увидеть.

Остаток вечера Рози была взволнована и возбуждена. Она сидела в гостиной с мамой и братишками и смотрела какой-то фильм, но ее мысли были далеко. Перед глазами стояло тонкое лицо Эшли, и голос Дории говорил: «Я уверена, он будет рад вас видеть…»

Наверное, так оно и есть, иначе Дория этого не сказала бы. Тем более, что к ней пока никого не пускают.

Миссис Беннет заметила, как раскраснелась Рози:

— Ты не простыла, доченька? Щеки вон какие красные. Уж не температура ли у тебя?

— Нет, мама, мне просто от камина жарко, — поспешно сказала Рози.

Потом, когда дети пошли спать, Маргарет с мужем остались одни. Миссис Беннет думала о дочери. Мистер Беннет читал «Ивнинг стандарт».

— Знаешь, Уолли, каждый вечер я гляжу на нашу дочку и благодарю Бога, что она не вышла за этого проходимца. Вот что называется — пронесло!

— Это точно, — хмуро подтвердил мистер Беннет.

— И ведь как быстро она оправилась! Кто бы мог подумать! Еще недавно ей без Клиффа белый свет был не мил.

— Ума набралась и сообразила, что к чему, — сказал мистер Беннет. — Этот малый ей здорово насолил, небось сама рада, что не выскочила за него.

— Спасибо мистеру Риверсу. Думаю, это он ей все разъяснил.

— Она что, собирается в воскресенье к Риверсам?

— Да, — откликнулась миссис Беннет.

Мистер Беннет поглядел на нее поверх газеты. Что это она разулыбалась? И этот многозначительный взгляд… Он улыбнулся в ответ:

— Слушай, Мегги, хватит. Уж эти мне фантазии…

— Какие фантазии? — рассеянно спросила миссис Беннет. Ей было приятно, что он назвал ее так, как звал, бывало, много лет назад. Она села рядом с мужем на диван, взяла под руку и положила голову ему на плечо. — Уолли, я была счастлива с тобой все эти годы. Ты очень добрый. Ко всем нам. Господи, хоть бы нашей красавице

Рози повезло как мне.

— Повезет, — сказал мистер Беннет и обнял женя за еще стройную талию. — По-моему, насчет нее можно уже не беспокоиться. Она едва не вышла за этого шалопая — что ж, в другой раз будет разборчивее.

Они еще долго говорили об этом и решили, что в их семье о Клиффе жалеет лишь маленькая Аннабель. Ей очень нравилось, как он поет, подыгрывая себе на гитаре. Еще одно обманутое женское сердце — правда, еще юное.

Миссис Беннет больше не упоминала об Эшли Риверсе. Но она была любящая мать, гордилась дочерью и уже размышляла, что бы Рози надеть в воскресенье. Миссис Беннет не знала, что Дория посоветовала приезжать в брюках и свитере.

ГЛАВА 16

Воскресный ленч подошел к концу. Дикки откатила кресло Дории из столовой в гостиную. Покойная миссис Риверс обставила ее восхитительной старинной мебелью, по большей части итальянской.

На окнах были парчовые, желтые с золотом, шторы; на полу — бледно-серый ковер. По обе стороны от камина на черных подставках стояли две огромные вазы с желтыми хризантемами. На каминной полке красовалось несколько статуэток саксонского фарфора и два высоких золоченых канделябра.

Над камином висел потемневший от времени живописный натюрморт. Дория как-то сказала, что это итальянская работа семнадцатого века в настоящей флорентийской раме.

В гостиной было столько предметов искусства, что Рози могла разглядывать их часами. А как приятно после холодного домика в Энсфилде очутиться здесь, среди красоты и роскоши, в доме с центральным отоплением и огромным камином? Даже блюда, которые подавали за обедом, были

для нее экзотикой: консоме с нежными приправами, жареный фазан и черничный пирог. Рози никогда не ела черники. Эшли сказал, что эти ягоды из Америки. Из поездки он привез подарок сестре и к радости и удивлению Рози, вручил и ей небольшую коробочку.

— Ведь вы были так добры к Дории, — улыбнулся он и протянул ей коробочку. — Так, пустячок.

Но Рози не учла, что значит пустячок для человека положения Эшли: в коробочке лежала изящная булавка из витого золота, усыпанная жемчужинками. Рози тут же приколола ее на ворот голубого свитера, который она надела с черными брюками вопреки настоянию матери. Миссис Беннет считала, что в таком виде по гостям не ходят.

— Какая чудесная вещичка! — воскликнула Рози.

И как всегда, ее торопливая манера говорить тронула Эшли.

Он не мог налюбоваться на Рози с самого утра, словно они не виделись сто лет. Погода переменилась. Для ноября было очень холодно. Эшли прежде не видел Рози в брюках. Она казалась выше и грациознее, с соблазнительно-стройными ногами. Под голубым свитером вырисовывались

маленькие твердые груди. Как она похудела за эти шесть месяцев. Сколько всего произошло за это время!

Пока болела любимая Дория, Эшли был поглощен ею и почти не вспоминал о Рози. Потом он срочно выехал за границу, не успев даже позвонить ей. Пришлось попросить Джека. Теперь-то он знал, что Джек не выполнил его просьбу. Очень на него похоже!

Конференция в Нью-Йорке прошла успешно: удалось заключить выгодные контракты и обеспечить процветание компании «Томас Риверс и сын». Дела у Эшли шли просто блестяще, чего нельзя было сказать о его личной жизни. А личная жизнь теперь значила для него на удивление много.

Он был безумно влюблен и понимал это. Он нуждался в этой девушке, хотел жениться на ней, но не решался спросить: согласится ли Рози стать его женой. Наверное, еще рано. Со времени разрыва ее помолвки с Клиффордом Патерсоном прошло слишком мало времени. А может, она его никогда не полюбит. Он гораздо старше. Да и захочет ли она вообще замуж?

Он решил пока ничего не говорить. Пусть Рози немного придет в себя после разрыва с бывшим

женихом.

Но как отпустить ее домой и ничего не сказать о чувствах, которые кипят у него в душе! Милая, любимая Рози!

Они собирались в конюшню навестить Тимкина, но тут зарядил дождь. Пришлось остаться в доме. Близнецы и Рози поговорили о многом, в том числе и о Ховардах. Само собой, всплыло имя Синтии.

— Бедняжка! — сказала Дория. — Помните, как она вдруг появилась здесь? Вы как раз у нас гостили. Она и тогда казалась немного странной, а на следующий день ее пришлось отвезти к психиатру. Он поместил ее в лечебницу. Для Ховардов это страшный удар.

— Да, я помню, — ответила Рози. Как могла она забыть слова Синтии! Но сегодня, узнав, что девушка больна, Рози перестала тревожиться: стало быть, Синтия не имеет никаких прав на Эшли.

Брат с сестрой тем временем обсуждали Ховардов. Рози слушала и смотрела на них. Дория выглядела бледной и хрупкой, хотя Дикки уверяла, что за эту неделю ее подопечной стало гораздо лучше. Ей нужно только поправляться понемногу и, главное, не волноваться.

Рози повернулась к Эшли. Какой у него воле-

вой профиль! Упрямый подбородок, твердый рисунок губ. Сразу видно: сильная личность. Ей нравилось, как он одет: в коричневые брюки и темно-зеленый пуловер с воротником поло. При этом вид у него был элегантный и, Как сказала бы мама, богатый. В пальцах он держал вечную сигару. Рози казалось, что образ Эшли в ее сознании навсегда связан с густым ароматом гаванских сигар.

Она смотрела на него, а он говорил:

— Мне всегда казалось, что бедняжка Синтия немного не в себе. Но, Дория, согласись, одно время ты всерьез думала, что мы с ней…

— Нет-нет, — торопливо вставила Дория. — Я понимаю, что ошибалась.

— Да, ошибалась, — кивнул Эшли и вдруг поглядел Рози прямо в глаза. Так серьезно, так странно, что у нее екнуло сердце. Тогда он поднялся. — Дикки взяла с меня обещание, что после кофе ты отдохнешь часок, — улыбнулся он сестре. — Пойду позову ее.

— Милый, довольно обращаться со мной как с инвалидом!

— Сейчас три, — сказал Эшли, взглянув на часы. — В четыре мы вернемся. Идти в конюшни сейчас слишком сыро, поэтому мы с Рози

отправимся ко мне в кабинет. Я хочу показать ей несколько цветных слайдов, которые привез из-за границы.

— С удовольствием посмотрю, — откликнулась Рози и сама удивилась, как весело и уверенно прозвучал ее голос. Но когда она пошла вслед за Эшли по коридору, сердце у нее внезапно забилось, как у пойманной птички.

Как он смотрел на нее! Что бы это значило?

Кабинет оказался большой комнатой с видом на конюшни. Как и весь дом, она хорошо отапливалась, и здесь было тепло даже в этот холодный, промозглый, ноябрьский день. Рози прежде тут не была, но кабинет ей понравился. Он разительно отличался от изысканной гостиной подчеркнуто мужской простотой. Старинные ковры на дощатом полу; массивное ореховое бюро; книжные полки по стенам; шкаф с оружием; чучела уток и разнообразные охотничьи и рыболовные принадлежности; несколько хороших гравюр на охотничьи сюжеты, а над камином — живописное изображение кобылы, матери Тимкина. Рози сразу ее узнала.

— Обещаю заказать портрет вашего крестника и подарить его вам, — заметил Эшли, когда они смотрели на картину.

— Ой, как чудесно! — воскликнула Рози.

— На ваш взгляд жизнь — сплошные чудеса, — сказал Эшли с чувством. — Поэтому с вами так интересно. Это завидный дар! Большинство людей равнодушны к жизни.

— Вы же не такой. И Дория тоже.

— Насчет себя не знаю. Возможно, теперь я не так равнодушен, как раньше. А что касается Дории — она действительно не от мира сего. Даже проклятый полиомиелит не убил в ней интереса ко всему и вся.

— Она удивительная.

— Я едва не потерял ее, — тихо сказал Эшли, глядя на дымящуюся сигару. — Господи, вы даже не представляете, Рози! Она чудом выжила.

— Вам было очень тяжело?

— Да. Понимаете, мы с ней во многом зависимы друг от друга. Мне страшно вообразить, что я мог бы остаться без сестры.

— И она не захотела бы остаться без вас.

Он вынул изо рта сигару, положил в пепельницу.

— Мне неприятно возвращаться к этому, Рози, — начал он. — Но я хочу знать: вы правда не жалеете о Патерсоне?

— Правда, — честно сказала Рози. — И я бла-

годарна вам за то, что вы помогли мне во всем разобраться.

— Я едва не совершил ужасную ошибку. Видите ли, я с самого начала считал, что из вашего брака с Патерсоном не выйдет ничего путного. Но Дория убеждала меня, что семейная жизнь может изменить человека, и я уступил. Сестра оказалась не права: на Патерсона ничто не повлияет. Он никогда не изменится. Слава богу, вы с ним больше не увидитесь.

Рози промолчала, только опустила голову совсем по-детски, отчего Эшли потерял власть над собой. Он вдруг положил руки ей на плечи.

— Рози, посмотрите на меня, — попросил он.

Она подняла глаза, он взглянул в их невероятную синеву и забыл обо всем. Через свитер она ощущала жар его ладоней. Наконец он очнулся:

— О господи, вы сами не знаете, что делаете со мной. Моя милая, несравненная!

Она молчала, хотя все в ней отзывалось на его слова, на то желание, что читалось в его взгляде.

— Рози, я люблю вас, — продолжал он. — Считайте меня глупцом, но я говорю правду. Я давно люблю вас и только ради вас я принимал участие в Патерсоне. Я не в силах больше молчать об этом.

Рози перевела дыхание. Мгновение она не могла ни шевельнуться, ни слова сказать.

Эшли говорил:

— Я полюбил вас безумно. Думаю, с того дня, когда мы придумали имя жеребенку и я увидел, как вы обнимаете его за шею. Вы очаровали меня. Я схожу с ума при мысли, что вы станете женой другого — неважно, Патерсона или кого-нибудь еще. Дория знает, что я люблю вас. Ах, Рози, Рози, не казните меня! Неужели я открылся вам слишком рано? Вы еще не забыли Патерсона?

Рози ответила своим торопливым говорком, который так нравился Эшли:

— Ну что вы, конечно, забыла. Ума не приложу — как это я собиралась за него замуж? Под конец я его даже не уважала. А какая может быть счастливая семейная жизнь без любви и уважения?

Он сильнее сжал ее плечи. На его лице появилась улыбка, и Рози казалось, что ни один мужчина не улыбался ей так хорошо и открыто.

— Рози, а меня вы уважаете?

— Да, да — кто же вас не уважает?

Он немного нервно покусал губу:

— И вы даже можете… полюбить меня?

— Да, да! — закивала она, к его изумлению и восторгу.

— Рози, моя несравненная Рози, вы не шутите? Так вы в самом деле меня любите?

— Да, всем сердцем. Я поняла это, как только мы с Клиффом расстались. Вас так долго не было, и я очень скучала. А потом… потом мне сказали… неважно, кто… что вы ко мне неравнодушны. И я поняла, что мне не нужен Клифф. Я думала только о вас. Вы удивительный человек, Клифф перед вами ничто. Ах, Эшли… — Рози запнулась. Она по-прежнему у себя ощущала на плечах его руки, горячие, слегка дрожащие, а на губах чувствовала его прерывистое дыхание.

— Я старше вас, Рози, — заговорил он. — Я вечно занят и помешан на работе. Но вам я посвящу всю свою личную жизнь — если вы позволите. Рози, будьте моей женой.

Она закрыла глаза. Предложение ошеломило ее. Захлестнуло волной счастливого возбуждения. Она ответила почти неслышно:

— Я даже не знаю… Разве могу я стать женой самого Эшли Риверса?

— Чушь, — перебил он.

— У вас есть все, — продолжала она. — А у меня ничего.

— Чушь, — повторил он. — Об этом и говорить нечего. Ради всего святого, не чувствуйте себя

ущемленной оттого лишь, что этот проходимец Патерсон вас не оценил. Вы прекраснее и милее всех на свете, Рози. Я хочу жениться на вас. Вы слышите? Ну скажите же: да или нет?

Она посмотрела на него и не могла оторвать взгляда:

— Да.

Ей показалось, что ее тело стало его телом, и первый долгий поцелуй обжег ей губы. Потом были другие — еще более долгие и жаркие. Они сводили с ума. Она отвечала со страстностью, какую никогда не пробуждал в ней Клифф. Ее груди горели под его руками.

Наконец-то она поняла, что чувство, связывавшее ее с Клиффом, было не любовью, а пародией, глупостью. Как она ошибалась! Вспомнить страшно. Нет, она свяжет свою жизнь с Эшли, будет любить его, а он ее. Какое невообразимое счастье!

В окна стучал дождь. Было ветрено. По небу ползли тяжелые ноябрьские тучи. Красивый парк был прозрачен и пуст. А в теплом кабинете, как казалось Эшли, засияло солнце. Теперь он был уверен, что нашел ту женщину, которую искал. Хозяйку их старого дома, любящую и любимую, будущую мать его детей.

Он целовал ее снова и снова. Целовал ее густые каштановые волосы, гладкую молочно-белую шею, ее груди и худенькие руки.

— Рози, Рози, мы будем очень счастливы вместе!

— Счастливее, чем я мечтала! — подхватила она. — Знаешь, Эшли, с Клиффом мне всегда казалось, что до свадьбы дурно делать так, как мы сейчас. Но с тобой все по-другому. С тобой — хорошо.

Она говорила так непосредственно, что он засмеялся, расцеловал ее в обе щеки и сказал:

— Мы будем делать так каждый день — и всякий раз иначе. Ты божественно прекрасна в любви, и я непременно закажу твой портрет.

— Чтобы портрет получился, мне придется позировать, глядя на тебя, — со смехом отвечала она.

— Ты будешь самой красивой женой в портретной галерее Риверсов.

Она блаженно вздохнула и закрыла глаза:

— Я еще не верю.

— Ты счастлива, милая?

— Очень. Это как сказка с хорошим концом.

— Значит, на свете еще происходят чудеса, — сказал Эшли. — А нынешние реалисты пишут

беспросветные книги.

— Я тоже так думаю, — преданно кивнула Рози. И тут же вспомнила о Дории. — Эшли, а если мы поженимся, Дория ведь тоже будет жить здесь, с нами? Мне бы этого так хотелось!

Эшли поцеловал ей руки и произнес нежно и благодарно:

— Я ждал, что ты так скажешь. Я не женился бы на девушке, которой помешает Дория. Любимая, она не встанет между нами. И, ты ведь знаешь, я никогда ее не брошу.

— Даже не думай об этом!

— Так давай пойдем и расскажем ей обо всем. Час уже прошел, она, должно быть, проснулась.

Рози встрепенулась.

— Целый час?! — воскликнула она. — А мне показалось, минута.

Эшли кивнул. Он был счастлив как мальчишка.

— Мне тоже, — сказал он. — Думаю, вся наша жизнь пролетит с той же быстротой. И нам ее будет мало. Пойдем, моя любимая…

Дениза Робинс

Запретная любовь

Какая-то невероятно возбуждающая, могучая сила захватила нас обоих.

— Боже мой, — сказал он, — никогда ни одной женщины не желал я так, как желаю вас.

Я оказалась в его объятиях, он начал меня целовать. Эти поцелуи заставляли забыть о времени, чести и здравом смысле.

Так продолжалось несколько минут. В каком-то безумии мы исступленно целовались, не в силах оторваться друг от друга.

Дениза Робинс

ЗАПРЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

Какая-то невероятно возбуждающая, могучая сила захватила нас обоих.

— Боже мой, — сказал он, — никогда ни одной женщины не желал я так, как желаю вас.

Я оказалась в его объятиях, он начал меня целовать. Эти поцелуи заставляли забыть о времени, чести и здравом смысле.

Так продолжалось несколько минут. В каком-то безумии мы исступленно целовались, не в силах оторваться друг от друга.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.